

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКИ
СТРАН ДАЛЬНОГО ВОСТОКА:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ»**

16-17 октября

Иркутск, 2014

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»
Евразийский лингвистический институт

**КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКИ СТРАН ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА: ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ**

**Материалы международной
научно-практической конференции**

(16-17 октября 2014 г.)

Иркутск
2015

УДК 37

ББК 74.027.9

Печатается по решению редакционно-издательского совета Евразийского лингвистического института – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный лингвистический университет»

Ответственный редактор: Каплуненко А.М., доктор филологических наук, профессор, директор ЕАЛИ МГЛУ

Члены редакционной коллегии: Готлиб О.М., кандидат филологических наук, профессор кафедры восточных языков;
Тразанова Н.Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков;
Ли Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков

КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКИ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16-17 октября 2014 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 363 с. – ISBN 978-5-88267-405-1.

Данный сборник содержит материалы Международной научно-практической конференции «Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение», которые посвящены различным вопросам востоковедного языкознания, лингводидактики, истории, культуры, философии, политологии и социологии китайского, японского и корейского языков.

В сборнике также представлены статьи, в которых демонстрируются результаты научных исследований, поддержанных грантами РГНФ.

Материалы сборника могут быть полезны преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, всем, кого интересует современное состояние востоковедения, проблем языкознания, лингводидактики, связанных с исследованием китайского, корейского и японского языков.

ISBN 978-5-88267-405-1

© Коллектив авторов, 2015
© Московский государственный лингвистический университет, 2015
© Евразийский лингвистический институт, 2015

Н.Л. Адилханян (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

**ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ
АНТРОПОМОРФНЫХ ДУХОВ ТРАКТАТА «ШАНЬ ХАЙ ЦЗИН»
(НА ПРИМЕРЕ СИ ВАН МУ (西王母) И ХОУ И (后羿))**

Целью статьи является рассмотрение некоторых архетипических аспектов антропоморфных духов Си Ван Му (西王母) и Хоу И (后羿) трактат «Шань хай цзин» через анализ мифов, связанных с обозначенными мифическими существами.

Ключевые слова: миф; архетип; «Шань хай цзин»

N.L. Adilkhanian (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

**EXPERIENCE IN IDENTIFYING ARCHETYPAL SIGNS OF THE «SHAN
HAI JING» ANTHROPOMORPHIC SPIRITS
(FOR EXAMPLE XI WANG MU (西王母) AND HOU YI (后羿))**

The purpose of this article is to consider some aspects of Chinese mythology and archetypal presentation of the anthropomorphic spirits Xi Wang Mu (西王母) and Hou Yi (后羿) through the analysis of myths about Xi Wang Mu (西王母) and Hou Yi (后羿).

Key words: myth, archetype, «Shan hai jing»

Исследование культуры Китая не представляется возможным и полным без детального изучения древнекитайской мифологии. Понимание современного китайского общества во многом основывается на глубинных исследованиях древних письменных источников Китая. Однако китайская мифологическая система выстроена не столь упорядоченно как западная мифологическая система (например, греческая или римская, со стройной иерархией): в Китае

мифологии огромное число персонажей, часть из которых, с течением времени, стали «историческими» персонажами, другие вошли в даосский и буддистский пантеон богов, в комплексы домашних, местечковых мифических существ. Во многом это объясняется особенностью исторических повествований в Китае. Несмотря на древность самой китайской письменности и достаточно большое количество сохранившихся письменных памятников, эвгемеризация мифов происходила на протяжении долгого времени, мифические персонажи становились «историческими», мифические события «реальными». Также происходили изменения и искажения в восприятии духов: из злых существ они становились добрыми героями, их наделяли новыми качествами и деяниями. «Шэнь Янь-бин в своей работе «Исследование китайских мифов» писал: «Мифы Китая не только не собраны в специальной книге, но и отдельные записи их, разбросанные в древних сочинениях, крайне отрывочны, поэтому составить свод китайских мифов исключительно трудно» [Мифы древнего Китая (Юань Кэ), <http://izbakurnog.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st000.shtml>].

Предметом рассмотрения стал антропоморфные духи Си Ван Му (西王母) и Хоу И (后羿) трактата «Шань хай цзин» («山海经»). Объектом послужили архетипические структуры мифов, связанных с данными мифическими персонажами. Целью стал анализ мифов в архетипическом аспекте и выявление архетипических маркеров мифических существ Си Ван Му (西王母) и Хоу И (后羿).

В аналитической психологии К. Г. Юнга к архетипам относят универсальные изначальные врождённые психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, распознаваемые в нашем опыте и являемые, как правило, в образах и мотивах сновидений. Те же структуры лежат в основе общечеловеческой символики мифов, волшебных сказок. Теоретически возможно любое число архетипов. Само понятие архетипы Юнг стал использовать вслед за Блаженным Августином [Зеленский, URL:

<http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/arhetipy>]. Архетипы складываются в набор образов, базовые из которых это Персона, Тень, Анима, Анимус, Великая мать, Мудрец, Ребёнок, Ведьма, Герой и другие (как было отмечено выше, число архетипов может быть любое).

Следуя тому, что архетипические структуры лежат в основе мифов и легенд, проанализируем ряд мифов и сказаний о Си Ван Му (西王母 – «Владычица Запада», «Бабка Запада», «Хозяйка Запада», «Богиня Запада», «Матушка-правительница», «Царица-мать Западного рая») и Хоу И (后羿 – «Стрелок И», «Божественный Стрелок», «Небесный Стрелок», «Охотник»).

Трактат «Шань хай цзин» («山海经», «Каталог гор и морей», «Книга гор и морей») – это наиболее системный источник по мифологии древнего Китая. Однако и он не избежал вышеуказанных проблем в изложении материала. Ещё одной сложностью исследования данного источника является факт, что он не имеет единого автора (дописывался, переписывался, комментировался разными авторами), а также долгий период самого создания – датируется III — сер. I тыс. до н.э. Существует предположение, что «Шань цзин» («山经», «Каталог гор», «Книга гор») изначально имел текст с описанием зооморфных и антропоморфных существ, гор, рек, растений, в соответствии с которым были сделаны рисунки, а «Хай цзин» («海经», «Каталог морей», «Книга морей») содержал иллюстрации, к которым были сделаны пояснения, о мифических народах и землях за пределами Древнего Китая. «Хай цзин» и является ценнейшим источником по древнекитайской мифологии [Мифы древнего Китая (Юань Кэ), <http://izbakurnog.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st001.shtml>].

Си Ван Му и Хоу И – одни из наиболее известных и популярных персонажей в китайской мифологии.

Сведения о Си Ван Му находим и в трактате «Шань хай цзин»:

1. 山海经 西次三经: «玉山, 是西王母所居也。西王母其状如人, 豹尾虎齿而善啸, 蓬发戴胜, 是司天之厉及五残». – *«На Яшмовой горе живет богиня Си Ван Му. Тело и лицо богини человеческое, но хвост барса, когти*

тигра, а волосы длинные, растрепанные и скрепленные заколкой (шэн - женский головной убор). Си Ван Му – богиня небесных кар и бедствий».

2. *山海经 大荒西经: «西海之南, 流沙之滨, 赤水之后, 黑水之前, 有大山, 名曰昆仑之丘。有神, 人面虎身, 文尾, 皆白处之。其下有弱水之渊环之, 其外有炎火之山, 投物辄然。有人戴胜, 虎齿, 豹尾, 穴处, 名曰西王母。此山万物尽有».* – *«За западным морем и сыпучими песками, за алой рекой, но перед черной рекой находится большая гора Куньлунь. Там обитает божество с человеческим лицом, телом тигра, с письменами на белом хвосте. Внизу горы протекает река Жошуй, недалеко находится пылающая гора. Бросив туда какую-либо вещь, та сразу сгорит. Есть богиня, волосы которой скреплены заколкой, с клыками тигра и хвостом барса, живет в пещере, зовут ее Си Ван Му. На той горе нет других существ».*
3. *山海经 海内北经: «西王母梯几而戴胜, 其南有三青鸟, 为西王母取食。在昆仑虚北».* – *«Си Ван Му сидит на возвышении, в волосах у неё шэн (волосы скреплены заколкой). К югу от неё три синие птицы, что приносят ей пищу. Они живут к северу от Куньлунь» [Перевод наш].*

В других легендах Си Ван Му правит демонами болезней и известна как божество эпидемий, позже предстает как прекрасное воплощение женского начала, обладательница снадобья бессмертия, правительница западного рая бессмертных в горах Куньлунь (昆仑). Си Ван Му изображалась красивой женщиной в придворном одеянии, иногда верхом на журавле. Она обитала в девятиэтажном дворце из нефрита, окруженном золотой стеной более двух тысяч километров длиной. Бессмертные мужчины жили в правом крыле ее дворца, женщины — в левом. В саду богини росли персики бессмертия. Дерево плодоносило один раз в 3000 лет. Когда персики созревали, Си Ван Му приглашала всех бессмертных, и они лакомились чудесными плодами. Рядом с Си Ван Му были зайцы, толкущие в ступах эликсир бессмертия. Считалось, что богиня дарила персики бессмертия некоторым правителям Древнего Китая.

Добывание эликсира у Си Ван Му составило один из сюжетов цикла мифов о стрелке И. Также Си Ван Му считают супругой повелителя Востока. Существует предание, что она встречалась с ним один раз в год на крыле гигантской птицы, что символизирует союз ян и инь (мужское начало и женское). По преданию, у Си Ван Му было 9 сыновей и 24 дочери (ещё одно имя богини – Ван Му Нянян (王母娘娘) – «Матушка-правительница»).

В образе Си Ван Му представляется возможным выделение целого ряда архетипических маркеров: Великая мать, Отец, Мудрец, Ведьма, Анима. Образ Великой матери проявляется в наделении её большим количеством детей (33), также Си Ван Му управляла стихиями и бедствиями (существовали обряды воззваний к Ван Му Нянян (Великой Матушке-правительнице) для усмирения бедствий). Образ Отца проявляется в обладании властью над Западным миром и его подданными (бессмертными), силой, доминированием (образ супруга, Дун Ван Гун (东王公), в мифах куда слабее, чем Си Ван Му). Образ Мудреца проявляется в мифах о Си Ван Му как о доброй правительнице, которая умна и мудра, награждает за добрые поступки (Стрелок И и эликсир бессмертия). Образ Ведьмы проявляется в самых древних описаниях Си Ван Му, где она предстаёт как чудовище с человеческим лицом, телом тигра, которое насылает на людей болезни, небесные кары и природные бедствия. Образ Анима проявляется в идеи о том, что именно она и её супруг являются воплощением ян и инь (мужского и женского начала), а также в описании Си Ван Му как красивой женщины в прекрасных придворных одеяниях, которая правит Западом.

Упоминание о Стрелок И присутствует также в трактате «Шань хай цзин»:

1. 山海经 海内经: «帝俊赐羿彤弓素矰, 以扶下国; 羿是始去恤下地之百艰».
– *«Ди Цзюнь подарил И красный лук и стрелы с белым оперением, чтобы тот защищал государство. И отправился помогать людям на земле в бедах».*

2. 山海经 海外南经:《羿与凿齿战于寿华之野, 羿射杀之。在昆仑虚东。羿持弓矢, 凿齿持盾。一曰持戈》。 – *«И сражался с Цзаочи на земле Шоухуа, И убил его [Цзаочи] стрелой. И держал в руках лук и стрелы, Цзаочи держал в руках щит. Первый держал копье».*
3. 山海经 大荒南经:《大荒之中, 有山名曰融天, 海水南入焉。有人曰凿齿, 羿杀之》。 – *«В дальних краях есть гора Жунтянь, южнее ее море. Есть человек по имени Цзаочи, его убил И».*

Мифов о стрелке И также существует большое количество, но все они, по своему содержанию, сводятся к великим деяниям героя на благо людей (схож с Гераклом в древнегреческой мифологии). В древнекитайской мифологии культурный герой, сын верховного божества Ди Цзюнь (帝俊), посланный на землю для избавления людей от стихийных бедствий и очищения земли от чудовищ. *И* был искусным стрелком из лука благодаря тому, что его левая рука длиннее правой. В те времена на небе сразу появилось десять солнц, он поразил стрелами девять из них, избавив людей от засухи, затем убил красного быка-людоеда с человеческим лицом и лошадиными копытами (по др. версии, с головой дракона и когтями тигра), также девятиголового зверя, изрыгавшего огонь и воду, свирепую птицу, которая могла подымать ураган и разрушать человеческие жилища, а на озере Дунтинху (洞庭湖) — могучего удава-людоеда, стрелок *И* поймал свирепого кабана, пожиравшего людей и скот. Однако Ди Цзюань разгневался на *И* и лишил его и его жену Чан Э божественного сана. Стрелок *И* отправился на гору Куньлунь к Си Ван Му — хозяйке загробного мира, обладательнице эликсира бессмертия, и получил одну порцию (по другой версии эликсир был получен стрелком *И* за благие деяния, которые он совершил на земле). Когда *И* вернулся домой, его жена тайком выпила эликсир, превратилась в бессмертную и улетела на Луну. Стрелок *И* так и остался на земле и впоследствии был убит своими слугами, которых подговорил его лучший ученик. После смерти *И* стал почитаться как божество, отгоняющее нечисть. [Синология.Ру, <http://www.synologia.ru/a/И>]. По другим

легендам, бог Ди Цзюнь не простил небесному стрелку убийства девяти солнц — своих сыновей — и сурово покарал его. Он лишил Хоу И и его жену Чан Э божественного сана и бессмертия, превратив их в смертных, и навсегда сослал на землю. Хоу И и Чан Э поселились среди людей. Чан-Э не могла простить мужу, что по его вине она из небожительницы стала обычной женщиной, она постоянно упрекала Хоу И. Он покинул жену и стал вести бродячую жизнь. Однажды на берегу реки Ло Хоу И встретил фею этой, была женой речного духа, который обижал её и не обращал на неё внимание. Фея и Хоу И полюбили друг друга. Но дух реки стал препятствовать им, и Хоу И вступил с ним в схватку и выбил ему глаз. Но боги не стали наказывать Хоу И, прогнали речного духа, объявив, что он сам навлек на себя наказание, дурно обращаясь с женой. Пожалев мужа, фея вернулась к нему, а Хоу И к Чан Э. [100 Великих мифов и легенд, <http://2уха.ru/100/mifov.php?sto=33>].

В образе Хоу И представляется, что можно обозначить следующие базовые маркеры: Герой, Анимус, Отец. Образ Героя воплощается в его великих деяниях: борьбе с чудовищами и природными бедствиями. Образ Анимус проявляется в дихотомии его отношений с Чан Э и феей.

Анализ представленных китайских мифов показал, что мифические духи Си Ван Му и Хоу И обладают рядом архетипических маркеров и подтверждают наличие архетипических глубинных структур в мифотворчестве Древнего Китая.

Библиографический список

1. Зеленский, В.В. [Электронный ресурс]. / Режим доступа URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/arhetipy>. (дата обращения: 24.09.14).
2. Мифы древнего Китая (Юань Кэ), [Электронный ресурс]. / Режим доступа URL: <http://izbakurnog.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st001.shtml>. (дата обращения: 23.09.14).
3. Синология.Ру, [Электронный ресурс]. / Режим доступа URL: <http://izbakurnog.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st001.shtml>. (дата обращения: 23.09.14).

4. 100 Великих мифов и легенд, [Электронный ресурс]. / Режим доступа URL: <http://2уха.ru/100/mifov.php?sto=33>. (дата обращения: 23.09.14).

В.В. Ананьев (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН «ЦВЕТУЩАЯ САКУРА» КАК ЭЛЕМЕНТ ВТОРИЧНОЙ МОДЕЛИРУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ

Статья посвящена рассмотрению прецедентного феномена японской когнитивной базы «цветущая сакура» в качестве элемента вторичных моделирующих систем. Устанавливается, что прецедентные феномены, используемые в японских художественных текстах, являются полифункциональными, позволяя адресату достраивать текст и связывая последний как с прецедентной ситуацией, так и с корпусом прецедентных текстов.

***Ключевые слова:** прецедентный феномен, прецедентная ситуация, прецедентный текст, вторичная моделирующая система, художественный текст, хайку.*

V.V. Anan'ev (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

THE PRECEDENTIAL PHENOMENON “CHERRY BLOSSOMS” AS AN ELEMENT OF A SECONDARY MODELLING SYSTEM

The article aims at a study of the precedential phenomenon “cherry blossoms” of the Japanese cognitive base as an element of secondary modelling systems. It establishes the multy-functional nature of the precedential phenomena used in Japanese literary texts, which allows the addressee to reconstruct the text and connects the latter with a precedential situation as well as with a corpus of precedential texts.

Key-words: precedential phenomenon, precedential situation, precedential text, secondary modelling system, literary text, haiku.

Прецедентные феномены как феномены, значимые в познавательном и эмоциональном отношениях и известные большей части членов социума, являются важным элементом японских художественных текстов. Изучение прецедентных феноменов представляет собой одну из актуальнейших областей лингвистики и лингвокультурологии, их проблематика всегда была неразрывно связана с вопросами интертекстуальности и лингвистики текста (позже – дискурсивных исследований) в целом, однако особый интерес представляют случаи семантизации текста с помощью прецедентных единиц.

В настоящей статье рассматривается употребление прецедентных феноменов как одного из структурообразующих элементов вторичных моделирующих систем, а именно – японских художественных текстов на примере феномена цветущей сакуры, которая обозначается словами *桜 сакура* «сакура», *花 хана* «цветы» или сочетанием *桜の花 сакура-но хана* «цветы сакуры». Для рассмотрения вопроса с такой точки зрения необходимо, во-первых, уточнить статус ПФ «цветущая сакура» в когнитивной базе носителей японского языка, а во-вторых, проанализировать его роль в структуре художественных текстов.

В отечественной лингвистике направление изучению ПФ было задано работами Ю.Н. Караулова, который определил прецедентные тексты как тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2007, с. 216].

Термин «прецедентный текст» оказался востребованным в научной среде и послужил основой для образования серии терминов, обозначающих близкие понятия, таких как «прецедентный феномен», «прецедентное высказывание», «прецедентное имя», «прецедентная ситуация». *Прецедентный феномен* (далее – ПФ) является родовым понятием по отношению к прочим указанным,

В.В. Красных и Д.Б. Гудков определяют ПФ на основе дефиниции прецедентного текста Ю.Н. Караулова, заменяя словом «феномен» слово «текст» [Захаренко, 1997, с. 82]. ПФ делятся ими на вербальные (тексты в самом широком смысле слова) и невербальные (произведения изобразительного искусства, архитектуры, музыкальные произведения и т.д.).

Вербальные ПФ включают в себя прецедентные тексты, прецедентные высказывания и прецедентные имена. *Прецедентный текст* (далее – ПТ) понимается как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу»; хорошо знакомый «любому среднему члену национально-культурного сообщества»; обращение к нему «может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена» [Захаренко, 1997, с. 83]. *Прецедентное высказывание* (далее – ПВ) представляет собой «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности»; законченную и самодостаточную единицу, «которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ, как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей» языка [Там же]. Под *прецедентным именем* (далее – ПИ) понимается «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным... или с прецедентной ситуацией», как «своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного... или более элементов... обозначая при этом одно понятие» [Там же].

К невербальным ПФ относят *прецедентные ситуации* (далее – ПС), определяемые как некие «эталонные», «идеальные» ситуации, связанные «с набором определенных коннотаций», дифференциальные признаки ПС входят в

когнитивную базу носителей данного языка. ПС могут вербализовываться с помощью ПВ или ПИ [Там же].

Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова понимают прецедентность как «наличие в тексте элементов предшествующих текстов» [Слышкин, 2004, с. 7]. Такой подход дает возможность расширить круг единиц, выступающих в качестве прецедентных. Н.А. Голубева говорит о ПФ, реализующих «собственно прецедентность» через отсылку к артефактам, и о *прецедентах с определенной степенью феноменологичности* (далее – ПСФ), реализующих «неполную» прецедентность или «протопрецедентность» [Голубева, 2008, с. 128]. «Неполнота» прецедентности заключается в том, что явление, к которому отсылает ПСФ, мыслится как константа коллективного сознания, а не как артефакт.

Необходимость такого подробного обзора определений ПФ вызвана особым характером ПФ «цветущая сакура», равно как и других единиц, фигурирующих в японских художественных текстах. Рассмотрим данный ПФ более детально.

Прежде всего, поясним, чем вызвано обозначение данного ПФ именно как «цветущей сакуры».

Слово 桜 *сакура* «сакура» в Японии используется в качестве общего обозначения около десяти видов растений рода слива семейства розовых. Сакура с древних времен занимала важное место в японской культуре, первое письменное упоминание о ней относят к 712 г. [小林, 2000, с. 218]. Сначала сакура преимущественно связывалась с весной, поскольку период цветения большинства видов, объединенных этим названием, приходится на конец марта – начало апреля. Позже, в связи с тем, что лепестки сакуры осыпаются в разгар цветения, не увядая, она стала ассоциироваться с буддийской идеей о бренности бытия и одновременно – с сословием самураев, поскольку олицетворяла идеал пути самурая – красивую смерть в расцвете сил. Начиная с периода Мэйдзи (1868-1912 гг.) сакура стала позиционироваться как символ государства и верности ему и лично императору.

Во всех этих случаях в качестве символа воспринимаются именно цветы, либо деревья в цвету. Кроме того, в классической поэзии часто используется слово *花 хана* «цветы», обозначая именно цветы сакуры.

Особый характер данного ПФ обусловлен как его содержательной стороной, так и формальной. Во-первых, прецедентность его на первый взгляд определяется недостаточно четко: с одной стороны, упоминание сакуры часто является указанием на ситуацию, а именно – середину весны и, метафорически, расцвет жизни, либо ее быстротечность, однако с другой – это не какая-то конкретная ситуация, а обобщенная. Примерно так же дело обстоит с отсылкой к ПТ: особенность реализации прецедентности здесь в том, что чем новее, ближе к нашему времени произведение, тем менее конкретны ПТ – слово употребляется потому, что относится к сезонным, а такие слова не могут не присутствовать в стихотворении.

Однако чем дальше в историю углубляется взгляд исследователя, тем конкретнее становятся прецеденты, т. к. многие авторы писали свои произведения, подражая предшественникам, либо будучи под впечатлением от их произведений, либо отвечая на чье-то стихотворение (обычай обмена поэтическими посланиями описан в средневековой дневниковой литературе). И так вплоть до безусловно прецедентных текстов японской культуры: антологии собственно японской поэзии «Манъёсю» (ок. 759 г., 44 упоминания сакуры), сборника *канси* – стихов на китайском языке – «Кайфусо» (751 г., 2 упоминания), «Анналов Японии» («Нихонсёки», 720 г., 2 упоминания) и древнейшего письменного памятника «Записи о делах древности» («Кодзики», 712 г., 1 упоминание). И даже дальше – до китайских текстов, которые рассматриваются в качестве основы некоторых *канси*, написанных в Японии [小林, 2000, с. 219]. Таким образом, даже если упоминание сакуры не направляет к определенной ПС или ПТ, происходит отсылка к ситуации, имеющей «сверхличностный характер» и значимой «в познавательном и

эмоциональном отношении» или к целому корпусу ПТ. Иными словами, отрицать прецедентный характер данного феномена невозможно.

Во-вторых, особенным вследствие краткости представляется и его означаемое: его нельзя отнести к ПТ, т.к. текст представляет собой (поли)предикативную конструкцию, о которой речи идти не может; его сложно отнести к ПВ, поскольку обычно термин «высказывание» предполагает большую длину; и его вряд ли можно отнести к ПИ в связи с тем, что под последним понимается индивидуальное имя, тогда как и 桜 *сакура* «сакура», и 花 *хана* «цветы» являются именами нарицательными.

В этой связи можно рассматривать ПФ типа 桜 *сакура* «сакура» и 花 *хана* «цветы» (а к ним относятся также все так называемые «сезонные слова») как занимающие промежуточное положение между ПВ и ПИ, либо обозначить их термином Н.А. Голубевой – ПСФ. В рамках данной статьи мы будем придерживаться второго варианта.

Термин «вторичные моделирующие системы» был предложен одним из представителей московско-тартуской семиотической школы Б.А. Успенским для обозначения семиотических систем более высокого, по сравнению с естественным языком, уровня, обслуживающих узкоспециализированные сферы человеческой деятельности [Лотман, 1996, с. 32].

Ю.М. Лотман писал, что восприятие художественного текста подобно борьбе или игре между слушателем и автором: восприняв часть текста, слушатель «добраивает» целое, после чего автор подтверждает или опровергает эту догадку. В связи с этим возникает вопрос отношения действительной структуры произведения к структуре, ожидаемой слушателем. По этому критерию все произведения можно поделить на два класса. Первый «составляют художественные явления, структуры которых наперед заданы, и ожидание слушателя оправдывается всем построением произведения» [Лотман, 1998, с. 271]. Второй класс «будут составлять системы, кодовая природа

которых не известна аудитории до начала художественного восприятия» [Там же, с. 275].

В истории мирового искусства художественных систем, относящихся к первому классу, больше: к ним относятся «фольклор всех народов мира, средневековое искусство, которое представляет собой неизбежный всемирно-исторический этап, комедия дель арте, классицизм» [Там же, с. 271]. Художественная система такого типа строится на основе специальных правил отбора лексики, правил построения метафор и т. д.

К художественным системам такого класса относится и классическая японская поэзия, причем особенно ярко их особенности проявляются в трехстишиях хайку. Обусловлено это их малым размером (всего 17 мор) и вытекающей из него ограниченностью выразительных средств. В отсутствие рифмы в японском стихосложении средством организации строки становится ритм, основанный на тактовой незавершенности: тактовая единица состоит из двух мор, соответственно, строка содержит два с половиной такта (пять мор) или три с половиной (семь мор). Кроме того, дополнительным условием является указание на время года, причем это условие обязательно, т. к. его невыполнение переводит стихотворение в другой жанр – *сэнрю*.

Сезонное слово в хайку выполняет несколько функций. Рассмотрим это на примере.

(1) 玉川に 高野の花や 流れ去る 与謝蕪村

Тамагава-ни Такано-но хана я нагарэсару Ёса Бусон

«По Тамагава-реке уплывают цветы из Такано»

Слово «хана», во-первых, указывает на время года, таким образом выполняется формальное условие соответствия жанру. Во-вторых, связывает данный текст с ситуацией: с одной стороны, конкретной, когда поэт находится на берегу реки и видит на воде опавшие лепестки, с другой – обобщенной, входящей в когнитивную базу народа – обычаем любования сакурой. В-третьих, сакура, опадающая в разгар цветения, ассоциируется с буддийской идеей о бренности и изменчивости мира, о том, что даже самые красивые и, казалось бы,

полные сил вещи и существа недолговечны. И через эту ассоциацию осуществляется отсылка к буддийскому учению, оформленному в виде различных текстов. В-четвертых, упоминание сакуры актуализирует связь с произведениями поэтов-предшественников.

В некоторых случаях прецедентность может быть более явно выраженной.

(2) *さまさまの事おもひ出す桜かな* 松尾芭蕉

Самадзама-но кото омойдасу сакура кана Мацуо Басё

«Сколько воспоминаний / Вы разбудили в душе моей, /О вишни старого сада!» (перевод В. Марковой)

В самом стихотворении прецедентная связь не проявляется, однако в комментариях к нему указывается, что это хайку Басё написал, посетив могилу бывшего главы княжества, откуда поэт был родом.

(3) *西行の 菴もあらん 花の庭* 松尾芭蕉

Сайгё-но иори-мо аран хана-но нива Мацуо Басё

«Здесь и лачуге Сайгё оказаться впору. Двор весь в цветах»

В данном случае отсылка к ПТ явная и реализуется двумя путями: через ПИ, т. к. Сайгё – это знаменитый поэт конца эпохи Хэйан – начала эпохи Камакура, и через слово «хана», поскольку Сайгё принадлежит много *танка* о сакуре (в связи с чем опять-таки следует говорить не об одном ПТ, а о совокупности ПТ). В частности, одним из самых известных стихотворений является следующее:

(4) *願わくは花の下にて春死なん そのきさらぎの望月の頃* 西行

*Нэгаваку-ва хана-но мото-нитэ хару синан соно кисараги-но
мотидзуки-но коро* Сайгё

«Как бы я хотел умереть ранней весной под сенью цветов, когда вторая луна достигает полноты»

Танка строятся на других принципах, однако и здесь слово «цветы» указывает на ту же ситуацию – любования сакурой.

Сакура используется и в современных художественных текстах, таких как тексты песен, кинофильмы, телесериалы для указания на ситуации, входящие в

когнитивную базу. Однако в современных текстах чаще всего актуализируется связь с окончанием учебного года и началом нового: время цветения сакуры совпадает с этим периодом, поэтому оно ассоциируется с ситуацией расставания, с одной стороны, а с другой – начала нового этапа в жизни.

Подводя итог, можно сказать следующее. Цветущая сакура входит в когнитивную базу носителей японского языка в качестве особого прецедентного феномена, который можно назвать прецедентом с определенной степенью феноменологичности. Его отличие состоит в том, что данный ПСФ указывает чаще всего на не какую-то конкретную ПС, а обобщенную, но при этом знакомую и в той или иной степени повторяющуюся в жизни практически каждого японца. Одновременно происходит отсылка и к ПТ, но не к одному, а целому корпусу.

В художественных текстах такие ПСФ становятся опорными элементами, позволяющими читателю/слушателю быстро и достаточно точно достраивать текст и описываемую им ситуацию, что особенно важно в классической поэзии в связи с краткостью стихотворений и ограниченными возможностями использования выразительных средств.

Библиографический список

1. Голубева, Н.А. От концепта к категории (опыт описания прецедентных единиц) // Армия и общество . 2008. №3. С. 125-131.
2. Захаренко, И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов [Текст] / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 1997. Вып. 1. – С. 82 – 103.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
4. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха [Текст] / Ю.М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство – СПб, 1996. С. 31–35.
5. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Ю.М. Лотман // Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 269–281.

6. Слышкин, Г.Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) [Текст] / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
7. 小林、義雄. サクラと日本人 [文章] / 小林義雄 // 世界大百科事典. –東京 : 平凡社. –2000. –第 11 卷. –218 頁.

Список источников примеров

1. 井上、隆雄 . 桜と西行 [電子リソース] / 井上隆雄 . — <http://www10.ocn.ne.jp/~awjuno/sub4103.html> (27.09.2014)
 2. 四季の植物のうた [電子リソース] / — <http://www.geocities.jp/sikinosyokubutu/sakura.html> (27.09.2014)
- 松尾、芭蕉. 芭蕉俳句集 [文章] / 松尾芭蕉. –東京 : 岩波文庫、1970. –206 頁.

М.В. Багинская (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»
Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

ТРАДИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ КОРЕЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Целью статьи является описание корейского антропонима с точки зрения традиционных правил и принципов его построения. Необходимость такого описания очевидна, поскольку одна из главных особенностей имя наречения в Корее связана с этимологической значимостью имени. Последняя превращает его в зеркало эпохи, социально-политической и этнической культуры Кореи и одновременно в средство художественной выразительности. В значениях прошлых и современных имен нередко сохраняются следы исчезнувших философско-религиозных обычаев и этнических представлений, национальных обычаев, ритуалов, деталей быта и т.д. Так, содержание и функционал корейского имени полностью соотносятся с сущностью философской идеологии ИньЯн - 음양, а также с учением о пяти элементах - 오정.

Ключевые слова: антропоним; обычай; ИньЯн; учение о пяти элементах.

M.V. Baginskaya (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

TRADITIONAL CONSTRUCTING MODELS OF KOREAN
ANTHROPONYMS

The purpose of this article is to describe traditional principles and rules of constructing Korean anthroponyms. The necessity of such describing is obvious due to etymological meaning of Korean anthroponyms. According to the etymological meaning the anthroponym can reflect social, political, ethnic facts of the culture. The traces of disappeared philosophical and religious practices and of ethnic views, national customs, rituals, details of everyday life are often stored in the meanings of past and present names. Thus, the content and functionality of the Korean name completely relate to the essence of philosophical ideology Yin Yang - 음양, as well as with the doctrine of the five elements - 오행.

Key words: anthroponym; custom; Yin Yang, the doctrine of the five elements.

Одним из основных компонентов языковой деятельности, который находится в сфере внимания различных направлений лингвистики, является номинативная интенция, а также ее частное явление – ономастикон. Анализ специфики языковой личности на современном этапе невозможен без изучения состава ономастикона, отражающего знания, которые накопились в данной культуре. Стержневой пласт в структуре языковой личности отвечает за генерирование и преобразование индивидуального представления о мире, т.е. за языковую картину мира. Его составляющими являются понятия, идеи, концепты. Общеизвестно, что ономастикону отведена роль одного из главнейших показателей прагматических направлений черт языковой личности – это роль селективного «зеркала», воспроизводящего систему знаний о мире людей как членов определенного социума, о науке, религии, культуре искусстве и т.д. [Степанов, 1985, с. 27].

В древности верили, что Имя дается человеку не случайно. Оно отражает его характер, мысли, поведение. Во многих странах существовал обычай давать

человеку два имени: одно – обиходное, а второе – настоящее – держали в тайне, чтобы враги не могли причинить вреда. В Индии считалось, что выбор имени определяет судьбу человека. Например, если желали для сына славы, ему давали имя из двух слогов. Вообще имя мальчика должно было состоять из четного, а девочки – из нечетного числа слогов. Женское имя должно было легко произноситься, иметь ясный смысл, быть приятным, оканчиваться на долгий гласный [Джарылгасинова, 2010].

Страны корейского полуострова также имеют специфические лингвокультурные особенности образования имен собственных и формирования ономастикона. Корейский язык значительно реже подвергался различным исследованиям в сравнении с другими языками. Тем не менее, он обладает своими собственными особенностями и отличительными чертами.

Принятие идеи Виктории Владимировны Красных о том, что *«лингвокультура есть воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура, культура, явленная нам в языке и через язык»*, позволяет рассматривать имя-антропоним именно как категорию лингвокультуры. С этой точки зрения антропонимическая система представляет собой своего рода экран, на который проецируется история взаимовлияния различных культур, а также традиции, обряды, мирозерцание определенного этноса [Красных, 2013, с. 12].

История и культура стран корейского полуострова практически на всех этапах неразрывно связаны с историей и культурой Китая. В том, что касается ономастической системы Кореи, можно говорить о почти полной тождественности ее с ономастической системой Китая. На основе уже имеющихся работ по ономастике Китая (от описания формальных признаков имен до изучения мифопоэтической традиции, нашедшей свое отражение в китайском ономастиконе) можно делать вывод о существовании некоторой *культурной* унифицированности антропонимических систем Китая и Кореи.

В настоящее время Верховным судом РК утверждено и разрешено к использованию в составе имен 4875 знаков, среди которых есть т.н. сильные и

слабые по форме и по значению, удачные и неудачные, соотносящиеся с животными, насекомыми и рептилиями, а также с частями тела человека и др.

Говоря о знаках, входящих в состав корейского имени, традиционно подразумевают знаки иероглифические. Сами корейцы сравнивают выбор знака для имени с выбором материала для постройки дома. Правильно выбранные знаки составляют имя, приятное на слух, в котором гармонично реализуются принципы ИньЯн, Охен, Самчжэ 三才 и другие [신상춘, 2010, с. 80-82].

В имени также присутствуют элементы, относящиеся к Инь и Ян и соотносящиеся с философской концепцией 5 элементов.

Суть учения Инь Ян сводится к тому, что все в мире существует по принципу действия и противодействия, т.е. противопоставления. Небо-земля, мужчина-женщина, взрослый-ребенок, животные – растения и т.д. Иными словами – мир состоит из противоположностей, и лишь путем объединения двух противоположностей в единое целое возможно создание и существование чего-то завершенного (знак Тайцзы).

В имени также присутствуют элементы, относящиеся и к Инь, и к Ян. Например, нечетное число черт в иероглифическом знаке (1,3,5) соотносится с Ян, а четное число черт – с Инь. Более того, даже корейское слоговое письмо, применяемое в настоящее время, несет в себе черты этого учения. Так, слоги с падчимыми соотносятся с Ян, слоги без падчимов – с Инь. Считается, что имя, в котором преобладает какая-то одна сторона – Инь или Ян, лишено гармонии и не может принести своему владельцу ни удачи, ни процветания [신상춘, 2010, с. 112-116].

Таблица 1.

김 金 8 ●	리 李 7 ○	박 朴 6 ●	최 崔 11 ○	허 許 11 ○
희 希 7 ○	성 成 7 ○	승 承 8 ●		준 俊 10 ●
수 洙 10 ●	민 旻 8 ●	화 和 8 ●	정 政 8 ●	

Философская концепция 5 элементов напрямую соотносится с восточной традицией представления мироустройства, согласно которой в центре мироздания находится Земля, а вокруг нее 7 звезд: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн. Солнце символизирует энергию Ян, а луна – энергию Инь. Остальные же элементы этой системы движутся в соответствии с принципами Инь Ян и составляют гармонию 5 элементов и Инь Ян [이정환, 2006, с. 41-43].

По схожим принципам устроено и все сущее на земле – оно состоит из воды, минералов, огня, дерева или земли. Взаимодействуя, эти элементы могут либо дополнять друг друга, либо, напротив, разрушать. Следовательно, в имени человека должно быть такое сочетание элементов (выраженных в письменных знаках), которое бы порождало гармонию и взаимодополнение, а не разрушение.

В выборе знаков для имени Философская концепция 5 элементов реализуется по фонетическому критерию – 음오행 音五行.

Суть его состоит в том, что, несмотря на схожесть анатомического строения органов у человека и животных, только человек способен произносить членораздельные звуки, соединяя их в слова. Следовательно, все звуки, произносимые человеком, должны подчиняться некой философской идее.

Так, все звуки можно упорядочить согласно следующей классификации.

Таблица 2.

궁음 宮音	土	후음 喉音	목구멍소리	아. 하
상음 商音	金	치음 齒音	잇소리	사. 자. 차
각음 角音	木	아음 牙音	어금니소리	가. 카
치음 齒音	火	설음 舌音	혓소리	나. 다. 라. 타
우음 羽音	水	순음 脣音	입술소리	마. 바. 파

Соответственно, в каждом имени, в зависимости от его звучания, будет реализовываться концепция 5 элементов.

- 8 金 김 木
- 7 希 희 土
- 10 洙 수 金

Сочетание элементов имеет особое значение, поскольку их взаимодействие подчинено определенным правилам. Например, при взаимодействии земли и воды, земля впитывает всю воду, и вода не может в полной мере реализовать свою силу, поэтому имя, в котором присутствует такое сочетание – неудачное, лишенное гармонии. При взаимодействии земли и металла, земля твердеет, вновь создавая металл, поэтому имя, в котором присутствует такое сочетание – считается хорошим [이우각, 2005, с. 233-236].

Помимо указанных концепций существует довольно обширный список правил, которые надлежит использовать в процессе присвоения имени в Корее. Уже на данном этапе понятно, что умение пользоваться каждым из этих правил предполагает значительную степень осведомленности в области традиционных систем мировосприятия, летоисчисления и т.д. Это позволяет предположить наличие широкого поля для научных изысканий, которые планируется провести впоследствии.

Библиографический список

1. Джарылгасинова, Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхо-вана») [Текст] Р.Ш. Джарылгасинова. – Москва, 2010. – 251 с.
2. Красных, В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований [Текст] / В.В. Красных // Вестник Московского университета. – 2013. – №2 (8). – С. 7-18.
3. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [Текст] / Ю.С. Степанов. - М.: Наука, 1985. - 335 с.
4. 신상춘 “이름효과” 작명법 [Текст] 신상춘. – 서울, 2010. – 557 p.
5. 이우각 이름 사전 [Текст] 이우각. – 서울, 2005. – 259 p.
6. 이정환 우리 아기 이름 짓기 [Текст] 이정환. – 김영사, 2006. – 123 p.

С.И. Байрамова, С.В. Окладникова (Иркутск)

Иркутский государственный университет

**КОНЦЕПЦИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ ПРОГРАММЫ-ТРЕНАЖЕРА ПО
ФОРМИРОВАНИЮ СЛУХОПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ И
ЭТАПЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ**

Статья раскрывает опыт создания мультимедийной обучающей программы по формированию слухопроизносительных навыков китайского языка, описывается структура, содержание и другие аспекты разработки программы-тренажера.

Ключевые слова: *китайский язык, мультимедийная программа, информационные технологии, фонетика, слухопроизносительные навыки.*

S.I. Bairamova, S.V. Okladnikova (Irkutsk)

IRKUTSK STATE UNIVERSITY

**CONCEPT OF MULTIMEDIA PROGRAMS TO BUILD CHINESE
PRONUNCIATION SKILLS FOR RUSSIAN STUDENTS AND STAGES OF
ITS IMPLEMENTATION**

The article reveals the experience of creating multimedia training programs to build Chinese pronunciation skills, structure, content, and other aspects of the development of the program.

Key words: *Chinese, multimedia software, information technology, phonetics, pronunciation skills.*

Основной целью подготовки экономистов со знанием китайского языка в неязыковом вузе является развитие способности быть полноценным участником межкультурной коммуникации, что предполагает умение использовать китайский язык в реальном общении для решения коммуникативных задач в рамках профессиональной деятельности. В процессе реализации этой цели важным является обучение произносительной стороне

китайской речи, так как плохо сформированные слухопроизносительные навыки существенно затрудняют процесс коммуникации.

Как правило, в вузе студенты начинают обучение китайскому языку с нулевого уровня. Необходимо помнить, что иероглифическое письмо, которое учащиеся осваивают одновременно с произношением, не является фонетическим письмом и затрудняет процесс формирования устойчивых произносительных навыков. С учетом сокращения аудиторных часов, выделяемых на дисциплину «Китайский язык» и увеличения часов на самостоятельную работу учащихся, актуализируется проблема оптимизации процесса обучения китайскому языку. В данных условиях целесообразно использовать образовательный потенциал новых информационных технологий - мультимедийных программ по фонетике китайского языка.

Мультимедиа — это интерактивные (диалоговые) системы, обеспечивающие одновременную работу со звуком, анимированной компьютерной графикой, видеокадрами, статическими изображениями и текстами. Под этим термином понимается одновременное воздействие на пользователя по нескольким информационным каналам. При этом пользователю, как правило, отводится активная роль. Другими словами, мультимедиа — это сумма технологий, позволяющих компьютеру вводить, обрабатывать, хранить, передавать и отображать (выводить) такие типы данных, как текст, графика, анимация, оцифрованные неподвижные изображения, видео, звук, речь.

В настоящее время мультимедийные обучающие программы все чаще используются как дополнительное средство при обучении иностранным языкам, имея ряд преимуществ перед традиционными средствами и методами обучения, а именно:

- 1) наглядность представления материала (использование цвета, иллюстраций, видео, звука и т.д.);

- 2) быстрая обратная связь – мониторинг успеваемости (встроенные тест-системы обеспечивают мгновенный контроль усвоения материала; интерактивный режим позволяет учащимся самим контролировать скорость

прохождения учебного материала);

3) универсальность (применение при обучении всем аспектам языка и видам речевой деятельности);

4) сбалансированность материала (наиболее эффективное сочетание упражнений, ориентированное на приобретение и закрепление всех или определенных коммуникативных компетенций; плавный переход от аудирования к чтению, к проверке прочитанного и далее к грамматическим упражнениям и т.д.);

5) индивидуальный подход (возможность самостоятельного выбора сложности материала, последовательности выполнения упражнений, отбора лексического материала для повторения с помощью специальных встроенных функций);

6) аутентичность материала (особенно важна при обучении говорению и тренировке произношения);

7) разнообразное содержание и форма подачи материала (мотивирующее учащегося);

8) возможность пополнения основной части программы новыми типами упражнений.

Одна из задач, как преподавателя, так и мультимедийных средств при обучении иностранного языка – это сделать процесс обучения максимально приближенным к естественной среде познания языка, а также возбудить у учащегося интерес и создать мотивацию.

В настоящее время существуют два мультимедийных курса по китайскому языку для русскоговорящих студентов, созданных в КНР, где представлен фонетический модуль - «Интерактивный учебный курс китайского языка» и «Китайская фонетика: полный интерактивный курс». Второй учебник является копией фонетического модуля «Интерактивного учебного курса китайского языка». При всех достоинствах данных мультимедийных программ, использование их в учебном процессе затруднительно по нескольким причинам:

1. Словесное описание артикуляции содержит стилистические и грамматические ошибки.
2. Отсутствует сравнение китайских и русских звукотипов и их артикуляции;
3. При озвучивании слога сначала произносится инициаль (начальный согласный) и затем финаль (остальная часть слога).
4. Присутствует только одно упражнение – чтение слов, с возможностью записи и сравнения с эталоном.

Данная ситуация обусловила необходимость создания собственного мультимедийного продукта – обучающей программы тренажера – для вводно-фонетического курса. Создание данной программы стало возможным благодаря финансовой поддержке Гос. Кабинета по распространению китайского языка за рубежом.

Группа разработчиков данной обучающей компьютерной программы состояла из трех человек: 1) С.И. Байрамова, зав. кафедрой восточных языков МИЭЛ - руководитель, автор идеи, структуры и содержания мультимедийного тренажера; 2) С.В.Окладникова, ст. преподаватель кафедры восточных языков МИЭЛ - технический специалист; 3) А.Ф. Аргузов программист ООО «Фор-Медиа», специалист по мультимедиа. Авторские иллюстрации выполнены приглашенным художником, Т.А. Гавриловой. Для записи аудиофайлов привлекались преподаватели – носители языка кафедры восточных языков МИЭЛ.

Для разработки мультимедийной программы было важно: а) уточнить цели и задачи обучения; б) определить структуру тренажера и содержание материала; в) ограничить объем фонетического и лексического материала; г) выбрать оптимальную методику представления; д) разработать систему упражнений; е) разработать мультимедиа сценарий обучающей программы.

На первом этапе были определены цели обучения. Учащийся по окончании работы с данной мультимедийной программой - тренажером должен владеть необходимыми знаниями и умениями:

1. Знать особенности фонетической системы китайского языка
2. Уметь производить звуковой анализ морфемы и слова
3. Уметь идентифицировать тон слова
4. Уметь дифференцировать артикуляторные жесты
5. Уметь воспроизводить морфему с нужным интонационным контуром как отдельно, так и в потоке речи
6. Уметь узнавать морфемы в потоке речи
7. Уметь записывать буквенное обозначение морфемы

Учитывая вышеизложенное, данная обучающая программа подходит как для начинающих с нуля изучать китайский язык, так и для учащихся продвинутого этапа, на котором служит тренажером для совершенствования фонетических навыков.

Структура мультимедийного тренажера представлена несколькими законченными, взаимосвязанными блоками: информационный, тренировочный и контролирующий.

Условно текстовое содержание информационного блока можно разделить на две части: 1) изложение основных моментов описания функционирования слога, а также интонационной системы современного китайского языка; 2) подробное описание артикуляции всех звуков китайской речи. Работа с текстовым содержанием возможна с помощью тематического меню. Каждая учебная тема представлена самостоятельно: финали, инициали, система тонов китайского языка, тональные рисунки двусложных сочетаний, изменение тонов, эризованная финаль. Было решено отказаться от поурочного изложения материала, что позволяет учащимся использовать учебник на любом этапе формирования произносительных навыков.

Презентация финали и инициали представлена не отдельным звуком, а в виде слога, например b (o). Помимо подробного описания артикуляционной программы слога демонстрируется его анимационный внешний рисунок движения губ и положение пассивных органов произносительного аппарата.

Это позволяет учащимся осознанно проанализировать ощутимые моменты артикуляции.

Рис. 1. Представление финали «u»

Для звуков, которые имеют аналоги в русском языке, обязательно указывается их различие:

Учитывая, что почти каждый слог в китайском языке несет лексическое значение, демонстрация слога завершается наглядной иллюстрацией и переводом. Всего в учебнике представлено 1400 слогов. Каждый слог можно прослушать и произнести многократно (до полного усвоения). Учащиеся могут выбирать нужный темп работы и продолжительность тренировки.

Презентация каждого слога сопровождается наглядной иллюстрацией и переводом, что способствует запоминанию лексических единиц и позволяет создать основу для развития речевых умений. Специально отобранная лексика иллюстрирует типичность фонетических укладов и специфику использования тонов.

В программе большее внимание уделено тренировочному блоку. После каждого тематического блока составлен цикл упражнений, сложность которых постепенно возрастает. Система упражнений состоит из двух подсистем:

1. Произношение

Каждую активную морфему можно прослушать несколько раз и записать на компьютер свой вариант произношения. Это позволяет осуществить самоконтроль усвоения морфемы посредством обратной связи: сопоставить эталонное произношение с собственным. Для полноценного контроля качества произнесения морфемы после записи на экране отображается осциллограмма, отражающая частотные характеристики звукового сигнала различной протяженности, тем самым позволяя учащимся визуально сопоставить эталонное произношение с собственным (рис.2).

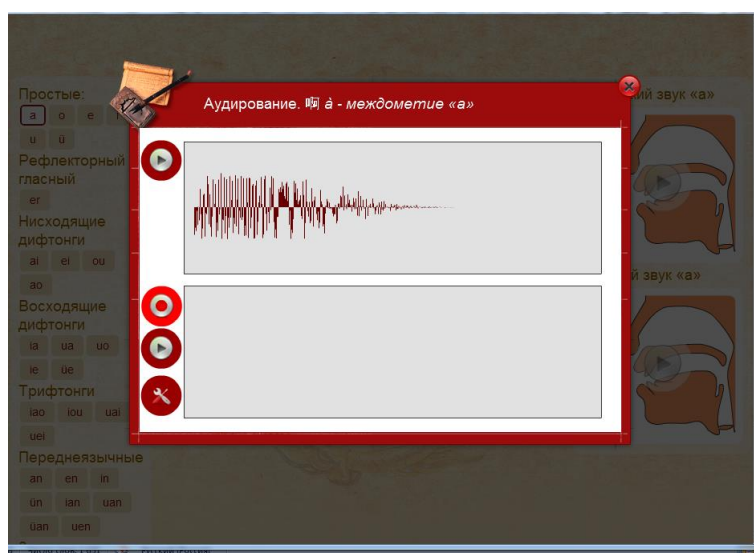

Рис. 2 Осциллограмма эталонного звучания финали «а»

Для отработки использования слогов в потоке речи в учебнике даны скороговорки и актуальные для развития речи контексты.

2. Аудирование

Эта серия упражнений направлена на формирование навыков аудирования и воспроизведения услышанного: найти услышанную финаль, инициаль, слово. Программа в этой серии упражнений при неправильном ответе, не позволит прослушать новый звук, пока не будет выбран верный ответ. (Рис.3).

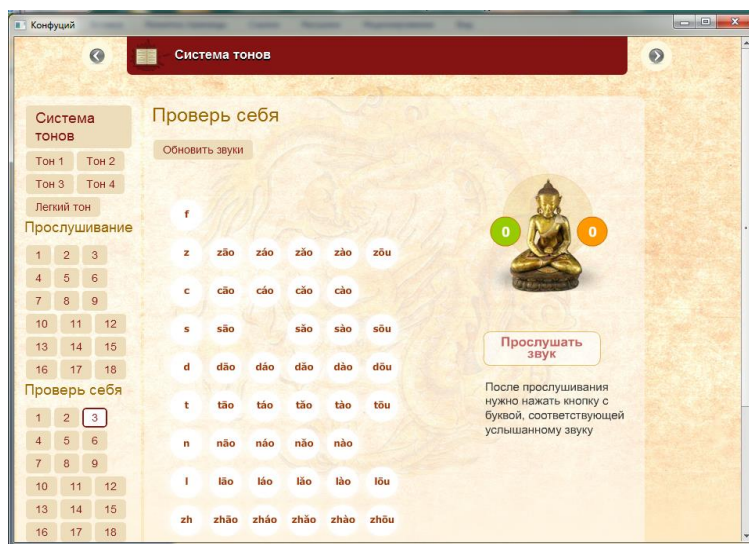

Рис. 3. Серия упражнений «Проверь себя»

Совместно с программистом был определен мультимедиа сценарий тренажера: последовательность аудио ряда, анимации, система перехода между основными блоками информации. После чего, программист приступил к сборке продукта.

В настоящий момент мультимедийная программа–тренажер проходит апробацию на уроках китайского языка в Международном институте экономики и лингвистики. Уже сейчас можно сказать, что использование данного продукта позволяет разнообразить учебный процесс, повысить интерес учащихся к обучению, ускорить процесс освоения содержания вводно-фонетического курса.

Библиографический список

1. Интерактивный учебный курс китайского языка [Электрон. ресурс]. – Пекин: Китайская международная издательская корпорация, Издательство «Китайский язык», Пекинская компания по развитию образования «Хуавэньшэнши», 2007. - 8 CD, 8 CD-ROM. – Систем. требования: Windows 2000 -7, 64 mb RAM, 32mb видеокарта
2. Китайская фонетика: полный интерактивный курс [Электрон. ресурс]. – Пекин: Восточная книга, Издательство «Китайский язык», Пекинская компания по развитию образования «Хуавэньшэнши», 2009. - 1 CD-ROM. - Систем. требования: Windows 2000 -7, 64 mb RAM, 32mb видеокарта.

Ю. О. Боброва (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

ОПЫТ СЕМАНТИКО-ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ ЗНАКОВ-ЗООНИМОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Цель настоящей статьи состоит в анализе знаков-зоонимов в семантико-грамматологическом аспекте. Языковым материалом послужили знаки-зоонимы, выявленные в результате сплошной выборки корпуса знаков по словарю «Шо вэнь цзе цзы» («说文解字» – «Объяснение простых письменных знаков и анализ сложных письменных знаков»). Задачей данной статьи является анализ сложных логограмм с целью выявления не только закономерности влияния гиперсеммы на значение знака в целом, но и существования гипер-гипонимических отношений, включающих в свой состав родовой и видовой компоненты.

Ключевые слова: 文 (вэнь), 字 (цзы), логограмма, морфограмма, гипер-гипонимия.

Yu. O. Bobrova (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

EXPERIENCE OF SEMANTIC AND GRAMMATOLOGICAL ANALYSIS OF THE SOME CHINESE CHARACTER-ZOONYMS

The article focuses on analyzing of Chinese character-zoonyms in the semantic and grammatological aspects. Using the method of random selection in the ancient Chinese dictionary 说文解字 (Shuo wen chieh tzu) - simple explanation of written characters and analysis of complex written characters) by Xǔ Shèn the author finds out character-zoonyms. In this article the author tries to analyze complex logograms to identify the existence of hyper-hyponym relations, includes a generic and specific components.

Key words: 文 (wen), 字 (zi), logogram, morphogram, hyper-hyponym.

Китайская иероглифика является сложным кодовым образованием, позволяющим индивиду абстрактно и внеситуативно анализировать познаваемые объекты и выражать их признаки, свойства и отношения, при этом, проводя не только определенную категоризацию, но также и определяя значимость в пространственно-временном континууме. В языке отражаются системы культурных ценностей и, наоборот, все проявления и продукты культуры находят свое отражение в когнитивных структурах индивида и передаются с помощью знаков и символов. Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке [Байрамова, 2006, с.16]. В китайской грамматологической традиции со времен Сюй Шэня выделяются 文 «вэнь» (знаки-основы, ключи, графомонономы), то есть простые знаки, неразложимые на компоненты, и 字 «цзы» (графополиномы), то есть знаки сложные, состоящие из двух и более простых компонентов. В этом контексте следует добавить, что всякий 文(вэнь) – это концептообразующая единица, и 文 (вэнь) есть основа для формирования 字 (цзы).

Сюй Шэнь выделил семь семантических блоков-основ (вэнь, графомононом): 1) обозначающие части человеческого тела; 2) обозначающие предметы и орудия; 3) обозначающие животных; 4) обозначающие растений; 5) обозначающие мир естества; 6) обозначающие цифры; 7) обозначающие «небесные стволы» и «земные ветви» [Цзоу Сяоли, 1990, приложения 1-5].

В рамках заданной темы непосредственным объектом нашего исследования стали входящие в третий блок некоторые знаки-основы, обозначающие животных. Следует сказать, что в результате сплошной выборки в рамках словаря Сюй Шэня (许慎) «Шо вэнь цзе цзы» («说文解字») было выявлено 22 базовых знака зоонима китайского языка, а именно: «魚» – рыба, «龜» – черепаха, «蛙» – лягушка, жаба, «虎» – тигр, «鼠» – мышь, «虫» – насекомое, червяк, ядовитая змея, «鹿» – олень, «豕» – свинья, «牛» – корова, «羊» – баран, «馬» – лошадь, «犬» – собака, «隹» – короткохвостая птица, «鳥» –

длиннохвостая птица, «豸» – пресмыкающееся без ног, «能» – медведь, «兔» – заяц, «象» – слон, «龍» – дракон, «烏» – ворон, «它» – змея, «巴» – удав.

Из представленных единиц логограммами являются 龜, 鼈, 犬, 虫, 鳥, 魚, 虎, 鼠, 鹿, 牛, 羊, 馬, 能, 兔, 象, 龍, 烏, 它, 巴. Морфограммами – 豸, 隹, 豸 и «彳» – трансформ простой логограммы «犬» собака. Выше было сказано, что предметом описания в словаре «Шо вэнь цзе цзы» являются 文 (вэнь), то есть простые знаки, неразложимые на компоненты, и 字 (цзы), то есть знаки сложные, состоящие из двух и более простых компонентов. Исходя из этого, можно сказать, что все вышеописанные 22 знака будут являться простыми знаками, то есть 文 (вэнь). Так как всякий 文 (вэнь) – это концептообразующая единица, и 文 (вэнь) есть основа для формирования 字 (цзы), то это, в свою очередь, позволяет нам предположить, что выборка знаков в количестве 22 представляет собой картину животного мира в китайском этносознании.

Положение о том, что каждый естественный язык имеет свой специфический способ концептуализации мира, является общепризнанным фактом. В языке отражаются различные модели «видения мира» (выражение В. фон Гумбольдта) носителей языка. Согласно учению Гумбольдта, различные языки являются различными мировидениями, и специфику каждого конкретного языка обуславливает «языковое сознание народа» на нем говорящего. Так, Гумбольд писал, «Язык народа находит свое воплощение в образе мыслей народа, и образ мыслей народа воплощается в его языке — трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 1984, с. 359].

Как отмечалось выше, задачей данной статьи является анализ сложных логограмм, то есть вторичных знаков с целью выявления не только закономерности влияния гиперсемы на значение знака в целом, но и существования гипер-гипонимических отношений, включающих в свой состав родовой и видовой компоненты. На факт фиксации идеографическим письмом гипер-гипонимических отношений обращал внимание О. М. Готлиб: «Наиболее полно и последовательно классообразующая функция логограмм проявляется в

формировании гипер-гипосемантических рядов. В этом случае ярко проявляется идеографичность китайского письменного знака, и в этом плане становится явной связь понятий «идеографическое письмо» и «идеографический анализ лексики» [Готлиб, 2006, с. 85].

Родо-видовые отношения – это включение однородных единиц в соответствующий класс на основе их принадлежности к более общему родовому понятию. Родо-видовые связи – основной фактор упорядочения словаря, именно благодаря существованию такого рода связей словарь представляется как целостная структура. Родовидовые отношения подразделяются на гипонимические и партитивные. Первые – это «род классификационных концептуальных связей, отражающих уровни сходств-различий вещей, даже если эти вещи никак не взаимосвязаны... Партитивные связи – «род импликационных концептуальных связей, предполагающих и отражающих связи взаимодействующих, взаимозависимых вещей» [Никитин, 1997, с. 443-444]. С этих позиций родовидовые классы лексических единиц, можно разделить на партитивы и конгломеративы. Партитивы – классы слов, объединенных органическим единством, где свойства частей целиком определяются свойствами целого, и целое является условием существования части. Вещь как элемент такой системы определяется через целое, а имя ее класса имеет своей гиперсемой понятие о части такого целого. Классы лексики, в которых множества вещей характеризуются достаточно свободной структурой, где зависимости частей от целого не столь жестки, чтобы формировать качества вещей, следуя дефиниции М.В. Никитина, называются конгломеративами. В результате имена таких вещей содержат общую сему партитивного отношения в сильных импликационалах своих значений.

Обратимся к фактическому материалу. В нашей работе в качестве примера мы возьмем блок знаков, который включает в свой состав в качестве гиперсемы простую логограмму 魚 yú – рыба и морфограмму 犭 quǎn – собака, чтобы показать не только закономерность влияния гиперсемы на значение

знака в целом, но и существования гипер-гипонимических отношений, включающих в свой состав родовой и видовой компоненты.

Простая логограмма 魚 yú – рыба образует следующий список сложных логограмм, обозначающих рыб: 1) 魴 dāo – сабля-рыба; 2) 鯢 sì – пятнистая гирелла; 3) 鮠 hú – сельдь-гильза; 4) 鲨 shā – акула; 5) 魴 fèn – скрытожаберник; 6) 魴 fáng – лец; 7) 魴 bǎn – паралихт, ложный палтус; 8) 魴 pí – горчак; 9) 魴 bà – макрель; 10) 魴 tún – японский иглобрюх; 11) 魴 yuán – крупная черепаха; 12) 魴 yóu – стрельчатый кальмар; 13) 魴 pí – сом; 14) 魴 nián – амурский сом; 15) 魴 tái – японская скумбрия; 16) 魴 zhǎ – медуза; 17) 魴 yìn – полосатая рыба-прилипала; 18) 魴 píng – вид камбалы; 19) 魴 fù – карась; 20) 魴 wèi – кунджа; 21) 魴 bā – усач; 22) 魴 bō – макрель; 23) 魴 pí – горчак; 24) 魴 tuō – макрель; 25) 魴 bào – морское ушко; 26) 魴 bì – сима, исима, мазу; 27) 魴 cì – койлия; 28) 魴 guī – кета; 29) 魴 hòu – мечехвост; 30) 魴 jié – беззубка; 31) 魴 luò – тунец; 32) 魴 qí; yì – исполинский окунь; исполинская саламандра; 33) 魴 jì – *Coilia* (морская рыба мелководья); 34) 魴 xún – осетр; 35) 魴 wěi – меченосный осётр; 36) 魴 ér – эр (рыба, водящаяся в Восточном море); 37) 魴 tóng – мелкий змееголов; 38) 魴 jiāo – акула; 39) 魴 wéi – багрида; 40) 魴 zhào – горный сомик китайский; 41) 魴 shú – мелкий тунец; 42) 魴 liè – сабля-рыба, волосохвост; койлия; 43) 魴 ān, àn – удильщик, морской чёрт; 44) 魴 jiān – полосатый тунец; крупный угорь; 45) 魴 lǐ – карп; 46) 魴 jì; jī – карась; 47) 魴 shí – сельдь-гильза; 48) 魴 lí; lǐ – змееголов; 49) 魴 chóu – елец, чебак; 50) 魴 suō – елец; 51) 魴 lián – толстолобик обыкновенный; 52) 魴 zhé – горчак; 53) 魴 huàn – амур, белый амур; 54) 魴 duó – мелкий змееголов (рыба); 55) 魴 miǎn; wǎn – промысловая рыба семейства горбылёвых; 56) 魴 tiáo – востробрюшка; 57) 魴 chāng – морская рыба отряда окунеобразных; 58) 魴 zī – кефалевые; 59) 魴 jì – *Coilia* (морская рыба мелководья); 60) 魴 fēi – сельдь; 61) 魴 qīng – скумбрия, чёрный амур; 62) 魴

diāo – морской карась; 63) 歸 **zhǒu** – горчак (рыба); 64) 鮫 **shēn** – ставрида, конская макрель; 65) 鯪 **lái** – угорь; 66) 鰕 **zōu** – мелкая рыбёшка; 67) 鮫 **líng** – гуандунский карась; 68) 鰕 **xù** – толстолобик, толпыга; 69) 鰕 **xù** – промысловая рыба семейства горбылевых; 70) 鰩 **ní** – японский скрытожаберник; самка кита; мелкая рыба; 71) 鰩 **shī** – карпоед, карповая вошь; 72) 魮 **qí** – вьюн; 73) 鯨 **zōng** – сциена Шлегеля; 74) 鯨 **jīng** – кит; 75) 鮠 **nián** – амурский сом; 76) 鮠 **jiù** – сельдь-гильза; 77) 鰩 **lí** – японский угорь; сельдь-гильза; 78) 鰩 **qiè** – ханкайский горчак, 79) 鰩 **huáng** – осетр, 80) 鰩 **wēn** – дальневосточная (японская) сардина, иваси, 81) 鰩 **yǎn** – амурский сом, 82) 鰩 **chūn** – испанская (поперечнополосатая) макрель; 83) 鰩 **qiū** – амурский вьюн, 84) 鰩 **zéi** – каракатица; 85) 鰩 **biān** – амурский белый лещ; 86) 鰩 **è** – крокодил; 87) 鰩 **hóu** – иглобрюхие; 88) 鰩 **dié** – камбала, палтус; 89) 鰩 **liàn** – мелкая рыбка; малёк; 90) 鰩 **qiū** – амурский вьюн; 91) 鰩 **quán** – пескарь-лень; 92) 鰩 **wēi** – красная солдат-рыба; 93) 鰩 **tí; dì** – анчоус японский; 94) 鰩 **xiā** – скрытожаберник японский; 95) 鰩 **fù** – морские ушки; 96) 鰩 **biān** амурский белый лещ; 97) 鰩 **miè** – сабля-рыба; 98) 鰩 **cháng** – южный сом; 99) 鰩 **zī** – елец; 100) 鰩 **wēn** – сардина; 101) 鰩 **yáo** – скат; 102) 鰩 **lú** – судак морской; окунь обыкновенный; 103) 鰩 **tǎ** – европейская соля, европейский морской язык; 104) 鰩 **páng** – горчак; 105) 鰩 **ruò** – иваси; 106) 鰩 **jiān** – колючепёрая камбала, 107) 鰩 **lí** – змееголов; 108) 鰩 **sāo** – сао (рыба из реки Вэйхэ, похожая на осетра); 109) 鰩 **mǐn** – тихоокеанская треска; 110) 鰩 **jiān** – полосатый тунец; крупный угорь; 111) 鰩 **xuě** – треска; 112) 鰩 **xí** – вьюн, 113) 鰩 **wèi** – морская собачка; 114) 鰩 **zhēn** – японский полурыл; 115) 鰩 **yōng** – толстолобик; 116) 鰩 **lè** – сельдь-илиша, восточная илиша, пилобрюхая сельдь; 117) 鰩 **chóu; yóu** – елец; икра (рыбья); 118) 鰩 **mán** – угорь; 119) 鰩 **huī** – крупная (сильная) рыба, 120) 鰩 **lián** – толстолобик; 121) 鰩 **jī** – китайский карась, золотая рыбка;

мелкая опальная раковина, мелкий моллюск; 122) 鱧 liè – рыба семейства карповых; 123) 鱮 jì – живородящая речная рыба отряда акулообразных, 124) 鱖 lóu; lú – карп; 125) 鳖 biē – дальневосточная черепаха, 126) 鱮 shàn – угорь; 127) 鱮 xún; xín – осетр; 128) 鱮 shàn угорь; 129) 鱮 zūn – кумжа, 130) 鱮 yù – горчак; 131) 鳊 guì – китайский окунь; 132) 鳊 fèn – обыкновенный орляк; 133) 鳊 huáng – осетр; 134) 鳊 ĭ – змееголов (вид рыбы), 135) 鳊 guì – китайский окунь; 136) 鳊 shéng – мальки; 137) 鳊 gǎn – желтощёк; 138) 鳊 hòu – мечехвост; 139) 鳊 cháng – косатковый сом; 140) 鳊 hù – сом; 141) 鳊 xù – толстолоб, толстолобик, толпыга (рыба); 142) 鳊 zhān – осетр; угорь.

Список приведенных сложных логограмм из 142 знаков показывает, что все виды рыб включают в свой состав простую логограмму 魚 yú – рыба в качестве родового маркера гиперсемы, то есть общей семантической части, указывающей гиперпризнак каждого из знаков. Таким образом, простая логограмма 魚 yú – рыба рассматривается как знак-гипероним по отношению к сложным логограммам, являющимся гипонимами. Между собой данные гипонимы соотносятся как эквонимы. В приведенном списке из 142 знаков есть 5 знаков, включающих в свой состав в качестве гиперсемы простую логограмму 魚 yú – рыба, но не относящихся к рыбам. Это 鯨 jīng – кит, 鱷 è – крокодил; аллигатор, 魷 zhǎ – медуза, 鱉 yuán – крупная черепаха и 鳖 biē – дальневосточная черепаха. Как мы видим, письменные маркеры данных знаков не совпадают с научной классификацией: и имя представителя млекопитающих, и имя представителя пресмыкающихся, а также имя представителя рептилий и имя представителя морских кишечнополостных животных маркируются простой логограммой 魚 yú – рыба, скорее всего, на основании того, что все вышеописанные представители обитают в воде.

Морфограмма 犴 quǎn – собака представлена следующим списком сложных логограмм: 1) 犴 àn – дикая собака; hàn лось; 2) 犴 cái – красный волк; 3) 犴 yá; yà – животное, похожее на барсука; 4) 犴 jiá – собака, 5) 犴 hòu – волк

(монгольский); 6) 狃 **yòu** – чёрная мартышка; 7) 狃 **kàng** – еж; 8) 獾 **wàn; màn** – род волка; 9) 獾 **jué** – крупная обезьяна (самка); 10) 狴 **shēng; xīng** – колонок, орангутанг; 11) 狙 **jū; qù** – крупная обезьяна, 12) 狴 **líng** – породистая собака, 13) 狗 **gǒu** – собака; 14) 狴 **fèi** – собакоподобная обезьяна; 15) 狐 **hú** – лиса; 16) 狴 **xiè** – сюэ (название дикого животного), 17) 狴 **páo** – косуля, козуля; 18) 狴 **huán** – большая собака; 19) 獾 **tǎ** – выдра; 20) 獅 **shī** – лев; 21) 狴 **yì** – рысь; 22) 狸 **lí** – енотовидная собака; 23) 狴 **xiǎn** – длинномордая собака [с жёлтой головой]; 24) 狼 **láng** – волк; 25) 狴 **shè** – в сочетании 狴狴 **shèlì** рысь; 26) 狴 **ní** – лев; 27) 狴 **xīng** – орангутанг; 28) 猪 **zhū** – свинья; 29) 猫 **māo** – кот, кошка; 30) 狴 **hú** – китайская макака; обезьяна, 31) 狴 **wèi** – ёж, 32) 狴 **wō** – болонка (пекинская); 33) 狴 **jiá** – собака; 34) 猴 **hóu** – мартышка, обезьяна; 35) 狴 **náo** – обезьяна; мартышка; 36) 狴 **yuán** – [бесхвостая, человекоподобная] обезьяна; 37) 狴 **huán; yuán** – дикобраз, 38) 狴 **chán** – вид макаки; 39) 狴 **zhāng** – водяной олень; 40) 狴 **áo** – мастиф (порода крупных собак); 41) 狴 **xiāo** – собака с коротким щипцом; 42) 狴 **gé** – крупный волк; 43) 狴 **xiǎn** – длинномордая собака [с жёлтой головой]; 44) 狴 **náo** – обезьяна, макака; 45) 狴 **lú** – чёрная гончая; 46) 狴 **tǎ** – выдра; 47) 狴 **huān** – барсук; 49) 狴 **ě, luó** – свинья.

Список приведенных сложных логограмм из 49 знаков показывает, что большинство вторичных знаков включают в свой состав в качестве гиперсемы морфограмму 犭 **quǎn** – собака, но не относящихся к семейству собачьих. Это 猫 **māo** – кот, кошка, 獅 **shī** – лев, 狴 **yì** – рысь, 獾 **tǎ** – выдра, 獾 **huān** – барсук, 狴 – орангутанг, 猴 **hóu** – мартышка, обезьяна, 狴 **náo** – обезьяна; мартышка, 獾 **ě, luó** – свинья и так далее. Как мы видим, письменные маркеры данных знаков не совпадают с научной классификацией: и имя представителей кошачьих, и имя представителей куньих, а также имя представителей обезьян и имя представителей свиней маркируются морфограммой 犭 **quǎn** – собака, скорее всего, на основании внешнего сходства с собакой.

Итак, подводя итоги вышеизложенного анализа, следует сказать, что в данной работе нами было рассмотрено в общей сложности 191 сложная логограмма, образованная от простых логограмм и морфограмм со значением животных. В свой черед простые логограммы и морфограммы последовательно маркируют гиперпризнаки животных, представленных в вышеизложенном анализе. Исходя из результатов семантико-грамматологического анализа некоторых знаков-зоонимов китайского языка, можно сделать вывод, что значительное число проанализированных китайских сложных логограмм-зоонимов обозначают гипер-гипосемантические отношения, включая в свой состав родовой и видовой компоненты, а эти отношения фиксируются не только на семантическом, но и на графическом уровнях. Приведенный материал достаточно ярко демонстрирует значимость графических компонентов в отражении, формировании и передаче означаемого. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что графическая система китайского языка является системообразующим фактором в формировании семиотической организации китайского языка. В большинстве своем сложные логограммы, обозначающие виды животных, содержат знак-гиперсему, который подсказывает отнесенность того или иного животного к соответствующему виду, как бы дублируя его значение на образном уровне.

Таким образом, проделанный анализ дает нам основание утверждать, что в китайском этносознании существует особая, дополнительная картина мира, а именно картина мира письменного языка, создаваемая и формирующаяся китайскими письменными знаками. И эта особая картина письменного языка во многом не совпадает с так называемой научной картиной мира. Это ярко проявляется при формировании китайскими письменными знаками графо-семантических полей с гипер-гипонимическими отношениями.

Библиографический список

1. Байрамова, С.И. Учет когнитивных репрезентативных схем при формировании базовой переводческой компетенции [Текст] / С.И. Байрамова // Лингво-дидактические аспекты перевода в процессе подготовки переводчиков: материалы международного научно-

практического семинара (Иркутск, 15 ноября 2005 г.). – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006. – С. 15–25.

2. Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности [Текст]/Готлиб О. М. – М.: Восток, 2006. – 284с.

3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

4. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики [Текст]: учеб. пособие/ Никитин М.В. СПб: Научный центр проблем диалога, 1997.

5. Цзоу Сяоли. Комментарий формы и значений базовых китайских иероглифов [Текст]/Цзоу Сяоли. – Пекин, 1990.

6. «汉语大字典» 缩印本/四川辞书出版社, 湖北辞书出版社, 1993.

7. 现代汉语词典/ 商务印书馆, 2011.

В.Ф. Бородич (Москва)

Институт Дальнего Востока РАН

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КИТАЕ

Проблематика прав человека в Китае – одна из наименее исследованных и, одновременно, наиболее политизированных. Между степенью исследованности и политизированностью имеется, причинно-следственная связь, недостаток исследованности влечет перевод понимания проблематики прав человека в политическую плоскость. Значительная часть публикаций по правам человека в Китае основывается на теории модернизации с ее линейным представлением о прогрессе как движении от традиционного общества к современному. Использование, применительно к исследованию прав человека, цивилизационного методологического подхода показывает, что права человека являются для руководства Китая частью заимствуемой духовной культуры Запада. Но масштаб и форма заимствования определяется, исходя из синергетического представления о «полезном» и «вредном» для общественной системы.

Еще большие, чем цивилизационный подход, возможности в исследовании проблематики прав человека содержит институциональный подход. Китай имеет свою матричную модель прав человека, не совпадающую с моделью прав человека в западных обществах, для

Китайская разработка собственной модели прав человека представляется не только и не столько политически важной задачей, сколько задачей научного поиска.

***Ключевые слова:** права человека, цивилизационный подход, институциональный подход.*

V.F. Borodich (Moscow)

RAS Institute of Far Eastern Studies

ON THE METHODOLOGICAL BASIS FOR EXPLORATION OF THE HUMAN RIGHTS IN CHINA

The problem of human rights in China is one of the least explored and at the same time one of the most politicized subjects. The extent of exploration and the politicizing seems to be in the cause and effect relationship, as the insufficient exploration would result in transportation of understanding of human rights agenda into the political plane. A considerable portion of such writings is based on the theory of modernization featured by the linear perception of progress as a march from the traditional society to the modern one. Using the civilization-related methodological approach to research of the human-rights agenda let us know, that the Chinese leadership treats human rights as a part of the West's spiritual culture being borrowed/ However, the scale and form of borrowing is determined on the base of the synergetic perception of what is "useful" and "detrimental" for the societal system.

The even broader possibilities to research the human rights agenda are laid in the institutional approach, under which it would be rightful to address the human rights as a social institute. China has its matrix model of human rights which does not fit in the human rights model of Western societies. Therefore, development of its own human-rights model for China appears not only and not so much as a politically important task, but rather as a task of scholarly search.

***Key words:** human rights, civilization-related methodological approach, institutional approach.*

Проблематика прав человека в Китае – одна из наиболее политизированных и, одновременно, наименее исследованных в современном китаеведении проблемных областей. Между степенью исследованности и политизированностью имеется причинно-следственная связь, недостаток исследованности нередко переводит понимание проблематики прав человека в политическую плоскость. Оценки западными специалистами политики руководства КНР в области прав человека отличаются, как правило, резкой критичностью.

Анализ исследований в области прав человека в Китае свидетельствует о том, что значительная их часть основывается на теории модернизации с ее линейным представлением о прогрессе как движении от традиционного общества к современному. Именно это дает пищу критическим оценкам положения с правами человека в Китае. Такой подход тиражируется и за пределами стран Запада, он имеет хождение, в частности, и в России.

Представляется, что значительное количество материалов СМИ основывается именно на модернизационной методологии, а материалы носят зачастую обвинительный, по отношению к властям КНР, характер.

Данная ситуация не имеет ничего общего с логикой научного поиска, которая предполагает возможность применения различных методологий.

Пример продуктивного использования, применительно к исследованию прав человека, цивилизационного методологического подхода дают работы российского философа, академика В.С. Степина [Степин, 2011]. Следуя предложенной им методологии можно выстроить следующую цепочку суждений о проблематике прав человека в Китае:

1. Западные цивилизации - лидер в производстве нового знания и нового материального продукта. Производство нового продукта осуществляется путем и за счет отрицания продукта старого. Способ развития техногенного общества – *эволюционно-революционный*.

2. В традиционных (условно, «восточных») обществах способ развития *эволюционный*, после революционного рывка техногенного общества (Новое время) традиционные общества оказались перед цивилизационным вызовом, предлагавшим выбор: либо найти пути интенсивного эволюционного развития, либо сохранить свою самоидентичность, но занять место на периферии общественного развития, либо осуществить политику модернизации, заимствуя опыт техногенных цивилизаций.

3. Модернизация традиционных обществ проводится либо путем копирования модели успешно развивающегося государства Запада, либо путем творческого интегрирования нового и традиционного.

4. Права человека – ценностно-нормативный эталон развития общественных систем техногенного типа, созданный западными цивилизациями. Права человека или заимствуются в ходе модернизации, или встраиваются в ценностно-нормативное ядро модернизирующихся обществ.

5. В Китае до 1978 года модернизация зачастую предусматривала прямое копирование зарубежных, прежде всего, советских, образцов организации государственной и общественной жизни. После решений 3 Пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) о начале реформ нового типа стало очевидным, что руководство КНР взяло курс на использование *синергетического подхода* при проведении модернизации (эквивалент этого подхода – китайская формула «взять у зарубежных стран то, что полезно и отказаться от того, что вредно»). Общественная система Китая стала трансформироваться из *закрытой* в *частично открытую* (по-китайски эта установка выражена требованием проводить «политику внешней открытости»).

6. Права человека являются для руководства Китая частью заимствуемой духовной культуры Запада. Но масштаб и форма заимствования определяется, исходя из синергетического представления о «полезном» и «вредном» для общественной системы, а не исходя из соответствия или не соответствия выработанным государствами Запада «международным стандартам». Политическое руководство КНР исходит, при этом, не из антропоцентристского, а из коллективоцентристского подхода, права коллектива, общества в целом традиционно рассматриваются как приоритетные перед правами индивида. Права человека в настоящее время являются для политического руководства Китая нормой-целью. Достижение этой цели будет возможно, считают в руководстве КНР, при развитии общественной системы Китая до уровня развитых стран мира. Поскольку путь, которым Китай развивается, обусловлен социалистическим выбором, а Китай оценивает себя находящемся на начальной стадии построения социализма, т.е. в начале пути, то права человека как реальность признается отдаленной на многие поколения перспективой.

7. В 1989 году Китай прошел точку бифуркации в своем политическом развитии, осуществив выбор в пользу отказа от линейного подхода при проведении политики модернизации. Часть правящей элиты Китая, выступавшая, в частности, за расширение прямых заимствований у Запада политических ценностей и норм, включая права человека, лишилась своих постов.

8. В настоящее время права человека выполняют в политике КНР следующие функции: 1) функцию интеграции Китая в систему мирового общения; 2) функцию консолидации общества, при этом они как норма-ценность сочетаются с традиционными нормами-ценностями. Такое использование двух различных ценностных координат обусловлено стремлением руководства КНР консолидировать все основные слои и группы быстро расслаивающегося китайского общества, часть которого тяготеет к ценностям техногенного общества, а часть остается в орбите общества традиционного.

Еще большие, чем цивилизационный подход, возможности в исследовании и оценке проблематики прав человека содержит институциональный подход, на котором базируется теория институциональных матриц, разработанная российским социологом С.Г. Кирдиной на рубеже XX-XXI веков [Кирдина, 2001]. Согласно логике этого подхода права человека правомерно рассматривать как социальный институт, который может быть или базовым, или комплементарным, дополняющим базовый. Суть и содержание этого института в обществах, имеющих различные типы институциональных матриц, кардинально отличаются. Китай, имеющий институциональную матрицу восточного, или, согласно принятой в теории С.Г. Кирдиной системе координат, матрицу X-типа, по определению имеет свою матричную модель прав человека, не совпадающую с моделью прав человека в западных обществах, сформировавшихся как общества с институциональными матрицами западного, У-типа. Следовательно, для Китая разработка собственной модели прав человека представляется не только и не столько политически важной задачей, сколько задачей научного поиска. Китайским ученым и политикам стоит

пожелать творческих успехов на этом пути. Применение институционального подхода к исследованию и оценке проблематики прав человека российскими китаеведами и обществоведами имеет также хорошую перспективу, т.к. именно в нашей стране теория институциональных матриц разработана и успешно применяется в исследованиях по общественно-политическому развитию России. А Россия и Китай, что подтверждается исследованиями, относятся к одной и той же базовой институциональной матрице восточного типа [Кирдина, 2001; Бородич, 2008].

Библиографический список

1. Бородич В.Ф. Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI вв.): опыт сравнительного анализа. Монография. - М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2008.
2. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
3. Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб, 2011.

Ван Ланьцзюй (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

ЧУВСТВЕННОСТЬ, МЕЛОДИЧНОСТЬ И ЭНЕРГИЯ (ЦИ) - ТРИ КИТА КИТАЙСКОГО ДЕКЛАМИРОВАНИЯ

В данной статье описывается опыт применения трех основополагающих факторов успешного декламирования текстов различной стилистики на китайском языке: чувственности, мелодичности и энергии (ци). Автор акцентирует внимание на силе воздействия указанных факторов, влияющих, в том числе, и на результат выступления. Отмечается важность участия указанных факторов в развитии у обучающихся языкового чутья, что является немаловажным в процессе преподавания китайского языка.

***Ключевые слова:** чувственность, мелодичность, энергия (ци), языковое чутье, декламирование.*

Van Landzyui (Irkutsk)
MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

**SENSATIONISM, MELODIOUSNESS AND ENERGY (CHI)
AS THREE PILLARS OF DECLAMATION IN CHINESE**

The purpose of this article is to describe the experience of using three main factors of successful declamation of different types of texts in Chinese: sensationism, melodiousness, energy (chi). The author emphasizes the influence of these factors in particular on the result of performance. The importance of developing linguistic feeling in the process of teaching Chinese is also mentioned.

Key words: *sensationism, melodiousness, energy (chi), linguistic feeling, declamation.*

王兰举 (伊尔库斯科)
莫斯科国立语言大学
欧亚语言学院

汉语演讲与朗读中的情声气

本文以汉语教学实践及多种语体文体为例，阐述了汉语演讲演说及其朗读中的三大基本要素——即情、声、气合理运用。作者着重强调其重要的感染力和表达效果，是汉语语感教学的科学化和具体化的范例。

关键词：情，声，气，语感，朗读。

朗读，演讲，演说——是使用有声语言向人们传达思想、表达情感、交流信息的重要手段。为了达到有效的表达目标，在这样的有声语言交流过程中，需要合理运用情、声、气，声情并茂地朗读演讲，入情入理地表情达意。这是高级汉语口语的重要表现手段。

情、声、气及其表达要求：

1. 情，是指对于文稿中情感义理的感悟理解及其传达的情感境界，对“情”的感悟与传达的要求体现在一个“高”字上，就是力求高境界。比如：

我们赞美长江，你是无穷的源泉
我们依恋长江，你有母亲的情怀

啊长江！

啊长江！

长江是文明的源泉，神圣可敬；长江养育着亿万儿女是可亲、可爱的母亲，对这一境界的理解和感悟务求高远。

2. 现代汉语朗读对于声的要求是在中声区发声，即体现在一个“中”字上，中就是适中，不能过高，也不能过低。首先要从文稿的思想情感和义理发出，寻求得体；其次，发出的声音要让听众容易接受，便于接受，乐于接受。

3. 气，要深——是说气息要深沉，即体现在一个“深”字上。因为气息不仅是声音传递所必须的动力，它本身也是表达情感的重要手段。比如，啊，长江！

怎样运用情声气的配合，怎样在具体的朗读或演讲中合理地使用情声气，要结合具体的课文和语境，举例说明：

第一类：气息沉稳，语调平实，咬字清晰 例如：

“这几天心里颇不宁静，今晚在院子里坐着乘凉，忽然想起日日走过的荷塘，在这满月的光里，总该另有一番样子吧！”

朱自清《荷塘月色》

作为《荷塘月色》的启句，它的情感基调——是淡淡的哀愁。所以，朗读语气要沉稳，不能张扬，而吐字归音务必清晰，力求将作者的文思脉络清清楚楚地传达给受众。再如：

“春江潮水连海平，海上明月共潮生。
滟滟随波千万里，何处春江不月明。”

张若虚《春江花月夜》

这几句古典诗词，没有炽热的情感火花，也不是惊涛拍岸的冲天壮阔，朗读时需要把握气息平和的恬淡美；咬字务必清晰。

六国破灭，非兵不利战不善，弊在赂秦。赂秦而力亏，破灭之道也。或曰：“六国互丧率赂秦也？”曰“不赂者以赂者丧，盖失强援，不能独完，故曰，弊在赂秦也”——贾谊《六国论》

这段脍炙人口的千古佳作，字字千钧，主旨明确，逻辑缜密，朗读时必须把握气息沉雄浑厚，咬字清楚，并特别强调抑扬顿挫，读来令人折服。

对于情感义理的理解感悟与表达，没有确定的唯一标准，因人而异，因文而异。比如：

“我们终于达到了这样的审美，当陨星迸散，不去嘘嗟那瞬息之光的幻灭的美，却在沉听那陨声的哀远、、、”

冯雪峰《断章. 审美》

“我终于懂得衰亡民族之所以默无声息的缘由了，沉默啊，沉默，不在沉默中爆发，就在沉默中灭亡！”

鲁迅《祝福》

这两例，在情感、义理传达倾向于低沉、稳实、凝重，而吐字归音必须清晰。

第二类：气沛声宏，情溢于声，

“可恶，然而、、、”

鲁迅《祝福》

就语境而言，“可恶”二字出口凝重，气息较大；“然而”转而舒缓，体现主人公鲁四老爷由“情”至“理”情理流动痕迹。

“呜呼，盛衰之理，虽曰天命，岂非人事哉！”

欧阳修 《五代史伶官传序》 “呜呼”是作者欧阳修明察史册，对历史规律的主观喟叹。朗读“呜呼”二字不能张扬，气息宜自然而深沉，好像他在说：“是啊、、、”。

“大江东去，浪淘尽，千古风流人物”

苏轼《念奴娇，赤壁怀古》

这几句朗读时要气足神完，波涛寓胸，气吞山河，咬字不宜太实，气大声宏。

“对酒当歌，人生几何，譬如朝露，去日苦多，慨当以慷，忧思难忘，何以解忧，唯有杜康”

曹操《短歌行》

曹操的这几句诗，主要体现“建安风骨”之梗概而多气，朗读自然是气大容声，深沉慷慨，虚实相融。

现将最近几年 ИГЛУ 学生参加《汉语桥》比赛演讲、朗诵的综合训练为例，作综合分析。

1) ”、、、朋友，当你喝完一杯豆浆，背起书包走向学校的时候，当你坐上早晨第一列电车走向工厂的时候，当你坐在办公桌前开始一天的工作的时候，你是否感觉到这是一种幸福？朋友，在中国，我真实地感受了这样的温馨、和谐与幸福！”

(Марина Низовцева, 2012 年, 参加中国长沙世界《汉语桥》比赛演讲稿片段)。

文中三个“当你、、、”连用，虽是排比句，但目的不在于使人折服，而在于向人们述说描绘大中国的和谐氛围，因此“当你、、、”读起来口吻温馨和谐，有幸福感，愉悦感。、

2) ”离开中国那天，孩子哭了，我也哭了，女儿对我说：“妈妈，我还要回来，我要跟中国小朋友一起上幼儿园、、、”

这是我编写的《儿童汉语》教科书，我要用这本书，教我的孩子，教朋友的孩子，教千千万万俄罗斯的孩子，我要教他们画可爱的熊猫，画神奇的飞龙，教他们写漂亮的汉字，教他们唱 我爱你中国、、、（2013 年 Ольга Хо 参加汉语桥比赛的演讲稿片段）

末片段同样使用排比句式“教我的、、、，教朋友的、、、，教千千万万、、、”——演说时，每一句都要比上一句的语势更强且愈寓自豪感。紧接着又是“我要教他们画、、、，教他们写、、、，教他们唱、、、”，句式活泼灵动，情感喜悦张扬，演说者内心的骄傲与自豪抒发得淋漓尽致，火热的激情鼓舞着台下观众。

3) ”黄帅的老家在农村，说是村子，也只有十几户人家。那天，我们翻过了几道道山，夜里十点多来到黄帅家。老妈妈看着我这个金发碧眼的姑娘，不知道说什么好，我说“阿姨好”，她一把拉住我的手说：“好、好、好，都好，都好、、、”，那一刻，我好想偎依在她的怀里，叫她一声妈妈——
(Юлия Ипатенкова, 2014 年, 参加中国长沙世界《汉语桥》比赛演讲稿片段)。

“黄帅的老家在农村，说是村子，也只有十几户人家。那天，我们翻过了几道道山，夜里十点多来到黄帅家。”这几句在演说中务必吐字清晰，不能快不能急，一字一板，平铺直叙。同时，还要把俄罗斯姑娘对中国农村的陌生感新奇感以及她迫切想看到男友家人的热望蕴含在一字一句的演说里。紧接着就是“对视”和“对话”“老妈妈看着我这个金发碧眼的姑娘，不知道说什么好”这句是陈述句，体现农村妈妈的淳朴，于无声处蕴含眷眷真情。紧接着“阿姨好、、、”和“好、好、好，都好，都好、、、”这句在演说中口吻温馨、舒缓，激情满怀，拳拳母爱，感人至深。要把东方母亲的深沉与厚重渲染得淋漓尽致。以至于“我好想偎依在她的怀里，叫她一声妈妈——”

4) ” 长 江 之 歌
我们赞美长江，你是无穷的源泉
我们依恋长江，你有母亲的情怀

啊 长江，

啊，长江！”

(Татьяна Паутова, 2011 年, 参加中国长沙世界《汉语桥》比赛朗诵文稿片段)。

理解诗文，第一个“啊，长江”是母亲长江，她是母亲，可亲，可爱，可抚摸，可拥抱。读起来要亲切、温馨、美好。第二个“啊，长江！”境界很高，高入云端，——她是上帝，是哺育万物的圣母！所以，这一句“啊，长江！”气息至大至深，语调沉雄浑厚，响彻苍穹。

怎样总体确定情声气基调，必须从演讲稿的基本内容出发，品味其情理、情感基调。在此基础上，把握吐字归音，抑扬顿挫和情声气的合理运用，避免盲目性或随意性。

演讲、朗读中的情、声、气，三者不是孤立分散的单独元素，它们是虚实相融的有机体。在表达中，或语气舒缓，或则气大声宏。应根据文稿的题材、体裁和表达目的而定。同时，这里又没有且不能够制定唯一标准。当然，入情入理、恰到好处地运用情声气演说、朗读，是一个再创作过程。在考虑怎样运用情声气之前，必须认真研读课文，仔细推敲文稿，在很好地理解感悟基础上，从中提炼出它的精神实质，内在思想情感，抓住灵魂。这一过程本身，往往需要我们具备较好的语言文学和文化素养。怎样在朗读发声过程中，恰到好处地运用情、声、气，还要考虑到它的审美情趣和美学境界以及情感感染效果。因此，我们说，它是“再创作”既不可随随便便，亦不可标准划一。因为我们在使用自己的声音进行传达的同时，必将反映出我们每一个人，个体情感体验、理性境界和审美感悟。

我们应提倡将情、声、气教学有机融入汉语语感教学过程中，如果忽略甚至抛弃情、声、气教学，（特别是听、读乃至朗读演讲、演说和听说等等类似的训练中）那将是汉语教学的一大缺陷。特别是一些汉语言文学、文化的优美经典诗文，学生就不知道怎么读，也从来没有听到过怎么诵读，甚至我们的学

生还会对那些高水平的朗读和演说感到非常奇怪。果真如此，那将是无比痛心的憾事。

强调汉语朗读、演讲、演说的情、声、气，以此激发学生兴致勃勃地说汉语，激发学生诵读优美的汉语诗文，使学生全身心地融入到汉语美学的氛围里，使外国朋友能够体味汉语美感，培养学生说得地地道道，读得得入情入理，声情并茂；对于外国学生而言，学会调控语音、语调、语流，掌握情、声、气和谐互融，就会更好地展现学生美好的语音面貌，这不仅影响到人们对其演说和演讲的评价，甚至还有助于个人求职及进一步发展和深造。

中华民族是一个古老的民族，中华文明是古老而充满魅力的文明。作为汉语老师，我们必须认真思考怎样悉心传播这一伟大文明的精华，一一传播她的深沉，传播她的温柔敦厚，传播她的真善美，传播它的博大精深，这将是每一位汉学家的天职，是历史赋予我们的神圣使命，做好这一工作，必将会给整个人类文明的传承与发展做出重大贡献。

Ван Лися, Сун Мэн, Чжан Мэн (Хэбэй)

Хэбэйский университет, КНР

ФОРМЫ ЭВФЕМИЗМОВ ИНТЕРНЕТА И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

Сетевой эвфемизм - это одно из явлений в процессе использования людьми интернет-языка; это важное средство в процессе координации межличностных отношений в сети. Основой данной статьи являются исследования эвфемизмов китайского языка с точки зрения лексикологии. Объектом исследования являются эвфемизмы интернета, интернет-эвфемизмы в научном определении, структурных методах и в других ракурсах исследований, которые демонстрируют разные характеристики.

Ключевые слова: *эвфемизм, интернет, приложение*

Van Lisya, Sun Men, Zhan Men (Hebei)

Hebei University, China

THE FORMS OF EUPHEMISMS IN THE INTERNET AND THEIR EVOLUTION

The network euphemism is one of the phenomena appeared in the process of using the Internet-language as well as a significant mean of coordinating interpersonal relations in the Internet. The basis of this article is the results of studying Chinese euphemisms from the point of view of lexicology. The object of the research is Internet euphemisms.

Key words: *euphemism, Internet, application*

王丽霞 宋萌 张猛
河北大学, 河北, 中国

委婉语在网络中的表现形式及其发展状况

摘要: 网络委婉语是人们在网络语言使用过程中的一种现象, 是协调网络人际关系的一个重要手段。本文以汉语委婉语研究成果为基础, 从词汇学的角度出发, 以网络中的委婉语为研究对象, 对网络委婉语在定义及构成手段等方面所表现出的不同特质, 加之以网络中流行的实例, 进行了一定的研究, 从而使人们对网络委婉语了解更加全面, 以提高人们的网络交际水平。

关键词: 委婉语; 网络; 应用

“委婉语是在一定的言语共同体内, 因特定社会文化和民族心理的制约, 对不便明说、明示的意义或意图, 采取间接的语言手段、表达方式进行交际的一种语言现象”。作为语言的一个重要形式, 它广泛存在于人们的社会生活、言语交际和文学创作之中, 并在人们的日常生活、学习和工作中扮演了十分重要的角色。委婉语是一种语言常规的变异现象, 也是一种文化现象, 它普遍存在于各种语言之中, 并渗入到生活的各个方面, 如政治、经济、日常生活、新闻报道及网络等方面。传统委婉语包含了两方面的内容, 一是说什么, 二是如何说, 即用什么样的说话方式成功地达到交际目的。在实际的交际过程中, 人们说话并不总是直来直去, 话语的字面意义和说话的真正意图并不总是一致, 所以就有弦外之音, 话外之意。大部分的委婉语的产生都有一个共同的心理原因, 那就是人们的“礼貌”和“忌讳”的

心理。委婉语就充分地让交际双方顾及到人们普遍存在的这种心理。在交际中，委婉语也充分展现了它在语言上的独特优势，使得交际顺利进行。同理，随着计算机网络技术的高速发展，网络语言也慢慢渗透到人们的网络生活中，网络语言中也必然会产生一些为了避免不必要的冲突或者尴尬的话题而使用的语言，即网络委婉语。

1.网络委婉语的构成手段

传统委婉语的表现形式一般有以下一些形式：语意扬升法、模糊法、低调陈述法、借词法、使用俚语、比喻法、借代法、押韵法、儿语法等。网络时代的委婉语在传统形式的基础上，因网络环境特有的交流手段和语境而衍生出了一些新的表现方式。

1、谐音法

谐音法指利用语言和数字的相似发音达到含蓄交际的目的，这种方法在网络委婉语的应用上十分常见。主要分为以下三类：

(1) 汉字谐音

语音是语言的物质外壳，语言是人们的交流工具，其传播的媒介就是语音，因此语音在实际交流中作用很明显。但是语音手段构成的委婉语却常常剑走偏锋，即运用不正确的或者非正统的语音表达方式来取得委婉的效果。如：负人（富人，负债累累的人）、斑竹（论坛的版主）、虾米（什么）。

(2) 数字谐音

委婉语的数字构成手段是指利用数字的谐音或者暗含之义来代替那些粗俗、露骨或者诅咒的话。如：7456（气死我啦）、438（死三八）、74（去死）、87（霸气）等。

(3) 谐音组合

谐音组合更多是追求表达的简洁性，通过不同因素的组合来委婉地使人们认识到这些组合的真正所指。如：3Q（thank you 谢谢）ungeiliable（不给力）等。

2、抽象符号

有时为了达到更生动逼真的效果，网友们经常会通过自己的想象力运用键盘上的各类符号进行组合，构成象形的符号来表达某种单靠纯文字不能表达出来的各种表情、情感及肢体动作，从而表现出交流时的喜、怒、哀、乐等情感。在漫画里，经常会出现一连串的“ZZZ……”来表达人物正在睡觉。“Orz”这三个英文字母的组合表达被某事情打败或郁闷之情，很直观的表现了拜倒之状>(*^__^*) 此符号用象形的手法来表达愉快的心情，通过一个笑脸来表达情感。词义转移法

词义转移法是指结合语境通过将合成词拆分开来，活用其发音及各个词素的意义来表达一种言在此而意在彼的意境，这样可以获得突出某些语素鲜明、生动的修辞效果。如：天才

（天生蠢材）、特困生（特别爱犯困的学生）、偶像（呕吐的对象）等。这种方法的运用避免了所表达意思直接用上所导致的直接性、攻击性和伤害性。

3、象形法

象形法是指通过描绘所表达意义词汇的形状，运用象形的方法表达原意，以避免语言的冲击性，从而达到用词委婉的效果。如，9527、213 等。

4、委婉之“门”

在网络语言中，汉语借用其他语言中的成分也是表达委婉的一种手段，这种手段主要体现在为汉语增加词根、词缀等方面。如“xx 门”。“门”的使用是源于 70 年代美国的“水门事件”。在水门事件发生之后，英语“gate”一词就增加了新的义项且经常被用于具有轰动性的丑闻的名称之后，婉喻产生不良影响的丑闻或不光彩的事情，包括生活和社会的各个方面及各个领域。这种方法随着网络普及和新闻媒体的宣传，其应用的外延还在扩大。2008 年的“艳照门”，2009 年的“诈捐门”和 2010 年的“李刚门”等都是明证。这种方法通过把不光彩的事情的主要特点或者主要当事者加之于“门”这个词缀之前，既经济又保护了语言的的健康，这也是网络委婉语构成的一种重要手段和方式。

5、比喻法

比喻法是指用本质不同但有共同点的事物来指代本体事物的方法，是现代汉语常用的一种修辞方法，网络语言经常运用这种词格来表达委婉。如 286 原本是指最早的电脑处理器，在网络中经常用来比喻人的反应慢，效率低。比喻法在网络委婉语中的运用既避免了交流的尴尬又使得交流在幽默中进行。

6、借词法

借词是指借自外来语言的词。网络是一个自由、开放的交流圈，世界各地都被联系在一起，因此各地文化相互交融，网络语言深受影响，网络委婉语也有许多来自于外语，如：蕾丝边、腹黑等。腹黑（はらぐろ）在日文中意思是黑心肝或表里不一的意思。蕾丝边（lesbian）是指女同性恋。这些借自于外语的词汇淡化了原本消极或贬义的语义特征，避免了使用汉语原意的唐突和尴尬，有利于交际的顺利。

7、汉字合体法

这种方法是将两个单独的汉字作为部首或偏旁组成新字，拉开距离才能看出大概。如：石更、弓虽、月半等。这样拉大了汉字部首和偏旁之间的距离，使人们在理解上要转个弯，这正符合委婉语的特征。

10、汉字合音法

汉字合音法是将两个汉字的拼音合成一字的读音。但这种方法得有一个前提，即该词语的第二个汉字是零声母，并且前一字的韵尾和后一字的韵母之间符合现代汉语的声韵调的合拼规律，这样的条件下，两字合拼就会弱化两字之间拼音的差别，从而变成另一个字。如：表（不要）、酱（这样）。

11、“综合”的方法

综合的方法是指运用了以上很多种方法综合而成的。如“玻璃”。这一委婉的表达方式体现了之前提到的多种方法。这里的“玻璃”，不是在那种在日常生活中使用的易碎品而是指同性恋。它是这样形成的：Boy's Love（男同性恋）— BL（首字母的组合）— boli（汉语拼音）—玻璃。又如：兰州。这里的“兰州”也不是指甘肃省的省会，而是指网络bbs中的发帖人，即楼主。它的形成过程是这样的：楼主—LouZhu（汉语拼音）— LZ（首字母的组合）— Lanzhou（汉语拼音）—兰州。

12、首字母的组合

首字母的组合就是通过运用汉语词汇及其他语言词汇的首字母组合而成的字母序列，并通过此序列来委婉地表达词意。

（1） 汉语词汇首字母组合：

Js（奸商）、JJWW（唧唧歪歪）、BT（变态）

（2） 英语及其他语言首字母、数字的组合：

BM（bowel movement，大便）、GF（girl friend，女朋友）、PK（本意为penalty kick，点球之意，后来随着网络游戏的发展产生了player killing之意，意为单挑）等

2. 网络委婉语的发展状况

“为达到淡化语言中贬义或消极的语义特征，避免交际中的唐突和尴尬，同时也为了交流的方便、快捷，网民们使用谐音、文字、符号等委婉手段代替原有的语言形式，在不断复制语言的同时，也派生出了大量别具特色的语言新分支网络委婉语”。网络委婉语在极短的时间内被广泛地传播至世界各个角落，为网民们所接受和认同，进而促进语言形式的嬗变和进化并显示出其强大的生命力。网络委婉语在延续传统委婉语的特点基础上，又呈现出一些新的发展。

首先，在形式上有了很大的变化。传统委婉语的构成形式主要有：第一、用模糊词代替精确词。比如“死”是精确词，但在一般的交际中，人们往往不说直接说“死”，而是换用一些模糊的词语，比如“归西”、“作古”、“老了”等进行婉指。第二、语义扬升法，即为

了追求文雅和避讳，用一些比较间接的、温和的词语代替直接的、强烈的禁忌词语，或将中性词更换为更美好动听的词语以迎合读者的自尊和虚荣心理。比如，一个女人太瘦，我们说她苗条；太胖，我们说她丰腴；太高，我们说她高挑；太矮，我们说她小巧等等。

其次，除了在形式上的变化外，网络委婉语相对传统委婉语在内容上也表现出了很多独特的特点，其内容涵盖面更加广阔，来源也越来越广。除了一些数字和英文单词或者英文单词的缩写之外，还有来自影视作品中台词或桥段的。此外还有来自各行各业的专业术语，进入网络后，并被人们赋予新的意义，从而为人们的交际服务。通过以上的例子，我们不难看出，网络委婉语对人们生活的影响是多么巨大。我们说任何事物的存在都有其合理性，网络委婉语的存在也不例外。

3. 结语

现今社会是网络交流的时代，网络委婉语丰富了网络语言的内容，具有交流简明便捷的特点。但是网络委婉语毕竟有一个使用范围，那就是网络交流这个大环境。由于网络委婉语的使用环境决定了并不是所有的人都清楚它的委婉意义以及如何使用，很多时候仍然会造成交流不畅等问题，因此在使用网络委婉语时仍需要注意使用的场合。同时由于网络委婉语的作用，可能会使网民进入使用误区。所以，网络委婉语及其所存在的网络语言需要一个规范。有学者认为，“制作作为将在较长时期起作用的网络语言的规范原则应该与快速发展的网络环境相包容，从较广泛的意义上，从总的角度进行规范，保留足够的自由空间”。我们在追求高新技术发展的同时，也要追求网络语言的健康，只有网络技术和网络语言的健康协调统一起来，网络语言才有出路，才能继续存在下去。这就不仅要求我们从根本上提高网民素质，进行道德约束和规范，还需要相关法律法规的制定和实施保障，以促进网络语言的健康发展。

参考文献

1. 郭伏良.新中国成立以来汉语词汇发展变化研究.河北大学出版社.2001.
2. 李军华.关于委婉语的定义.湘潭大学学报(哲学社会科学版), 2004 年第 4 期, P189 - 193.
3. 郝恩香.论委婉语的文化认知及交际策略.三江学院学报.2006 年 12 月.第 2 卷 第 3 期.
4. 朱敏.委婉语及其社会功能[J].人文论坛.
5. 李俊芳.模因论视角下网络委婉语的传播[J].社会科学家, 2010 年 5 月, 第 5 期.
6. 章文捷、刘秀琴.网络委婉语新的构成方式及发展规律[J].山西广播电视大学学报, 2009.
7. 郭熙.中国社会语言学[M].南京大学出版社. (1999) P98.

8. 李俊芳. 英汉委婉语对比研究[M]. 上海: 上海外语教育出版社.2002.
9. 陈雅、万杰. 汉语委婉语在网络语言中的新发展[J]. 中共南京市委党校南京市行政学院.2005.

Войтишек Е. Э., Ковалева К. В. (Новосибирск)
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

«ВИННЫЕ ПРИКАЗЫ» 酒令 ЦЗЮЛИН
КАК ЧАСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ¹

Данная статья посвящена рассмотрению одного из феноменов традиционной культуры Китая, связанного с ритуальным винопитием, а также комплексом застольных игр. В том числе, особое внимание уделяется функциям игр «винного застолья», правилам и инструментарию, используемому в развлечениях такого рода.

***Ключевые слова:** «культура вина», ритуал, застольные игры.*

Voityshek Ye.A., Kovalyova K.V. (Novosibirsk)
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

酒令 JIULIN AS A PART OF TRADITIONAL CHINESE CULTURE

The article is devoted to the phenomenon of traditional Chinese culture, related to the ritual wine-drinking, as well as to the drinking entertainment. In particular, the special focus is concentrated on functions of drinking entertainment, rules and regulations, tools, used in such kinds of entertainment.

***Key words:** wine-drinking culture, ritual, drinking entertainment*

Одним из интереснейших феноменов традиционной культуры Китая является ряд развлечений, связанных с ритуальным винопитием и досуговым времяпрепровождением, среди которых значительное место занимают игры «винного застолья», сохранившиеся до настоящего времени.

¹Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Игровые традиции стран Восточной Азии и антропологическая модель “человека культуры”» (проект № 14-01-00507).

Исследования ученых подтверждают тот факт, что уже в II–I тысячелетии до н. э. жители Китая умели изготавливать алкогольные напитки. Во всяком случае, с периодов Шан-Инь и Чжоу вино² уже играло заметную роль в политической, общественной жизни древнего Китая, обеспечивая сложные религиозно-ритуальные действия в качестве важного элемента культа и культуры вообще [Кучера, 2012.С. 292–312]. Очевидно, с этого времени можно говорить и о развитии в Китае особой «культуры вина» (酒文化 *цзю вэньхуа*), подразумевающей и производство различных алкогольных напитков к разным видам застолья, и изготовление большого количества разнообразной утвари, сосудов и кубков, что сопровождалось формированием весьма разветвленной системы обрядов и ритуалов, отвечающих за благополучие всего государства и отдельной семьи, а вместе с ними – и появлением многочисленных светских игр и развлечений.

Вероятно, предпосылки для возникновения винных увеселений относятся ко времени династии Западная Чжоу (XI в. до н. э. – 771 н. э.), когда винопитие было предельно ритуализовано и имело сакральную функцию, а вино использовалось во время жертвоприношений для «угощения духов». Неслучайно первые упоминания об играх, именуемых впоследствии «винными приказами», встречаются в известных историко-философских и литературных памятниках древности, где речь идет о ритуалах («Ши-цзин», «Ли-цзи», «Чуньцю цзочжуань», «Хань-шу» и др.). При этом название 酒令 *цзюлин*, обозначающее в целом комплекс игр, проводимых на пирах, впервые упоминается в хронике «Хоу Ханьшу» («История династии Поздняя Хань»)³, тогда как ранее встречаются только отдельные виды развлечений (например, 投壺 *тоуху* или 射壺令 *шэхулин* – игра «метание стрел в кувшин» со штрафными очками, сопровождавшаяся винопитием⁴) [Цзинь Сяо-мань, 1991. С. 3–7;

² Авторы работы здесь трактуют иероглиф 酒 *цзю* как «вино» чисто условно и подразумевают просто алкогольные напитки.

³ Хроника, составленная Фань Е в конце IV в. – начале V в., охватывает период китайской истории с конца I в. до н. э. по начало III в. н. э.

⁴ Подробнее о ритуале «метание стрел в кувшин» см. [Войтишек, 2011а; Кейдун, 2014].

Обзор китайских игр..., 1993. С. 1; Все о китайских традиционных играх, 1990. С. 49–50]⁵.

Очевидно, «винные приказы» имели и практическую направленность, поскольку их функция была связана с поддержанием порядка во время пиршеств с помощью системы ограничений и штрафов [Все о китайских традиционных играх, 1991.С. 3]. К периоду Сражающихся царств (476–221 гг. до н. э.) «приказы» 酒令 *цзюлин* обрели тесную связь с досуговым времяпрепровождением и стали включать в себя литературные и другие игры. Этот процесс, протекавший параллельно с развитием виноделия, еще ярче прослеживается в дальнейшем, когда «культура вина» тесно переплелась с богатыми игровыми традициями и ритуальными практиками Китая, а впоследствии прочно укоренилась в традиционной культуре народов всей Восточной Азии [Войтишек, 2011б; Войтишек и др., 2012].

Игры и ритуалы «винного приказа» в Китае подразумевали культурный досуг как демократического характера (с использованием костей, кубиков, биров, фишек, стрел для метания в кувшин и др.), так и сугубо элитарного, требующего глубокого знания классического философского и литературного наследия. Во многих таких заданиях-«приказах» упоминались знаменитые стихотворные шедевры, цитаты из древних канонов и историко-философских памятников, наименования песенных мотивов, сюжеты знаменитых драм, изречения из официального календаря и проч. [Войтишек, 2011а. С. 166–167].

Созданные сообществом интеллектуалов ритуально-игровые практики, зачастую сопровождавшиеся винопитием, в течение многих сотен лет являлись необходимым условием социализации культурного человека на Дальнем Востоке. Такие навыки, как совместное музицирование, умение продекламировать классическое стихотворение, процитировать мудрое

⁵Некоторые источники указывают на глубокую смысловую связь понятий-омофонов 酒 *цзю* («вино», «алкоголь») и 久 *цзю* («долголетие»), что лишний раз указывает на использование алкогольных напитков в благопожелательных ритуалах и культово-обрядовой деятельности [Цзинь Сяо-мань, 1991. С. 3].

изречение из историко-философского наследия прошлого, каллиграфически выполнить надпись или создать живописную миниатюру на веере, свитке или ширме, сыграть или разобрать с достойным противником шахматную партию, ценились в обществе очень высоко и зачастую были залогом успешной чиновничьей карьеры.

Для развлечений «винного приказа» первоначально в Китае, а затем и в культурах Восточной Азии за многие столетия был выработан специфический инструментарий в виде биров, кубиков, карт, костей домино и проч. Так, для «винных приказов» делались специальные колоды карт, где изображались знаменитые исторические или литературные персонажи. При этом обязательным элементом карты становилась надпись – яркая цитата из пьесы, стихотворения или романа. Игра строилась на угадывании литературных ассоциаций или имени автора соответствующего изречения. Другой разновидностью популярных развлечений была такая игра, когда участникам нужно было выполнить то или иное шутовское задание по случайно выпавшей карте (задания, как правило, были связаны с декламацией стихов и выпиванием 1–3 чарок вина одним или несколькими участниками застолья).

Некоторые разновидности застольных игр с винопитием сохранились и по настоящее время. В современных наборах китайских карт для «винного приказа» зачастую приводятся правила игры, подразумевающие выбор распорядителей пира и установление определенной меры чарок. В игре стандартной мерой для водки (白酒 *байцзю*) является винная чарка, вмещающая три цяня (三錢杯 *саньцяньбэй*, то есть 12 мл), а для пива – бокал объемом 150 мл. Что касается самих правил игры, то карты кладут в произвольном порядке на квадратную доску и игроки тянут их с доски. Вытянутая карта передается распорядителю пира, который зачитывает текст «приказа» и следит за его выполнением. При этом указывается, что «винный приказ» подобен военному приказу: он должен быть обязательно исполнен⁶.

⁶Издатели карт намеренно используют здесь аллюзии на знаменитый роман XVIII в. «Сон в красном тереме» писателя Цао Сюэ-цзиня, чьи герои часто повторяли эту фразу за играми в «винный приказ».

Часть игр подразумевает использование различной атрибутики и приемов, известных с древности. Среди них можно указать такие традиционные развлечения, как «передача цветов под удары барабана» (羯鼓传花令 *цзегу чуаньхуалин*); игры на пальцах (拇战牌 *мучжаньпай*); различные игры на угадывание предметов, находящихся в шкатулке или ящике [Все о китайских традиционных играх, 1991, С. 49].

Еще одним специфическим атрибутом развлечений «винного приказа» служили маленькие деревянные кубики, на грани которых были нанесены разнообразные задания игрокам (например: 点将 *дяньцзян* «выбрать полководца» (то есть игрока, который следит за исполнением «приказов»); 干二杯 *гань эр бэй* «осушить две чарки»; 半杯 *бань бэй* «выпить половину чарки»; 大家喝 *дацзяхэ* «выпивают все»). Действительно, в Китае вплоть до наших дней сохранились некоторые упрощенные варианты игр «винного приказа», в которых атрибутами развлечений служат различные предметы: уже упомянутые карты с заданиями для игроков (некоторые авторские колоды можно считать предметами искусства); шашечные доски, где функцию фигур выполняют чарки с вином (при удалении фигуры с доски игрок обязан выпить содержимое чарки); «винная рулетка» с полем, в секторах которого записаны шуточные «приказы», а также шестигранные кубики, содержание надписей на которых сводится к простому и незамысловатому заданию: «обнять соседа справа», «ударить соседа слева», «поцеловать соседнего игрока», «прочитать наизусть стихотворение», «рассказать смешной случай», «станцевать», «спеть песню» и проч.

Что касается элитарных развлечений «винного приказа», ставших еще в средние века важным этапом развития культуры интеллектуального досуга как в самом Китае, так и в культурах сопредельных стран, то нельзя не отметить состязания по стихосложению во время сезонных церемоний любования

(Например, «Застольный приказ все равно что военный, ему обязаны подчиняться все. Кто не выполнит приказ, будет оштрафован» [Цао Сюэ-цин, т. 1. С. 563]).

цветущими или увядающими растениями с обязательной декламацией поэтических строк и угощением вином. В отличие от шумных и откровенно развлекательных увеселений с использованием кубиков, карт, биров, костей и других атрибутов, такие церемонии носили культуuroобразующий характер, отличались высоким социальным и образовательным статусом участников и первоначально имели религиозно-культовое значение. Со временем такие сакральные ритуалы превратились в изысканные развлечения «у изогнутой воды» 曲水流觞 *цюйшуй люшан* (букв. «плывущая по изогнутой воде чарка»), для которых в Китае, Корее и Японии создавались роскошные сады с прудами и извилистыми каналами, где и происходили поэтические декламации, сопровождавшиеся ритуальным винопитием. В задачу участников церемоний входило сочинение поэтических экспромтов на заданную тему, пока чарка с вином плывет по изогнутому ручью. Тот, кто успевал сочинить стихотворение к моменту, когда чарка с вином достигнет его места у ручья, имел право выпить содержимое [Войтишек, 2011а; Войтишек, 2011б; Войтишек и др., 2012].

Примечательно, что в отличие от Китая и тем более Кореи, где к настоящему времени традиция проведения пиров у изогнутого ручья практически исчезла, такие изысканные состязания до сих пор регулярно проводятся в парках и храмах Японии.⁷

Сравнительное изучение особенностей трансформации традиционных культур в современных условиях дает важный антропологический и этнографический материал, свидетельствующий об изменениях в церемониальном поведении и приспособлении ритуала к реальной действительности. С другой стороны, духовный потенциал многих развлечений «винных приказов» на протяжении столетий был обусловлен рядом их важнейших социально-культурных функций, связанных с обрядовой деятельностью, религиозно-магическими практиками, светскими развлечениями, и это позволяет говорить об устойчивости этнических культур

⁷Описание полноформатной церемонии «пир у изогнутой воды» в храме Дзэ:нангу на юге Киото см. в [Войтишек, 2011б]. (Материалы этнографической экспедиции Е. Э. Войтишек в Японию в апреле 2010 г.).

Восточной Азии к негативным последствиям современных процессов глобализации и вестернизации.

Более того, скрупулезное исследование ритуалов и церемоний «винного приказа» в культуре Китая невозможно без привлечения сравнительного материала из этнически устойчивых культур Кореи и Японии. Это позволит выявить закономерности межкультурного взаимодействия как в далеком прошлом, так и в настоящее время.

Библиографический список

1. *Войтишек Е. Э.* Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). – Новосибирск: изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2011а. – 312 с., 44 илл.
2. *Войтишек Е. Э.* «Пир у изогнутой воды» как элемент культуры «винных приказов» в Китае, Корее и Японии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2011б. – Т. 10, вып. 4: Востоковедение. – С. 119–129.
3. *Войтишек Е. Э., Борджигид А., Карпова Т. К., Измайлова М. В.* Традиционный праздник каллиграфии в Павильоне Орхидей и судьбы современных китайских интеллектуалов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 10: Востоковедение. – С. 163–173.
4. *Кейдун И. Б.* Ритуал метания стрел в кувшин (к характеристике содержания конфуцианского трактата «Ли цзи») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 4: Востоковедение. – С. 199–206.
5. *Кучера С. Р.* Вино в культуре древнего Китая // История, культура и право древнего Китая / Отв. ред. А. Р. Вяткин. – М.: Наталис, ИВ РАН, 2012. – С. 292–317.
6. *Все о китайских традиционных играх* [Чжунхуа чуантун юси дацюань] / Ма Го-цзюнь, Ма Шу-юнь. – Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. – 610 с. (на кит. яз.)
7. *Обзор китайских игр* в «застольный приказ» [Чжунго цзюлин дагуань] / Ма Го-цзюнь, Ма Шу-юнь. – Пекин: Бэйцзин чубаньшэ чубань, 1993. – 826 с. (на кит. яз.)
8. *Цао Сюэ-цин.* Сон в красном тереме. Роман: В 2 т. / Пер. В. Панасюка. М.: Полярис, 1997. Т. 1. 878 с.
9. *Цзинь Сяо-мань.* Китайская игра в «застольный приказ» [Чжунго цзюлин]. – Тяньцзинь: Тяньцзинь кэсюэ цзишу чубаньшэ чубань, 1991. – 245 с. (на кит. яз.)
10. *Ши-цзин.* Книга песен и гимнов / Пер. с кит. [и коммент.] А. А. Штукина. М., Худож. лит., 1987. 351 с.

О.Ю. Воронина (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

**К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТЬЮ В РУСЛЕ МЛАДОГРАММАТИЧЕСКО
ТРАДИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ХУАН ДЯНЬЧЭНА)**

В данной статье освещаются основные моменты работы китайского ученого Хуан Дяньчэна, а также проблема определения критерия периодизации истории языка с идеографической письменностью.

Ключевые слова: история языка, фонетика, инициаль, финаль

O.Yu. Voronina (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

**ON THE WAY OF ANALYZING THE HISTORY OF LANGUAGE WITH
IDEOGRAPHIC WRITING SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE
NEOGRAMMARIAN TRADITION
(BASED ON THE WORK OF HUANG DIANCHENG)**

The article deals with main aspects of the work, of the Chinese scientist Huang Diancheng. It also focuses on the problem of identifying the criterion that lies in the basis of periodization of language with ideographic writing.

Key words: history of language, phonetics, initial, final

На протяжении практически всей истории своего существования общее языкознание развивалось на основе данных, полученных в результате философского и лингвистического освоения языков только одной группы, а именно флективных языков. Устройство языков этой группы легло в основу формирования всех научных постулатов, гипотез и теорий лингвистики. Данное

обстоятельство неизбежно приводит к давлению идеологической основы общего языкознания на частное языкознание. Не исключением является и китайское языкознание, на протяжении долгого времени существовавшее обособленно от европейского. Влияние европейской лингвистической традиции можно обнаружить в работах китайских лингвистов при анализе подходов описания истории китайского языка.

Целью данной статьи является описание модели истории китайского языка, представленной Хуан Дяньчэном (黄典诚) в работе «История развития фонетики китайского языка» (汉语语音史).

В связи с этим мы ставим перед собой следующие задачи: 1) определить критерий, положенный в основу периодизации китайского языка; 2) дать характеристику каждого периода.

Хуан Дяньчэн, взяв за основу изменения, произошедшие на фонетическом уровне, разделил историю китайского языка на четыре больших периода: древнекитайский (上古期), среднекитайский (中古期), новокитайский (近代期) и современный (现代期) [黄典诚, 1993, с.7]. Основополагающим фактором в развитии языка, по мнению автора, являются противоречия внутри системы, которые, постепенно накапливаясь, приводят к изменениям и, в конечном счете, к выходу системы на новый уровень развития.

Древнекитайским языком ученый назвал язык до XI - VI вв. до н. э., зафиксированный в «Книге песен» (诗经). Основным средством изучения языка данного периода Хуан Дяньчэн считает знаки фоноидеографической категории 谐声字, приведенные в словаре Сюй Шэня (许慎) «Описание простых и объяснение сложных знаков» (说文解), появившегося в I в. н. э.

Второй период длится с VII по XII вв. Язык среднекитайского периода представлен в словаре «Разрезания и рифмы (сечение рифм)» (切韵). Основным средством изучения языка являются фонетические таблицы. Новокитайский язык датируется XII – XIX вв. Он был зафиксирован в «Словаре рифм Центральной равнины» (中原音韵)[黄典诚, 1993, с.10-11]. Главным средством изучения новокитайского языка служат рифмы монгольского языка 蒙古韵 в

«Сборнике рифм современного и древнего языка» (古今韵会举要), а также звучание знаков квадратного монгольского письма 八思巴音, созданного на основе тибетской письменности просветителем Пагбаламой [黄典诚, 1993, с.17].

Точкой отсчета современного китайского языка Хуан Дяньчэн предлагает считать начало XX века, а фонетической нормой данного периода пекинское произношение [黄典诚, 1993, с.21].

В древнекитайском языке еще не было словарей рифм, поэтому основным источником сведений о фонетике того времени была «Книга песен» (诗经). Так, в *Малых Одах*, в главе «Там, по дикой пустыне» мы находим следующее предложение: 我行其野, 蔽芾其樛, 昏姻之故, 言就尔居。尔不我畜, 复我邦家 (Там, по дикой пустыне, к вам ехала я, и айланты тенистые были кругом. Я к вам ехала – и в жены вы брали меня; я мечтала – мы с вами теперь заживем. Вы же, муж мой, лелеять не стали меня – я в родную страну возвращаюсь, в мой дом...). Конечные лексемы в данной фразе раньше рифмовались. Данный факт указывает на то, что эти лексемы имели одинаковую или схожую фонетическую оболочку. А по словарю 说文解字 можно было определить не только схожие рифмы 韵, но и схожие начальные согласные слога 声.

Таким образом, система согласных древнекитайского языка имела следующий вид:

Название	Глухие			Сонанты		
	清塞 (擦) 音 глухие смычные	浊 塞 (擦) 音 звонкие смычные	清擦音 фрикативные	鼻音 носовые	边音 латеральный 元音 гласный	
	不送气 неприды- хательные	送气 приды- хательные				
唇音 губные	邦 p	滂 p'	並 b		明 m	
舌音 язычные	端 t	透 t'	定 d		泥 n	来 l
齿 音 переднезубные	精 ts	清 ts'	从 dz	心 s		
牙音 зубные	见 k	溪 k'	匣 g		疑 η	
喉 音 гортанные				晓 h		影 φ

Систему гласных можно представить следующим образом:

Рифма гласный конечный гласный	Класс «а»			Класс «ε»			Класс «о»		Класс «закрытые гласные»	
	收 喉	收 舌	收 唇	收 喉	收 舌	收 唇	收喉	收唇	收舌	收唇
阴声 рифма открытою слога без основной финали	鱼 a	歌 ai	毫 au	支 ε	脂 ei	萧 eu	侯 o	之 u	微 i	幽 u
入声 рифма с конечный смычной (-p, -t, -k)	铎 ak	曷 ait	药 益 auk aup	锡 ek	质 eit	肃 euk 帖 eup	屋 ok	职 uk	物 it	觉 辑 ʔk ʔp
阳声 рифма закрытого слога с носовой финалью (-n, - ng, -m)	阳 aŋ	寒 ain	谈 aum	青 εn	真 ein	添 eum	东 oŋ	蒸 uŋ	文 in	侵 um

Следует отметить, что в таблице приведены гласные без учета медиалей 韵头. Так, например, к рифме 鱼 относятся слоги, имеющие финали a, ia, так и финаль iua.

Что касается тонов древнекитайского языка, то Хуан Дяньчэн делает предположение, что их было три: ровный 平声, восходящий 上声, падающий 去声, однако особенности этих тонов не поясняет [黄典诚, 1993, с.10].

Язык среднекитайского периода был представлен в словаре «Цеюн» (切韵), составленный 601 г. Лу Фа-янем (陆法言). По мнению Хуан Дяньчэна, в словаре отражен язык города Лояна, однако это язык не эпохи Суй 隋 (VI – VII вв.), а более раннего периода.

Для фонетического строя данного периода было характерно появление среднеязычных палатализованных согласных 舌上音 таких как ʃ (知), ʃ' (彻), ʃ' (澄), альвеолярных палатальных 舌齿音 tʃ (章), tʃ' (昌), dʒ (禅), ʒ (书), ʒ (船) и полузубного согласного 半齿音 ʃ (日). Кроме переднеязычных апикальных 齿头

音 в среднекитайском языке появились дорсальные фрикативные согласные 正齿音 **tʃ**(庄), **tʃ'**(初), **dʒ**(崇), **ʃ**(生). Из группы губно-губных согласных 重唇音 постепенно выделяется группа губно-зубных 轻唇音: **f**(非), **f'**(敷), **v**(奉), **ɱ**(微). фрикативные согласные 擦音 стали противопоставляться на глухие 清擦音 **s**(心) / **z**(邪) и звонкие 浊擦音 **h**(晓) / **ɦ**(匣). В группе гортанных согласных 喉音 также стали выделяться глухие 清喉音 **ʃ**(影) и звонкие согласные 浊喉音 **j**, **ɣ**(喻(云以)) [黄典诚, 1993, с. 12].

Система вокализма среднекитайского языка была представлена 193 рифмами. 193 рифмы, в свою очередь, были сводимы к 16 сводным рифмам 撮, объединяемых конечным элементом слога и сходством слогообразующих гласных: 果, 假, 蟹, 止, 遇, 流, 效, 曾, 梗, 宕, 江, 通, 深, 咸, 山, 臻. В зависимости от положения языка, степени открытости гласных и наличия медиали 韵头 сводные рифмы делились на четыре дэна 等 и четыре выдоха 呼.

По мнению ученого, в среднекитайском языке было четыре тона: ровный 平声, восходящий 上声, падающий 去声 и входящий 入声.

О фонетической системе новокитайского языка можно судить по рифмам словаря 中原音韵. В нем представлена фонетика города Даду 大都 (нынешний Пекин) эпохи Юань 元 (XIII – XIV вв.).

Автор отмечает, что в новокитайском языке согласные перестали противопоставляться по признаку звонкости / глухости. Ранее звонкие согласные **b**(並), **v**(奉), **d**(定), **dz**(从), **z**(邪), **ɕ'**(澄), **dʒ**(崇), **ʈʂ**(禅), **ʐ**(船), **g**(群), **ɦ**(匣). **j**(以), **ɣ**(云). Произошло объединение губно-зубных согласных **f**(非), **f'**(敷), **ɣ**(奉) в одну согласную **f**. Произошли изменения и в группе носовых согласных. Согласная **ɱ**(微) перешла в **v**(微), **ɱ'**(日) в **ʃ**. Согласная **ɱ**(疑) практически исчезла. Согласные **tʃ**(庄) и **ʈʂ**(章) слились в одну рифму **tʃ**(照). В это же время согласная **ʈ**(知) из взрывного переходит в аффрикату **tʃ**. Позднее, при династии Мин 明(XIV – XVII вв.) происходит объединение согласных 照 и

知. Согласные **j** (云), **r** (以) также окончательно слились в рифму **φ** (影) [黄典诚, 1993, с.22].

Для системы вокализма было характерно выделение из рифмы **i** (支) рифмы **ii** (思). Из рифмы **a** (车) выделилась рифма **e** (遮). Исчезли слоги с конечными смычными согласными - p, - t, - k.

Произошли изменения и в тональной системе новокитайского языка. Среднекитайский ровный тон 平声 распался на ровный 阴声 и восходящий 阳声. Слоги, начинавшиеся с глухих согласных стали произноситься 阴声 тоном, а начинавшиеся со звонких согласных стали произноситься 阳声. Слоги, начинавшиеся со звонких согласных и произносившиеся восходящим тоном 上声, стали произноситься падающим 去声. Исчез входящий тон 入声. Слоги, произносившиеся в среднекитайском языке входящим тоном 入声, в зависимости от наличия / отсутствия придыхания у начальной согласной распределились между тонами 阳, 上, 去.

На современном этапе китайского языка исчезает звонкий губно-зубной согласный **v** (微) и все слоги, имевшие в составе звук **v** стали произноситься легким тоном. Согласный **tʃ** (照) из дорсального переднеязычного перешел в ретрофлексный **tʃ̣**. Исчезают финалы, оканчивающиеся на носовой - m. Появилась эризованная финаль **ʒ**.

Как мы видим, китайский ученый продолжает традицию, начатую еще французским и шведским учеными Анри Масперо и Бернхардом Карлгреном. Он описывает историю развития китайского языка в русле младограмматической традиции (атомарная модель), не принимая во внимание изменения на грамматическом и лексическом уровнях.

Библиографический список

1. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и изречениях Ч. I [Текст] / В.А. Звегинцев - М.: Просвещение. – 1964. – С.466.
2. Румянцев, М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка [Текст] / М.К. Румянцев – М: Восток-Запад. – 2007. – С. 304.

3. Серебренников, Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Текст] / Б.А. Серебренников – М.: Наука. - 1970. – С.597.
4. Скрелина М.Л., Становая Л.А. История французского языка: учебник для бакалавров [Текст] / М.Л. Скрелина, Л.А. Становая – М.: Юрайт. – 2014. – С. 463.
5. Яхонтов, С.Е. История лингвистических учений. Древний мир. История языкознания в Китае (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) [Текст] / С.Е. Яхонтов - Л.: Наука. - 1980. – С.92 – 109.
6. 黄典诚, 汉语语音史 [Текст] /黄典诚– 合肥: 安徽教育出版社. - 1993. – 262 页.

Н.Н. Воропаев (Москва)

Институт языкознания РАН

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Как известно китайскоязычный дискурс характеризуется большой насыщенностью аллюзиями, идиомами, которые актуализируют определённые события истории или эпизоды литературных произведений и определённые исторические личности или персонажи литературы. В этом густонаселённом пространстве сложно ориентироваться и, тем более, запомнить соответствующую информацию. А владеть этой информацией необходимо, учитывая особенности китайской языковой личности. В работе указывается на необходимость составления разнообразных специальных словарей, в которых бы достаточно полно и системно давалась основная информация о важных героях и событиях китайской истории и культуры. В качестве примера такого словаря автор описывает лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи Китая», который выходит из печати осенью этого года в издательстве «Восточная книга».

Ключевые слова: лингвокультурологический словарь-справочник, прецедентное имя, китайскоязычный дискурс, лингвокогнитивная директория, фреймовое произведение, дискурсивный актуализатор.

N. N. Voropayev (Moscow)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

**CONCERNING THE NEED FOR DEVELOPMENT OF SPECIAL
LINGUOCULTUROLOGICAL DICTIONARIES
FOR LEARNERS OF CHINESE LANGUAGE**

It is commonly known that the Chinese-language discourse is characterized by abundance of allusions and idioms which actualize specific historical events or episodes from literary works and specific historical personalities or literary characters. It is hard to find your bearings in such heavily populated space and even harder to memorize the relevant information. However, taking into account the particularities of the Chinese linguistic identity, this information is really necessary. The article points out the need for compilation of various specialized dictionaries which would give basic information about the important characters and events of Chinese history and culture in a sufficiently full and systematic form. As an example of such a dictionary the author describes the linguoculturological dictionary and handbook for students of Chinese language, culture, history and literature “China: names for all times. Precedent personages of China” which is coming out this autumn from the Vostochnaya Kniga publishing house.

Keywords: *linguoculturological dictionary and handbook, name-precedent, Chinese-language discourse, linguo-cognitive directory, frame work, discursive actualisator*

Как известно китайскоязычный дискурс, китайское культурное пространство характеризуются большой насыщенностью аллюзиями, идиомами, которые актуализируют определённые события истории или эпизоды литературных произведений и определённые исторические личности или персонажи романов, опер и т.п. В этом густонаселённом пространстве сложно ориентироваться и тем более запомнить соответствующую информацию. А владеть этой информацией необходимо, учитывая особенности китайской языковой личности. Полагаем, что актуальной задачей для современных китаистов является задача составления разнообразных словарей и справочников, в которых бы достаточно полно и системно давалась основная информация о

важных героях и событиях китайской истории и культуры. Примером одного из таких пособий можно считать лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи Китая», который выходит из печати осенью этого года в издательстве «Восточная литература». Расскажем о нём подробнее.

В настоящем словаре-справочнике представлена информация о прецедентных, то есть широко известных в Китае личностях, персонажах, имена которых иногда способны использоваться в языке как имена нарицательные, и являются символами. Такие имена в современной лингвистике принято называть прецедентными именами (ПИ). Составление данного словаря является попыткой сформировать базовый арсенал прецедентных персонажей (имён) китайскоязычного культурного пространства и знаний о них для обеспечения минимальной базовой лингвокультурной компетенции изучающих китайский язык и интересующихся Китаем россиян.

В общей сложности корпус словаря включает в себя более 600 языковых единиц, представляющих собой имена исторических личностей и литературных персонажей, соответствующую фоновую информацию и связанные с ними фразеологизмы и словесные клише, которые активно используются в современном китайском лингвокультурном сообществе. В словаре также представлен обширный блок информации о прецедентных именах и высказываниях иностранного происхождения.

Настоящий словарь-справочник, благодаря представленной в авторском предисловии технологии лингвокогнитивной директории, также может быть использован как интерактивное вспомогательное учебное пособие по таким курсам вузов, как «История Китая», «Литература Китая», «Страноведение Китая», «Стилистика китайского языка», «Лексикология китайского языка» и прочим аспектам изучения китайского языка и Китая. Материалы словаря рекомендуется активно использовать для работы в среде Интернет и с традиционными источниками (книгами, словарями).

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой нашего соседа.

Кратко о теоретической основе словаря-справочника. Прецедентным именем является «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией» [Красных, 2003, с. 197, Гудков, 2003, с. 108].

Уточняя данное определение применительно к нашему словарю, прецедентными именами китайскоязычного дискурса (КД) являются когнитивно и эмоционально значимые для всех социализированных носителей китайского языка индивидуальные имена и наименования широко известных в китайском лингвокультурном сообществе исторических и вымышленных личностей, событий и объектов материальной и духовной культуры Китая и всего глобального пространства.

Для анализа прецедентных персонажей и имён китайскоязычного дискурса мы выделяем следующие четыре типа прецедентных имен: 1. прецедентное имя-антропоним (широко известное имя человека или человекоподобного существа, условно ПИ₁), 2. прецедентное имя-эвентоним (широко известное наименование исторического или вымышленного события, представляющее собой фразеологизм или словесное клише, условно ПИ₂), 3. прецедентное имя-хремотоним (широко известное индивидуальное наименование объекта материальной культуры Китая, условно ПИ₃), 4. прецедентное имя-идеоним (широко известное индивидуальное наименование объекта духовной культуры Китая, условно ПИ₄) [Воропаев, 2012].

Словарь-справочник состоит из трёх разделов. Коротко скажем о каждом разделе в отдельности.

В разделе I представлены самые сильные персонажи, имена которых стали именами нарицательными и известны всем социализированным китайцам. Это национально-прецедентные имена. Эти имена формируют базовый арсенал прецедентных имён – носителей ядерных национально-культурных концептов китайского лингвокультурного сообщества.

Такие базовые национально-прецедентные имена китайскоязычного культурного пространства в процессе межкультурной коммуникации зачастую становятся камнем преткновения. В силу длительной истории Китая и литературной традиции в китайской культуре сформировался огромный конгломерат прецедентных текстов и прецедентных ситуаций, имеющих обширнейшую аккредитацию в современном китайском языке в виде разного рода фразеологизмов, имён, высказываний и т. п. Многие прецедентные имена китайскоязычного культурного пространства имеют историю употребления длительностью несколько сотен лет, а некоторые более двух тысяч лет, и, превратившись в символы, стали единицами словаря как имена нарицательные. Раздел I составлен на основе данных словаря китайской исследовательницы Чэнь Сяньчунь «Прецедентные персонажи и события в китайской культуре» [Chen, 1999].

О Разделе II

Как известно, наиболее частотной группой прецедентных имён являются прецедентные антропонимы. Роль личности в истории развития человечества трудно переоценить. В современном же мире, когда стираются национальные и даже этнические границы, все более востребованными становятся исторические прецеденты и личности, мифологические персонажи, обращение к которым активизирует историческую память определённого этноса и аккумулирует его жизненные силы в период рисков потерять свою самоидентификацию.

В Китае в настоящее время издаётся множество изданий, в которых систематично собрана информация о выдающихся личностях истории Китая, начиная с мифологических персонажей и заканчивая современными учёными. Все описываемые в них имена (персонажи) мы относим к прецедентным именам (персонажам). Часть этих изданий близка по своему строению к словарям, часть – к сборникам статей, но объединяет их то, что многие из статей о выдающихся личностях представлены заголовками, которые являются, по сути, прецедентными наименованиями, эпитетами, дескрипциями, актуализирующими соответствующие прецедентные имена.

Раздел II представляет собой оглавление сборника «Люди истории» Хэ Юэцина [He, 2007], которое содержит 121 имя выдающихся личностей китайской истории. Сборник построен по тематическому принципу и состоит из 8 разделов. Примечательно, что каждая личность в оглавлении этого словаря представлена дескрипцией, краткой характеристикой в форме эпитета, которая часто выражена фразеологической единицей или словесным клише. Эти дескрипции, полагаем, следует рассматривать как инварианты восприятия данной личности в китайском лингвокультурном сообществе.

Интересно отметить, что по многим прецедентным именам из данного сборника, удалось обнаружить доказательства закреплённости указанных в сборнике дескрипций и в других источниках. Например, дефиниция ПИ *Лэй Фэн*, представленная в данном сборнике

全心全意为人民服务 —— 雷锋 quan xin quan yi wei renmin fuwu – Lei Feng

Всем сердцем и всеми помыслами служивший народу – Лэй Фэн (1940 – 1962 гг.)

полностью совпадает с дефиницией этого имени в словаре [Chen, 1999, с. 126], а также совпадает с частью этой дефиниции – словесным клише 为人民服务 wei renmin fuwu ‘служить народу’, которое нанесено вместе с изображением *Лэй Фэна* на пепельнице и зажигалке, которые были приобретены в Пекине в 2008 году.

Дефиниция ПИ *Ху Сюэянь* из данного сборника

红顶商人——胡雪岩 hong ding shangren – Hu Xueyan

Купец-чиновник – Ху Сюэянь (1823 – 1885 гг.)

также полностью совпадает с названием романа, посвященного этой исторической личности [Gao, 1992].

В связи с этим, необходимо отметить один важный вывод, который был сделан в процессе изучения прецедентных имен.

Полагаем, что прецедентные имена китайскоязычного культурного пространства, да и любого культурного пространства, в функционально-семантическом плане по преимущественному использованию в дискурсе

целесообразно подразделять на ПИ-дескрипции (прецедентные имена, которые преимущественно используются в дискурсе интенционально, то есть для характеристики людей, ситуаций, явлений, предметов) и на ПИ-референции (прецедентные имена, которые в дискурсе преимущественно используются референтно, то есть для указания на свой референт).

Общим же для всех ПИ является способность выступать в качестве культурного знака, то есть актуализировать энциклопедическую информацию о каких-либо широко известных исторических или вымышленных событиях, личностях, персонажах, объектах материальной и духовной культуры Китая, вызывать у членов китайского лингвокультурного сообщества определённые эмоции, мысли, ассоциации.

Имена, представленные в Разделе II, в основном являются прецедентными именами-референциями, тогда как имена Раздела I в основном являются прецедентными именами-дескрипциями.

Для более эффективной работы с данными Раздела I и особенно Раздела II предлагаем использовать разработку, которая называется *Лингвокогнитивная директория прецедентного имени*. Для работы можно использовать Интернет и прочие источники, вводить соответствующие имена в поисковые системы и находить информацию об интересующем персонаже, заполняя директорию прецедентного имени (схема директории приведена ниже). Для поиска информации на китайском языке можно использовать поисковый китайский сайт <http://www.baidu.com> и другие ресурсы. Многим прецедентным персонажам посвящены кинофильмы, телесериалы, мультфильмы, оперы и прочие фреймовые произведения, которые находятся в открытом доступе. Также о большинстве прецедентных персонажей доступна информация и на русском языке. Для поиска информации на русском языке на соответствующих сайтах можно вводить имена, как на русском языке, так и имена, записанные транскрипцией ханьюй пиньинь, и даже иероглифами.

Представляем типовую структуру лингвокогнитивной директории ПИ КД:

- **Референт₁ ПИ**

- **Референт₂ ПИ**

(полагаем, что два референта следует выделять в случаях, когда референтом ПИ является историческая личность (событие), и эта историческая личность (событие) использована в прецедентном художественном литературном тексте как важный персонаж (эпизод) и наделена в тексте дифференциальными признаками, которыми референт-историческая личность (событие) не обладал (например: Цао Цао как реальная историческая личность (Референт₁) и Цао Цао как персонаж романа «Троецарствие» (Референт₂))

- **Атрибуты референта ПИ**

- **Дифференциальные признаки референта ПИ**

- **Национальный инвариант восприятия референта ПИ**

- **Национальный инвариант восприятия ПИ, используемый для характеристики людей, явлений, предметов**

- **Варианты ПИ**

- **Дискурсивные актуализаторы ПИ**

(прецедентные высказывания, имена; экспликации инвариантов восприятия ПИ и их референтов в различных словарях; вербализации прецедентных ситуаций (ПС) [рассказы, новеллы, романы, пьесы, диалоги, монологи, статьи и проч.]; визуализации прецедентного текста (ПТ)-источника ПИ и ПС [кинофильмы, мультфильмы, телесериалы, театральные представления]; материализации образа референта ПИ [картины, памятники, сувениры, актёры, двойники):

- ▶ **Цитаты из прозы (ПВ₂)** прецедентные высказывания₂ – широко известные цитаты из произведений литературы и высказывания самих референтов ПИ.

- ▶ **Цитаты из поэзии (ПВ₂)**

- ▶ **Фразеологизмы [типа чэньюй, сехоуэй, гуаньюньюй] (ПИ₂/ПВ₁)**

- ▶ **Словесные клише (ПИ₂/ПВ₁)** прецедентные высказывания₁ – фразеологизмы разных типов и словесные клише, в основе которых

культурные, литературные и исторические сюжеты и которые в дискурсе актуализируют ПС, ПИ и ПТ.

► **Наименование прецедентного [текста-]источника (ПИ₄)**

► **Имена других основных сопутствующих прецедентных персонажей/событий/предметов (ПИ₁/ПИ₂/ПИ₃/ПИ₄)**

► **Фреймовые произведения:**

— Фреймовые произведения литературы (посвящённые референту ПИ книги);

— Фреймовые научные работы (статьи, исследования, доклады, посвящённые референту ПИ);

— Фреймовые кинофильмы, мультипликационные фильмы, телевизионные сериалы, театральные представления, исторические реконструкции (посвящённые референту ПИ);

— Памятники, музеи, сувениры, места религиозных отправлений (посвящённые референту ПИ);

— Двойники, использующие атрибуты или дифференциальные признаки референта ПИ₁ для воссоздания его образа;

— Информационные сообщения (вербализации) прецедентных ситуаций, связанных с референтом ПИ (распространяемые в любой форме и на любых носителях: газеты, журналы, интернет, телевидение, радио, лекции и проч.).

Полагаем, что количество и виды дискурсивных актуализаторов по каждому ПИ различны в разные периоды развития общества. В зависимости от того, насколько то или иное ПИ актуально для общества, арсенал дискурсивных актуализаторов увеличивается или сокращается и становится более или менее разнообразным. В частности, одни ПИ обретают способность регулярно употребляться в дискурсе как ПИ-дескрипции, другие преимущественно используются как ПИ-референции.

Поэтому можно сделать вывод, что все ПИ отличаются друг от друга стоящими за ними когнитивными структурами и особенностями функционирования в дискурсе.

О Разделе III

В Разделе III представлены универсально-прецедентные имена и высказывания иностранного происхождения, избранные информантом-носителем китайского языка из «Малого словаря прецедентных феноменов зарубежных стран» под редакцией Линь Шуу [Lin, 2004] в ходе специального опроса, в качестве самых известных прецедентных феноменов.

Все ПИ, представленные в словаре [Lin, 2004], способны использоваться для характеристики, и это показывает характерную особенность ПИ, которая заключается в том, что при переходе в культурное пространство другой страны ПИ часто обретают символическое и более узкое значение. Например, ПИ 浮士德 Fushide Фауст в КД по данным словаря [Lin, 2004, с. 120] имеет следующий инвариант восприятия: 永不满足的追求者 yong bu manzu de zhuiqiuzhe ‘вечно неудовлётворённый, недовольный человек’, а ПИ 哈姆莱特 Hamulaite Гамлет (герой одноимённой трагедии Шекспира) – 遇事犹豫不决、顾虑重重的人 yu shi youyu bu jue, gu lu chongchong de ren ‘человек, который при необходимости принятия решения нерешителен, долго колеблется, медлит, его обуревают многочисленные сомнения и опасения’.

Словари подобного рода, видимо, следует рассматривать как инструмент обогащения китайскоязычного культурного пространства и речи членов китайского лингвокультурного сообщества новыми универсально-прецедентными именами. Дело в том, что большинство ПИ, представленных в данном словаре, всё-таки обладают очень низкой известностью и употребляются в китайскоязычном культурном пространстве крайне редко. Подобные же словари, видимо, призваны расширять арсенал универсально-прецедентных имён китайскоязычного культурного пространства, выполняя тем самым функцию интеграции Китая в глобальное цивилизационное пространство. Ярким образцом таких тенденций является также словарь 《国人必知的 2300 个外国名人》 “Guoren bi zhi de 2300 ge waiguo mingren” «2300

знаменитых иностранцев, которых должны знать люди нашей страны» [Zhou, 2009]. Данный словарь является больше энциклопедией и представляет инварианты восприятия ПИ в виде небольших блоков информации биографического характера о каждой выдающейся личности объёмом чуть более 100 иероглифов.

Словарь же [Lin, 2004] наряду с энциклопедической информацией представляет инварианты восприятия ПИ, рассматривая эти имена уже как имена-символы, как имена нарицательные. Однако ПИ в данном словаре даются с уже устоявшимися инвариантами восприятия этих ПИ в странах-источниках этих имён, или в странах, откуда китайские лексикографы заимствовали соответствующие материалы. Это подтверждают также примеры употребления ПИ, которые все являются заимствованными из зарубежных источников или смоделированными авторами словаря. Таким образом, инварианты восприятия некоторых ПИ в данном словаре для, например, нас, членов русского лингвокультурного сообщества, кажутся непривычными и странными. Дело в том, что многие из этих ПИ в русском культурном пространстве появились намного раньше и в их семантике уже произошли сдвиги.

Стоит отметить, что если национально-прецедентные имена китайского культурного пространства (Раздел I и Раздел II) в процессе межкультурной коммуникации зачастую становятся барьером для взаимопонимания, то универсально-прецедентные имена и высказывания (Раздел III), напротив, могут играть роль объединения разноязычных коммуникантов.

Полагаем, появление подобных изданий может ускорить процесс овладения когнитивно и коммуникативно ценными единицами китайского языка, связанной с ними фоновой информацией и повысить качество изучения и обучения китайскому языку.

Библиографический список

1. Воропаев, Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе [Текст] / Н.Н. Воропаев Дис. ... канд. филол. наук. – Москва.: 2012. – 315 с.

2. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 288 с.
3. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Chen Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. – 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. Zhongguo wenhuazhong de dianxing renwu yu shijian // Chen Xianchun bianzhu. – Beijing: Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe, 1999 nian. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэнь Сяньчунь. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999)
5. Gao Yang 红顶商人 —— 胡雪岩 // 高阳 著. 长春: 吉林文史出版社出版, 1992 年 Hongding shangren – Hu Xueyan // Gao Yang zhu. Changchun: Jilin wenshi chubanshe chuban, 1992 nian («Купец-чиновник – Ху Сюэянь». Гао Ян. Чанчунь, Издательство литературы и истории провинции Цзилинь, 1992)
6. He Yueqing 历史上的那些人 // 何跃青. – 北京: 地震出版社, 2007 年. Lishishangde naxie ren // He Yueqing. – Beijing: Dizhen chubanshe, 2007 nian (Люди истории // Сост. Хэ Юэцин. – Пекин, 2007)
7. Lin Shuwu 外国典故小词典 // 林书武主编. – 上海: 上海辞书出版社, 2004 年. Waiguo diangu xiao cidian // Lin Shuwu zhubian. – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2004 nian (Малый словарь зарубежных дянью (классических прецедентов) // Под ред. Линь Шуу. – Шанхай, 2004)
8. Zhou Xiaomeng, Shen Zhi 国人必知的 2300 个外国名人 // 周晓孟、沈智主编. – 沈阳: 万卷出版公司, 2009 年 Guoren bi zhi de 2300 ge waiguo mingren // Zhou Xiaomeng, Shen Zhi zhubian. – Shenyang, 2009 nian (2300 знаменитых иностранцев, которых должны знать люди нашей страны // Сост. Чжоу Сяомэн, Шэнь Чжи. – Шэньян, 2009).

Го Фулян (Хэбэй)

Хэбэйский университет, КНР

РАЗВИТИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ИДИОМ В НОВОМ КИТАЕ

За 60 лет с момента образования Китайской Народной Республики в Китае возникло множество новых идиом (чэньюй), отвечающих требованиям процесса коммуникации на новом этапе развития общества, служащих для выражения новых явлений и понятий,

отражения идеологических концепций, усиления выразительности речи. Статья посвящена развитию и изменению идиом в новом Китае.

Ключевые слова: китайские идиомы (чэньюй), идеологические концепции, речевая выразительность

Go Fulyan (Hebei)
Hebei University, China

DEVELOPMENT OF IDIOMS IN MODERN CHINA

In the last 60 years from the time of foundation Chinese Democratic Republic a lot of new idioms appeared according to the demands of communication at the present stage of the evolution of the society. These idioms express the meanings of new phenomena and concepts, reflect ideological conceptions, help to emphasize the speech. The article is devoted to the problem of development of Chinese idioms at present.

Key words: Chinese idioms, ideological conceptions, speech emphasis

郭伏良
中国 河北大学教授博士

新中国成立以来汉语成语的发展与变化

摘要: 新中国成立六十多年来, 为了表述新的事物现象, 新的思想观念, 加强语言表现力, 人们创造和使用了不少新的成语, 以适应交际的需要。本文探讨新中国成立以来汉语成语的发展与变化。

关键词: 汉语成语; 思想观念; 语言表现力。

汉语成语是一种结构定型、意义凝固、历时稳定、风格文雅、以四字为主的固定词组。结构定型是其突出特点, 它是指成语的组成部分和组合顺序固定, 一般不允许更动; 意义凝固是指其意义一般不是字面简单相加, 尤其是历史上传承下来的成语, 不少源自历史事件(完璧归赵、四面楚歌)、神话传说(精卫填海、女娲补天)、寓言故事(愚公移山、南辕北辙), 只有懂得其来源后, 才能正确理解和运用; 风格文雅是指成语多具有典雅郑重色彩, 常用于书面语; 四字为主是指成语多是四音节, 不是四音节的极少, 所以有研究者认为“用四字格作形式标准, 既合乎实际, 又便于掌握。”(刘广和《熟语浅说》, 中国物资出版社,

1989年，第26页)。当然也不能说凡四字形式的语言单位都是成语，还应综合考虑结构定型、意义凝固、风格文雅、历时稳定这些因素。有人认为“中外合资、经济实惠、有偿服务、下岗待业，第二职业，第三产业、中国特色”是成语，（潘六弟《试说新成语》，《语文学习》，1997年第3期），显然不妥。历时稳定是指成语稳固性强，变化极少，然而语言词汇毕竟是社会生活的折光反映，必然要随着人类社会的发展变化而发展变化，成语作为词汇的一部分，虽比一般词语稳定性大一些，但也不能处于语言发展变化之外。下面从三个方面分析新中国成立以来汉语成语的发展与变化。

一、新成语的产生

新中国成立六十多年来，为了表述新的事物现象，新的思想观念，加强语言表现力，人们创造和使用了不少新的成语，以适应交际的需要。许多新成语带有明显的时代印记，下面按照年代，结合社会因素举例（有些成语属于某一历史年代的特色词汇，虽不是在此年代“诞生”，也一并举出）：藟

新中国成立初，随着新制度的建立，新政策的实施，以及抗美援朝、土地改革、镇压反革命、“三反”“五反”运动的进行，在汉语中出现和运用了以下新成语：藟

当家做主 改天换地 爱憎分明 勤俭建国

自力更生 反攻倒算 扫地出门 保家卫国

1952年末提出过渡时期总路线后以后，在城市开始了私营工商业的公私合营，在农村开始了农业合作化运动，继之而来的是“反右派斗争”、“社会主义建设总路线”、“大跃进运动”、“人民公社”、“大炼钢铁”、“社教”运动，随着这些政治运动的浪潮，汉语词汇中产生和使用了以下新成语：藟

鼓足干劲 力争上游 多快好省 分秒必争藟

又红又专 发奋图强 知难而进 破字当头藟

意气风发 一分为二 一穷二白 百花齐放藟

百家争鸣 大鸣大放 比学赶帮 上窜下跳藟

煽风点火 呼风唤雨 攻守同盟 招降纳叛藟

口诛笔伐 引蛇出洞 损公肥私 厚今薄古藟

古为今用 洋为中用 见缝插针 白手起家藟

忆苦思甜 访贫问苦 公字当头 兴无灭资藟

1966年开始的“文化大革命”，时达十年之久，这段特殊历史时期给当代汉语留下了一批风靡一时而短命的“成语”：藟

乱箭齐发 横扫一切 残渣余孽 反修防修
文攻武卫 传经送宝 根正苗红 斗私批修
里通外国 敢字当头 死不悔改 活学活用

1976年粉碎“四人帮”“文革”结束，中国进入新的历史发展时期。随着工作重点向经济建设的转移，改革开放政策的实行，整个社会呈现出蓬勃旺盛的生机和活力，三十多年来产生和运用的新成语数量大，范围广，如：葛

尊师重教 教书育人 开源节流 令行禁止
论资排辈 牵线搭桥 大案要案 安定团结
不正之风 扭亏为盈 脑体倒挂 外引内联
简政放权 违法乱纪 齐抓共管 文山会海
一国两制 以权谋私 营私舞弊 奖勤罚懒
优生优育 脱贫致富 假冒伪劣 俊男靓女

暗箱操作 梦中情人 名花有主 心灵鸡汤

以上列举了新中国成立后出现或开始广泛使用的一些新成语，与历史上传承下来的成语相比，这些新成语有以下几个特点：葛

1 杆从产生来源看，传承成语多源于历史故事、古代寓言、神话传说、古代作品，只有少量出自民间口语，如“众口难调、白纸黑字”等。当代汉语新成语则主要源于三个方面：

一是大量出自人民群众的口语创作，如“当家做主”“忆苦思甜”“假冒伪劣”“文山会海”“脑体倒挂”“大男大女”等等。

二是出自领袖之口或笔下，有的虽非领袖创造，但是由于领袖的运用而广为流行的也可归入此类，以毛泽东同志最为典型，他为汉语词汇添加了许多精辟的新成语，如：

一穷二白：语出毛泽东《正确处理人民内部矛盾的问题》：“除了别的特点之外，这六亿人口的显著特点之一是一穷二白。”葛

大有作为：语出毛泽东《在一个乡里进行合作化规划的经验》：“农村是一个广阔天地，在那里是可以大有作为的。” 灌

此外还有：“精打细算”“又红又专”“大张旗鼓”“自力更生”“治病救人”“古为今用”“洋为中用”“九天揽月”等等。

三是出自国家各个时期方针政策的提炼、概括，如“外引内联”“开门整风”“五讲四美”“优生优育”“安定团结”“一国两制”等等。葛

2 杆从音节数量和表意特点看，新成语更强化了以四音节为主的特点，不是四音节的往往

被归入熟语其他类型，如惯用语、谚语等；从表意特点看，新成语基本上通俗易懂、见字明义，如“分秒必争”“虚实并举”“奋发图强”“扭亏为盈”等大都是由字面意义融合而成，即使一些用了修辞手法的成语，如“百花齐放”“脑体倒挂”“牵线搭桥”“文山会海”等也都生动形象、清新活泼。葛

3 杆从产生方式看，新成语有的是按照成语的构造规律全新创造，如“保家卫国”“治病救人”“奋发图强”“论资排辈”“一国两制”等；有的是在原有成语的基础上翻新仿造的，如：葛

无的放矢→有的放矢 走马看花→下马看花葛

知难而退→知难而进 前仆后继→前赴后继葛

因地制宜→因时制宜→因人制宜葛

这些仿造的成语有独到、别致的表达作用，如“下马看花”、“有的放矢”表现了新的工作态度和方式；“知难而进”强调了积极进取的生活勇气；“因时制宜”、“因人制宜”反映了具体问题具体分析原则在各个方面的应用。对成语翻新仿造，本是一种修辞行为，如果是有需有节地偶尔为之，不失为语用艺术之一法，而且有的活用形式可能转化为新成语，如上所举的“有的放矢”“下马观花”等即是。但是如果不加节制地滥用此法，就可能有损于成语的规范，造成语言的混乱。比如前几年充斥于各种宣传媒体的换字“成语”广告：快治人口一脍炙人口(治疗口腔疾病的药品广告)；随心所浴—随心所欲(玉环牌热水器广告)；衣见钟情—一见钟情(熊猫牌等洗衣粉广告)等等，引起了社会各界人士特别是广大语文工作者的忧虑和不安，现在这种“篡改”成语的风气已经得到控制和纠正。葛

4、从历时稳定性看，新成语还未经过千年百年的时间考验，自然不能与传承成语同日而语，特别是一些与政治运动密切相关、没有正确反映历史必然现象的“成语”，如“斗私批修、活学活用、急用先学、兴无灭资、一大二公、文攻武卫、根正苗红”等，虽一时风行全国，但随着社会的变革，很快淘汰了。葛

由于以上特点，有人认为“新成语”不是严格意义上的成语，或者说有些正处在转化为成语的过程中，称为“准成语”。我们认为应该以发展的眼光去看待这些正在形成或已经“成”了的成语，既要指出它们与传承成语的区别，严格掌握进入规范成语词典的标准；又要历史地承认它们已经或曾经取得成语的资格，对于一些“短命”的新成语可作专题研究。

葛

二、 二、成语意义的变化及其活用葛

成语的历时稳定性表现在成语的意义方面，就是大多数成语的词汇意义及感情色彩是古

今相同、一脉相承的，如“大义灭亲”从《左传》起至今，一直用来表示为了维护正义，决不包庇亲族的罪行，含有褒义色彩；“画蛇添足”语出《战国策》，喻指在已经完成的工作上，作多余的加工，反而无益，到现在含义未变，仍带贬义。新中国成立后 60 多年来，社会发生了翻天覆地的变化，然而在数以万计的成语条目中，发生词汇意义和色彩意义变化的却数量不多。下面举例说明。

1 杆词汇意义的变化

有的是词汇意义发生了转移；有的是增加义项发展为多义现象。如：囫

牛鬼蛇神：这句成语源自唐代。唐·杜牧《李贺集序》说：“鲸呿鳌掷，牛鬼蛇神，不足为其虚荒诞幻也。”本义是形容虚幻怪诞的。到了清代文康的《儿女英雄传》中，才出现指各种坏人的用法。但这一变义长期以来既鲜为人知，也无一定使用频率，仿佛还未落地生根。到了“文革”时期，“牛鬼蛇神”这句成语，由于政治原因而风行全国，妇孺皆知。“虚幻怪诞”的本义淹没了，而派生义(指革命的对象)却成为唯一的意义了，并且还派生出“牛棚”、“鬼头”、“鬼斗鬼”等新词。

梁上君子：源于《后汉书·陈传》。本指夜间入室行窃止于梁上的盗贼。建国后一度将知识分子比喻为梁上君子，意思是指知识分子脱离工农、脱离实际生活。因而使这句成语在收入《中国成语大辞典》(上海辞书出版社)时，增加了比喻“脱离实际的人”的义项。囫

万紫千红：源自宋·朱熹《春日》诗：“等闲识得东风面，万紫千红总是春。”本义是形容百花盛开，绚丽多彩的景象。1958 年大跃进期间，人们经常用“万紫千红”形容各条战线取得的丰硕成果和社会跃进的景象，于是该成语在《中国成语大辞典》中便有了“丰富多彩，气象万千的社会景象”这一新义项。囫

一马当先：原义是旧小说中描写武将跃马当先冲锋陷阵情况的。大跃进年代，以钢为纲，大炼钢铁，人们认为只要钢铁先行，其他各条战线的跃进局面，也就带动起来了，所以到处讲、反复讲“一马当先，万马奔腾”这句话，以表述这种关系和局面。于是“一马当先”在《汉语成语大词典》(河南人民出版社)中便增加了“让某项工作走在前面，以带动全局”的义项。囫

夕阳西下：本义是描写太阳落山情况的，由于建国后一段时期，政治报告谈国际形势时，经常用它形容帝国主义阵营日益衰败的景象，因而“夕阳西下”这句成语也就有了“由兴旺转向没落”的比喻义。

2 杆感情色彩的变化

有的是由褒义变为贬义，如：

明哲保身：源出《诗·大雅·丞民》：“既明且哲，以保其身。”本义是明智通达，洞见时

势，善于择安避危，保全自身，有褒义色彩。建国后，多用来指为了个人得失而丧失原则的处世态度，便有了贬的意味了。藟

一团和气：语出宋·朱熹《伊洛渊源录》卷三引《上蔡语录》：“明道终日坐，如泥塑人，然接人浑是一团和气。”本义指态度和睦，具褒奖色彩。建国以来，多用于指只讲和气，不讲原则斗争的态度，有了贬义色彩。藟

歌功颂德：本为赞美功绩，颂扬恩德。具有褒义色彩。现多指过分夸张，不切实际的颂扬，含贬义色彩。例：“不要形成个惯例，对退的人都歌功颂德一番，那实在没有必要。”（《邓小平文选》第3卷第317页）藟

有的是由中性色彩变为贬义，如：

发号施令：发出命令、指示。原为中性色彩，现在多指不调查研究就随意发表命令，有了贬义色彩。例：“要注意起传帮带的作用，而不是去发号施令”（《邓小平文选》第三卷第7页）藟

清规戒律：原意为僧尼、道士必须遵守的规则和戒律，后泛指规章制度，中性色彩。现在“多指束缚人的死板的规章制度”（据《现汉（修）》），有了贬义色彩。

3 杆成语意义的活用。成语意义的活用是指成语的词汇意义和感情色彩并没有发生质的变化，只是在动态运用中，为了修辞的需要，临时发生变异，如：藟

馨香祷祝：原指祝福，用以形容恳切期望，是个褒义成语。然1959年4月15日《人民日报》上登载的《不能允许中印友好关系受到损害》一文中写到：“很明显，如果依照这些人的主意行事，其结果只能损害中印两国的友好关系。而这正是帝国主义者日夜馨香祷祝的。”在这里，由于修辞的需要，将“馨香祷祝”由褒义变为贬义来使用了。藟

好大喜功：指不管条件是否许可，一心想做大事，立大功。多含贬义。但在“有人批评我们‘好大喜功，急功近利’。说得正对！难道我们能够不好六亿人民之大，喜社会主义之功吗？难道我们应当好小喜过，绝功弃利，安于落后，无为而治么？”（《中国共产党中央委员会向第八届全国代表大会第二次会议的工作报告》）中，临时用来称赞从来没有过的举动和事业，感情色彩出现了暂时的褒贬互易。

成语意义的活用，目前在广告语中运用较多，这种活用与前面所说的修辞性仿造成语性质相同，但手法不一，意义活用不改变成语的结构，不改字换字，只是通过别解字义巧妙地反映广告内容，例如“一毛不拔”（某名牌牙刷广告，强调质量精良）、“无中生有”（治疗不孕症的医术广告）、“满面春风”（某电风扇广告）等。广告词对成语结构和意义的活用，虽然有的能起到出奇制胜、别出心裁的宣传效应，但总的说来，是与成语的高度定型性、凝固性不相符的，而且对中小学的语文教学有较大的负面影响，所以不宜提倡，更不应泛滥使用。

三、部分成语的衰亡

1 杆反映旧制度、旧现象的，如：宫车晏驾(旧时帝王死亡的讳称)、雁塔题名(旧指考中进士)、秦楼楚馆(常用作妓院的代称)，九品中正(等级制度的代称)等。

2 杆反映旧意识观念的，如：九烈三贞(旧时形容妇女贞烈到极点)、三从四德(旧时约束妇女的封建礼教)、夫荣妻贵(旧指丈夫有了荣显地位，妻子也会随之高贵起来)、守分安命、神佛不佑、封妻荫子等。藟

3 杆反映旧习俗的，如：打躬作揖(旧时的一种礼节)、歃血为盟(古代盟会参加者涂牲畜的血在嘴旁，以示立盟之诚)、恭候台光(旧日请人前来时的客气话)、接三换九等。

另外，还有一些成语，如“闭月羞花、沉鱼落雁、螓首蛾眉、燕颌虎颈”等，因其设喻陈旧，缺少时代气息现在也较少使用了。

汉语是当今世界上使用人口最多的语言，是发生学分类法汉藏语系中的最大一支，是形态学分类法中孤立语的代表。因而，加强对当代汉语词汇的发展研究，有丰富普通词汇学内容的理论意义。正如专门研究语言变化的英国语言学家简·爱切生所说：“我们不能把英语当作所有语言的样本。所以，我们急需对其他语言，特别是与英语结构不同的语言做更多的研究，用以补充已经存在的研究工作……，从而也去发现汉语中的变化。这样，他们就能配合世界其他地区的研究，使我们大家对语言和语言变化的知识更丰富深入。”(简·爱切生著、徐家祯译《语言的变化：进步还是退化?》中文版序，语文出版社，1997年版)。汉语是当代汉民族使用的并且还要继续使用的重要交际工具，也是中国各民族之间交往的重要工具，同时又是联合国六种工作语言之一，因而汉语在国内外都有很大的影响，处于重要的地位，而且词汇包括成语是语言系统的建筑材料，对词汇及成语的掌握和运用能力决定着语言运用的水平，因此对汉语成语发展变化的研究，不仅对汉语词汇本身的研究，而且对语言交际和运用，对语言更好地为社会建设服务等问题，都具有非常实际的意义。

参考文献

- [1] 陈原，《社会语言学》，学林出版社，1983。
- [2] 刁晏斌，现代汉语历史发展研究刍议，《辽宁师范大学学报》第4期，1995。
- [3] 葛本仪，《现代汉语词汇学》(第3版)，商务印书馆，2014。藟
- [4] 刘晓颖、郭伏良，试论现代汉语新成语，《汉字文化》，第5期，2009。
- [5] 简·爱切生著、徐家祯译，《语言的变化：进步还是退化?》，语文出版社，1997。
- [6] 马国凡，《成语》，内蒙古人民出版社，1978。
- [7] 张维耿，开放改革以来汉语词汇的新发展及其社会心理原因，《暨南学报》第2期，1995。
- [8] 张永言，《词汇学简论》，华中工学院出版社，1982。藟

[9] 张志毅、张庆云，新时期新词语的趋势与选择，《语文建设》第3期，1997。

О.М. Готлиб, Е.В.Кремнёв, Т.Е. Шишмарева (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРУДЫ ПО ГРАММАТОЛОГИИ КИТАЙСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.
(РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)⁸**

В статье приводятся основные результаты научного проекта, целью которого было восстановление исторической памяти о работах отечественных китаеведов, занимавшихся проблемами грамматики китайской письменности во второй половине XIX – первой половине XX вв., и введение их работ в современный научный репертуар.

Ключевые слова: грамматология; современное китайское письмо; иероглифическое письмо; письменная форма древнекитайского языка; идеографический элемент; каллиграфия; семантическая структура знака; грамматико-семантический анализ.

O.M. Gotlib, E.V. Kremnyov, T.E. Shishmaryova (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

**RUSSIAN WORKS IN THE GRAMMATOLOGY OF CHINESE WRITING
SYSTEM FROM THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY TO
THE FIRST HALF OF 20th CENTURY
(RESEARCH RESULTS)**

The article presents the principal results of the research project, which aims (1) to restore the historical commemoration of works of Russian sinologists which dealt with the problems related to

⁸ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Отечественные труды в области грамматики китайской письменности» № 13-04-00248.

the grammarology of the Chinese writing system from the second half of the nineteenth century to the first half of the twentieth century, and (2) to introduce them to the modern research discourse.

Keywords: *grammarology, the modern Chinese writing, hieroglyphic writing, the written form of the ancient Chinese language, an ideographic element; calligraphy; semantic structure of the character; grammatical and semantic analysis.*

В декабре 2014 года увидит свет книга «Отечественные труды в области грамматологии китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, Ю.В. Бунаков, И.М. Ошанин». Задачу этого исследовательского проекта авторы видят главным образом в восстановлении, «воскресении», введении в современный научный оборот ряда работ отечественных синологов, связанных с изучением китайского письма. В этом плане указанную работу можно назвать схоластической, отвлекаясь от того теолого-философского представления этого понятия, которое, как правило, сопряжено с негативной коннотацией чего-то излишне скрупулезного и ортодоксально-отвлеченного. В данном случае схоластика понимается в ее изначальном этимологическом понимании – от латинского *schola* и греческого *σχολή*. Представляется, что именно схоластика, наряду с гностикой, есть базовые составляющие любого научного контекста. Схоластическая составляющая как раз и есть тот инструментарий исследования, тот «принцип дополнительности», без которого гностика как процесс научного познания, по сути, и невозможна.

Работа продолжает тенденции последних лет, когда восстанавливаются, переиздаются, комментируются востоковедные труды ученых прошлых лет и прошлых веков. Эта тенденция не только вполне гармонирует с конфуцианским принципом сыновней почтительности (孝), некой патристичностью, но и, что не менее значимо, тем самым расширяется и усиливается фундамент для новых научных изысканий.

В работе представлены комментированные фрагменты сочинений С.П. Васильева «Анализ китайских иероглифов» (1866 г.), С.М. Георгиевского «Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе

историю жизни древнего китайского народа» (1888 г.), Ю.В. Бунакова «Китайская письменность» (1940 г.) и И.М. Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма» (1943 г.). Все указанные сочинения полностью или в значительной своей части посвящены различным аспектам изучения китайской письменной системы, что дает основание рассматривать их как грамматологические⁹.

Оценивая указанные сочинения с позиций современного состояния лингвистики вообще и грамматологии в частности, необходимо отметить, что в них можно найти глубокое предвидение эволюции научных знаний, некие предтечи нынешнего их состояния. Во всех предложенных трудах можно увидеть опыты анализа концептосферы как одной из составляющих современной когнитивной лингвистики. Основания таких научных устремлений очевидно кроется в самом объекте исследований – китайских идеографических письменных знаках. Сама их природа позволяет – и даже требует – их анализа с позиций того, что сегодня называется «картиной мира».

Значительное место в работах ученых занимает вопросы классификации китайских письменных знаков – краеугольного вопроса китайской грамматологии. Модели, предложенные Ю.В. Бунаковым и И.М. Ошаниным, никак не утратили своей научной значимости и могут стать предметом серьезной научной дискуссии в грамматологическом и семиотическом аспектах.

Результаты работы В.П. Васильева нашли свое место и в лексикографии: предложенная им система расположения знаков в словаре по правой нижней черте была доработана И.М. Ошаниным и использована в знаменитом «Большом китайско-русском словаре».

Весьма значимым в сочинениях ученых является дидактический аспект. Все они свою научную деятельность сопрягали с преподавательской. И этот их статус самым непосредственным образом влиял и на постановку задач

⁹ Термин «грамматология» вошел в метасистему лингвистики после появления работы И.Д. Гельба «Опыт изучения письма (Основы грамматологии)» (первое издание - 1952 г.) и авторами указанных сочинений естественно не использовался.

исследований, и на их решение. Дидактико-методическая составляющая является одной из ведущих в канве работ и может сослужить еще весьма и весьма полезную службу в современных работах такого плана. Предложенные В.П. Васильевым принципы организации иероглифического материала на основе фонетических указателей, в соответствии с их местом и ролью в иероглифах, и сегодня могут служить подспорьем при изучении фоноидеографических знаков китайского языка. Метод грамматологической этимологии С.М. Георгиевского также имеет перспективы в преподавании китайского языка, китайской культуры и истории. Прежде всего, как способ изучения иероглифов через установление их первоначального значения, что, безусловно, является одной из самых эффективных мнемонических техник, а также для изучения студентами и аспирантами-китаеводами китайской истории через анализ письменных знаков с учетом актуальных сведений о Древнем Китае, полученных исторической наукой на сегодняшний день.

Наконец, работу Ильи Михайловича Ошанина безусловно можно рассматривать как фундаментальное научное исследование в области теории китайской письменности, крупнейшее по своей значимости и широте в отечественном китаеведении XX века, но не нашедшее до сего дня монографического воплощения и не вошедшее в связи с этим в широкий научный репертуар.

Подводя итоги своей работы, авторы проекта надеются, что их книга будет полезна для студентов и аспирантов-синологов, китаеведов, специалистов в области грамматологии и семиотики.

Библиографический список

1. Бунаков, Ю.В. Китайская письменность [Текст] / Ю.В. Бунаков // Сборник «Китай, история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость». – Ленинград, 1940. – №1. – С. 352-384.
2. Васильев, В.П. Анализ китайских иероглифов. Часть 1-я. Издание 2-е [Текст] / В.П. Васильев. – СПб: Типография Безобразова и Комп., 1898. – 133 с.
3. Васильев, В.П. Анализ китайских иероглифов. Часть 2-я. Элементы китайской письменности [Текст] / В.П. Васильев. – СПб: Печатня А. Григорьева, 1884. – 99 с.

4. Гельб, И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики) [Текст] / И.Е. Гельб. – М.: Радуга, 1982. – 366 с.
 5. Георгиевский, С.М. Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа [Текст] / С.М. Георгиевский. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1888. – 180 с.
 6. Готлиб, О.М. Основы грамматики китайской письменности [Текст] / О. М. Готлиб. – М.: «Восток-Запад», 2007. – 282 с.
 7. Ошанин, И.М. Происхождение, развитие и структура современного китайского письма [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. – М: Военный институт иностранных языков Красной Армии, 1943.
 8. Самойлов, Н.А. Место и роль работ С.М. Георгиевского в формировании образа Китая в России в 80-х годах XIX в. [Текст] / Н.А. Самойлов // Филология и история стран Азии и Африки. Тезисы научной конференции, посвященной 50-летию воссоздания Восточного факультета СПбГУ. – СПб., 1994. – С.62-65.
 9. Скачков, П.Е. Очерки истории русского китаеведения [Текст] / П.Е. Скачков. – М: Наука, 1977. – 503 с.
 10. Хохлов, А.Н. С.М. Георгиевский. К 100-летию со дня смерти выдающегося китаеведа [Текст] / А.Н. Хохлов // Материалы XXV научной конференции «Общество и государство в Китае». – М.: ИВ РАН, 1994. – С. 283-291.
- Хохлов, А.Н. Востоковед В.П. Васильев и его графическая система расположения китайских иероглифов [Текст] / А.Н. Хохлов // Китайское языкознание. Изолирующие языки. – М., 2000. – С. 189-202.

В.Г. Дацьшен (Красноярск)
Гуманитарный институт СФУ

ЛИКБЕЗ ДЛЯ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ НА «НОВОМ КИТАЙСКОМ АЛФАВИТЕ» В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Целью данной статьи является рассмотрение опыта попытки ликвидации неграмотности у китайских мигрантов в Сибири посредством замены иероглифической письменности фонетическим письмом, созданным советскими учеными на основе латинского алфавита.

Ключевые слова: ликвидация безграмотности, китайские мигранты, фонетическое письмо.

V.G. Datsyshen (Krasnoyarsk)

INSTITUTE OF HUMANITIES (SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY)

**EXPERIENCE OF ELIMINATION OF ILLITERACY
FOR CHINESE MIGRANTS IN EASTERN SIBERIA**

The purpose of the article is reviewing the experience of elimination of illiteracy for Chinese migrants in Eastern Siberia by way of changing hieroglyphics into phonetic writing, created by Soviet researchers.

Key words: *elimination of illiteracy, Chinese migrants, phonetic writing.*

Важной и интересной страницей истории китайского языка и китайской культуры в России явилась попытка ликвидации неграмотности у китайских мигрантов в Сибири посредством замены иероглифической письменности фонетическим письмом, созданным советскими учеными на основе латинского алфавита. Борьба с неграмотностью китайских мигрантов и «движение за латинизацию китайской письменности» проходили в рамках политики «Культурной революции» в СССР.

После окончания Гражданской войны в России сохранилась довольно большая китайская община, всего около 100 тыс. человек. Большинство китайских мигрантов проживали на Дальнем Востоке России, но кроме этого, наряду с Москвой, значительное число китайцев в 1920-1930-х гг. жили и работали в Восточной Сибири¹⁰. В годы Гражданской войны в России значительная часть китайских мигрантов для того, чтобы выжить, вынуждены были вступить в Красную Армию, симпатии многих китайцев были на стороне Советов и по причине общности интересов в противостоянии с Японией. Однако в 1920 г. уже проявились противоречия между китайскими организациями

¹⁰ В 1926-1930-м гг. восточное Забайкалье, Читинский и Сретенский округа, входили в состав Дальневосточного края, а летом 1930 г. все Забайкалье было включено в состав новообразованного Восточно-Сибирского края.

в Советской России и советскими коммунистами. Для воздействия на китайцев советские коммунисты и тесно связанные с ними структуры Коммунистического Интернационала стали создавать специальные учебные заведения и образовательные курсы. В утвержденных Сиббюро ЦК РКП(б) «тезисах В.Д. Виленского о работе коммунистов в странах Дальнего Востока» от 14 августа 1920 г. в частности, говорилось: «В Сибири желательно не допускать образования паразитствующих организаций восточных народов. Желательно всех китайцев, корейцев и проч. незамедлительно отправлять за рубеж. Исключение должны представлять курсанты (военные, партийные, советские курсы), для чего необходимо широко открыть двери курсов» [Дальневосточная... 1996. С.117].

В 1920-х гг. Советская Россия вновь стала привлекательной для китайских мигрантов. На востоке России опять появились многочисленные рабочие и служащие, в значительной части неквалифицированные и неграмотные. В ноябре 1927 г. начальникам местных отделений милиции было направлено предписание за подписью начальника Иркутского окружного административного отдела и окружной милиции Шарашина, в котором говорилось: «За последнее время в г. Иркутске появилось значительное количество китайских граждан без документов или с просроченными. Окрадмотдел предлагает произвести проверку документов у китайских граждан и на лиц, у которых таковых не окажется или имеются просроченные, составить протокол за нарушение постановления НКВД №226-1927» [ГАИО. Ф.Р-727. Оп.3. Д.20. Л.141].

При этом, советские органы власти к китайским нелегалам относились вполне лояльно. Начальник Сибирского краевого административного отдела в апреле 1928 г. разослал на места следующее предписание: «Вопрос о принудительном выселении иностранцев, въехавших с визой на временное пребывание и не выехавших по истечении сроков, указанных в визе, поставлен на разрешение НКВД, и до разрешения этого вопроса принудительного

выселения не применять, ограничившись только предложением выборки выездной визы» [ГАИО. Ф.Р-727. Оп.3. Д.20. Л.140].

Данные о численности китайских мигрантов в Сибири в середине 1920-х гг. были довольно противоречивыми. Всесоюзная перепись 1926 г. в Сибирском крае¹¹ зафиксировала 1409 советских китайцев и 2151 граждан Китайской республики. Советских китайцев в Иркутском округе насчитали 505 чел. Граждан Китайской Республики в Иркутском округе проживало 1068 (в том числе в Иркутске – 704) чел. [Всесоюзная. 1928. С.12]. В статистических справочниках, ссылавшихся на перепись населения в 1926 г. на территории, вошедшей в 1930 г. в Восточно-Сибирский край¹², указывались следующие цифры китайского присутствия: 8064 китайцев, или 0,31% населения края. В том числе по округам: Читинский - 4473 (1,16%); Сретенский - 2593 (1,27%); Иркутский - 505 (0,11%); Бурят-Монгольская АССР - 342 (0,07%) [Районы. 1930. С.14-15]. Очевидно, перепись 1926 г. учла далеко не всех китайцев в Сибири. Согласно данным Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, в 1925 г. в Забайкальской губернии числилось 7759 китайцев [Объяснительная. 1929. С.91]. Довольно много китайцев работали в Бодайбо, в Бурят-Монголии проживало 342 граждан СССР и 1316 иностранцев китайской национальности [Китайцы. 1931]. Необходимо еще раз отметить, точных данных о численности китайцев никогда не было, например, в 1929 г. в Иркутском окружке фигурировали цифры и в 2500, и в 503 китайцев в округе [ГАНИИО. Ф.16. Оп.1. Д.1257. Л.6об., 19об.].

Руководство Большевистской партии и Советского государства в 1920 г. в силу интернациональной идеологии уделяли значительное внимание Китаю и китайцем. Коммунисты надеялись показать на примере китайских мигрантов преимущества новой социально-экономической системы и найти в мигрантах опору для своей политики. Китайские же революционеры и многие

¹¹ Сибирский край был образован в 1925 г. в составе округов на территории бывших Алтайской, Енисейской, Иркутской, Новониколаевской, Омской, Томской губерний. В июле 1930 г. Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский край и Восточно-Сибирский край.

¹² Собственно Восточно-Сибирский край был образован в июле 1930 г. и просуществовал до 1936 г.

представители передовой интеллигенции надеялись использовать революционную Россию в качестве «экспериментальной площадки» для своих идей.

Несмотря на то, что подавляющее большинство китайцев в России оставались гражданами Китая, руководство партии и государства уделяли им большое внимание. Газеты сообщали: «... Трудно вести работу среди китайцев. Есть китайский клуб, но нет работников, знающих китайский язык, а русский язык не понимают китайцы...» [Красноярский рабочий. – 1925. - 6 октября]. В середине 1920-х гг. советские органы активизировали свою деятельность по вовлечению китайцев в общественно-политическую жизнь в стране. Китайских мигрантов стали привлекать к обучению в губернских совпартшколах, например, в 1926 г. на Иркутском рабфаке не было ни одного китайца, а в 1 апреля 1927 г. уже один китаец – *Чжаньян* - указан, как «ученик рабфака» [ГАИО. Ф.Р-727. Оп.3. Д.5. Л.73об.].

Большинство китайских мигрантов на востоке России принадлежали к числу неквалифицированных или низко квалифицированных рабочих. В Отчете о работе среди Восточных рабочих в начале 1929 г. говорилось: «1) Восточные рабочие на три четверти из Северного Китая, часть из них из Китая приехали около 20 лет. Состав Вост. Рабочих: есть торговцы, крестьяне и др. профессий...» [ГАХК. Ф.П-2. Оп.11. Д.415. Л.10]. В отчете инструктора по работе среди восточных рабочих за 1929 г. при Сретенском управлении Союззолота говорилось о тяжелом материальном положении китайских рабочих и их семей на приисках Сретенского округа, а также низком уровне их культурного обслуживания [ГАХК. Ф.П-2. Оп.9. Д.19].

Социальный состав китайской общины в Сибири обуславливал низкий процент грамотности. По данным переписи 1923 г. процент грамотности среди китайцев составлял 33,9%, а по переписи 1926 г. – 34%. На Дальнем Востоке, например, советскими школами были охвачены только 21,2% китайских детей школьного возраста, при среднем охвате всех детей по Дальневосточному краю в 65,8%. [ГАХК Ф.П-2. Оп.11. Д.96. Л.17]. В справочнике «Весь Иркутск» на 1924

г. отмечалось: «У китайцев процент грамотности не превышает 26%, но возможно, что эта цифра является неточной, так как регистрация этой группы населения отличается особыми трудностями и страдает неизбежными дефектами» [Весь. 1924. С.8]. В некоторых документах указывалось образование китайских мигрантов. Например, *Ван-мон-ин* указывал, что окончил городское училище [ГАКК. Ф.Р-49. Оп.3. Д.19. Л.266], *Го-шин-ян* год учился в начальном училище [ГАКК. Ф.Р-49. Оп.3. Д.19. Л.430].

Активная работа по ликвидации неграмотности среди китайцев, как и прочих групп населения на востоке России, началась в середине 1920-х гг. Но работа шла медленно, в «Отчете о работе среди Восточных рабочих по Новотроицкому прииску Сретенского округа за время 20-го октября 1928 по 15 января 1929 года» (370 китайцев), говорилось: «На курсы по ликвидации неграмотности на китайском и русском языках записалось 72 китайца, кроме того, пять китайцев ходили в воскресную школу для русских. В Красном уголке имелась всего одна газета на китайском языке...» [ГАХК. Ф.П-2. Оп.11. Д.415. Л.10]. В отчете с приисков Борзинского райуправления Цветметзолота «О работе среди восточных рабочих с 11 февраля по 20 марта 1930 г.» было указано из общего числа 406 рабочих 90% неграмотных по-китайски и 99% неграмотных по-русски. Подписались учиться в ликпунктах 37 человек, из которых 17 чел обучались на русском языке, число же изучавших китайскую грамоту выросло до 39 чел. В отчете отмечалось: «Но посещение занятий как по русскому языку, так и по китайскому нерегулярное, причина: переагруженность в работе, влияние к/р агитации/ распространение слухов, что мол кто будет учиться, тот будет впоследствии послан в армию и т.д.» [РГАСПИ Ф.495. Оп.154. Д.433. Л. 2об.].

В 1925/26 уч. году для подготовки «ликвидаторов неграмотности» среди восточных народов в Хабаровске были проведены специальные 3-х недельные курсы, где прошли обучение 17 корейцев и 10 китайцев [Отчет. 1927. С.62]. В 1927/28 уч. году на Дальнем Востоке был издан «букварь» для взрослых на китайском языке тиражом 5 тыс. экземпляров. Задача подготовки кадров учителей отчасти была возложена на открытое в 1925 г. Китайское отделение при

губернской совпартшколе во Владивостоке. В 1931 г. китайское отделение было открыто и при Читинской совпартшколе. Сначала на китайское отделение было принято 75 человек, но вскоре в школе осталось около 30 китайцев.

В столице Восточной Сибири вопрос о специальном образовании для китайцев, хотя бы для ее «партийной верхушки», вставал не раз. В Государственном архиве новейшей истории Иркутской области сохранился интересный документ - письмо в «Издательскую часть Коммунистического Университета Трудящихся китайцев» (1930 г.) за подписью инструктора Иркутского окружного комитета ВКП (б) Бурцева. В документе говорится «Осенью с.г. в гор. Иркутске в Совпартшколе открывается кружок Нацменьшинств для подготовки партработников, где будут приниматься также и китайцы коммунисты. Им нужны учебники на китайском языке. По получении книг требуемая сумма будет переведена по почте» [ГАНИИО. Ф.16. Оп.1. Д.1478. Л.34]. Иркутский окружком заказал для совпартшколы восемь учебников («История ВКП(б) Попова или Ярославского», «Азбука ленинизма», «История классовой борьбы», «Политическая экономия (Лападус)», «Экономическая география», «Партийное строительство», «Военное дело», «История революционного движения Запада»), по 10 экземпляров каждого, а также другие учебные материалы. В плане работы Китайской секции Иркутского Окружкома ВКПб. в конце 1929 г. было записано: «организовать вечернюю школу ликвидации неграмотности китайцев» [ГАНИИО. Ф.16. Оп.1. Д.1258. Л.83]. Проводить занятия планировалось четыре раза в неделю. В проекте плана работы Китайской секции в Иркутске на 1930 г. было открытие школы для китайцев в Черемхово.

Планы борьбы с неграмотностью китайцев и вовлечение их в «новую жизнь» в СССР в 1920-х гг. оказались нереализованными. В марте 1931 г. в секретном докладе Далькрайкома ВКП(б) был отмечен неприятный для советской власти факт начала массового выезда китайцев из СССР. Правда, собственно в Сибири этот процесс был не столь заметен. В начале 1933 г. в Читинском районе имелось 805 человек рабочих и крестьян китайцев [ГАНИИО. Ф.123. Оп.4. Д.86.

Л.1]. В Усть-Карийском районе Восточно-Сибирского края в начале 1930-х гг. имелось более 500 восточных рабочих, большинство из которых находились в Сибири от 5 до 15 лет [ГАНИИО Ф.123. Оп.4. Д.53. Л.58]. Для того, что остановить отток китайцев, секретарь Далькрайкома предложил сделать упор на развитие системы образования для китайцев, настаивая: «Необходимо учесть их культурный рост и развивающиеся от этого потребности» [ГАХК. Ф.172. Оп.1. Д.303. Л. 6об.]. 25 июня 1931 г. Президиумом Далькрайисполкома было принято постановление «Об организации в г. Хабаровске Интернационального педагогического института» в системе Наркомпроса. Президиум Далькрайисполкома постановил: «Основными контингентами выбора в институт принять для китайского сектора – рабочих... Приемку учащихся проводить не только по ДВ краю, но и в других местах Союза, причем на китайском секторе до 30% мест предоставить районам Союза ССР...» [ГАХК. Ф.137. Оп.4. Д.11. Л.280].

В конце 1920-х гг. в СССР популярной стала идея скорейшей ликвидации неграмотности среди бедных китайцев посредством замены иероглифов фонетической письменностью, специально разработанной в то время в СССР. Американский исследователь Вальтер Коларз полагал, что латинский алфавит для китайского языка разработал «грамотный китайский коммунист, которого советская пресса обычно упоминала под псевдонимом “Страхов”», а «в 1929 и 1930 гг. китайские рабочие и студенты в Москве, Ленинграде, Хабаровске и Владивостоке провели митинги в поддержку инициативы Страхова. Затем Советская Академия Наук взяла под контроль всю операцию» [Kolarz. 1954. С.46].

Информация о работе по созданию латинизированного китайского алфавита в конце 1920-х гг. в стенах была опубликована в журнале «Проблемы Китая»: «В настоящее время в институте работают следующие группы: ...5. Лингвистическая (с подгруппой по латинизации кит. письменности) – руководитель т. В. Колоколов... За все время существования НИИ были поставлены и обсуждены следующие доклады: ... По вопросам латинизации

китайской письменности. 23. Проблема латинизации китайской письменности – доклад т. Колоколова (1929 г.). 24. Критика 4 проектов латинизации китайской письменности – доклад т. Драгунова (1930 г.) [Кроме проекта т. Страхова, опубликованного в № 2 «Проблемы Китая», существуют китайский проект, американский и шведский]... Кроме того, ряд докладов... был заслушан в закрытых заседаниях групп. Так, например, в лингвистической группе были заслушаны доклады о принципах китайской транскрипции (т. Кара-Мурза), о принципах перевода (т. Рыт)» [Краткая, 1930. С.238-239]. Таким образом, одним из первых в СССР создал латинизированный алфавит для китайской письменности китайский коммунист Цюй Цюйбо (настоящее имя Цюй Шуан), известный в то время под псевдонимом Страхов.

Работа по латинизации китайской письменности в СССР проводилась также в Китайском кабинете Института востоковедения Академии Наук под руководством классика советской синологии В.М. Алексеева. В состав временной комиссии по латинизации китайской письменности при Всесоюзном центральном комитете нового алфавита входили такие известные китаисты, как Ю.К. Щуцкий и А.Г. Шпринцин. В «Совместном плане работы по латинизации и смежным с ней областям ИВ АН СССР и ДВК НА на 1933 г.» были представлены такие фамилии: «Драгунов, Шпринцин, Любин, Мартынов, Васильев, Абрамсон, Эмми Сяо, Тин Шань, Валец, Крайнов, Смидович, Ван, Пшеницын, Буренин, Сянбао, Шеен Чю Булатов, Жирнов, Лайхтер» [СПбФ АРАН. Ф.820. Оп.2. Д.253. Л.333. Л.391].

Работа по созданию алфавита для китайцев в СССР в основном была закончена к 1 января 1931 года. В итоге была составлена особая коллективная записка, включавшая в себя основные положения о китайской латинизации, алфавит с инструкцией, правила орфографии и учебные тексты. 31 января 1931 г. результаты этой работы были обсуждены на заседании Отделения общественных наук АН СССР, на котором выступил сам В.М. Алексеев, отметивший не только новизну и научную глубину проблемы латинизации

китайской письменности, но и тот факт, что доводы за латиницу и против иероглифики имеют главным образом политическую установку.

В январе 1931 г. проект китайского алфавита Института Востоковедения АН был согласован с проектом, выдвигаемым Научно-исследовательским институтом по Китаю при Коминтерне, а затем коллективный проект обоих институтов был представлен на рассмотрение во Всесоюзный центральный комитет Нового Алфавита (ВЦК НА). Проект был принят на заседании научного совета ВЦК НА, затем утвержден пленумом ЦК НА и, наконец, окончательно принят на 1-й конференции по латинизации китайской иероглифической письменности, состоявшейся во Владивостоке 26-29 сентября 1931 г. В пленарной части конференции выступил китайский писатель-революционер Эмми Сяо с докладом «Проблема культурной революции среди китайских трудящихся в СССР», а советские китаеведы Драгунов, Буренин и Шпринцин в своих выступлениях остановились на проблемах собственно латинизации письменности. На конференции было принято решение об обязательном ведении латиницы с этого года во всех школах, печатных учебных пособиях, об организации специальных курсов по подготовке ликвидаторов неграмотности.

Латинизированная письменность для советских китайцев создавалась на основе разговорного языка китайских мигрантов в России. Говоря о разговорном языке китайцев в Забайкалье и Прибайкалье, можно учесть тот факт, что в XIX в. здесь проживали лишь представители этно-культурной общности китайцев провинции Шаньси. Однако в начале XX в. началась массовая миграция китайцев-рабочих из Маньчжурии, Шаньдуна и Хэбэя, поэтому к 1920-м гг. в Восточной Сибири китайцы имели тот же разговорный язык, что и на Российском Дальнем Востоке.

В сентябре 1931 г. Первая конференция по латинизации китайской письменности во Владивостоке обсудила и единогласно приняла китайский латинизированный алфавит, орфографические правила и т.д. Было вынесено постановление о полной ликвидации неграмотности среди китайских

трудящихся в течение 1932 г. В октябре 1931 г. на Дальнем Востоке был создан Комитет китайского латинизированного алфавита, преобразованный в апреле 1932 г. в Дальневосточный Комитет Нового Алфавита. В октябре 1932 г. Президиум ВЦК НА в резолюции по отчетному докладу ответственного секретаря ДВК НА Н.И. Любина отметил успешную подготовку кадров преподавателей и сотрудников, каковых всего было 168 китайских работников. Кроме того, к этому времени было создано 11 китайских горрайкомов Нового Алфавита, началось издание трех китайских газет на латинице. В 1933 г. были приняты новые контрольные цифры по ликвидации неграмотности и малограмотности среди китайского населения, составившие 10800 человек, был организован конкурс на лучшую подготовку «ликбезработы». С 1932 по 1934 гг. новая китайская письменность, получившая название «latinghua» («латинхуа»), была введена в нескольких китайских школах, на латинское письмо перешли китайские газеты.

В ряде документов первой половины 1930-х гг. отмечаются некоторые успехи в ликвидации неграмотности среди китайцев на Новом Алфавите в Восточной Сибири. В «Докладная записка О работе среди Вострабочих в Читинском районе» от 16 марта 1933 года за подписью инструктора Читинского горкома ВКП(б) Алеева» говорилось: «IV. Ликвидация неграмотности и проведение нового китайского алфавита: Следующие цифры показывают, что новый китайский алфавит является наилучшим орудием для поднятия полит. культурный уровень китайских трудящихся. В мае месяце охвачено ликбезом всего 35 чел., из них китайцев 18 чел. ... из этих 18 китайцев учатся на русском 8 чел, на китайском 10 чел. В январе месяце охвачено в ликбез всего 195 чел., из них китайцев 142 чел. из этих 142 китайцев, 10 чел. учатся на русском, 16 чел., учатся на кит. и 116 чел. учатся на новом китайском алфавите, мы уже имеем свыше 50 курсантов и актива, который выучился на новом китайском алфавите и 15 ликв. на новом кит. алфавите» [ГАНИИО. Ф.123. Оп.4. Д.86. Л.14-15].

В материалах Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) по Усть-Карийскому району за 1933 г. отмечалось: «Абсолютное большинство восточников приехали из провинций Шандунь, Чжили и восточных трех провинций (Маньчжурия). Проживают на советской территории от 5 до 15 лет. Около 30% женаты на русских, у восточников значительное количество детей возраст от 2 до 15 лет. Например, Усть-Кара – 150 чел., Курлея – 100. Незначительная часть обучается в русских школах, по китайски не говорят, но понимают. Китайской грамоте не обучаются. Желание учиться китайской грамоте и в особенности латинизации китайской письменности большое, на это имеются возможности, но они не использованы... Во-первых, русский язык легче, во-вторых – русский язык для них более требуется на данной территории, но и эта работа проведена неудовлетворительно, только на Базанихе и в Козлово организованы ликпункты на русском языке, ликвидаторами являются малограмотные китайцы, форма и метод работы по ликвидации неграмотностей – мертвый» [ГАНИИО. Ф.123. Оп.4. Д.53. Л.59-60].

С первых лет «движения за Новый Алфавит» стали проявляться недостатки в работе представлявших его структур. В 1933 г. году в официальном докладе было отмечено, что Амурский «Областной Комитет Китайского Нового Алфавита является совершенно излишней ненужной надстройкой», а 6 его работников и 18 преподавателей «являются дармоедами» [ГААО. Ф.Р-114. Оп.2. Д.6. Л.3]. В Восточной Сибири, как и в других районах России, при выполнении намеченных планов столкнулись с проблемами. В партийных документах «Проведение работы латинизации китайской письменности» отмечалось: «Со второй половины 1932 г. после 1-го выпуска ликвидаторов началась работа по ликвидации не грамотности, на латинизированном алфавите кит-письменности. В Усть-Карийском районе в 1932 г. было 4 ликвидатора, а в связи с сокращением сметы культ-быта комбинатом Забзолото два ликвидатора в январе месяце 1933 г. сокращены. В течение от 4 до 7 месяцев ликвидировано на латинском алфавите около 60 человек неграмотных. Умеют писать и читать более популярные статьи и газеты, а массово-агитационно-пропаганд. работа по

латинизации китайской письменности не проводится, организационная работа слаба. Крайпрос этой работы не знает и не помогает да и сам зав. культ. быт.-комбината Заболото не знает состояния культмассовой работы среди вострабочих... Руководство работой по лат. китайской письменности со стороны краевой организации совершенно неудовлетворительно» [ГАНИИО. Ф.123. Оп.4. Д.53. Л.60].

Ликвидация неграмотности среди китайцев тормозилась отсутствием необходимых средств и организационной неразберихой. В «Докладная записка О работе среди Вострабочих в Читинском районе» от 16 марта 1933 г. говорилось: «совершенно недостаточно для развертывания этой работы давший организовать городской комитет НКА, ввиду того, что на местах не имеется средств, а поэтому не может развернуть эту работу должной высоты. Просить Крайком ВКП(б) оказать нам содействие» [ГАНИИО. Ф.123. Оп.4. Д.86. Л.14-15.] Ключевой проблемой был кадровый вопрос, хотя и в Читинской совпартшколе училось 63 китайских курсанта [ГАНИИО. Ф.123. Оп.4. Д.86. Л.1]. В «Докладной записке Культпропу Вост.-Сиб. Крайкома ВКП(б) От Люй-Тан-Чуя, командированного культпропом Крайкома в Усть-Карийский район» говорилось: «Лишь один из отправленных в совпартшколу китаец вернулся и работает «ликвидатором по латинизации китайской письменности... На приисках имеется 8 ликпунктов, обслуживаются 4-мя ликвидаторами, окончившими 2-х месячные курсы латинизации (малограмотные)» [ГАНИИО. Ф.123. Оп.4. Д.86. Л.19].

Среди сложных проблем были обеспечение ликвидаторов и учеников учебной и специальной литературой. В 1931 г. во Владивостоке вышел первый букварь «Latinхуа zhungmen gungzhen duben», составленный А.Г. Шпринциным. В 1933 г. на Дальнем Востоке для курса Родной язык для китайцев было утверждено учебное пособие – букварь «Новый Алфавит и книга для чтения». В «Списке учебников и учебных пособий для Хабаровской городской китайской школы 1 ст.» за 1934 г. были указаны 8-томные «Учебник китайского разговорного языка» и «Учебник начальной математики»; 4-томные

«Учебник начального счета», «География Китая», «Учебник естествознания» и «Детские беседы»; а также учебники «Санитария и гигиена в школе», «Детская физкультура и игры», «Детские песни» и др. В качестве учебных пособий в школе имелись карты Китая и Мира с надписями на китайском языке, разные таблицы, глобусы, азбуки, 200 томов детской библиотечки и 20 томов педагогической библиотечки [ГАХК. Ф.П-2. Оп.9. Д.19. Л.120]. К 1933 г. на китайском языке «Партиздатов» было выпущено 9 книг, а «Дальгизом» - около 150 книг и брошюр.

Но в Восточной Сибири литературы для китайцев катастрофически не хватало. В «Докладной записке Культпропу Вост.-Сиб. Крайкома ВКП(б) От Люй-Тан-Чуя, командированного культпропом Крайкома в Усть-Карийский район» говорилось: «Насчет литературы на китайском языке, имеются многие книги, изданные в Москве для китайских студентов, и очень небольшое количество брошюр изданных в Хабаровске. Почти отсутствуют написанные на понятном рабочим языке литературы соответствующей культ-уровню китайских рабочих, которые можно использовать как учебник для занятия с рабочими» [ГАНИИО. Ф.123. Оп.4. Д.86. Л.20].

Подобные проблемы существовали в других регионах Сибири. В докладе секретаря Черногорского РК ВКП(б) Хакассии от 20 июня 1934 г. говорилось: «Огромную трудность для ликбезработы среди китайцев составляет отсутствие учебных пособий (букварей), пока выходим из положения тем, что грамотные китайцы под руководством корейца, работающего в РайОНО, составили нечто вроде букваря на 300 знаков китайской азбуки (надо же для окончания курса ликбеза до 1000 знаков). Чрезвычайно плохо обстоит дело с различной литературой на китайском языке. Сразу по прибытии китайцев были сделаны заказы на литературу в Москве и Хабаровске, но до последнего времени получили только 8 названий и то по 1-2 экземпляра – так сейчас имеется 1 экземпляр доклада т. Сталина на XVII партийном съезде, 1 экземпляр избранных сочинений т. Ленина... 1 экземпляр доклада Куусинена на пленуме ИККИ и конституция Советского Китая... Выписано из Хабаровска 10

экземпляров газеты рабочий путь на китайском языке и ряд журналов, за все время, с марта получен 1 номер газеты...» [ОДНИ ГАРХ. Ф.2 Оп.1. Д.249. Л.32].

В течение 1930-х гг. ответственные структуры постоянно занимались проблемами подготовки к печати и издания научной и учебной литературы для китайцев. В «плане работы по латинизации на 1934 г. ИВ АН, ДВО АН, ДВК НА при ближайшем участии Научно-исследовательского института по Китаю» имелось и «Составление краткой грамматики китайского языка для ликпунктов. То-же для средней школы. Консультанты: Драгунов, Шпринцин, Чжоу Сунюань» [ГАХК. Ф.П-2. Оп.11. Д.175. Л.26]. В «Схеме производственного плана ДВ Комитета НА на 1935 год» имелся раздел «Издательская работа» в котором говорилось: «1. Издание газеты “За новый алфавит”. 2. Терминологический словарь. 3. Китайско-русский словарь. 4. Орфографический справочник. 5. Учебник русского языка для китайцев...» [ГАХК. Ф.П-2. Оп.11. Д.175. Л.128]. Постановлением Далькрайкома ВКП(б) от 22 апреля 1936 г. «Дальгизу» вновь было предложено в трехмесячный срок издать пять учебников для ликвидации неграмотности среди китайцев [ГАХК. Ф.П-2. Оп.1. Д.802. Л.213].

Мероприятия начала 30-х гг. несколько улучшили ситуацию с грамотностью среди китайских мигрантов, но коренным образом изменить ее не смогли. Перевод на латиницу китайского письма не дал ожидаемого результата в плане резкого повышения грамотности. Уже в 1933 г. отмечалось: «... недостаток литературы на латинизированном алфавите совершенно неудовлетворительное распространение по большинству районов газеты Кит. Н.А. приводит к тому, что окончившие школу не получая материалов для чтения, практики, забывают новый алфавит и работа по их обучению сводится к нулю» [ГААО. Ф.Р-114. Оп.2. Д.6. Л.4]. Китайские лидеры на Дальнем Востоке России выступили против издания литературы на Новом Алфавите, убеждая Москву в необходимости вернуться к иероглифике. Например, в январе 1934 г. возник конфликт по поводу необходимости китайского издания «Русской истории» академика Покровского именно на латинице. В письме в Москву говорилось:

«Зав школой №16 тов. Ван Вень-тянь преподает новый алфавит 2 года, но не может использовать... надо историю Покровского издавать иероглифами... Наша партия ее ЦК и крайком не давали таких установок, без учета реальных возможностей и наличия читателей издавать всю учебную литературу исключительно на алфавите» [ГАХК. П-2. Оп.11. Д.175]. Показательно, китайская газета в Иркутске «Ударник» («Туззудуйюань») издавалась на иероглифике, а не на латинизированном алфавите, как об этом официально заявлялось. В «Протоколе Заседания Бюро Восточно-Сибирского Краевого Комитета ВКП(б) от 11 августа 1934 г.» по вопросу об организации работы по ликвидации неграмотности и малограмотности на китайской новой письменности говорилось: «Обязать редакцию китайской газеты «Ударник» продолжить выпуск приложения на китайской новой письменности с расчетом занятия в среднем 25% всей газеты» [ГАНИИО. Ф.123. Оп.15. Д.83. Л.67-68].

Организаторам латинизации китайской письменности так и не удалось наладить эффективной работы своих структур. В Постановлении Президиума ДВК Нового Алфавита от 5 декабря 1936 г. «О работе ДВ КНА на 1937 г.» говорилось: «Президиум ДВКНА считает работу ВВК–НА за последние два года совершенно неудовлетворительной» [СПбФ АРАН. Ф.820. Оп.2. Д.253. Л.405]. В сентябре 1937 г. решением ЦИК СССР ДВК НА был упразднен.

Работа по совершенствованию китайской латинизированной письменности не прекращалась до конца 1930-х гг. В 1936 г. продолжала работать «орфографическо-грамматическая комиссия по китайскому языку» при Китайском кабинете ИВ АН СССР. В 1937 г. была организована третья конференция по китайскому языковому строительству. Но в новых исторических условиях развития патриотического движения для отражения германской и японской агрессии Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита был упразднен. Почти все языки народов СССР были переведены на кириллицу. Что касается языка советских китайцев, то проблемы их письменности и культуры потеряли актуальность в СССР в связи с резким сокращением численности китайцев, подвергшихся массовым политическим

репрессиям во всех регионах страны, в том числе и в Восточной Сибири. Опыт ликвидации неграмотности китайцев и латинизации китайской письменности в СССР был использован в Китае. История борьбы с неграмотностью китайцев в Восточной Сибири с помощью перевода китайского языка на Новый алфавит представляет интерес для современной российской и мировой китаистики.

Библиографический список

1. Государственный архив Амурской области (ГААО).
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО).
6. Отдел документов новейшей истории Государственного архива Республики Хакассия (ОДНИ ГАРХ).
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
8. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН).
9. Красноярский рабочий.
10. Алексеев, В.М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. – Л., 1932.
11. Алпатов В.М. Размышления над книгой В.М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» // Общество и государство в Китае. Том XLIII. Часть 2. / Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып.9. - М., 2013.
12. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. Отд.1. – М., 1928.
13. Весь Иркутск на 1924 г. - Иркутск, 1924.
14. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922). Сб. док – Новосибирск, 1996.
15. Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII-XX вв.: проблемы миграции и адаптации. – Красноярск, 2008.
16. Дацышен В.Г. Политические репрессии и китайцы в СССР // Сибирская ссылка: Сборник научных статей. Вып. 5 (17). - Иркутск, 2009.
17. Китайцы // Сибирская советская энциклопедия. – 1931.
18. Краткая информация о работе Научно-Исследовательского института по Китаю (С января 1928 г. по май 1930 г.) // Проблемы Китая. №3. – М., 1930.
19. Объяснительная записка к этнографической карте Сибири // Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. №17. - Л., 1929.
20. Отчет Далькрайисполкома за 1925-26 г. – Хабаровск, 1927.

21. Русский букварь для китайских рабочих ДВК. Сост. Д.Д. Каупуж. Под ред. К. Бигалько. - ОГИЗ-Далькрайотделение, 1931.
22. Районы Восточно-Сибирского края в цифрах. - Иркутск, 1930.
23. Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. – М., 1984.
24. Kolarz W. The Peoples of the Soviet Far East. - L., 1954.

А.В. Дегтярева (Москва)

ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

О ЗНАЧЕНИИ ЯПОНСКОЙ ФОРМЫ НА -TARI¹³

Статья посвящена одной из распространенных в японском языке и специфичных для этого языка форм – так называемой форме репрезентативности с суффиксом –tari. В зависимости от контекста данная форма может выражать как пренебрежение, так и вежливость, но все эти прагматические эффекты являются лишь производными от общего значения нечеткости и неожиданности, которые содержит в себе форма на –tari.

Ключевые слова: форма на –tari; нечеткость; репрезентативность.

A. V. Degtyareva (Moscow)

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

ABOUT THE MEANING OF THE JAPANESE «TARI FORM»

The article is devoted to the one of the most common and specific forms of Japanese language – the so called representation form with the suffix «tari». Depending on the context this form can express both

¹³ Работа поддержана грантом РФФИ (№13-06-00179).

Примеры в данной работе приводятся в соответствии с методом, изложенным в первом томе «Теоретической грамматике японского языка» [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 11-13]. Первой строкой идет транскрипционная запись, выполненная хэбберновской латинской транскрипции, в ней пробелами друг от друга отделяются слова, а дефисами – морфемы. Во второй строке дается подстрочный поморфемный перевод, где каждому слову транскрипционной записи соответствует глосса, состоящая из лексического и/или грамматического значения. Лексическое значение выражается через исходную форму слова, а грамматическое значение – через специальные обозначения (см. «Список сокращений»). Стоит отметить, что в случае, когда японскому слову соответствует более одного русского слова (ср. hima – «свободное время»), используются разделительные точки. Делается это для удобства восприятия текста, чтобы количество дефисов и пробелов в Исследованная нами выборка составила 500 случайных предложений, содержащих форму на –tari, взятых из текстов блогов интернет-портала Yahoo!; данная коллекция текстов (52 680 статей, примерно 10 300 000 словоупотреблений) доступна в составе онлайн-версии (Chunagon) «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» (BCCWJ: Balanced corpus of contemporary written Japanese), <https://chunagon.ninjal.ac.jp>.

neglect and courtesy, but all these pragmatic effects are only derived from the main meaning of vagueness and unexpectedness, which «tari form» contains.

Key words: *tari form, vagueness, representation.*

Большинство современных японских толковых словарей ([Daijirin], [Dijitaru daijisen] и [Meikyo kokugo jiten] и д.р.) определяют основное значение формы на *-tari* (глагол/прилагательное/связка плюс частица *-tari*) как выражение нескольких однотипных действий/состояний. Данное значение называют еще репрезентативным, поскольку оно показывает (репрезентирует) неполный список при перечислении: «...событие входит в некоторый ряд событий, полностью не перечисляемый (и обычно до конца не определенный), упоминаясь в качестве примера» [Алпатов, Аркадьев, Подлеская, 2008, с. 233]. На русский язык подобное значение обычно передается с помощью слов «и так далее», «и тому подобное».

(1) *Hon o yon-dari tegami o kai-tari*
Книга ACC читать-APPR письмо ACC писать-APPR
su-ru hima mo na-i
VRB-PRS свободное.время тоже нет-PRS

«Нет даже времени на то, чтобы **читать** книги, **писать** письма и т.п.»¹⁴
[Daijirin]

Кроме того, указывается, что данная форма может обозначать прерывистый характер действия (2) или же употребляться однократно, намекая на наличие других подобных действий/состояний (3):

(2) *Nai-tari warat-tari su-ru*
Плакать-APPR смеяться-APPR VRB-PRS

«То **плачет**, то **смеется**» [Dijitaru daijisen] , [Meikyo kokugo jiten]

(3) *Watashi ga hito o damashi-tari*
Я NOM человек ACC обманывать-APPR

nado su-ru mono des-u ka

например VRB-PRS лицо COP-PRS Q

«Я тот, кто, (например), **обманывает** людей (и делает подобные вещи)?»

[Daijirin]

Вышеуказанные значения формы на *-tari*, которые даются в большинстве словарей, далеко не полностью отражают ситуацию с его современным употреблением. За последние годы семантике одиночного употребления формы на *-tari* были посвящены отдельные работы, в которых исследователи отмечали как высокую частотность подобного употребления в неформальной молодежной среде, так и возникновение новых семантических и прагматических эффектов данной формы. Среди подобных эффектов чаще всего выделяется эффект неожиданности, присущий событию, выраженному формой на *-tari*. В частности, японский исследователь А. Хонда полагает, что конструкции с *-tari* эквивалентно английское слово *happen*:

(4) *Jitsu wa kaze hi-te-tari*

На.самом.деле TOP простуда подхватить-AUX.PRG-APPR

su-ru n de

VRB-PRS NML COP.CNV

«I **happen** to have a cold» [Honda, 2007, с. 3]

Данный пример в соответствии с основным репрезентативным значением и «намеком на наличие других подобных действий/состояний» может быть истолкован как то, что были и другие симптомы заболевания («На самом деле я простудился, начал чихать и все такое»). Однако, как отмечают некоторые современные исследователи ([Suzuki, 2008], [Yamato, 2008] и др.), одиночное употребление формы на *-tari* может полностью описывать ситуацию и не подразумевать никаких других событий, помимо указанного в предложении. Так, в следующем примере трудно представить, что говорящий хочет получить от собеседника что-то еще, помимо разъяснений справочной литературы:

(5) *Sankoobunken* *o* *oshie-te*
 Справочная.литература АСС объяснить-CNV
mora-e-tari *shi-tara* *ureshi-i* *na*
 AUX.BEN-POT-APPR VRB-COND радостный-PRS PRT
 «Я был бы рад, если б ты **объяснил** мне справочную литературу»
 [Yamato, 2008, с. 115]

В данном случае, как пишет автор примера, форма на *-tari* (которую вполне можно опустить без потери основного смысла) используется в качестве средства коммуникационной вежливости. Этому посвящается и отдельная работа автора [Yamato, 2008], в которой исследуется употребление формы на *-tari* в контексте просьбы. В другой работе [Palihawadana, 2002] аналогичная ситуация с просьбой трактуется автором уже не как вежливость, а как смягчение, когда говорящий старается, чтобы речь не звучала слишком категорически:

(6) *Junko* *omae anmari* *hen* *na* *koto ni*
 Дзюнко ты совсем странный ATR дело DAT
kakawariat-tari *shi-na-i* *hoo* *ga* *i-i*
 связываться-APPR VRB-NEG-PRS сторона NOM хороший-PRS
yo
 PRT
 «Дзюнко, лучше бы ты не **ввязывалась** во всякие там нехорошие дела»
 [Palihawadana, 2002, с. 11].

Кроме того, употребление формы на *-tari* может сопровождаться презрительным отношением говорящего к событию, о котором идет речь. В следующем примере форма на *-tari* используется в ситуации, когда говорящий полагает, что «событие неадекватно, неуместно или же абсурдно» [Suzuki, 2008, с. 6]:

(7) *Dooshite* *kamera* *o* *mochikon-dari* *shi-ta*

Зачем фотоаппарат ACC приносить-APPR VRB-PST
no ka wakar-ana-i
 NML Q знать-NEG-PRS

«Я не знаю, почему он постоянно **приносит** фотоаппарат (как это глупо!)» [Suzuki, 2008, с. 6]

Многие исследователи ([Moriyama, 1997], [Kumai, 2013] и др.) отмечали, что употребление формы на *-tari* в конце предложения вместе со вспомогательным глаголом *shite* превращает все предложение в шутку или привносит значение насмешки или иронии. Следующее предложение описывает ситуацию, когда перед говорящим на столе стоит только майонез, который не предназначен для добавления его в японскую лапшу удон:

(8) *Udon ni mayoneezu o kake-tari shi-te*
 Удон DAT майонез ACC добавить-APPR VRB-CNV
 «А что [если] **добавить** майонез в удон [будет весело]»
 [Moriyama, 1997, с.56]

Как видно из этих примеров, собственно репрезентативное значение формы на *-tari*, о котором говорится в словарях, при одиночном употреблении зачастую исчезает. Дальнейшая же трактовка, как и выбор контекста, зависит от предпочтений авторов и крайне неоднозначна.

Мы считаем, что подобные прагматические эффекты употребления одиночной формы на *-tari* возникают из-за потери этой формы своей исходной симметричности. Поскольку изначально конструкция с *-tari* являлась симметричной с несколькими элементами, при одиночном употреблении достигается либо «эффект неожиданности», либо вся конструкция приобретает «значение нечеткости», из которого уже возникают различные эффекты. Разберем более подробно это положение.

Эффект неожиданность появляется благодаря тому, что ситуация, выраженная одиночной формой на *-tari* становится маркированной и

обозначает наименее вероятную, необычную и экстраординарную ситуацию. Доказать подобное утверждение можно на следующих примерах, в которых наблюдаются ограничения на наименее вероятную ситуацию. В примере (9) с несколькими элементами (исходная симметричная конструкция) показывается равная степень вероятности того, что у Ханako получится приготовить омлет:

(9) *Hanako wa sonotokidoki de tamagoyaki ga*
 Ханako TOP иногда INS омлет NOM
uma-ku tsukur-e-tari tsukur-e-na-kattari
 хороший-ADV готовить-POT-APPR готовить-POT-NEG-APPR
su-ru
 VRB-PRS

«Ханako иногда может то **хорошо**, то **плохо приготовить омлет**»

[Yamato, 2008, с.119]

Однако в случае с одиночным употреблением *-tari* необходимо указать ситуацию, которая наименее вероятна. Поскольку обычно предполагаются следующие ожидания: «Поскольку Ханako хорошо готовит, то наверняка она справится и с омлетом» или же «Поскольку Ханako не умеет готовить, то наверняка она даже омлет не сможет сделать», то приемлемыми для употребления оказываются примеры (10) и (11):

(10) *Ryoori no tokui na hanako wa tamagoyaki*
 Еда GEN умелый ATR Ханako TOP омлет
ga uma-ku tsukur-e-na-kattari
 NOM хороший-ADV готовить-POT-NEG-APPR
su-ru
 VRB-PRS

«У Ханako, которая [всегда] отлично готовит, **не получается** хорошо приготовить омлет» [Yamato, 2008, с.119]

(11) *Ryoori no nigate na hanako wa tamagoyaki*

Еда GEN не.умелый ATR Ханako TOP омлет
ga uma-ku tsukur-e-tari su-ru
 NOM хороший-ADV готовить-NEG-POT-APPR VRB-PRS
 «У Ханako, которая [всегда] плохо готовит, омлет **получается**
 хорошо» [Yamato, 2008, с.119]

В ситуации же с высокой степенью вероятности возникновения события форму на *-tari* использовать нельзя:

(12) ?*Ryoori no tokui na hanako wa tamagoyaki*
 Еда GEN умелый ATR Ханako TOP омлет
ga uma-ku tsukur-e-tari su-ru
 NOM хороший-ADV готовить-POT-APPR VRB-PRS
 «У Ханako, которая [всегда] хорошо готовит, омлет **получается**
хорошо» [Yamato, 2008, с.119]

(13) ?*Ryoori no nigatena hanako wa tamagoyaki*
 Еда GEN не.умелый ATR Ханako TOP омлет
ga uma-ku tsukur-e-na-kattari
 NOM хороший-ADV готовить-POT-NEG-APPR
su-ru
 VRB-PRS
 «У Ханako, которая [всегда] плохо готовит, омлет **получается**
плохо» [Yamato, 2008, с.119]

Эти примеры иллюстрируют, что ситуация, выраженная одним только *-tari*, не является ожидаемой и не подразумевает нечто само собой разумеющееся, иными словами, эту ситуацию говорящий маркирует. Эффект шутки возникает по этим же причинам, когда говорящий берется смело утверждать маловероятное событие, используя форму на *-tari*.

Значение нечеткости, также присущее одиночной форме на *-tari*, возникает из-за того, что по одному фрагменту довольно сложно однозначно достроить

всю картину целиком (в случае с двумя, тремя формами это сделать гораздо проще). Поэтому собственно репрезентативное значение при одиночном употреблении формы на *-tari* часто замещается на значение «нечеткой», «размытой номинации» (подробнее об этом см. [Подлеская, Стародубцева 2013]). Употребление одиночной формы на *-tari* может свидетельствовать о том, что говорящий, по тем или иным причинам, не стремится к прояснению деталей. А уже это, в зависимости от ситуации, может использоваться и как презрение («приходил там какой-то тип»), и как вежливость («дайте, пожалуйста, грамм сто-двести»). Слова, которые часто используются при переводе этой формы («всякие там», «типа», «наподобие») как раз в большей степени обозначают размытость понятия, а не то, что были другие похожие события. В контексте просьбы недостаток конкретики часто является необходимым условием вежливости (говорить о чем-то слишком конкретно и безапелляционно – грубо). Не случайно, среди устойчивых выражений в блогах слово *omot-tari* – «(no)дум(ыв)ать» встретилась чаще всех остальных – 23 раза из 500, что составляет примерно 10% от числа всех одиночных форм на *-tari*.¹⁵ Данное выражение можно еще перевести «пришла в голову мысль», «мне подумалось», что одновременно отображает как неконтролируемость процесса, его случайность, так и неуверенность говорящего относительно собственных слов.

Что касается презрительного отношения, то здесь недостаток деталей показывает, что говорящему неинтересен объект, о котором идет речь, поэтому он не стремится его хорошо детализировать.

Таким образом, мы показали, что форма на *-tari* относится к более широкой категории «нечеткой» или «размытой» номинации, которая может приводить к различным прагматическим эффектам – вежливости, грубости, презрению и т.п. Также было продемонстрировано, что из-за потери формы на *-tari* своей

исходной симметричности, одиночное событие маркируется как необычное, благодаря чему достигается «эффект неожиданности».

Список сокращений

ACC – аккузатив, ADV – адвербиальная форма, APPR – аппроксиматор, ATR – атрибутивная форма, AUX – вспомогательный глагол, BEN – бенефактив, CNV – конверб, COP – глагол-связка, DAT – датив, DIR – директив, GEN – генитив, INST – инструменталис, NEG – отрицание, NML – субстантиватор, NOM – номинатив, POT – потенциалис, PST – прошедшее время, PRS – презенс, PRT – частица, Q – вопросительная частица, TOP – топик, VRB – вербализатор.

Библиографический список

5. Алпатов, В.М., Аркадьев, П.М., Подлесская, В.И. Теоретическая грамматика японского языка (том II) [Текст] / В.И. Подлесская – М.: Наталис, 2008.
6. Подлесская, В.И., Стародубцева, А.В. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи) [Текст] // Вопросы Языкознания №3. – М.: Наука, 2013. – С. 25–41
7. Словарь Daijirin [Электронный ресурс]. 1. – Режим доступа URL: <http://www.weblio.jp/content/%E3%81%9F%E3%82%8A?dictCode=SSDJ> (дата обращения: 23.09.14).
8. Словарь Dijitaru daijisen [Электронный ресурс] Tokyo: Shogakukan, 2012. – доступ локальных словарей.
9. Словарь Meikyo kokugo jiten [Электронный ресурс] Kitahara Yasuo, Tokyo: Taishukan, 2002-2008. – доступ локальных словарей.
10. Suzuki, S. Expressivity of vagueness: Alienation in verb-tari suru construction [Text]// Japanese language and literature V. 42 №1, 2008. – P. 157-169.
11. 熊井浩子, Nダツタリに関する一考察 [テキスト] – 静岡: 静岡大学国際交流センター紀要. 7, 2013. – 21-41 ページ.
12. 日本語文型辞典 [テキスト] – 東京: くろしお出版, 1998. – 214-215 ページ.
13. パリハワダナ・ルチラ, 「(～たり、) ～たりする」文の意味・用法について [テキスト] – 金沢: 金沢大学留学生センター紀要, 5, 2002. – 1-24 ページ.
14. 本多啓, 副助詞タリの用法 [テキスト] – 駿河台: 駿河台大学論叢 33 社, 2007. – 1-18 ページ.
15. 森山卓郎, 「うどんにマヨネーズかけたりして」 - 並立の意味 [テキスト] // 言語 – 東京: 大修館書店, 1997. – 56-61 ページ.

大和啓子「～タリ(スル)」の意外性と配慮効果 依頼文脈における使用を中心に [テキスト] – 筑波: 筑波他用言語学研究, 15, 2008. –115-125 ページ.

Цзяо Юнцинъ (Янтай)

Шандуньский институт бизнеса и технологий

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОКА В КИТАЕ ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ, ПОДХОДЫ

Исследование урока в Китае имеет ряд специфических характеристик, таких как ориентация на учителя, сотрудничество между учителями внутри учебного заведения и т.д. Для дальнейшего развития изучения урока следует преодолеть межличностные разногласия среди учителей, разумно сочетая принципы индивидуализма и коллективизма. Особое внимание следует уделить наблюдению за работой в классе, а также обсуждению актуальных вопросов в послеурочное время. Решающим фактором является получение критической экспертной оценки. Также рекомендуется активное сотрудничество преподавателей колледжей и университетов для достижения эффективного развития исследования.

Ключевые слова: исследование урока, исследование в области школьного образования, проблемы, решения, подходы

Jiao Yongqin (Yantai)

Shandong Institute of Business and Technology

LESSON STUDY IN CHINA: CHALLENGES, SOLUTIONS AND IMPLICATIONS

Lesson study in China has specific characteristics of teacher-oriented, bottom-up grass rooted curriculum reform as well as internal-school cooperation. To further promote lesson study in China lies in breaking individuals' gaps among teachers, thus synthesizing individualism and collectivism. Classroom observation and after-class discussion should be emphasized. It is crucial to get critical feedback from prestigious experts and bridge lesson study groups. Internal-school teachers

cooperation as well as colleges and universities cooperation are also recommended to develop effective school-based research.

Key words: lesson study; school-based educational research; challenges; solutions; implications

Introduction

Lesson study is a kind of systematical and cooperative study concerning the behaviors of teaching and learning among the classroom by a group of teachers, thus improving teachers' teaching experience as well as students' learning experience. It is a synthetical process. ^[1] Originated from Japan in the 60s, 20th century, it was recognized widely in some countries including America and England in the 90s. The Americans is soaring in studying lesson study since American scholar James W. Stigler and James Hlebart published the article *The difference of teaching: smarting ideas from teachers all over the world to improve the classroom teaching* in 1999.^[5]

Lesson study has met with a great number of challenges since its introduction in China, covering teachers' lack of time, cooperation and retrospection and limitation of learning contents. The domestic researchers propose different strategies, offering abundant implications for school-based educational research nowadays China.

1.0 Development of Lesson Study in China

What lesson study focuses is classroom teaching with the aim of solutions to the problems. Teachers can discuss problems occurred in their teachings via lesson study, thus promoting their own teaching techniques. What they discuss concerns about the implement of teaching steps, the changing of learning styles, the development of subject teaching knowledge, the analysis of students' situation and the discussion of teaching strategies. Lesson Study has become the crucial way of improving teachers' capability of teaching practice and acquiring of subject teaching knowledge, thus absolutely become the vital and straightforward aspect in teaching theories.^[7]

In his article "*Discussion on the application of lesson study in China*", Lin Sen argues the problem concerning lesson study in China is that there is much more direct application and less localization of it.^[3] Rooted in the reality of our country and based on the school-based educational research, the author proposes suggestions covering

specifying the developing target of lesson study, transferring teaching styles with diversification and strengthen instruction from educational experts.

2.0 The Chinese characteristics of lesson study

First, lesson study is teacher-oriented. The teacher can decide how to work hard to the desired target as well as meet with students' demand through teaching activities. What's more, lesson study is specific. Teachers work hard for the common goal, thus learning experience from each other.

Second, the surface feature of lesson study is to develop curriculum scheme, whereas the principle beneath is to increase teachers' learning opportunities and mutually make up their deficiencies during discussion, corporation and communication. ^[4]

Third, rooted in school, lesson study is a bottom-up grass rooted curriculum reform. The school should play its activity as well as initiative and provide support for teachers' lesson study.

Last but not the least, lesson study needs to get personally involved. Only when finding and solving problems in implement and reflecting in action can research groups make assessment towards the process of lesson study.

3.0 Strategies to further lesson study

To further promote lesson study in China lies in breaking individuals' gaps among teachers, thus synthesizing individualism and collectivism.

First of all, to improve classroom observation and techniques of after-class discussion. When observing classroom, what should be focused is not only some general situations covering whether students have participated or not, whether classroom teaching task has been implemented or not, and whether teaching task has been accomplished, but also focus on specific performance such as students' strategies to solve problems, information organization and error categories.

Then, to bridge between lesson study groups

Learning and research network should be available amid each grade, subject and school. Teachers can learn from each other, share teaching strategies and accumulate resources. Teachers can enjoy opportunities of learning from each other, acquiring new knowledge and creating intelligence, thus enhancing their professional quality and promoting curriculum reform as well as effective and sustained advancement of school development.^[6]

Third, to rely on critical feedback from prestigious experts on lesson study. Lesson study should be initiated by teachers, implemented for the purpose of teachers' development since it is teacher oriented. It is necessary to invite external educational experts and academic consultants to respond to classroom teaching, participate in preparing lesson, and thus offer information, supervision and feedback.

4.0 Prospects of school-based educational research

The collaborative teaching system of relatively mature and perfect three courses, one system and one campaign has widely recognized in our country's education. That is, teaching competition, public criticism lesson, class evaluation, the old and new teacher mentoring and the teaching and research activities.^[2]

School-based educational research has been main stream carrier for domestic curriculum reform of primary education. Nevertheless, although open class and teaching reflection amid school-based educational research have been widely applied, they have become the mere formality to a great extent. There is still a lack of substantial cooperation among teachers as well as schools. Such as, collaboration of single dimension, collaboration of single form, collaboration of single content, and etc. Collaboration of single dimension means the majority of teaching and research activities of universities are still be confined to the school, the subject and the teaching and research group themselves. There is no horizontal communication among the school, subject and teaching and research groups. Collaboration of single form means the form of teaching and research activities have been the similar for several decades with routine lesson planning activities, teaching mode of unification and the unitary teaching resources.^[8] The school should be committed to building a diverse ecological environment. Multi-dimensions should be launched among

teachers, subjects, research groups and schools, and also among primary schools and universities.

First, it's necessary for teachers to cooperate widely. Teachers can proceed the school-based teaching research corporately. Classroom observation and after-class discussion are the two crucial segments. Elaborate, specific and comprehensive classroom observation contribute to effective after-class discussion, thus enhancing affect of cooperation. After-class discussion and reflect should mainly center on the content and project of classroom observation.

First of all, discussion and reflection should be prompt, thus ensuring the authenticity and objective of discussion and reflection.

Second, the content of discussion and reflection should take classroom observation as basis. It is much better to discuss on the basis of combination of classroom teaching video or audio.

Third, a safe and non-threat seminar atmosphere should be established, thus avoiding praise without mincing words and fierce criticism as well as personal attack.

Then, internal-school cooperation also includes that among teachers. Administrators should provide sufficient logistic support for teachers to launch lesson study, such as time schedule arrangement, sponsorship and budget allocation. Therefore the existing resources can be maximized.

Finally, colleges and universities cooperation is crucial for effective school-based research development. Different schools in the same district as well as varies of districts should also launch cooperative study, thus forming cross regional, cross school learning community. Educational experts and teachers participate in jointly class design, class teaching observation, after-class teaching reflect and discussion, and provide prompt feedback and supervision so that teachers from different schools can communicate with each other and their teaching experience and achievements.

Only in such a way can teachers' individual knowledge convert into group consensus. Meantime, researchers should pay more attention to how to tap into our country's local experience of lesson study and make good for deficiency, thus conducive to the healthy development of the case study.

List of References

1. Charinee Triwaranyu. Models and Strategies for Initial Implementation of lesson study in schools [J]. International Forum of Teaching and Studies, Winter 2007, Vol. 3, No. 3: 48,15.
2. Huang Bujin. Schools for study's heaven: introduction to school-based research. [J], Education Development, 2008, 10.
3. Lin Sen, Problems analysis of study lesson in China[J], Journal of Shanxi Institute of Technology (Social Science Edition). 2010.2.
4. Maria Lorelei Fernandez. Investigating how and what prospective teachers learn through microteaching lesson study [J].Teaching and Teacher Education, 2010, 26(2), 360.
5. Sonal Chokshi, Clea Femandez. Reaping the systemic benefits of lesson study: insights from the U.S.[J]. Phi Delta Kappan, 2005, 86: 674), 681.
6. Sonal Chokshi, Clea Femandez. Challenges to importing Japanese lesson study: concerns, misconceptions, and nuances [J]. Phi Delta Kappan, 2004, 85: 520), 525.
7. Wang Rongsheng, Gao Jing. Lesson Study: Local experience and variety of forms[J], Education development research. 2012.8.
8. Xu Chouyao. A preliminary study on culture construction of school-based educational research. [J], Education. 2007, 15.

О.Н. Ерофеева (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

ОБ ЭВОЛЮЦИИ КЛАССИФИКАТОРОВ В КЛАССИЧЕСКОМ ДРЕВНЕМ КИТАЙСКОМ И СРЕДНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается эволюция классификаторов классического древнего китайского и среднекитайского языка в рамках периодизации Ван Ли. Определяются основные особенности употребления счётных слов в вышеуказанные периоды.

***Ключевые слова:** классификаторы, счетные слова, среднекитайский язык, классический древний китайский, периодизация китайского языка*

O.N. Yerofeeva (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

ABOUT THE CLASSIFIERS EVOLUTION IN THE CLASSICAL ANCIENT CHINESE AND THE MIDDLE CHINESE GRAMMAR LANGUAGE

The article considers the classifiers evolution in the classic ancient Chinese and the middle Chinese in the framework of Wang Li periodization. The main features of the use of the counting words in the abovementioned periods are determined here.

***Key words:** classifiers, counting words, middle Chinese language, classical ancient Chinese, Chinese language periodization*

В китайском языке выделяются единицы, называемые «классификаторами» или «счетными словами». При их исследовании выдвигаются различные подходы относительно их природы и места в китайской грамматике. В связи с этим возникает необходимость анализа счетных слов в диахронии для их дальнейшего изучения.

Классификаторы выделялись как предметы лингвистических исследований. Так, В.М. Солнцев, Н.В. Солнцева, В.И. Горелов занимались вопросами происхождения счетных слов и их классификацией; И.Т. Зограф рассматривала счетные слова в системе глагола в среднекитайском языке, Люй Шу-сян, Т.П. Задоевко, Хуан Шуин, А. А. Драгунов исследовали классификаторы в современном китайском языке, однако закономерности их формирования в языке не были предметом специального анализа.

Актуальность анализа классификаторов связана с важностью раскрытия эволюции отдельных систем китайского языка в диахронии, что позволяет объяснить состояние языка в его синхронном состоянии. Задача анализа

состоит в том, чтобы выявить основные этапы эволюции классификаторов и раскрыть их структурно-функциональные характеристики. Анализ осуществляется на основе корпуса эмпирических данных, отобранных из текстов первоисточников и учебно-методических изданий. При анализе материала опираемся на положения диахронического, структурно – функционального, а также семантического методов.

В исследовании, вслед за О.М. Готлибом, рассматриваем классификаторы как слова, выражающие единичность (дискретность) предметов и действий. [2] Согласно периодизации Ван Ли в истории китайского языка можно выделить 4 основных и 3 переходных периода:

1. древнекитайский язык (上古汉语) – до III века н. э.

- переходный период от древнекитайского (上古汉语) к среднекитайскому (中古汉语) – с III по IV вв.

2. Среднекитайский язык (中古汉语) – с IV по XII вв.

- переходный период от среднекитайского (中古汉语) к новокитайскому (近代汉语) – с XII по XIII вв.

3. Новокитайский язык (近代汉语) – с XIII по XIX вв.

- переходный период от новокитайского (近代汉语) к современному китайскому языку (现代汉语) – с 1840 по 4 мая 1919 гг.

4. Современный китайский язык (现代汉语) - с 1919 г. [5].

Мы взяли вышеуказанную периодизацию Ван Ли за основу исследования, так как он «был одним из первых, кто показал в своей работе, что ввиду специфики китайского языка изучение его истории и периодизация не может ограничиваться рассмотрением изменений, произошедших только на уровне фонетики. Поскольку в языке с идеографической письменностью фонетика непосредственно не дана, факт фонетических изменений должен быть подкреплён также наличием изменений на морфологическом и синтаксическом уровнях языка». [1, с. 33].

Классификаторы древнего классического китайского языка рассматриваем с III века до н. э. по III века н. э. В период раннего классического древнего китайского языка получила своё распространение новая грамматическая конструкция, применявшаяся для веществ и набора предметов: числительное + единица исчисления + имя (一簞食一豆羹 – одна корзинка еды, одна чашка супа). До этого, в доклассическом китайском, числительное и название меры всегда стояли до соответствующего имени. Приведём пример из доклассического китайского языка: 矢五束 – пять пучков стрел: на первом месте имя – 矢 (стрела), затем числительное 五 (пять) и единица исчисления стрел – 束 (пучок). [3]

Во второй подпериод классического древнего китайского языка эта конструкция получает дальнейшее развитие и окончательно оформляется в среднекитайском языке как числительное + единица исчисления + имя.

В качестве главной особенности употребления классификаторов в классическом древнем китайском языке нельзя не отметить и тот факт, что употребление счётного слова в классическом древнекитайском языке было нестабильно и часто опускалось, это зависело от самого имени существительного. Можно выделить три класса лексико-грамматических разрядов существительных:

1. Существительные, которые легко поддаются исчислению, например, 三人行，必有我师焉。(Если трое, [включая меня], идут вместе, то среди них обязательно найдутся мои наставники.) В этой категории существительных, как видно из примера, счётные слова опускались.

2. Существительные, не поддающиеся исчислению, но которые можно определить количественно при помощи той или иной системы мер и весов или подходящих для этой цели мер объема: 一尺布，尚可縫，一斗粟尚可舂，兄弟二人不相容。(Из одного чи ткани можно что-то сшить, одно доу проса можно истолочь в ступе, а вот два брата никак не могут между собой ужиться.); 一肩行李两袖清风。(Весь багаж – на одном плече, в обоих рукавах свежий ветер). В этой категории существительных счётные слова употреблялись стабильно,

практически всегда, так ими не просто считали, но ещё и измеряли различные предметы.

3. Существительные, представляющие собой абстрактные понятия, которые не поддаются ни счёту ни измерению, тем не менее могут сочетаться с числами. Например, 彼亦一是非, 此亦一是非。(У того одна правда, у этого другая.) В данной категории счетные слова опускались. [4]

Классификаторы среднекитайского языка рассматриваем согласно периодизации Ван Ли с IV по XII вв. Именно в среднекитайском языке происходит заметный качественный скачок, связанный с эволюцией счётных конструкций.

Прежде всего, это связано с возникновением большего количества классификаторов, употреблявшихся при поштучном счёте предметов. Этимологически эти счётные слова восходят к названиям целого предмета. Например, 头 (голова) – счётное слово для счета скота, 株 (комель) – счетное слово для счета деревьев, 要 (пояс) счетное слово для счета юбок и штанов, в качестве счетного слова для людей употребляется имя 人 (человек) и т.д. [4]

Ещё одной характерной особенностью среднекитайского языка является появление нового способа выражения количества действий. Ранее, в период классического древнего китайского языка они не употреблялись. В случае если имелась необходимость указать сколько раз имело быть то или иное действие, перед предикативном ставилось соответствующее числительное. Например, 向象三说 ([Он] трижды сказал слону). В среднекитайском языке новый способ выражения количества действий связан с формированием специальных глагольных счётных слов. К ним относятся: 下, 匝, 重, 回, 次 и др. Они употреблялись в следующей конструкции: предикатив – числительное – счетное слово. Например, 一仗打我三下 (Три раза ударил меня посохом; 绕我舍七匝 (Обойди семь раз вокруг моего дома); 试作两三回 (Попробуй сделать это два-три раза) и т.д. [Там же, с. 342]

Подобно тому, как именные счетные слова по своему происхождению восходят к именам, так счетные слова, применяющиеся для обозначения кратности действия, имеют глагольное происхождение: 过—проходить, 回 — возвращаться, 下 — опускаться, 次 — выстраиваться по порядку и т. д.

Как мы видим, среднекитайский язык характеризуется появлением большого количества счетных слов как именных, так и глагольных и в связи с этим появлением новых способов выражения количества действий (предикатив – числительное – счетное слово) и имен (число – классификатор – имя, хотя ещё можно было встретить конструкцию: имя – числительное – счетное слово, а вот конструкции без счетных слов скорее были редким явлением). Связь имени и соответствующего счётного слова становится все прочнее, хотя иногда и имеет место употребление различных классификаторов с одним и тем же счетным словом. Например, при счете рыб употребляются счетные слова 头 и 枚; лепешек — 番 и 枚 и т. д. Однако, хочется отметить, что счётное слово 枚 было скорее универсальным, его можно сравнить с классификатором 个 в современном китайском языке. Счетное слово 枚 также употреблялась с такими разнообразными предметами как оружие, украшения, музыкальные инструменты, посуда, мелкая утварь, а также при счете птиц, рыб, змей и т. д. [Там же, 342]

В период среднекитайского языка счётные слова стали употребляться как с существительными, которые не поддаются исчислению, так и с абстрактными понятиями и с существительными, которые легко поддаются исчислению.

Таким образом, от классического древнего китайского к среднекитайскому выявляются следующие тенденции: увеличение количества классификаторов, появление глагольных счетных слов и тем самым нового способа выражения количества действий, установление прочной связи между именем и соответствующим счетным словом.

Библиографический список

1. Воронина, О. Ю. О подходах к изучению истории языка с идеографической письменностью (на примере работы Ван Ли) [Текст] / О. Ю. Воронина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. –Иркутск, 2012. - №4 (21). – С.32.
2. Готлиб, О. М. Практическая грамматика современного китайского языка [Текст]: учеб. пособие / О. М. Готлиб. – М. : Муравей, 2002 . – 281 с.
3. Крюков, М. В. Древнекитайский язык (тексты, грамматика, лексический комментарий) [Текст] / М. В. Крюков, Хуан Шуин. – М. : Наука, 1978. – 512 с.
4. Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка. [Текст]: под ред. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1965. – 282 с.
5. 王力, 汉语史稿 [文章] / 王力. – 北京: 中华书局. – 2009. – 714 页.

К.А. Кардаш (Красноярск)

Сибирский федеральный университет

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Целью данной статьи является рассмотрение семантической ситуации в качестве единицы перевода художественного текста. Представленные примеры китайского текста оригинала, его перевод на русский язык и авторский перевод с китайского на русский язык демонстрируют комплексную семантическую ситуацию поздравление в речи главных героев. На примере семантической ситуации поздравления рассмотрим соответствие перевода и оригинала, используя алгоритм анализа семантической ситуации как единицы перевода художественного текста.

Ключевые слова: *семантическая ситуация, анализ, художественный текст, перевод, культура, китайский язык*

К.А. Kardash (Krasnoyarsk)

SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

THE ANALYSIS OF THE SEMANTIC SITUATION IN THE TRANSLATION OF THE LITERARY TEXT

The purpose of this article is to consider the semantic situation as a unit of translation of the literary text. The given abstracts of the original text, the translation from Chinese into Russian and the author's translation demonstrate the complex semantic situation and its components. We will try to show the differences and the similarities of two linguacultures using the analysis of the semantic situation of congratulation in the speech of the main characters of the text.

Key words: *semantic situation, analysis, literary text, translation, culture*

Художественный текст является одним из наиболее сложных и комплексных систем языка и культуры и включает в себя три структурных макрокомпонента – три пространства: культурное, языковое и эстетическое. Художественный текст с одной стороны, самодостаточный объект материальной культуры, с другой стороны, связан с личностью его создателя, со временем и местом написания, с конкретной ситуацией, вызвавшей то или иное литературно-художественное произведение. Данная особенность литературно-художественных произведений диктует необходимость при их филологическом и лингвокультурологическом анализе учитывать не только лексико-грамматические, но и экстралингвистические параметры текста. Одним из важнейших параметров этого рода является обусловленность содержания текста самой действительностью и отраженность данной действительности в тексте: времени его написания, особенностей психологии личности автора произведения, связь его произведения с различными религиозными и философскими представлениями, принадлежность тому или иному литературному направлению, национально-культурные представления и явления.

Национально-культурная принадлежность во многом определяет речевую системность образных средств текста. Зачастую лингвистический анализ текста сближается с лингвострановедческим, для которого текст в первую очередь является компонентом культуры. Поэтому в тексте выявляются элементы, которые не могут быть понятыми или переведенными адекватно в рамках данной культуры, что требует культурологического комментирования. Художественный текст выступает в качестве основной единицы коммуникации, способа хранения и передачи информации, формы существования культуры,

продукта определенной эпохи, отражения жизни людей и т.д. [Белянин, 2000, с.8-14]

Д.С. Лихачев в книге «Литература – реальность – литература» следующим образом формулирует двойную обусловленность текста с реальностью: «В любом литературном явлении, так или иначе, многообразно отражена и преобразена реальность: от реальности быта до реальности исторического развития (прошлого и современности), от реальности жизни автора до реальности самой литературы в ее традициях и противопоставлениях: она представляет собой не только развитие общих эстетических и идейных принципов, но движение конкретных тем, мотивов, образов, приемов. Литературное произведение распространяется за пределы текста. Оно воспринимается на фоне реальности и в связи с ней. Город и природа, исторические события и реалии быта – все это входит в произведение, без которых оно не может быть правильно воспринято. Реальность – как бы комментарий к произведению, его объяснение, экстралингвистический фактор. Наиболее полное и конкретное восприятие нами прошлого происходит через искусство и больше всего через литературу. Но и литература отчетливее всего воспринимается при знании прошлого и действительности. Нет четких границ между литературой и реальностью» [Лихачев, 1987, с. 221]. По словам Д.С. Лихачева верно утверждение о том, что уникальность литературно-художественного произведения проявляется в характере соотносительности с реальностью: любой художественный текст – материальный объект реального мира и в то же время содержит в себе отображенный художественными средствами и эстетически освоенный мир реальности.

Еще одним существенным экстралингвистическим параметром текста является его связь с культурой, погруженность в саму культуру. Особенно ярко в тексте выражены этикетные формы речи: поздравление, благодарность, извинение, приветствие, прощание, то есть общепринятые манеры поведения, представленные в речи героев того или иного художественного произведения с национальной окраской и национальной спецификой. Передача данной

специфики с одного языка на другой не всегда является удачной или полноценной, именно поэтому мы ставим вопрос о выделении такой единицы перевода художественного текста, которая позволит наиболее четко выразить исходный материал произведения.

Сложность структурной, семантической и коммуникативной организации художественного текста, его соотнесенность как компонента литературно-эстетической коммуникации с автором, читателем, обусловленность действительностью и знаковый характер, являются причиной множественности подходов к изучению и анализу текста.

В зависимости от того, какой аспект текстовой деятельности будет являться непосредственным объектом изучения, можно выделить несколько основных подходов к изучению художественного текста по Л.Г. Бабенко:

- 1) лингвоцентрический (аспект соотнесенности «язык-текст»);
- 2) текстоцентрический (текст как автономное структурно-смысловое целое вне соотнесенности с участниками литературной коммуникации);
- 3) антропоцентрический (аспект соотнесенности «автор-текст-читатель»);
- 4) когнитивный (аспект соотнесенности «автор-текст-внетекстовая деятельность») [Бабенко, 2004, 14].

Рассмотрение текста с учетом его экстралингвистических параметров обязательно должно предварять его структурно-смысловой анализ как эстетической целостности, характеризующейся такими свойствами, как денотативность, ситуативность, референтность, интертекстуальность, поэтому все четыре подхода будут актуальны при анализе художественного текста, где языком оригинала будет являться китайский язык, а языком перевода – противоположная лингвокультура, русский язык.

Исходя из вышеизложенного, представим семантическую ситуацию как единицу перевода художественного текста. Исследуемая ситуация всегда будет варьироваться по объему, содержанию, наличию компонентов. В зависимости от предиката семантическая ситуация будет иметь свое ядро и комплекс составляющих, определяющих заданную ситуацию. Например, при выявлении

предиката «поздравлять» или «желать», которые являются маркерами ситуации поздравления, мы будем иметь дело с семантической ситуацией поздравление, где будут представлены остальные участники ситуации: актанты, сирконстанты.

В нашем исследовании на примере семантической ситуации поздравления рассмотрим соответствие перевода и оригинала, используя алгоритм анализа семантической ситуации как единицы перевода художественного текста. Алгоритм анализа семантической ситуации – это схема интерпретации семантической ситуации через призму языка, целью которой является выявить принципы организации структуры семантической ситуации. Примеры, которые представлены в данной работе, взяты из художественного текста китайского романа автора Цзэн Пу «Цветы в море зла» (1905 г.) и его перевод на русский язык автора В. Семанова, изданный в 1990 г.

Выбор представленных в Таблице 1 примеров не случаен. Мы считаем, что данные примеры демонстрируют семантическую ситуацию поздравления. Критерии, по которым происходил отбор, следующие:

1. наличие перформатива «поздравлять»;
2. наличие предсобытийного и постсобытийного контекста;
3. наличие собственно коммуникативного акта;
4. наличие составляющих (участников) ситуации: актанты и сирконстанты;
5. наличие завершенности события, целостности происходящего;
6. наличие культурологических комментариев.

Таблица 1 Примеры семантической ситуации поздравления

№	Текст оригинал на китайском языке	Перевод В. Семанова 1990 г.	Авторский перевод
1	礼毕出堂，换了吉服，四面望了望，看见雯青诸人都在一堆里，便走过来，作了一个总揖道：“诸位恭喜，兄弟刚在里头出来，已得了各位的喜信了。”大家倒愣着不知所谓。仓樵就靴统里抽出一个小小护书，护书里拔出一张半片的白折子，递给雯青手里。雯青与诸人同	Оглянувшись, он (Чжуан Юпэй) увидел Цзинь Вэньцина и его друзей, сбившихся в кучку, подошел к ним и сделал общий поклон. — Поздравляю. Я только что из дворца. Для всех вас есть радостные вести. Друзья удивленно смотрели на него, не зная, в чем дело. Чжуан Юпэй вынул из-за голенища маленький конверт, достал оттуда сложенную пополам бумагу и передал ее Цзинь	После окончания церемонии Луньцяо вышел из зала, сменил одежду, поклонился на четыре стороны, увидел толпу людей, подошел к ним, сделал общий поклон и заявил: «Господа, поздравляю, братья, я только что из дворца приехал, для каждого из вас есть радостные известия». Все стояли остолбенев, не зная, что происходит. Луньцяо из-за голенища достал

№	Текст оригинал на китайском языке	Перевод В. Семанова 1990 г.	Авторский перевод
	<p>看。</p> <p>原来那折上写着： 某日奉上谕，江西学政着金沟去；陕甘学政着钱端敏去；浙江学政着祝溥去。</p> <p>其余尚有多人，却不相干，大家也不看了。仑樵又向寿香道：“你是另有一道旨意，补授了山西巡抚了。”寿香愕然道：“你别胡说，没有的事。”仑樵正色道：“这是圣上特达之知，千秋一遇，寿香兄可以大抒伟抱，仰答国恩。兄弟倒不但为吾兄一人私喜，正是天下苍生的幸福哩！”寿香谦逊了一回。...</p> <p>... 雯青回到家来，那报喜的早挤满一门房，“大人升官”、“大人高发”的乱喊。雯青自与夫人商量，一一从重发付。接着谢恩请训，一切照例的公事，还有钱行辞行的应酬，忙的可想而知。</p>	<p>Вэньцину. Все стали читать. В бумаге говорилось: «Такого-то числа получен указ Его величества: послать Цзинь Вэньцина учебным инспектором в провинцию Цзянсу, Цянь Дуаньминя — учебным инспектором в провинции Шэньси и Ганьсу, Хэ Тайчжэня — учебным инспектором в провинцию Чжэцзян...» Ниже следовал еще ряд лиц, но они не имели к друзьям отношения, поэтому дальше читать не было смысла. Чжуан Юпэй обратился к Чжуан Чжидуну: — По поводу тебя издан особый указ. Ты назначен губернатором провинции Шаньси. — Что ты говоришь?! Не может быть! — изумленно воскликнул Чжуан Чжидун. Лицо Чжуан Юпэя приняло серьезное выражение. — Сын Неба проявил к тебе такое благоволение, которое оказывают раз в тысячелетие! Отныне, брат Чжидун, сбудутся твои мечты, и ты сможешь отплатить императору за его милость. Это назначение радует не только меня, но и весь народ Поднебесной!...</p> <p>... Подъезжая к дому, Цзинь увидел целую толпу попрошаек, которые приветствовали его нестройными возгласами: — Поздравляем вашу милость с повышением! Блестящей вам карьеры! Посоветовавшись с женой, Цзинь Вэньцин щедро одарил пришедших, а затем написал благодарственное письмо императору, испрашивая указаний,— короче говоря, сделал все, что полагалось в таких случаях. Не обошлось, разумеется, без прощальных пирушек и проводов. Можно представить себе, как он был занят.</p>	<p>маленький конверт, а из конверта пополам сложенный лист бумаги, передал Вэньцину в руки. Вэньцин со всеми вместе начал читать. В письме было написано: Такого-то числа издан императорский указ о том, что Цзинь назначен учебным инспектором в провинцию Цзянси, Цянь Дуаньминя – учебным инспектором в провинции Шаньси и Ганьсу, в провинцию Чжецзян направить Чжу Бо. В письме было еще много имен других людей, которые не имели отношения к остальным, поэтому дальше смысла читать не было. Луньцяо обратился к Шоу Сяну: «По поводу тебя издан особый указ, ты назначен губернатором провинции Шаньси». Шоусян остолбенел от такой новости: «Не говори ерунду, такого не может быть». Луньцяо очень серьезно заявил: «Сам сын Неба проявил к тебе такое благоволение, которое может случиться раз в тысячелетие, брат Шоусян, отныне сбудутся твои самые большие мечты, поклонись перед милостью императора. Друзья, не только я лично счастлив, но счастлив и весь простой народ!» Шоусян заскромничал и почтительно отвернулся. Вэньцин вернулся домой, около порога его ждала толпа людей, радостно восклицая: «Поздравляем Вашу милость с повышением, желаем Вашему превосходству блестящей карьеры». Вэньцин посоветовался со своей супругой и по порядку начал все готовить. Сначала отправил благодарственное письмо императору, то есть, как и полагается в таких служебных делах, также устроил прощальный обед для гостей, в общем, можно представить как он был</p>

№	Текст оригинал на китайском языке	Перевод В. Семанова 1990 г.	Авторский перевод
			занят.
2	<p>雯青一头想着，一头下车往里走。长班要去通报，雯青说：“不必。”说着，就一径向公坊住的那三间屋里去，跨上阶沿就喊道：“公坊，你倒瞒着人在这里独乐！”公坊披着件夏布小衫，趿着鞋在卧室里懒懒散散地迎出来道：“什么独乐不独乐的乱喊？”雯青笑道：“才在你这里出去的是谁？”公坊哈哈一笑道：“我道是什么秘事给你发觉，原来你说的是夔云！我并没瞒人。”雯青道：“不瞒人，你为什么没请我去吃过一顿便饭？”公坊道：“不忙，等我考完了，自然我要请你呢！”雯青笑道：“到那时，我是要恭贺你和小表嫂的金榜挂名，洞房花烛了。”公坊道：“连小表嫂的典故，你都知道了，还冤我瞒你！你不过金榜挂名是梦话，洞房花烛倒是实录。我说考完请你，就是请你吃夔云的喜酒。”</p> <p>雯青道：“夔云已出了师吗？这个老斗是谁呢？老婆又谁给他讨的？”公坊只是微微地笑，顿了一顿道：“发乎情，止乎礼，世上无伯牙，个中有红拂，行乎其所以不得行罢了。”雯青道：“这么说，公坊兄就是个护花使者了。这个喜酒，我自然不客气地要吃定。现在且不说这个，明天一早，你要进场，我是特地来送你的。你向来不会管这些事，</p>	<p>Продолжая размышлять, Цзинь Вэньцин вылез из повозки и вошел в гостиницу. Коридорный хотел доложить о его появлении, но Цзинь сказал: «Не надо!» — и прошел прямо в номер, который снимал Цао Ибяо. — Ибяо, а ты, оказывается, обманываешь друзей и веселишься тут в одиночку! Цао Ибяо, накинув на себя холщовую рубашку и сунув ноги в туфли, медленно вышел из спальни. — Чего ты кричишь? Откуда ты взял, что я здесь веселюсь? — А кто только что вышел от тебя? — засмеялся Цзинь Вэньцин. — Скажите на милость, какую он тайну раскрыл! — захохотал в ответ Цао Ибяо. — Ты говоришь об Айюне? Так я этого не утаиваю. — Почему же ты не пригласишь и меня повеселиться в его компании? — накинулся на него Цзинь Вэньцин. — Не спеши: погоди, пока закончу экзамены. Тогда, конечно, приглашу... — В таком случае придется поздравить тебя и «Жену Цао»¹⁶ сразу с двумя событиями: победой на экзаменах и свадьбой! — хитро улыбнулся Цзинь Вэньцин. — Ну вот, ты знаешь даже историю прозвища «Жена Цао», а еще винишь меня в обмане! Об экзаменах ты, конечно, хватил, а вот насчет свадьбы совершенно прав. Когда я сказал, что приглашу тебя, я и имел в виду, что ты придешь выпить на свадьбе Айюня. — А разве у него уже истек срок обучения? — притворяясь непонимающим, спросил Цзинь Вэньцин. — Кто благодетель, который его выкупает? Он же ему и жену нашел?</p>	<p>Вэньцин продолжая думать сошел с повозки и прошел вперед. Дежурный гостиницы хотел предупредить о его визите, но Вэньцин сказал: «Нет необходимости». И сразу вошел в трехкомнатные апартаменты, в которых жил Гунфэн. Как только перешагнул порог, как закричит: «Гунфэн, ты оказывается обманываешь своих друзей и веселишься в одиночку!» Гунфэн в спальне накинул на себя холщовую рубашку, обувь и медленно в вразвалочку вышел к Вэньцину: «Что ты раскричался, веселюсь я или не веселюсь?» Вэньцин рассмеялся: «А только что от тебя кто-то вышел, кто это был?» Гунфэн захохотал: «И что это за новость я тебе позволил обнаружить, тот, про которого ты только что сказал, это Айюнь! И я не обманываю никого». Вэньцин сказал: «Не обманывает он, а почему тогда не пригласил меня пообедать?» «Не торопись, дождись сначала, пока я экзамены закончу, тогда конечно, я приглашу тебя!» ответил Гунфэн. Вэньцин улыбнувшись сказал: «Тогда придется поздравить тебя и твою Женушку с окончанием экзаменов и со свадьбой». Гунфэн ответил: «Даже прозвище Женушка и то знаешь, а сам до сих пор обвиняешь меня! Что касается экзаменов — это еще вилами по воде, а вот насчет свадьбы более правдоподобно. Я тебе говорю, как только закончу экзамены, тебя приглашу, то есть приглашу на свадьбу Айюня». Вэньцин удивился: «А что</p>

¹⁶ Это красавчик Айюнь из труппы «Радостное согласие» Еще больше он известен под прозвищем «Жена Цао»! Друзья прозвали так Айюня, узнав о его связи с Цао Ибяо. Наверное, он заезжал к Цао пожелать удачи перед экзаменом!»

№	Текст оригинал на китайском языке	Перевод В. Семанова 1990 г.	Авторский перевод
	<p>考具理好了没有？不要临时缺长少短，不如让我来替你拾掇一下，总比你两位贵僮要细腻熨贴些。我内人也替你做了几样干点小菜，也带来了。”</p>	<p>Цао Ибяо усмехнулся и помедлил немного. — «Обычай рождаются из чувств, но чувства ограничиваются этикетом». На свете нет людей, подобных Бо Я . Исключение составила лишь Чжан Чучэнь , которая ушла к Ли Цзину¹⁷. —Итак, ты оказываешься настоящим покровителем слабых существ, Ибяо! Разумеется, на предполагаемое торжество я приду без всяких церемоний, но пока речь не об этом. Ведь завтра спозаранку надо отправляться на экзамены. Я приехал специально, чтобы помочь тебе собраться — ты никогда не умел заниматься подобными вещами. Письменные принадлежности хоть и приготовил? Смотри, перед самым уходом окажется, что чего-нибудь не хватает! Давай я тебе помогу: не хуже твоих слуг сделаю. Да вот еще моя жена наготовила тебе разных печений и закусок...</p>	<p>Айюнь уже выпустился? Кто его покровитель? И кто ему уже жену нашел?» Гунфэн рассмеялся и медленно произнес: «Обычай рождаются из чувств, но чувства ограничиваются этикетом. На свете нет людей, подобных Бо Я . Исключение составила лишь Чжан Чучэнь , которая ушла к Ли Цзину». Вэньцин сказал: «То есть ты брат Гунфэн, защищаешь слабых. Эту свадебную пирушку я без всякой скромности посещу. А сейчас давай пока оставим это, завтра у тебя рано экзамен, я специально приехал, чтобы собрать тебя. Ты никогда сам не мог этим заниматься, все принадлежности приготовил для экзамена? А то в нужный момент окажется, что чего-нибудь не хватает, лучше дай я тебя соберу, не хуже тебя и твоего слуги все приготовлю. Моя жена для тебя наготовила разных закусок, возьми их тоже с собой».</p>

Ситуация поздравления является комплексной семантической ситуацией со всеми ее составляющими. В ситуации поздравления, как и в любой другой деятельности, наиболее значимой является фигура субъекта, без которого реализация данного процесса становится невозможной. Для его обозначения в литературном русском языке нет специального номинатива, мы в своей работе будем называть его агенс, т.е. автор поздравлений. «Агенс – производитель действия» [Золотова, 1988, с. 430].

Актант – элемент событийной пропозиции, соответствующий действующему лицу или предмету в ситуации, сирконстант – обстоятельство действия

¹⁷ «...чувства ограничиваются этикетом» — фраза из древнейшего памятника китайской народной поэзии «Шицзина» («Книги песен», XI—VI вв. до н. э.).

Во Я — талантливый музыкант эпохи Весен и осеней (VIII — V вв. до н. э.). Очень любил играть на лютне перед своим другом Чжун Цзыци. Когда Чжун умер, Бо Я сломал лютню, тем самым нарушив конфуцианский этикет, не позволявший открыто выражать свои чувства.

Чжан Чучэнь — первая наложница основателя танской династии Ли Цзина. По преданию, Ли, еще будучи простым человеком, как-то появился в доме вельможи Ян Су; одна из служанок вельможи — Чжан Чучэнь влюбилась в Ли Цзина и той же ночью бежала с ним.

(локатив, темпоратив). Основные виды актантов: субъект, адресат, бенефициенс, инструмент, каузатор, объект, объектив, орудие, пациенс, партитив, результатив, агенс, коагенс.

Соучастниками или коагенсами в данной ситуации могут быть *друзья, приятели, товарищи, коллеги, родственники, случайные*, например: 雯青 (имя главного героя Вэнь Цин), 夫人 (жена), 门房 (толпа попрошаек).

Второй обязательный участник ситуации – адресат поздравлений. «Адресат – компонент, обозначающий лицо или реже предмет, к которому обращено информативное, донативное или эмотивное действие» [Золотова., 1988, с. 430]. В наших примерах это: 大人 (ваша милость), 你 (ты, тебя), 小表嫂 (жена Цао), 老爷 (господин).

В некоторых формах китайского поздравления происходит опущение этикетного глагола «поздравить», который только подразумевается и может быть определен только из контекста, например: - 大人升官! 大人高发!

Художественный перевод на русский язык В.Семанова: «Поздравляем вашу милость с повышением! Блестящей вам карьеры!» В данном переводе представлено более развернутое поздравление со следующими актантами: этикетный глагол «поздравить», событие-повод «с повышением», адресат «ваша милость».

Авторский перевод того же поздравления: «Поздравляем Вашу милость с повышением, желаем Вашему превосходству блестящей карьеры». В авторском переводе добавление актантов: глагол «желать» и адресат «Ваше превосходство», что дает более широкое представление о форме поздравления.

Примеры 1, 2 демонстрируют ситуацию поздравления, о чем свидетельствует наличие перформативных глаголов 恭贺 и 恭喜 (поздравлять кого-либо с чем-либо), а именно, во втором примере сразу два повода, с которыми поздравляет один участник ситуации другого: «金榜挂名, 洞房花烛了» «победой на экзаменах и свадьбой».

Четкость передачи культурных особенностей и национальных традиций влияет на качество перевода, которые описаны в оригинальном

художественном тексте и которые потом будут лежать в основе тех или иных представлений о нации в тексте перевода. Художественный текст, являясь источником культурной информации, позволяет расширить возможности преподавания и изучения иностранного языка, а переводы художественных текстов будут являться отражением той или иной лингвокультуры. Поэтому необходимо определить наиболее эффективные способы и единицы перевода художественного текста, чтобы наиболее точно передать перевод, отразить языковые особенности восточноазиатской культуры. С учетом того, что в каждой фразе, в каждом коммуникативном акте, как ситуации, скрыты экстралингвистические особенности, то будет верно утверждение о том, чтобы рассматривать перевод китайского художественного текста в аспекте семантической ситуации, как комплексной ситуации со всеми ее участниками.

Библиографический список

16. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник, Практикум [Текст] / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 2-е издание. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
17. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе[Текст] / Белянин В.П. – М., 2000.
18. Лихачев Д.С. Литература-реальность-литература [Текст] / Лихачев Д.С. // Избранные работы: В 3 т. Т.3. Л.: Худож.лит., 1987. – 520 с.
19. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Золотова Г.А. – М.: Наука, 1988. – 440с.
20. 曾朴 «孽海花», 1905 [Электронный ресурс]. 1. – Режим доступа URL: <http://www.5156edu.com/html/10554/2.html>. (дата обращения 20.09.2014).
21. Цзэн Пу, Цветы в море зла: Роман / Пер. с кит. В. Семанова; Редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; Вступ. статья и примеч. В. Семанова; Стихи в пер.И. Голубева.— М.: Худож. лит. – 1990. – 480 с.

Е.В. Ли (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ ПАК КЫН ХЕ

Статья посвящена исследованию стратегии самопрезентации действующего президента Республики Корея. Автор выделяет тактики, посредством которых стратегия самопрезентации реализуется в предвыборном дискурсе Пак Кын Хе: самореклама (самопредставление), 2) апелляция к сочувствию, 3) устрашение, запугивание, 4) лесть. Названные тактики вербализуются определенными лексическими репрезентантами и характеризуются апелляцией к определенным общечеловеческим и национальным ценностям. Используя указанные тактики Пак Кын Хе позиционирует себя 1) человеком сопереживающим, остро чувствующим чужую боль, ответственным, 2) человеком с тяжелой судьбой, испытавшим много трудностей, но преодолевшим их с помощью народа, 3) человеком благодарным, признательным, принимающим на себя обязательства отблагодарить народ за помощь, 4) человеком, способным исправить сложную ситуацию, обеспечить счастье народа.

***Ключевые слова:** самопрезентация, стратегия, тактика, самопредставление, апелляция к сочувствию, запугивание, лесть.*

E.V. Li (Irkutsk)

**MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE**

VERBALIZATION OF SELF-PRESENTATION STRATEGY IN PARK GEUN-HYE'S PRE-ELECTION DISCOURSE

The purpose of the article is to study the self-presentation strategy of the incumbent president of Republic of Korea. The author points out tactics which represents the strategy of self-presentation in Park Geun-hye's pre-election discourse, such as: 1) self-promotion, 2) appeal to pity, 3) intimidation, 4) flattery. The aforementioned tactics are verbalized by means of specific lexemes and characterized by appeals to universal human and national values. By using these tactics Park Geun-hye represents herself as 1) empathetic, keenly feeling other people's pain, responsible person, 2) a person with a hard destiny, who faced a lot of hardships, but managed to overcome it

with people's help, 3) grateful, appreciative person, who takes the obligation to return thanks to people, 4) a person able to resolve all the tricky situation and make people happy.

Key words: self-presentation, strategy, tactic, self-promotion, appeal to pity, intimidation, flattery.

Политический дискурс вообще, и предвыборный дискурс в особенности, нацелен на завоевание и удержание власти, что осуществляется, главным образом, посредством убеждения потенциальных избирателей в превосходстве оратора над его политическими противниками.

Таким образом, свойственная предвыборному политическому дискурсу интенция борьбы за власть неизменно предполагает использование в нем стратегии самопрезентации, под которой понимается определенная линия поведения, нацеленная на формирование положительного впечатления о собственной личности у аудитории.

И. Гоффман, американский социалингвист и социальный психолог, выделяет два аспекта этого феномена: произвольное самовыражение (которым индивид *дает* информацию о себе), включающее вербальные символы и их заменители, и непроизвольное самовыражение (которым индивид *выдает* себя), заключающееся в невербальном поведении индивида [Гоффман, 2000].

Настоящая статья посвящена изучению первого аспекта, а именно, вербальной составляющей стратегии самопрезентации, реализованной действующим президентом РК Пак Кын Хе во время последних президентских выборов. Задача статьи – продемонстрировать и описать способы вербализации стратегии самопрезентации в предвыборном дискурсе Пак Кын Хе. Материалом настоящего исследования послужили телевизионные обращения и выступления Пак Кын Хе перед избирателями в ходе предвыборной кампании 2012 года.

Вслед за О.С. Иссерс, под речевой стратегией понимается совокупность речевых действий, направленных на решение определенной коммуникативной задачи [Иссерс, 2006]. В данном случае, сверхзадачей оратора является убеждение потенциального избирателя в

собственном превосходстве над другими кандидатами, позиционируя себя человеком, более других достойным поста президента страны. Достижение этой сверхзадачи осуществляется посредством применения ряда тактик, определенных речевых действий, способствующих реализации стратегии.

Анализ эмпирического материала показал, что стратегия самопрезентации в предвыборном дискурсе Пак Кын Хе реализуется, главным образом, посредством следующих тактик: 1) самореклама (самопредставление), 2) апелляция к сочувствию, 3) устрашение, запугивание, 4) лесть.

Тактика саморекламы заключается в описании достоинств оратора, демонстрации его преимущества перед конкурентами. Внимание при этом уделяется как профессиональным, так и личным качествам. Цель данной тактики – охарактеризовать себя как человека, обладающего определенным набором положительных качеств.

Используя тактику саморекламы, Пак Кын Хе не заявляет о своей компетентности, опыте или особых заслугах, а вместо приведения рациональных аргументов своего превосходства над политическими противниками, коими могли бы служить, например, описания ее успехов на политической арене или проведенных ей политических мероприятий, изменивших к лучшему жизнь народа, апеллирует к чувственному миру адресата, описывая свои эмоциональные переживания о судьбе народа и свое стремление добиться его счастья.

국민들이 고통을 겪으시는 것을 보고 개인 자격으로는 그 어려움을 해결하는데 도움을 드릴 수 없다는 생각에 정치를 시작했습니다. 그리고 15 년동안 많은 국민들을 만나면서 그분들의 고통과 어려움을 깊이 느꼈습니다. Я начала заниматься политикой, потому что, видя, как страдает народ, я понимала, что я лично ничем не смогу им помочь. И на протяжении 15 лет встречаясь с многими нашими гражданами я глубоко чувствовала их боль и переживания.

저는 저를 바라보시는 국민들의 마음과 눈이 무엇을 말하는지 느끼고 있습니다. Я чувствую, что говорят глаза и души людей, которые смотрят на меня.

날씨가 갑자기 부쩍 추워졌습니다. 겨울 날씨가 추우면 추울수록 서민들의 삶은 더 어려워지는데 때 이른 한파로 배추값이 많이 올라서 김장들을 하셨는지 걱정입니다. Внезапно сильно похолодало. Чем холоднее зимняя погода, тем сложнее жизнь простых людей. Из-за раннего похолодания сильно подорожала капуста, и я переживаю, успели ли вы заготовить кимчи.

В приведенных примерах тактика саморекламы вербализуется лексемами, семантика которых позволяет Пак Кын Хе охарактеризовать себя как человека сопереживающего, остро чувствующего чужую. Она проявляет беспокойство даже о таких не имеющих отношения к политике и, на первый взгляд, незначительных вещах, как заготовка кимчи. Однако, принимая во внимание то значение, которое имеет кимчи в корейской культуре, являясь одним из ее символов, становится очевидным, что апелляция к данной ценности не является случайной. Проявляя беспокойство по такому важному для каждого корейца поводу, как засолка кимчи, кандидат в президенты тем самым старается приблизить себя к простому народу. Высказывания Пак Кын Хе являются ни чем иным, как демонстрацией эмпатии. Кандидат в президенты пытается проникнуть во внутренний мир слушающих, войти в их поле переживания.

Стремление к объединению, сближению с народом совершенно очевидно реализуется и в следующих примерах.

저에게는 국민 여러분이 가족입니다. Для меня Вы, народ, – моя семья.

저는 돌봐야 할 가족도, 재산을 물려줄 자식도 없습니다. 저에게는 오로지 국민 여러분이 가족이고, 국민 행복만이 제가 정치를 하는 유일한 이유입니다. 이제 마지막으로 국가와 국민을 위해 헌신하고 싶습니다. У меня нет семьи, о которой нужно было бы заботиться, нет детей, чтоб передать наследство. Только Вы, народ, являетесь моей семьей, и только Ваше счастье –

единственная причина, по которой я занимаюсь политикой. И сейчас я в последний раз хочу посвятить свою жизнь стране и народу.

Необходимо отметить, что такая характеристика женщины, как отсутствие у нее семьи и детей, в ином контексте должна была бы получить отрицательную оценку аудитории, так как предназначение женщины в корейской культуре – быть матерью, хранительницей семейного очага. Однако в данном случае это утверждение становится весомым аргументом в поддержку тезиса о том, что оратор станет хорошим президентом, поскольку место семьи, являющейся неоспоримой ценностью корейской культуры, занимает народ и счастье народа становится единственной целью кандидата в президенты.

Следующая тактика реализации стратегии самопрезентации, обнаруженная в предвыборном дискурсе Пак Кын Хе, – апелляция к сочувствию. Суть данной тактики состоит в стремлении, повествуя о сложностях своей жизни, вызвать у адресата сочувствие, сопереживание и тем самым добиться его благосклонности и заручиться поддержкой.

이번 선거, 저 개인적으로는 참 가슴 아픈 일이 많았습니다. 오랜 시간 가족처럼 함께 해왔던 동료들을 불의의 사고로 먼저 떠나보내야 했고, <...> 흑색선전도 있었습니다. 저에게는 아프고 고통스러운 시간이었습니다. Во время этих выборов у меня лично было много переживаний (досл. много из-за чего болела грудь). Из-за несчастного случая мне пришлось проститься с коллегами, с которыми мы долгое время работали вместе, как одна семья <...> Был и черный пиар. Для меня это было сложное, тяжелое время.

저는 어려움 속에서도 어머니의 빈자리에 대한 책임감과 사명감으로 힘든 시간을 이겨냈습니다. Даже в тяжелые времена я преодолевала трудности, благодаря чувству ответственности, появившемуся из-за отсутствия матери.

개인적인 행복을 위해서라면, 이 길을 선택하지 않았을 것입니다. Ради своего личного счастья я никогда не выбрала бы этот путь.

Как видно из приведенных примеров, апелляция к сочувствию в дискурсе Пак Кын Хе реализуется посредством лексических единиц со значением

«страдание», «боль», «трудности», таких как *고생* (страдание), *어려움* (трудности), *고통* (боль, страдание), *아픔* (боль), *힘든 시간* (тяжелое время) и т.п.

Необходимо отметить, что данная тактика является специфической этнокультурной тактикой южнокорейского политического дискурса, отражающей особенности национальной культуры страны, в частности, роль концепта «*고생*» в жизни корейского общества.

Как справедливо замечает О.А. Трофименко, склонность корейцев к страданию стала их национальной чертой. Страдание – это часть национальной, культурной и психологической жизни корейцев, это отражение восточной скромности, компенсация успеха [Трофименко, 2011]. Т.В. Габрусенко называет страдание важнейшей частью имиджа преуспевающего корейца. ««Косен» управляет здешним обществом властно и надежно, давая людям ощущение единства, равенства и братства» [Габрусенко, 2003].

Очевидно, именно это и становится причиной, по которой оратор переносит этот прием, изначально являющийся характерной чертой персонального дискурса, в плоскость политической коммуникации. Таким образом, можно констатировать, что и в этом случае основной целью кандидата в президенты является сближение с народом, включение его и себя в круг «своих».

Зачастую апелляция к сочувствию сопровождается выражением благодарности адресату за оказанную в трудный период поддержку. В данном случае речь идет уже о следующей тактике реализации стратегии самопрезентации – лести. Лесть, или заискивание, представляет собой попытку добиться благосклонности адресата при помощи похвалы.

Пак Кын Хе неоднократно подчеркивает положительные качества корейского народа, что зачастую сопровождается выражением благодарности и признательности за оказанную ей в трудные времена поддержку.

어렵고 힘든 시절 국민 여러분이 저에게 보내 주신 사랑이 있었기에
오늘까지 올 수 있었습니다. Я смогла пережить тяжелые, трудные времена
только благодаря любви, которую Вы мне дарили.

그렇게 힘들고 어려울 때, 저에게는 국민 여러분이 계셨습니다. 돌이켜보면,
당이 존폐의 위기에 처해 있을 때마다, 테러를 당해서 생사의 기로에 섰을
때에도, 국민 여러분이 저를 일으켜 세워주셨습니다. В такое тяжелое,
трудное время у меня были Вы. Каждый раз, когда партия оказывалась на
границе кризиса, и даже тогда, когда после теракта я находилась между
жизнью и смертью, Вы поддерживали меня (досл. Поставили меня на ноги).

지금 이 순간까지 모든 어려움을 이겨낼 수 있었던 것은 모두 따뜻하게
응원해주시고, 믿음과 신뢰를 보내주신 국민 여러분이 계셔서
가능했었습니다. 존경하는 국민 여러분께, 진심으로 감사드립니다. То, что я
до сих пор преодолевала все трудности, было возможным благодаря Вашей
теплой поддержке, вере и доверию. Уважаемые сограждане, я от всей души
благодарю Вас.

Во всех приведенных выше фрагментах политик строит высказывание на
контрасте коннотативных значений лексических единиц. Сначала оратор,
используя лексику с отрицательной коннотацией (어렵다-сложный, 힘들다 -
тяжелый, 위기에 처하다 - оказаться на грани кризиса, 테러를 당하다 -
подвергнуться теракту, 생사 기로에 서다 - между жизнью и смертью),
описывает некоторую сложную ситуацию из своей жизни, затем, вводя лексику
с положительным оценочным компонентом значения (사랑 - любовь, 응원 -
поддержка, 믿음 - вера, 신뢰 - доверие, 따뜻하다 - теплый, 일으켜 세우다 -
поднимать, поставить на ноги), характеризует роль и значение адресата.
Подобное использование контраста как принцип организации высказывания
способствует усилению прагматики речи и повышению эффективности
коммуникации.

Вероятно, в основе рассматриваемой тактики стоит все та же цель продемонстрировать единство с народом, даже зависимость от него. Пак Кын Хе неоднократно отмечает, что именно поддержка народа помогла ей преодолеть. При этом кандидат в президенты позиционирует себя человеком признательным, чувствующим необходимость отблагодарить народ за помощь.

Желание и готовность оказать ответную услугу прямо эксплицируется в речи Пак Кын Хе. Она обещает отплатить за оказанные ей любовь и доверие и посвятить этому свою жизнь, разделить боль народа, избавить его от переживаний и тревог.

이제 국민 여러분께서 보내주신 사랑과 신뢰에 보답하기 위해 저에게 마지막 남은 정치 인생을 바치려고 합니다. 저에게는 국민 여러분이 가족입니다. 마지막 정치 인생 저의 모든 것을 다 바쳐서 저에게 가족과 같은 국민 여러분이 행복해지는 나라를 만들고 평범한 삶으로 돌아가는 것이 저의 마지막 소원입니다. 꿈을 잃고 희망을 잃어가는 우리 국민들께 새로운 영기와 비전을 드리는 대통령이 되고 싶습니다. Теперь я собираюсь посвятить всю оставшуюся жизнь в политике тому, чтобы отплатить всем Вам за посланную мне любовь и доверие. Для меня Вы, народ, – моя семья. Посвятить все, что осталось в моей жизни в политике, тому чтобы создать страну, в который народ, ставший моей семьей, будет счастлив, и вернуться к обычной жизни – вот мое последнее желание. Я хочу стать президентом, который даст нашим людям, потерявшим мечту и теряющим надежду, новые силы и веру.

Необходимо отметить, что зачастую восхваление народа завершается прямой просьбой поддержать кандидата на выборах, отдать за него свой голос, что отчетливо прослеживается в следующих фрагментах выступлений Пак Кын Хе.

따뜻한 성원과 지지를 부탁드립니다. Я прошу вашей теплой поддержки.

저는 대한민국의 18대 대통령이 되기 위해서 여러분의 선택을 기다리고 있습니다. 여러분께서 한 표 한 표로 새로운 대한민국을 만들어 주십시오. Я

жду вашего выбора, чтобы стать 18-м президентом Республики Корея.
Каждый из вас, один за другим, проголосуйте за новую Республику Корея.

12 월 19 일, 기호 1 번, 새누리당 박근혜에게, 한번 맡겨주십시오. 19-го декабря доверьтесь мне, Пак Кын Хе, партия Сэнури, №1.

Следующая тактика, реализующая стратегию самопрезентации в предвыборном дискурсе Пак Кын Хе, – запугивание.

Задача запугивания – внушив адресату чувство страха путем описания определенных ситуаций или событий, представить себя человеком, способным исправить кризисную ситуацию.

지금 우리나라, 지역과 이념, 세대와 계층으로 갈라져 분열과 갈등이 위협수위에 했습니다. 민생은 큰 위기입니다. Сейчас территориальные и идеологические разногласия, различия между поколениями и социальными слоями «режут на части» нашу страну, конфликты достигли опасного уровня. Жизнь народа находится в состоянии глубокого кризиса.

현재 우리나라는 갈등과 이념의 골이 깊습니다. 지역갈등은 아직도 우리 사회 곳곳에 깊이 뿌리 박혀 있습니다. 양극화와 소득불균형의 확대는 우리 사회를 희망과 좌절의 두 계층으로 나누고 있습니다. В последнее время в нашей стране люди разделены глубокой пропастью. Территориальные конфликты до сих пор сидят глубоко корнями в нашем обществе. Поляризация общества и неравные доходы населения делят народ на две части, с одной стороны – надежда, с другой – разочарование.

Как видно из приведенных выше примеров, характеризуя настоящее положение дел в стране, Пак Кын Хе использует лексику с отрицательной коннотацией (위기 - кризис, 분열 - раскол, 위협 - опасность, 갈등 - конфликт и др.), что вызывает у адресата чувство тревоги. По справедливому замечанию исследователя манипуляции общественным сознанием С.Г. Кара-Мурзы, создание и использование кризиса, аномальной ситуации является сильнейшим средством воздействия на чувства.

Именно к этому приему и обращается оратор в данном случае, моделируя ужасную ситуацию, в которой, по его словам, оказалась вся страна. Вызвав у адресата чувство беспокойства, оратор предлагает очевидное решение проблемы: избрание ее президентом РК.

국민 한 분 한 분의 꿈이 이루어지는 나라, 국민 행복의 총합이 국가 발전으로 이루어지는 나라, 국민이 하나되는 100% 대한민국을 꼭 만들고 싶은 꿈이 저를 이 자리에 서게 했습니다. Меня привела сюда мечта создать страну, где исполняются мечты каждого, страну, которая развивается вместе с процветанием своего народа, Республику Корея, граждане которой едины на 100%.

기호 1 번 새누리당 저 박근혜를 선택해 주십시오. 국민 여러분의 삶에 새로운 꿈과 영기를 반드시 선물해 드리겠습니다. Выберите, пожалуйста, меня, Пак Кын Хе, №1 в избирательном бюллетене. И я обязательно подарю всем Вам новые мечты и надежды.

В данном случае, вновь обращаясь к стилистическому приему контраста, Пак Кын Хе, описывает свои планы на будущее с использованием лексических единиц с положительной коннотацией, противоположных по значению только что использованным при моделировании ситуации кризиса (*꿈이 이루어지는 나라* – страна, где исполняются мечты, *국민 행복* – счастье народа, *국가 발전* – развитие страны, *꿈* - мечта, *영기* – решимость.). Вероятно и в этом случае, прием контраста использован не случайно. Позиционирование себя в будущем президентом, который «подарит народу новые мечты и надежды, который в первую очередь будет заботиться о проблемах народа и создаст страну, в которой исполняются мечты» на фоне описанной чуть ранее критической ситуации усиливает воздействие на сознание адресата.

Подводя итог всему вышесказанному, еще раз перечислим тактики, посредством которых в предвыборном дискурсе Пак Кын Хе реализуется стратегия самопрезентации: 1) самореклама, 2) апелляция к сочувствию, 3) лесть, 4) запугивание. Используя указанные тактики Пак Кын Хе

позиционирует себя 1) человеком сопереживающим, остро чувствующим чужую боль, ответственным, 2) человеком с тяжелой судьбой, испытавшим много трудностей, но преодолевшим их с помощью народа, 3) человеком благодарным, признательным, принимающим на себя обязательства отблагодарить народ за помощь, 4) человеком, способным исправить сложную ситуацию, обеспечить счастье народа.

Необходимо отметить, что указанные тактики тесно связаны между собой и зачастую провести между ними четкую грань достаточно сложно, лишь все они в совокупности отвечают основной цели предвыборного дискурса кандидата Пак Кын Хе – сформировать у избирателя положительное мнение о себе.

Учитывая последующую победу Пак Кын Хе на президентских выборах, можно констатировать, реализованная ей в предвыборном дискурсе стратегия самопрезентации оказалась успешной.

Библиографический список

1. Габрусенко, Т.В. Эти непонятные корейцы [Текст] / Т.В. Габрусенко. – М.: Муравей, 2003.
2. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни [Текст] / И. Гофман. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М.: комКнига, 2006.
4. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2003.
5. Трофименко, О.А. Актуализация концепта страдание в корейском языке [Текст] / О.А. Трофименко // СПб. 2011 Вып.13. С. 62-89.

Лян Чжэ (Москва)

Российский университет дружбы народов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ОБЩИН В СИНЬЦЗЯНЕ

Целью статьи является рассмотрение современного состояния православия в Синьцзяне (автономный район в КНР), которое в настоящее время служит национальной религией меньшей части китайских русских в Синьцзяне.

Ключевые слова: китайские русские; православие; Синьцзян; КНР

Liang Zhe (Moscow)

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

**THE CURRENT STATE OF
THE ORTHODOX COMMUNITIES IN XINJIANG**

The purpose of this article is to consider the current state of Orthodoxy in Xinjiang (Autonomous regions of PRC), which at present serves the national religion of minority Chinese-Russian metises in Xinjiang.

Key words: Chinese-Russian metises; Orthodoxy; Xinjiang; PRC

Синьцзян – один из наиболее крупных регионов расселения русско-китайских метисов в Китае, которые официально включены в состав этнической группы китайских русских. Согласно статистическим данным на июнь 2006 г., общая численность населения китайских русских в Синьцзяне – 11206, в том числе в трех городах с населением китайских русских численностью больше тысячи: Дачэн (Чугучак) – 3490, Урумчи – 3099, Или – 1497¹⁸. Подавляющее большинство среди них – русско-китайские метисы, но есть чисто русские.

¹⁸ Статистическое управление Синьцзян-Уйгурского автономного района 新疆自治区统计局, Статистический ежегодник для Синьцзяна – 2006 新疆统计年鉴——2006, Пекин, 2006, с. 75.

Исторически почти все китайские русские Синьцзяна исповедуют православие. Однако, по мере изменения их образа жизни, произошло большое изменение вероисповедания: все больше и больше китайских русских отказываются от веры своих русских предков православие. Показательно при этом, не меняется национальный характер православия, т.е. носители православия – только китайские русские.

Количество и региональное распределение православных верующих в Синьцзяне тесно связано с количеством и региональным распределением китайских русских в Синьцзяне. Хотя Урумчи, Или и Чугучак являются городами с самым большим количеством китайских русских в Синьцзяне но, в отличие, скажем, от Трехречья (Автономный округ Внутренняя Монголия), православные верующие в Синьцзяне обычно не проживают компактно, село с самым большим количеством православных семей – не больше десяти, село с самым маленьким количеством православных семей – обычно только одна семья.

Китайскими русскими, переселившихся в Синьцзян в 1910-1930 годах, принято называть первым поколением, т.е. чистыми русскими. Их дети – второе поколение китайских русских, их внуки – третье поколение. Сегодня в Синьцзяне уже живут китайские русские пятого и шестого поколений. В настоящее время, истинно православными верующими в Синьцзяне можно назвать только представителей второго поколения, в возрасте от 50 по 80 лет, потому что они с детства росли и воспитывались в религиозной православной культуре семь. В половой структуре количество верующих женщин несколько больше, чем мужчин.

Число православных верующих, постоянно участвующих в религиозных мероприятиях в Синьцзяне, в настоящее время составляют сугубо маленькую долю, к тому же, большинство из них – пожилые. В обычное время, верующие почтительно кланяются иконам и молятся дома. Во время Пасхи, верующие вместе выезжают на природу совершить прогулку и встретиться с родными и близкими, поют и танцуют, отмечая праздник. Лишь небольшое число

верующих специально ездят в православную церковь для принятия участия в пасхальном, рождественском или в других праздничных богослужениях. Фиксируются случаи, когда православные верующие переходят в протестантство под влиянием миссионерской деятельности протестантских общин Синьцзяна.

Православный церковный центр Синьцзяна – Урумчи. Правительство Синьцзяна в 1983 г. официально признало за китайскими русскими право праздновать Рождество и Пасху, эти дни объявлены для них нерабочими. В конце апреля 1984 г. синьцзянское Управление по делам религий и национальностей устроило официальный Пасхальный прием в Урумчи. 600 китайских русских участвовали в этом мероприятии. В 1991 г. взамен разрушенного храма был построен новый, именующийся Никольским, этот храм пока не освящен. Инин (Кульджа) – административный центр г. Или. В Инине в 2000 г. был построен новый каменный храм, который был освящен в 2003 г. Чугучак представляется собой город, где проживают компактно самое большое количество православных верующих в Синьцзяне. В 2008 г. власти Синьцзяна выделили средства на строительство православного храма в этом городе.

Во всех храмах Синьцзяна нет священнослужителей. Но несмотря на это верующие собираются в них по воскресеньям и праздникам для совместной молитвы под магнитофонную запись на русском языке. Число их небольшое – несколько десятков, большинство из них – пожилые китайские русские второго поколения. В Пасху и Рождество сюда приезжают больше китайских русских из близлежащих местностей.

Раньше считалось, что православие – всенародная религия китайских русских. Однако судя по современной обстановке православного исповедания в Синьцзяне, согласно количеству церквей, количеству верующих, функционированию церквей, нетрудно прийти к выводу, что значение православия как религии китайских русских постепенно снижается, а его значение как важной маркировки национальной идентичности усиливается.

Накануне Пасхи 2007 г. в православной церкви г. Урумчи во время празднования Пасхи, магистрантка Гуо Вэньцзин (郭文静) взяла интервью у верующего мужчины (китайского русского) 50 лет, участвующего в мероприятии. Когда Гуо спросила его «является ли иконой Иисуса та икона, которая висит на стене церкви?» Он ответил «нет», притом указал, что только икона, поставленная на алтарь, является иконой Иисуса. Когда Гуо намеренно допытывалась «Если это не икона Иисуса, то это чья?», верующий ответил: «В православия кроме Иисуса, есть много других богов, и это их иконы»¹⁹. Согласно результатам исследований Гуо, для современных китайских русских характерно подобное слабое познание православного учения.

Когда Гуо посещала старое село Кэ-зи-бе-ти (克孜别提村) при поселке А-си-эр (阿西尔乡) в Чугучаке, она обнаружила, что это когда-то хорошо известная село, где компактно проживали китайские русские, давно уже стало другим. Среди 170 дворов, только в 4 из них еще есть представители третьего и четвертого поколения китайских русских. К тому же, ввиду воздействия доминирующей культуры, степень ассимиляции единственно оставшихся китайских русских настолько высокая, что уже утеряны русские традиции в питании и одежде. Когда Гуо попыталась выяснить относительно знаний православного вероисповеданию, то услышала, что они только знают, что умершие старшие второго поколения – православные верующие, но они сами мало понимают о православии²⁰.

Девятый день после Пасхи – православный праздник поминовение усопших. Количество присутствующих на религиозных мероприятиях – было примерно 100, многие из них специально приехали из близлежащих уездов и деревень г. Или. Когда Гуо брала интервью у пожилой женщины третьего поколения китайских русских, православной верующей, она ответила, что редко ходит в церковь в обычное время, мало знает о православии, из-за того, что не владеет

¹⁹Гуо Вэньцзин 郭文静. История и анализ нынешнего состояния православия в Синьцзяне 东正教在新疆的历史与现状分析. Магистерская диссертация Синьцзянского педагогического университета 新疆师范大学硕士学位论文. 2008. С. 14.

²⁰ Там же. С. 15.

русским языком в совершенстве. В церковь она пришла, чтобы: во-первых, почтить память усопших родных; во-вторых, для нее это был редкий счастливый случай собраться с другими китайскими русскими.

За последние годы, в деятельности православия в Урумчи намечается возрождение, но основная причина этого не подъем религиозного настроения, а появление национального чувства. Традиционный религиозный праздник православия Рождество отмечается 7-ое января. Приобрет ратификацию от соответствующих органов, обычно несколько сотен китайских русских со всего Синьцзяна собираются в Доме народных собраний провинциального центра – Урумчи, где устраивается торжественный вечер, поют песни и пляшут. Веселая и оживленная атмосфера собрания вытесняет религиозный оттенок праздника, что доказывают следующие слова пожилой женщины второго поколения китайских русских, в которых она выразило мнение большинства присутствующих: «Мы, китайские русские, являются оптимистичной и сердечной нацией. Участвовать в такой встрече, возможно увидеть редко встречающихся родственников и друзей из разных мест, все разговаривают по-русски, играют на баяне, поют русские народные песни, танцуют нашу чечётку……, какая радость! Обладая сегодняшним счастьем, мы, китайские русские в Синьцзяне, благодарны правительству, благодарны хорошей политике КПК. (我们俄罗斯族是一个乐观、热情的民族，参加这样的聚会，能见到各地难得一聚的亲戚朋友，大家说着俄语、拉起‘巴扬’、唱起俄罗斯族民歌、跳起我们的踢踏舞……，真是太高了。也要感谢政府、感谢党的好政策，让我们新疆的俄罗斯族能有今天的幸福。²¹)» Как видим, православие в определенной степени служило платформой собираться вместе для китайских русских.

Библиографический список

1. Гуо Вэньцзин 郭文静. История и анализ нынешнего состояния православия в Синьцзяне. Восточная православная церковь в Китае: история и современность. Магистерская диссертация Синьцзянского педагогического университета 新疆师范大学硕士学位论文. 2008.

²¹ Там же.

2. Редакционная коллегия «Краткой истории китайских русских» 《俄罗斯族简史》编写组. Краткая история китайских русских 俄罗斯族简史. Урумчи. 1986.
3. Редакционная коллегия «Православия в Китае». Православие в Китае. М., 2010.
4. Статистическое управление Синьцзян-Уйгурского автономного района 新疆维吾尔自治区统计局, Статистический ежегодник для Синьцзяна – 2006 新疆统计年鉴——2006, Пекин, 2006.

Т.А. Пруцких (г. Иркутск)
ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный
университет экономики и права»

ФОНОСЕМАНТИКА СЧЕТНЫХ СЛОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ОБОЗНАЧЕНИИ ОКРУГЛЫХ ПРЕДМЕТОВ

В статье представлено фоносемантическое исследование группы счетных слов китайского языка, обозначающих округлые предметы. Полученные результаты позволяют убедительно подтвердить, что лабиальные фонемы, преимущественно финали, играют звукосемантическую роль в обозначении округлого.

***Ключевые слова:** китайский язык; счетные слова; лабиальные фонемы; звукосемантизм; пространственная характеристика, округлость.*

T.A. Prutskikh (Irkutsk)
BAIKAL STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS AND LAW

PHONOSEMANTICS OF CHINESE MEASURE WORDS IN DESIGNATION OF ROUND OBJECTS

The article presents the phonosemantic research of a Chinese measure words group in designation of round objects. The obtained results allow to conclude, that labial phonemes (labial finals mainly) play a sound-symbolical role in signification of object roundness.

Key words: *Chinese; measure words; labial phonemes; sound-symbolism; spatial characteristics; roundness.*

В литературе неоднократно отмечалась приоритетная роль лабиальных фонем в названии округлых, шарообразных, выпуклых, выпяченных предметов в самых разных языках. Лабиальные используются для обозначения предметов округлых, шарообразных и т.д. благодаря таким характеристикам их артикуляции, как округление либо выпячивание губ и увеличение объема ротового резонатора.

Особенно большой интерес представляют звукосимволические исследования на материале китайского языка, фонетическая и графическая изобразительность которого лежит на поверхности.

При изучении восприятия человеком пространства и пространственного представления считаем целесообразным изучение классификаторов, или счетных слов китайского языка, которые описывают пространственные характеристики объектов окружающего нас мира.

«Лексическое значение любого имени параметра двойственно по своей природе, – считает С.Ю. Семенова, – с одной стороны, оно включает содержательный компонент, обозначающий физическое явление, процесс, пространственную конфигурацию и т.п., то есть то, что параметризовалось и что измеряют, а с другой стороны – количественный компонент, показывающий, насколько велика измеряемая сущность» [Семенова, 2000, с. 120].

Наличие счетных слов является одной из особенностей китайского языка, хотя они существуют и в других языках. «Классификаторы в разных языках обычно изучаются с точки зрения их грамматических особенностей, однако при этом недостаточно исследуется семантические основания их группировки, весьма тонкие, сложные и нестабильные даже для носителей данного языка»

[Ли Тоан Тханг, 1992, с. 106]. Основная функция счетных слов – «выражение идеи штучности, или единичности предмета» [Солнцев, 1995], обозначаемого стоящим после них существительным. Поэтому числительные не могут самостоятельно выступать в роли определения, между числительным и существительным ставится счетное слово.

Второй функцией счетных слов является то, что они участвуют в делении объектов действительности на разные типы (например, человек, место, явление и пр.), тем самым, классифицируя их по определенным признакам и описывая пространственные характеристики названного именем предмета. Например, счетное слова wan² 丸 со значением «пилюля, шарик» в словосочетании yí¹ wan² yào⁴ 一丸药 (буквально: одна пилюля лекарства) дает нам представление о том, что данное лекарство воспринимается как объемный предмет в трехмерном пространстве. Следует подчеркнуть, что в этом случае мы имеем дело с описанием не некоторого класса предметов, а только его конкретного представителя. Такого рода описание предмета в его единичности носит эксплицитный характер. В русском же языке, например, признак «шарообразность» входит лишь в имплицитном виде в значение имени мяч.

Все счетные слова являются нумеральными, но не все из них являются дескриптивными, таким образом, мы можем разделить все счетные слова в китайском языке на недескриптивные (неописательные) – например, gè⁴ 个 (штука), jiàn⁴ 件 (штука), zhǒng³ 种 (вид) и др. и дескриптивные (описательные).

На основе пространственных характеристик, выражаемых счетными словами, мы, с некоторой долей условности, можем разделить предметы окружающего нас мира на три группы.

1. Группа одномерных объектов (то есть линейных или вытянутых предметов) – например, счетное слово tiào² 条 (полоска) употребляется со словами галстук, цепочка, дорога, река; gēn¹ 根 (корень) – провод, веревка, палка, ветка; zhī¹ 枝 (ветка) – винтовка, ручка, стрела, стебель и другие.

2. Группа двухмерных предметов (то есть плоских предметов) – например, счетное слово *mian*⁴ 面 (плоскость) употребляется со словами стена, зеркало, флаг; *zhang*¹ 张 (лист) – газета, карта, картина; *shan*⁴ 扇 (веер) – окно, дверь, экран и другие.

3. Группа трехмерных объектов (то есть объемных предметов) – например, счетное слово *zuo*⁴ 座 (место) употребляется со словами здание, гора, фонтан; *suo*³ 所 (место) – здание, помещение, дача; *ben*³ 本 (корешок) – книга, словарь, журнал и другие.

Остановимся более подробно на последней группе объемных предметов, выделяя из всего множества лишь предметы *округлой* формы. Следует отметить, что «восприятие человеком пространственных объектов носит относительный характер и во многих случаях классификация и концептуализация зависит от «выделенности» какого-нибудь свойства на фоне остальных» [Ли Тоан Тханг, 1992, с. 108]. Поэтому мы, учитывая фактор «выделенности» признака округлости для восприятия пространственных объектов, представляем таблицу дескриптивных счетных слов со значением «округлости», отобранных из Китайско-английского словаря счетных слов (2001).

Обращаем внимание, что в зоне нашего исследования в данный момент находятся не все трехмерные предметы округлой формы окружающей действительности, а счетные слова, которые не просто сочетаются с данной категорией слов, но и сами относятся к этой категории. Именно потому, что и предмет, и счетное слово относятся к одной категории, становится возможным их сочетание и передача максимально точного значения округлости.

Счетные слова со значением «округлости»

1	<i>ba</i> ³	把	пригоршня
2	<i>ban</i> ⁴	瓣	долька
3	<i>bao</i> ¹	包	сверток, узел, пакет
4	<i>bao</i> ⁴	抱	охапка, обхват
5	<i>cu</i> ⁴	簇	букет, пучок, толпа

6	cuo ¹	撮	щепоть, горсть, кучка
7	di ¹	滴	капля
8	du ¹ lu	嘟噜	гроздь, связка
9	dui ¹	堆	куча, груда
10	duo ³	朵	облако, цветок
11	guan ⁴	罐	горшок, банка
12	guo ¹	锅	кастрюля, сковородка
13	hu ²	壶	чайник
14	juan ³	卷	рулон, сверток, моток
15	ke ¹	颗	бусинка, пуля, горошина
16	kou ³	口	рот (люди, животные)
17	kun ³	捆	связка, кипа, сноп
18	li ⁴	粒	зерно, крупинка
19	liang ⁴	辆	для колесного транспорта
20	lun ²	轮	диск, колесо, тур
21	mei ²	枚	для медалей, монет, колец
22	pan ²	盘	тарелка
23	pian ⁴	片	таблетка; участок (леса); ломоть (хлеба)
24	quan ¹	圈	круг, кольцо
25	shao ²	勺	ложка
26	shu ⁴	束	букет, клочок (пук) волос, сена
27	tan ¹	摊	лужа
28	ting ¹	听	банка, коробка, консервы
29	tong ³	桶	ведро, бочка, бадья, ушат
30	tong ³	筒	цилиндр, труба
31	tou ²	头	голова (поголовье скота), головка (чеснока, лука)
32	tuan ²	团	комочек, клубок
33	wan ²	丸	пилюля, шарик
34	wan ³	碗	чашка, глубокая тарелка

35	wo ¹	窩	гнездо, выводок
36	ya ²	牙	«зуб» – кусочек продукта круглой формы (яйца, блина, арбуза)
37	yan ³	眼	«глаз» - дырка, отверстие (обычно круглой формы): сч. слово для колодца, фонтана
38	zhan ³	盞	лампа, лампочка

Среди 38 счетных слов лабиальные встречаются 29 раз, что составляет **76%**. Причем, в 22 словах участвуют только лабиальные финали, в 5 словах – только лабиальные (губно-губные) инициали, что вполне объяснимо исходя из их малочисленности (всего три – b, p, m) и меньшей продуктивности инициалей по сравнению с финалями в СКЯ. Слов, где встретились и лабиальные инициали, и лабиальные финали всего 2. Полученные результаты позволяют нам убедительно подтвердить *наличие фоносемантической связи между лабиальными финалями и обозначением округлости*. В исследуемом массиве слов финали –*uan*, –*uo*, –*u* встретились по 4 раза, финаль –*ao* – 3 раза, по 2 раза – финали –*ou*, –*up*, –*uan*, –*ong*; финаль –*ui* встретилаь 1 раз.

В диссертационном исследовании автора [Пруцких, 2008, с. 91-119] звукосимволическая связь между лабиальностью и округлостью на материале китайского языка была установлена:

1) при обработке экспериментальных данных, в которых фонетическое значение лабиальных финалей по признаковой шкале «круглый-квадратный» определено носителями языка в **71%**;

2) при исследовании словарных дефиниций, обозначающих округлые предметы (лабиальные финали составили **76%**);

3) при исследовании признаков – «округлость» и «вытянутость», «округлость» и «квадратность» в группах слов с лабиальными финалями методом анкетирования, в которых «выделенно» округлыми оказались **63%** и **64%** слов соответственно;

4) при обработке экспериментальных данных, полученных методом подбора, в которых лабиальное звучание соотнесли с округлым значением (представленным в форме рисунка) **85%**.

Таким образом, в результате проведенного анализа счетных слов, обозначающих округлые предметы, мы пришли к выводу, что дифференциальный признак значения «округлости» в китайском языке в артикуляционном плане преимущественно представлен лабиальными финалями.

Библиографический список

1. Кунина, Ю.А. К проблеме сочетаемости счетных слов и имен существительных в современном китайском языке [Текст] / Ю.А Кунина // Китайское языкознание : материалы VIII международной конференции (Москва, 25-26 июня 1996г.). – 1996. – С. 85-89.
2. Ли Тоан Тханг «Форма», «размер» и «расположение объекта» в познании и в языке (на материале вьетнамского языка) [Текст] / Тханг Ли Тоан // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 106-117.
3. Пруцких, Т.А. Проявление иконизма в языке: экспериментально-теоретическое исследование [Текст] : дисс. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.А. Пруцких. – Бийск, 2008. – С. 217.
4. Семенова, С.Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров [Текст] / С.Ю. Семенова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 117-126.
5. Солнцев, В.М. Введение в теорию изолирующих языков [Текст] / В.М. Солнцев. – М.: Восточная литература РАН, 1995. – 352 с.

М.Г. Смирнов (Челябинск)

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

ЭЛЕМЕНТЫ НАТУРАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ СОЦИУМЕ

Статья посвящена раскрытию актуальных вопросов, связанных с переходом современных развитых обществ от системы сакрализации социально-значимых ценностей – к их натурализации, при инфляции, но сохранении базовых сакральных устоев. В работе раскрываются некоторые элементы этого процесса на примере современного японского социума, дается оценка происходящих ценностных трансформаций, а также их причины и

факторы. Кроме того, рассматриваются особенности развития современного японского социума с точки зрения формирования его ценностных ориентиров.

Ключевые слова: натурализация, сакрализация, общественные ценности, японский социум.

M.G. Smirnov (Chelyabinsk)

CHELYABINSK STATE UNIVERSITY

THE ELEMENTS OF VALUES NATURALIZATION IN MODERN JAPANESE SOCIETY

Article is devoted to topical issues related to the transition of modern developed societies from the sacralization of socially important values - to their naturalization, but retaining the core sacred principles. The paper reveals some elements of this process on example of modern Japanese society. It assesses the ongoing transformation of values, as well as their causes and factors. In addition, the features of the modern Japanese society development in values-based terms are disclosed.

Keywords: naturalization, sacred, social values, the Japanese society.

Развитие общественных институтов и современного социума в целом находится под влиянием сложной суммы факторов, из которых определяющими являются экономические. Их влияние выходит далеко за пределы экономической сферы жизни общества и определяет саму основу современного социального воспроизводства и модели взаимоотношений в обществе.

Если проанализировать сложившуюся в обществах постмодерна ситуацию с аксиологической точки зрения и в ретроспективе, то можно отметить свойственную для развитых обществ не только эволюцию или революционную смену систем ценностей, но и трансформацию самого механизма их формирования. Помимо этого, в процессе развития обществ менялся источник формирования ценностных ориентиров.

Аналогичные трансформационные процессы характерны и для современного японского общества, как для общества развитого типа, не смотря на сложившуюся в нем внушительную систему ценностного протекционизма,

основанную на фундаментальных традициях и национальных социокультурных доминантах. На сегодняшний день в японском обществе сложилась ситуация, не позволяющая однозначно говорить о сохранении традиционных основ и ценностных ориентиров его существования.

В данной работе мы постараемся выявить нетрадиционные для японского общества ценностные компоненты, а также механизмы и источники их формирования.

В качестве основы для анализа проблемы мы предлагаем теорию натурализации ценностей в современных обществах.

Если взять за эталон ценностного развития общества Запада, ставшие ориентиром для Японии со времен Мэйдзи, то можно выделить три четко очерченных этапа развития ценностных систем: этап традиционного общества, общество модерна (индустриальное общество) и общество постмодерна (постиндустриальное общество).

Переход от этапа к этапу проходил достаточно болезненно и длительно и характеризовался постепенным замещением и вытеснением старой ценностной парадигмы, и установлением новой.

Так переход от традиционного общества и характерного для него теоцентризма к обществу модерна и характерному для него антропоцентризму начался в Эпоху возрождения и, в целом, завершился лишь к началу XX века. Важно, что за прошедший период сменилась не только сама система ценностей (и не раз, включая переходные стадии), но и агент, а также источник ее формирования. Если в традиционном обществе агентом формирования и воспроизводства ценностей были духовные институты – в частности церковь, то в обществе модерна это место заняло государство (в отдельных цивилизационных системах негосударственные организации, к примеру, в Индии). Церковь использовала в качестве источника для формирования ценностных отношений религию (власть от Бога), а государство (негосударственные организации) – идеологию (Власть от большинства и ради блага большинства, тесно связанную с государственным интересом).

При всех вышеописанных масштабных изменениях неизменным оставался механизм формирования и конституирования ценностей – сакрализация, придание священного статуса циркулирующим в обществе нормам.

Что касается смены ценностной парадигмы в процессе перехода от общества модерна к обществу постмодерна, то здесь ситуация заметно отличается даже в отношении внешних признаков. К примеру, сам процесс перехода от ценностной парадигмы общества модерна к парадигме общества постмодерна занял около четырех десятков лет в противовес шести векам эволюции системы общественных ценностей в процессе перехода от традиционного общества – к обществу модерна. На современном этапе трансформации ценностных парадигм происходит смена основного агента формирования ценностей, его источника и механизма.

В обществе постмодерна в качестве агента формирования ценностных ориентиров начинают выступать коммерческие организации, в качестве источника – универсальная натуральная идеология потребления, в качестве метода формирования ценностей – натурализация.

Под натурализацией ценностей как механизмом их конституирования мы понимаем апелляцию агентов актуализации ценностей не к области священного или, даже, мирского, а к естественному – природному компоненту человека, т.к. удовлетворение природных потребностей человека напрямую связано с его выживанием, а значит, имеет непреходящую актуальность. С развитием общества постмодерна и антропологическим кризисом происходит инфляция человеческой природы, стирание границ между естественным и социальным. Это приводит к созданию искусственных потребностей – симулякров, позиционируемых как естественные. Примером этому может служить создание брендов, придание ценности которым носит «демократический» характер, когда за них голосует все общество с помощью денежных средств.

Конечно, следует отметить, что в процессе смены парадигм системы ценностей прошлого, как и их агенты – продолжают существовать, но при этом

не являются актуальными и проигрывают современной системе в эффективности (См.: таблицу №1).

Так, последняя смена парадигм не могла произойти без ослабления влияния на общество идеологических и религиозных табу и без освобождения общественного сознания от любого рода детерминизма, ощущаемой подспудно предопределенности. Так в свое время традиционные представления о том, что является «естественным», а что нет, были пересмотрены, и ни природа, ни социальная иерархия не воспринимаются более как нечто священное и неизблемое. Это создает свободную среду для распространения натурализованных ценностей, как в свое время секуляризация общества создала условия для распространения идеологий, как способа сакрализации общественно значимого.

Таблица №1

Четыре агента формирования и воспроизводства социальных ценностей в хронологическом порядке			
Духовные институты	Государство	Негосударственные организации	Коммерческие организации
↓ Высшие духовные идеалы и потребности (сакрализация ценностей)	↓	↙ Насущные (натуральные) Потребности (натурализация ценностей)	↘ Искусственно создаваемые потребности Симулякры (натурализация ценностей)

Сама по себе натурализация ценностей как механизм их конституирования и воспроизводства имеет свои преимущества и недостатки по отношению к сакрализации, которой она во многом противоположна. Основные различия между ними представлены в таблице № 2.

Таблица №2

Сакрализованные ценности	Натурализованные ценности
устойчивы	динамичны
недостижимы (это высшие ориентиры)	доступны, достижимы
Универсальны, но имеют тенденцию к локализации (апеллируют к общечеловеческим духовным ценностям, но адаптируют их в рамках конкретной культуры с ее детерминантами и представлениями о сакральном)	Локальны, но имеют тенденцию к универсализации (апеллируют к естественным потребностям, свойственным любому индивиду)
Абстрактны	Конкретны
Чувствительны к культурной среде	Не чувствительны к культурной среде
Сложны в усвоении	Просты в усвоении

В целом, следует отметить, что натурализованные ценности черпают свою энергию и актуальность в природном стремлении человека к удовлетворению своих потребностей. Создаются условия для максимально простого достижения натурализованных ценностей и целей, а высокая динамика и энергозатратность общественного воспроизводства не позволяет двигаться по «лестнице потребностей» вверх. Это, в свою очередь, приводит к количественному, но не качественному увеличению стремлений человека к реализации новых потребностей.

Для японского общества, где социальная сфера имеет устойчивые механизмы саморегуляции, тяготение к сакрализации, как средству актуализации социальных ценностей, в том числе, и текущих – естественно. Однако оно, как и иные общества постмодерна, также переживает наплыв натурализованных ценностей, а также серьезное давление извне, требующее смены ценностных парадигм.

Переход от традиционной системы ценностей к модерну в японском обществе начался в период Мэйдзи и завершился ускоренно и искусственно под давлением американских оккупационных властей с отказом императора от своего божественного происхождения. Император, который лишь в 1868 году приобрел статус реального государственного института, сохранив при этом статус института духовного, вынужден был отказаться от всего в 1947 году, подорвав тем самым основы японской государственности и статус государства как агента формирования и воспроизводства социальных ценностей. Это заложило возможность такого же ускоренного перехода к постиндустриальному обществу, начавшемуся в Японии в конце 70-х годов XX века. Который, в свою очередь, открыл дорогу для конституирования и циркулирования натурализованных ценностей в современном японском социуме.

Этому способствовало ряд специфических факторов, составляющих элементы натурализации ценностей современного японского общества:

1. *Постепенная утрата представлений в японском обществе о государстве как священной ценности.* Это порождает усиливающееся чувство социальной тревоги и отсутствие уверенности в правильности принятых решений как на общественном, так и на государственном уровнях, что приводит к ощущению дисгармонии в коллективе – столь не характерному и пагубному для японского общества. Так, «Согласно данным опроса общественного мнения, проведенного правительством Японии в июне 2013г., 66,1% опрошенных испытывают «чувство тревоги и беспокойства» в повседневной жизни. 55,3% тревожат перспективы жизни в старости, 52,4% заботит состояние собственного здоровья, 43,2% – состояние здоровья членов семьи, 40% – уровень дохода». [См.: Изотова 2014]

2. *Трансформация социальной роли государства,* когда оно полностью берет на себя контроль за образованием, здравоохранением, проблемами чрезвычайных ситуаций, политикой и т.д., все больше исключая активную модель поведения обычного гражданина в отношении данных аспектов жизни,

что изымает из традиционной системы ценностей целый пласт связей, отвечающих за единство и выживание общества. Так, в современном японском обществе в случае чрезвычайных ситуаций, к примеру, аварии, где пострадали люди, не принято приходить на помощь лично. Долг гражданина заключается лишь в уведомлении соответствующих служб, после чего он продолжит заниматься своими делами. Вместе с тем роль государства и, связанного с ним бизнеса в социальном обеспечении стремительно падает. Иллюстрацией этого может служить прекращение существования системы пожизненного найма.

3. *Значительное ускорение темпов социального производства, монетаризация отношений, увеличение стоимости жизни* создают в японском обществе ситуацию, когда индивид, будучи носителем коллективных ценностей, тем не менее, выпадает из позитивного коллективного общения в силу недостатка времени. Это ведет к дисактуализации ключевых традиционных ценностей, связанных с человеческим общежитием, и порождает ряд серьезных проблем – к примеру проблему одиночества.

4. *Рост социальной неудовлетворенности.* Явление социальной неудовлетворенности – одна из отличительных черт японского общества, ранее связанная с нереализованностью личности в рамках группового сознания, сейчас же – с нереализованностью и групповых аспектов существования, т.к. труд в современной Японии, будучи высокооплачиваемым занимает большую часть суточного времени, не оставляя возможности для личных или коллективных дел. Причем, в современном японском обществе это касается не только мужчин, но и женщин. Другой стороной этого явления выступает безудержное потребление, когда, заработанные тяжелым трудом средства быстро сбрасываются в игорных автоматах, ресторанчиках, погони за брендовыми вещами, что представляет широкий простор для распространения и циркуляции натурализованных ценностей.

Приведенные выше факторы, находясь в тесной взаимосвязи, с одной стороны, создают условия сокращения каналов циркуляции сокращенных ценностей, что приводит к утрате их актуальности, придавая им

формализованный характер; с другой стороны, переориентируют общественные институты на воспроизведение натурализованных механизмов воспроизводства ценностей. Здесь, спецификой японского социума является то, что агентами натурализации могут выступать не только коммерческие организации, но и государство, которое использует для этого традиционные каналы влияния.

Библиографический список

1. Изотова, Н.Н. Проблема трансформации системы ценностей в современном японском обществе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/izotova.pdf>. (дата обращения: 07.09.2014).
2. Михалев, А.А. Япония: социальная рефлексия в модернизированном обществе (50-70 гг. XX столетия) [Электронный ресурс]. – PDF / А.А. Михалев; ИФ РАН. – Москва, 2001.

Н.Ю. Смирнова (г. Челябинск)

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ГРУППОВОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В работе рассматривается «групповое сознание» японцев, как комплексное явление. Групповое сознание (сюдан исики) – наиболее устойчивая цивилизационная доминанта японского общества, залог его стабильности и развития. Проводится социально-философский анализ данного феномена; рассматриваются трансформационные процессы как в рамках отдельных его элементов, так и всего явления в целом. Определяются факторы трансформационного влияния. Дается общая оценка происходящих процессов с точки зрения устойчивости и поступательности развития современного японского общества.

***Ключевые слова:** групповое сознание, сюдан исики, трансформационные процессы, японский социум, глобализация.*

N. Yu. Smirnova (Chelyabinsk)

Chelyabinsk State University

THE ISSUE OF GROUP CONSCIOUSNESS TRANSFORMATION IN MODERN JAPANESE SOCIETY

This paper considers the "group conscience" of the Japanese, as a complex phenomenon. Group consciousness (shyudan ishiki) - the most stable civilization dominant of Japanese society. It is a guarantee of society's stability and development. Considered as society transformation processes of shyudan ishiki within its individual elements and the phenomenon as a whole the socio-philosophical analysis had held. In addition, we revealed the factors of transformational influence. An overall assessment of the processes provides in terms of sustainability and sustainable development of modern Japanese society.

Key words: *group consciousness, shyudan ishiki, transformation processes, Japanese society, globalization.*

Современный мир претерпевает идеологический переворот, когда в качестве духовной основы общества выдвигаются неолиберальные ценности, постепенно вытесняя ценности иного рода. Японское общество по-своему отвечает на угрозы и вызовы современности, стараясь сохранить свою социокультурную идентичность и социальную стабильность.

Вопрос японского группового сознания довольно специфичен в силу своей многогранности: одни исследователи видят в нем одну из специфических форм коллективизма, иные акцентируют внимание на культурно-цивилизационном аспекте.

Групповое сознание (*сюдан исики*) и по наши дни является устойчивой социокультурной основой японского общества. Это одно из знаковых явлений, оказывающее влияние на все аспекты его существования. Сами японцы воспринимают этот элемент их ментальной культуры как фундаментальную ценность, определяющую способность социальной системы Японии к развитию и устойчивости. Одновременно, групповое сознание, как явление японской культуры, в известной степени, подвижно и имеет способность к развитию вместе с самой социальной системой.

В связи с этим, можно выделить ряд трансформаций группового сознания в ходе исторического развития японского социума. Данные трансформации

обладают определенной спецификой, связанной с природой группового сознания японцев. Сюдан исики имеет комплексную корпоративную структуру. Оно состоит из относительно независимых элементов, имеющих функциональное взаимопроникновение, что позволяет при ослаблении одного из элементов сохранить общий социальный функционал группового сознания и обеспечить преемственность трансформационных процессов.

В последнее время все чаще звучат высказывания о разрушении традиционных японских ценностей и группового сознания в том числе, в пользу индивидуализма и иных неолиберальных ценностей. Речь идет о том, что при общем сохранении группового сознания в современном японском обществе, оно в целом начинает утрачивать свою актуальность, а трансформационные процессы как таковые представляют собой процессы деформации и распада.

Вместе с этим, существует и оптимистическая точка зрения о том, что современное японское общество представляет собой развитый социум современного типа с сохранением традиционных социокультурных доминант, группового сознания в том числе.

В данной работе делается попытка анализа современных трансформаций японского группового сознания, с целью оценки характера этих изменений.

На сегодняшний день рассматриваемая проблема является достаточно актуальной как для японских исследователей, так и для мирового японоведения в целом. Поскольку вопрос группового сознания и его трансформаций напрямую связан с актуальными проблемами: социально-экономического развития современной Японии и его издержками; консолидации японского общества; сохранения японской национальной идентичности; развития межкультурной коммуникации; сопротивления глобальным вызовам и угрозам; адаптивности и жизнеспособности японского социума; и др.

По трансформационным проблемам Японии существует достаточное количество философских и социологических исследований, посвященных таким вопросам как: трансформация общественных отношений (японской

молодежной среды, гендерные трансформации и др.), трансформация национальной идентичности и ценностных основ японского социума и т.д.

Концептуальное осмысление данных процессов имеется в работах известных японских социологов и социальных философов, таких как Такада Ясума, Симидзу Икутаро, Мацусита Кэйъити (доктрина «массового общества»), Томинага Кэнъити (индивидуализм и «теория социальных изменений»), Наконэ Тиэ (общество «вертикальной структуры»), Коганэ Ёсихиро («индустриальное общество японского типа») Ватануки Дзэдзи, Хидака Рокуро, Такахаси Акира, Като Хидэтоси, Сасаки Ияо и др. Также отметим отечественных исследователей изучающих вопрос трансформаций общественных отношений, ценностных основ японского социума: А.А. Михалева, М.Н. Корнилова, А.В. Мирча, Н.Н. Изотову и др; в контексте социальных трансформаций рассматривают японскую культуру Т.П. Григорьева, Д.Г. Главева, В.Н., Горегляд, Е.Л. Катасонова, М. А. Можейко и др.

Групповое сознание является основой японского общества, так как социальному поведению, образу мышления японцев характерна групповая интровертность, которая самими японцами считается глубинной и коренной особенностью психологии японской этнической общности и их общественной организации. Социальная структура японского общества представляет собой иерархическую вертикальную организацию, которая закрепляет модульную структуру существования человека в обществе, разделяя его жизнь на две относительно независимые, самостоятельные сферы: общественную и индивидуальную.

Баланс между этими сферами существования индивида смещен в пользу общественной, так как, последняя является залогом гармоничного существования и развития японского социума. Одним из результатов социализации японца в рамках группового сознания является его слабая восприимчивость к западной версии индивидуализма. Поэтому японцы, воспитывая в себе индивидуализм, или пытаясь проявить индивидуальное, личностное действуют в соответствии с уже ментально-заложенной моделью

группового сознания. Таким образом, мы можем говорить о том, что существует своя собственная, «японская форма индивидуализма». Примером этого могут быть разнообразные типы субкультуры, порожденные современным японским индивидуализмом и основанные на группизме.

Ключевым механизмом воспроизводства общественной сферы является групповое сознание, которое может пониматься и как устойчивый ментальный конструкт, закрепленный в цивилизационной системе, и выступать в качестве механизма рутинного социального обмена между общественными элементами с помощью которого воспроизводятся устойчивые формы социальных взаимоотношений, такие как *ути – сото*, *амаэ*, *сэмпай – кохай*, *система иэ*, *гири*, *хоннэ – татэмаэ*, *хэдатару – надзиму* и т.д. В свою очередь, они регламентируют весь спектр социальных связей японского социума и напрямую влияют на содержание взаимоотношений.

Все эти традиционные формы социальных взаимоотношений находятся в системной взаимосвязи и составляют то, что принято называть японским группизмом или групповым сознанием. Из этих компонентов выстраивается система социальных функций, которые воспроизводит групповое сознание. Среди них можно выделить наиболее значимые функции: разделение мира на «свой» и «чужой»; определение границ личного и общественного; определение моделей межличностных отношений, физическую и психологическую дистанцию между индивидуумами; построение системы зависимости между социальными элементами и отношений долженствования между ними; установление иерархичности и т.д.

Групповая логика японцев считается национальным свойством и проявляется в самых различных аспектах жизни японцев. Поэтому в японском обществе индивиды, в первую очередь, ориентируются на интересы своей группы и уделяют групповой гармонии больше внимания, чем индивидуальным устремлениям. По этой причине следование групповым ценностям сообщества, к которому они принадлежат считается не просто добродетелью, а залогом выживания индивида. Такая преданность группе порождает чувство единства и

солидарности. Члены группы создают свой собственный социальный кодекс поведения, не нарушая общепринятых принципов, механизмов и форм, воспроизводимых групповым сознанием.

В свое время такое явление как «японское экономическое чудо» стало возможно именно благодаря этой ментальной особенности японского социума. Развитие буржуазной экономики, основанной на индивидуализме и предпринимательстве, происходило с позиции коллективного сознания, когда бизнес был ориентирован не на индивидуальную прибыль, а на достижение максимальных результатов для японского общества – идея предпринимательства носит государственный характер. Так, например, в Японии произошло глобальное свертывание экономически успешной сталелитейной промышленности в пользу перехода экономики на новые энергосберегающие рельсы.

Япония, двигаясь в своем развитии по западноевропейскому пути, имеет иной характер по сравнению с Западной Европой, поскольку западная модель столкнулась с совершенно иной культурной средой – в условиях различных культур происходит различное социально-экономическое развитие. В трактовке Ёсихиро Коганэ своеобразие той или иной культуры заключается в том, что в различных культурах следуют различному образу действий и имеется свой собственный «духовный климат». [Михалев, 2001, с. 134]

Японское общество не раз подвергалось трансформации, корни современных общественных трансформационных процессов просматриваются в период Мэйдзи, когда начинает формироваться современное японское общество, в послевоенное время, в 70-е годы XX века, когда происходил переход от индустриального общества к постиндустриальному, и в наши дни под влиянием процессов глобализации.

Таким образом, в истории Японии можно выделить четыре основных периода, связанных с процессами интернационализации и социальными трансформациями, которые приводили к переосмыслению японским обществом своей идентичности, социокультурных ценностей и трансформации группового

сознания: 1. период Мэйдзи (1868—1912 гг.); 2. послевоенный период (американской оккупации 1945-1952 гг.) – когда нарушается иерархия механизмов сакрализации ценностей, этот период – яркий пример навязывания японскому обществу западной ценностной и институциональной структуры (проамериканская конституция 1947 года). 3. менеджериальная революция (70 гг.) 4. современный этап глобализации (конец 90-х гг. по настоящее время), период, когда японское общество вновь оказалось перед необходимостью противостоять вызовам глобализации, к которым оно не было готово. Встала проблема приспособления к проникновению западных ценностей и сохранения своей самоидентификации.

Групповое сознание, как и многие другие социально-культурные доминанты, претерпевает ряд трансформаций, вызванных угрозами и вызовами современности, доминированием натурализма и индивидуализма в развитых обществах.

Действительно, в японском обществе имеют место признаки того, что групповое сознание начинает утрачивать свою актуальность, что вполне может свидетельствовать о процессах его деформации и распада. Так ряд каналов связи между социальными элементами в рамках группового сознания утрачивается за счет опосредованности многих задач современного социального развития и воспроизводства государством и его институтами – с одной стороны, и значительным ускорением темпов социально-экономического производства в японском обществе – с другой.

Остается все меньше места для воспроизводства рутинных социальных отношений группового сознания, отвечающих за артикуляцию общезначимых социальных интересов и норм, а также систем отношений в кризисных ситуациях адаптационных и консолидационных механизмов. Этому объективно способствует процесс старения общества Японии наряду с растущей иммиграцией и привлечением иностранных граждан в традиционно японские сферы жизни общества. Социальная дезориентация в отношении целей существования. С утратой ряда традиционных социальных связей теряются

некоторые каналы воспроизводства группового сознания, что позволяет говорить о некой редукции группового сознания в целом.

В современном японском обществе прослеживается значительная рефлексия по поводу социальных деформаций. Многие японские мыслители-обществоведы приходят к самым разнообразным выводам. Однако, многие из них придерживаются мнения об устойчивости социокультурных доминант, к которым относится сюдан исики – групповое сознание.

Вместе с тем мы можем также свидетельствовать и о трансформационных, положительных для группового сознания процессах, позволяющих ему адаптироваться к современным условиям и создать новую модель социальных взаимосвязей.

В итоге, рассмотрев некоторые примеры трансформационных процессов японского группового сознания и их осмысление в современном японском обществе, можно сделать следующие выводы:

- критическая масса ценностных трансформационных процессов в японском обществе нарастает;

- сами традиционные механизмы актуализации ценностей в условиях глобализации и давления неолиберальной системы ценностей начинают воспроизводить новый ряд ценностей, отличных как от традиционных, так и от современных глобальных, что зачастую приводит к различным формам негативных социальных деформаций и становления девиации в качестве новых социальных норм;

- также можно сделать вывод о том, что японская социальная система с ее групповым сознанием, сохраняя свою устойчивость, теряет ряд механизмов воспроизводства, в результате чего происходит выпадение цепочек социальных взаимосвязей, адекватно выполнявших свои функции в течение многих веков и сохранявших свою актуальность вплоть до наших дней;

- важно подчеркнуть, что в современном японском обществе идет процесс осмысления трансформационных процессов, связанных с групповым сознанием, и он далеко неоднозначен. Имеет место и как наивно-позитивная, так и

негативная саморефлексия. Такой широкий спектр мнений, неустойчивость и полярность позиций различных японских мыслителей говорят об определенной растерянности относительно будущего японского общества.

Библиографический список

1. Герасимова, М.П. Духовный портрет японского общества [Электронный ресурс]. – PDF / М.П. Герасимова // Портрет современного японского общества: Кол. Монография / Э.В. Молодякова и др. – Москва : АИРО–XXI, 2006. – с. 242-257.
2. Изотова, Н.Н. Проблема трансформации системы ценностей в современном японском обществе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/izotova.pdf>. (дата обращения: 19.08.2014).
3. Михалев, А.А. Япония: социальная рефлексия в модернизированном обществе (50-70 гг. XX столетия) [Электронный ресурс]. – PDF / А.А. Михалев; ИФ РАН. – Москва, 2001.
Худякова, Н.Л. Производство как субстанция общества [Текст] / Н.Л. Худякова // Вестник ЧелГУ: философия, социология, культурология, выпуск 31, №38 (329), – 2013. – с. 24-29.

Д.М. Смолова (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт

ПОВТОР В ГРАММАТОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Целью статьи является рассмотрение функционирования феномена повтора (пликации) в знаках китайской идеографической письменности: особенностей его проявления в структуре логограммы, особенностей семантических реляций плицированных элементов, механизмов их метафорического взаимодействия в рамках логограммы.

***Ключевые слова:** пликация; повтор; китайская логограмма; грамматолого-семантический аспект.*

D.M. Smolova (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

GRAMMATOLOGICAL AND SEMANTIC ASPECT OF THE REPETITION

The purpose of this article is to consider a linguistic phenomenon of repetition (plication) represented in and by Chinese logogram: it's structural peculiarities, semantic relations amongst plicated elements, metaphoric interactions of plicated and non-plicated elements within logogram.

Key words: *placation; repetition; Chinese logogram; grammarology; semantic.*

Разногласия и расхождения во мнениях относительно определения, природы и статуса явления редупликации в языковой системе происходят по причине того, что данный объект исследования изучается лингвистами в разных языках мира и в разных аспектах с использованием многообразных подходов. Само представление о пликации как повторе «звукового комплекса, передающего определенный смысл» [9:469 – 472.] не учитывает особенностей языков с идеографическим типом письма, в которых пликативные процессы могут проходить на грамматологическом уровне, репрезентируясь в семантике письменных знаков и не сводясь лишь к звуковому аспекту функционирования повтора как одного из «кодирующих средств морфологии», обладающего «ярко выраженным иконическим характером» и выражающего такие значения, как «множественность объектов, повторяемость событий, большую степень проявления признака». [4] Применительность для характеристики механизмов функционирования повтора критерия иконичности возводит феномен повтора в сферу «когнитивные структуры – язык» в качестве отражения определенных когнитивных структур. Рассмотрение феномена повтора как знака помогает реконструировать когнитивные процессы и структуры, наличествующие и происходящие в языковом сознании. Феномен повтора, таким образом, может рассматриваться как основная дополнительность (по Нильсу Бору), формирующая представление о функционировании механизмов мышления и концептуализации, а языковая форма, его репрезентирующая, «знак языка как имя мира» [10:8] - как манифестант этноязыкового сознания.

Таким образом, отвлеченная от типологической и генеологической тождественности языков, пликация может выражать только определенные лингвистические категории. Эти категории могут быть лексическими, грамматическими и стилистическими.

Феномен повтора как структурно-семантического образования, способного пролить свет на когнитивные механизмы, требует исследования материалов не только языков, характеризующихся фонографичностью письма, но и языков письменности идеографического порядка, в которых иконичность исследуемого феномена проявляет дополнительный уровень своей реализации в силу характерных особенностей идеографических письменных знаков.

Рассмотрение грамматолого-семантического аспекта повтора как способа образования письменных знаков, позволяет дополнить картину функционирования повтора как явления смысло- и знакопорождения, опирающегося на внутреннюю синтагматику, имманентную идеографичности как репрезентации акта номинации, тождественного акту познания.

Под повтором (пликацией), взятом в аспекте грамматолого-семантическом, мы понимаем двух- и более кратное повторение простых значимых элементов (логограмм-монономов) в рамках сложного знака (логограммы-полинома). Повтор в рамках знака происходит на фоне наличия или отсутствия неплицированных элементов, что, в свою очередь, дает основания для выделения бинарной оппозиции, а именно, знаков с отсутствующим неплицированным элементом (знаки простого повтора) и знаков с наличествующим одним (или более) неплицированным элементом (знаки осложненного повтора). Знаки этих двух групп требуют характеристики входящих в них логограмм-полиномов с позиций «графико-комбинаторного» (О.М.Готлиб [2:48]) и грамматолого-семантического описания реляций составляющих их логограмм-монономов. Графическая комбинаторика описывает таксономические и пространственно-графические варианты расположения простых знаков в рамках сложного.

В количественном отношении, среди знаков простого повтора можно выделить: дубликацию (林, 炎, 卍, 从, 羽, 皃, 珎), три- и более пликацию (磊, 姦, 卅, 森, 焱, 犇, 彗). Знаки осложненного повтора классифицируются нами в соответствии с количеством неплицированных значимых элементов. Так, можно выделить: логограммы-полиномы с одним (壘, 辮) и двумя (懼) неплицированными элементами, знаки двойной (亘) и тройной (囍) пликации.

Являясь знаками идеографического типа письма, логограммы-полиномы, имеющие в своем составе повтор значимых элементов, должны быть исследованы с позиций семантических реляций этих значимых элементов в рамках знака. При этом мы рассматриваем логограмму-полином как новый знак, семантически коррелирующий с семантикой простых знаков в его составе. В некоторых случаях, семантическое коррелирование пойдет по пути диссипации (рассеивания или полной потери семантической связи с исходным элементом), в иных же случаях, мы получим своего рода «средоточие значимости» [3:65], при котором семантика «не расширяется, а спрессовывается, сводится в одну точку. В этом процессе отфильтровывается некая сущность, некий экстракт, который и выводится в «значение». Весь свет концентрируется в одной точке, в фокусе значения, в то время как все, лежащее за пределами фокуса языкового понятия, как бы остается невидимым» [там же]. В фокус значения знака-повтора входят дифференциальные семы исходного знака, на основе которых формируется некая «совокупность суждения», происходит семантическая конъюнкция, результатом которой становится новый знак, с присущим ему новым значением и смыслом.

Так, мы выделяем следующие виды семантических реляций простых знаков в рамках сложного:

1) Семантическое сложение. Лексическое значение логограмм-полиномов легко прочитывается как сумма значений их составляющих: 卅 *тридцать* (десять+десять+десять), 皃 *двести* (сто+сто), 𡿨 *две горы* (гора+гора),

孖 близнецы (ребенок+ребенок), 珏 парные самоцветы (яшма+яшма), 三 si четыре (один+один+один+один), 勗 объединить усилия (сила+сила+сила), 湄 две реки (река+река), 雝 пара птиц (птица+птица), 鱖 鮠 пара рыб (рыба+рыба), 畺 два смежных поля (поле+поле), 牲 парно расти (росток+росток).

2) Недеференцированная множественность. 隳 стая птиц, 磊 гряда камней, 羸 табун лошадей, 薶 заросли, 毳 подшерсток, 林 лес, 森 чаща, тайга, 淼 водная ширь, 絲 ткань, 众 толпа, 彙 родники, 蟲 насекомые, змеи.

3) Интенсификация признака. Может проходить по пути непосредственной конъюнкции смыслов (晶 молочно-белый, 赫 огненно-красный, пламенеющий, 颯 сильный ветер, ураган) или конституироваться из тех признаков, которые выделяют предмет или живое существо, по природе своей такие знаки являются субстантивной метафорой. «Субстантивная метафора, будучи по форме таксономической, осуществляет акт характеризующей предикации: «материя» исчезает, остаются воплощенные в образе признаки. Метафора учит <...> извлекать признаки из предмета, превращать мир предметов в мир смыслов.» [8:18]. Например, 羸 широкий (в диаметре), толстый, ветвистый (олень+олень+олень), 羴 вонючий (козел+козел+козел), 晶 ослепительный, сверкающий (солнце+солнце+солнце), 鱻 хian свежий (о рыбе), свежатина, 弜 тугой (лук+лук), 圭 высокий, крутой, отвесный (земля+земля+земля), 犖 быстрый, спешный (собака+собака+собака).

4) Метафора «со-действия» [7:165]. Семантика знака-полинома как результат взаимодействия системы импликаций метафорического выражения знаков-монономов. (犇 мчаться, спасаться бегством (корова+корова+корова), 鑫 счастливый знак для имен собственных, намекающий на богатство и процветание (золото+золото+золото), 𠵼 громко разговаривать, кричать (рот+рот), 姦 коварство, разврат, обман (женщина+женщина+женщина),

棘 тернии, невзгоды, страдания (колючка+колючка), 睨 смотреть друг на друга (смотреть+смотреть), 詭 спорить, состязаться в красноречии (речь+речь), 孖 иметь честь (сын+сын+сын), 聾 шептать, шепот (ухо+ухо+ухо), 轟 вздыматься, возвышаться (прямо+прямо+прямо), 忪 пребывать в смятении, в рассеянности (сердце+сердце+сердце), 从 следовать за, быть последователем (человек+человек), 焱 яркий, талантливый (огонь+огонь+огонь), 森 темный (дерево+дерево+дерево), 鬍 яркий, блистательный (месяц+месяц+месяц+месяц).

Как уже отмечалось выше, семантическое взаимодействие между знаком-повтором и его составляющими значимыми элементами может проходить по пути диссипации семантики. Среди такого рода знаков мы можем выделить знаки квазиповтора, в которых плицированные элементы утратили (или же изначально не имели) семантическую связь с семантикой элемента плицирования (多 много, довольно, почаще (вечер+вечер), 品 вещь, товар, предмет (рот+рот+рот), 𣎵 сказочное дерево, за которое заходит солнце, 𣎵 шивать, сметывать). В данном случае мы имеем дело с исключительно графической функцией повтора.

На уровне сложного повтора классификация знаков может быть проведена в соответствии с количеством неплицированных значимых элементов. Так, мы выделяем знаки с одним неплицированным элементом (弼, 奭, 戇), среди которых, в свою очередь, можно выделить знаки в режиме 1+дупликация (班, 哭, 翁, 穉 и др.), 1+трипликация (疊, 備 и др.), 1+квадропликация (𪛗, 掇 и др.); с двумя неплицированными элементами (偕, 缺); двойная пликация простая (置, 翡, 芻 и др.); двойная пликация осложненная (疆, 鬪, 𪛗 и др.); тройная пликация (關, 囍).

Анализ построения структуры исследуемых логограмм с точки зрения пространственных позиций составляющих его простых знаков дает нам следующие варианты:

На уровне простого повтора:

- 1) структура «верх-низ» (炎, 多, 畱, 棗, 芻, 三)
- 2) структура «лево-право» (比, 羽, 皃, 艸, 从, 弱, 林, 秝, 所, 祿, 聃)
- 3) структура «₂¹₃» (麤, 蠱, 磊, 毳, 焱, 森, 焱, 蠱, 淼, 彗, 聃, 轟)
- 4) структура «₃¹²₄» (𠂇, 崩, 爨, 焱, 龍龍龍, 林)

Анализ пространственных характеристик показал, что большая часть знаков простого повтора построена по структуре «лево-право».

На уровне сложного повтора структура знака анализируется с точки зрения расположения плицированных и неплицированных элементов по отношению друг к другу. Сказанное дает нам основания выделить следующие структуры:

- 1) структура «лево-право»: 𠂇, 林, 羽, 𠂇, 粥, 纵, 歛, 擣
- 2) структура «верх-низ»: 𠂇, 蠱, 翡, 崩, 𠂇, 瞿, 蠱
- 3) структура «внутренне-внешне»: 區, 幽, 芻, 爽, 麻, 夾
- 4) комбинированный тип: 榻, 歛, 淥, 煽, 擣

Как и в группе знаков простого повтора, количественное преимущество этой категории тоже есть знаки структуры «лево-право».

Исследование знаков сложной пликацией с позиции семантических реляций простых знаков в рамках сложного мыслится возможным лишь в случаях идеограмматического характера логограммы, т.к. символюграмматические знаки содержат элемент повтора лишь как фонетик. В рамках символюграмм повтор не выполняет лексическую функцию. В отличие от знаков простого повтора, где такое явление может быть названо окказиональным, у знаков осложненного повтора носит регулярный характер.

Но наряду с этим, среди знаков осложненного повтора можно обнаружить идеограммы и фоноидеограммы, в семантике которых прослеживается связь с семантикой знаков простой пликации и с семантикой элемента плицирования. Это свидетельствует о некоей общности метафорического значения, которое мы назовем метафорическим полем (метаполем). За фокус метафорического поля

принимается семантика элемента плицирования или семантика простого повтора. Фокусные знаки (элемент плицирования или простая пликация) в знаках осложненной пликации обретают новое значение, о котором нельзя сказать, что оно полностью совпадает со значением фокусного знака. Новый контекст, «рамка» метафоры (в терминологии М.Блэка [12:135]) вызывает расширение значения фокусного слова. «Рамка» метафоры словно говорит нам, «в каком направлении следует думать о знаке» [13:62]

Проецируя вышесказанное на логограмму-полином, мы обнаруживаем, что фокусная часть сложного знака – пликация, в то время как рамка знака – неплицированный элемент. Анализируя сложный знак с точки зрения метафоры, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного знака, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия.

В качестве примера возьмем ряд знаков 手 --- 弄--- 掰, 掰

Фокусом данного метафорического поля будет 手 «рука, умелец», таким образом, в процессе расширения фокуса будет происходить т.н. «смена контекста» [5:47]. В знаке 弄 присутствует фоновость «руки», но значение в целом более метафорично по отношению к «руке» - «карманный вор». На следующем этапе также происходит смена контекста, так, при возникновении семы «единства» (合) на фоне все той же семы «рука» происходит семантический сдвиг логограммы в сторону вспомогательного субъекта – семы «единства, объединения». 掰 – «обхватить обеими руками». И наоборот, при смене семантики вспомогательного субъекта с «единства» на «разделение» семантика целого знака также претерпевает значительные смысловые изменения: 掰 – «разламывать, разрывать».

Главный субъект знака, таким образом, служит т.н. фоном, а вспомогательный субъект позволяет «увидеть главный субъект в новой плоскости, иной системе связей» [6:136], где под влиянием вспомогательного субъекта отбираются и выделяются одни характеристики главного субъекта и нивелируются другие.

Взяв за фокус метаполя семантику простого повтора, например, знака 从 «следовать, идти к ряду, приближаться, стать последователем», можно проследить ее «работу» в семантике знаков сложной пликациии. Для наглядности приведем полный ряд знаков с этим значимым элементом:

从 --- 夾 --- 筴, 袂, 蛺, 莢, 浹, 枛, 硯, 狹, 陝, 峽, 俠, 鉞。

Так, знак 夾 имеет значение «сжимать, сдавливать, стискивать, зажимать с двух сторон». В продолжение семантической парадигмы: знак 筴 - «плетенка, частокол, ограда, палисад»; 袂 «двойной, на подкладке (о платье)»; 蛺 «бабочка»; 莢 «стручок, боб»; 浹 «пропитывать, увлажнять»; 枛 «палочки для еды»; 硯 «тесный, узкий»; 陝 (狹) «узкий, тесный, сжатый; дробный, частый»; 峽 «узкое место, теснина, ущелье», 俠 «молодежь, молодняк, сжимать, стискивать с двух сторон», 鉞 «щипцы, клешни, тиски, зажим». Как видно из приведенных примеров, все эти знаки объединены семьей «сдавливать», «с двух сторон».

С точки зрения количественной таксономии, большая часть знаков простой пликациии – дубликации и трипликации (около 50% и 48% соответственно); квадрапликационные логограммы редки и составляют около 2% от всего количества исследованных знаков простого повтора. В сложном повторе большинство знаков – знаки с одним неплицированным элементом.

Проведенный анализ семантических реляций простых знаков в рамках сложного знака показал, что для знаков простого повтора, которые преимущественно представлены идеограммами, характерен собственно-метафорический тип, т.е. значение целого всегда проистекает из значений составляющих и определенную метафорическую связь между ними. Большинство же знаков пликациии второго порядка – символограммы, среди которых в почти 80% случаев пликациии выполняет функцию фонетика и лишь 20% знаков содержат пликациии как детерминатив. Именно в отношении этих 20% механизм метафорического анализа, безусловно, работает.

Исследование механизмов смыслопорождения на примере знаков идеографического письма, осуществляющихся, в частности, путем повтора значимых элементов, способно пролить свет на доселе неизученную область исследования повтора как феномена. А именно, на его грамматолого-семантический аспект.

Библиографический список

1. Большой китайско-русский словарь [Текст]: в 4 т. / под ред. проф. И.М.Ошанина. – М.: Наука, 1983. – 4 т.
2. Готлиб, О.М. Китайская логограмма как сложный знак (к постановке вопроса) [Текст] // Китайское языкознание. Изолирующие языки. XI Международная конференция. – М.: Наука, 2002. – С. 47 – 56.
3. Кассирер, Э. Сила метафоры. статья из сб.Теория метафоры под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
4. Кибрик, А.Е. Статья «Иконичность» [Электронный ресурс]. 1. – Режим доступа URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/2eb909c9-cf2a-a2ed-75fd-9b11d2527ef7/1009209A.htm> (дата обращения 29.09.2014).
5. Корольков, В.О. О внеязыковом и внутрязыковом аспектах исследования метафоры [Текст] / В.О. Корольков. – М.: Ученые записки МГПИ иностранных языков, 1971. – 264 с.
6. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики [Текст] / А. Н. Леонтьев. – М.: [б.и.], 1981. – 340 с.
7. Макс Блэк. Метафора. Статья из сб. Теория метафоры. Под ред. Н.Д.Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с. – С.165.
8. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
9. Федяева, Е.В. Редупликация как одно из средств репрезентации неопределенного количества / Е.В. Федяева // Известия Российского Государственного Педагогического университета им. А.И. Герцена. Выпуск №73-1. - Санкт-Петербург, 2008. - С. 469.
10. Шишмарева, Т.Е. Опыт реконструкции языковой картины мира на основе древнего лексикографического источника [Электронный ресурс]: дис. канд. филол. наук: 10.02.19/ Т.Е. Шишмарёва. – Иркутск, 2008. – <http://www.lib/ua-ru>.
11. 现代汉语词典[文章] / 北京 : 商务印书馆出版社, 2000. - 1723 页.

12. Black, M. Models and Metaphor: studies in language and philosophy [Text] / M. Black // Ithaca, NY: Cornell University Press, 1962. – 378p.

White, H. Historical Text as Literary Artifact [Text] / H. White // The Writing History. Literary Form and Historical Understanding / Ed. by B. H. Canary and H. Kozicki // The University of Wisconsin Press, 1978. – 241 p.

С.В. Стефановская (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

ЗНАК ХУ «胡» В СЕМАНТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

В данной статье описывается китайская пространственная модель мира в доконфуцианскую и конфуцианскую эпохи; формулируются «внешние и внутренние признаки варварства», а также уточняются исторические этапы становления китайского этноса, находящие свое отражение в изменении семантики знака 胡 (Ху), ассоциирующегося в китайском языковом сознании с собирательным образом «варваров».

***Ключевые слова:** лингвокультурология, знак Ху (胡), семантика, словообразование, этноцентризм, китайский этнос, варвары, конфуцианское мировоззрение*

S.V. Stefanovskaya (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

THE CHARACTER HU “胡” IN SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL ASPECTS

This article describes the Chinese spatial model of the world in prior to Confucian and Confucian era; formulates "internal and external signs of barbarism" and clarifies the historical stages of development of the Chinese ethnic group, which is reflected in the change of semantics

sign 胡 (Hu), and the sign is associated in the minds of the Chinese language with the collective image of the «barbarians».

Key words: cultural linguistics, sign 胡 (Hu), semantics, derivation, ethnocentrism, Chinese ethnicity, barbarians, Confucian world view

Лингвокультурологическое исследование соответствует общей тенденции современной лингвистики – переходу от лингвистики «имманентной», структурной, к лингвистике антропологической, рассматривающей явления языка в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью [Постовалова, 8].

Язык тесно связан с культурой: он «прорастает» в нее, выражает ее, «является обязательной предпосылкой развития культуры в целом» [Сепир, 223] и, наконец, составляет важную часть культуры народа, живущего в определенное время и в определенном месте.

Предметом настоящего исследования являются факты взаимовлияния культуры и языка, находящие то или иное отражение в словообразовании и семантике знака Ху (胡). С целью проследить каким образом становление китайского этноса отражалось на эволюции семантики знака Ху (胡), мы обратились к историческим хроникам, описывающим доконфуцианское представление китайцев о мире.

Традиционная китайская историография исходила в целом из априорного тезиса о том, что китайцы (или их предки) всегда существовали на той территории, которую они занимали в последующие периоды своей истории. Земля, в понимании древних китайцев, представляла собой форму квадрата, в центре которого находился Китай с главным городом Шан (商), вокруг располагались земли, различавшиеся по сторонам света и признававшие верховную власть шанского правителя [Васильев 1998, с. 223].

Укреплению представлений о Китае как центре Вселенной, а о его правителе как о человеке, обладающем божественными силами, способствовало и географическое положение. Отгороженный от остального мира естественными преградами (реками, горами), Китай по своему местоположению напоминал

«Срединное государство». «Центром был плодородный Китай: на севере — голые степи, на востоке — безбрежное море, на западе — величайшая в мире горная система, к югу — тропические джунгли. В таких условиях китайцы создали цивилизацию, которая почти ничего не почерпнула от контактов с каким-либо другим народом и не имела связей ни с одним народом, находящимся с ними на одинаковой стадии развития» [Васильев 1995, с. 215]. Истоки формирования китайского этноцентризма можно проследить уже на ранних этапах становления китайского этноса. В основе лежало представление китайцев об «избранности» и уникальности своей «природы», где под «природой» подразумевалась совокупность признаков, присущих каждой народности или этнической общности и определяющих ее своеобразие. Однако все что выходило за рамки «китайского своеобразия» в доконфуцианском мировоззрении считалось признаками «варварской природы». К числу таких признаков относились: употребление животной пищи; «дикий» внешний облик; «стадный» жизненный уклад; примитивный ритуал или его отсутствие; отсутствие «пяти человеческих качеств» (почтительного поведения, зрения, слуха, речи, мыслительных способностей).

Цивилизация (то есть китаизация) варваров осмыслялась в доконфуцианских трудах как искоренение данных признаков. «Цивилизация варваров есть изменение их облика, одежды; приобщение их к китайским обычаям» - отмечает в своем комментарии к «Ши цзи» (史记) Сюй Гуан (徐廣). С завершением этноконсолидационных процессов в эпоху Чунцю (春秋), и становлением китайской нации возникла необходимость в этнической самоидентификации. В представлениях хуа ся (华夏) об окружающем мире и населяющих его народах произошли изменения, которые нашли свое отражение в учении Конфуция [Малявин, с. 342].

На смену выделенными нами выше внешним признакам разграничения «цивилизация – варварство» у Конфуция приходят признаки внутренние –

духовные потенции личности. Для анализа духовных потенций как признаков цивилизованности в доктрине Конфуция выделяются 5 категории.

Жэнь (仁) — человеческое начало, милосердие, гуманность. И (义) — правда, справедливость. Ли (礼) — буквально обычай, обряд, ритуал. Чжи (智) — благоразумие, мудрость, рассудительность. Синь (信) — искренность, непринуждённость и добросовестность. Носителем реализованных духовных потенций в учении Конфуция является идеал человека – благородный муж цзюньцзы (君子). Именно эти потенции и выступили у Конфуция признаками цивилизованности и культурности в целом.

В учении Конфуция изменяется система признаков «цивилизованной» и «варварской природы» человека. На ранних этапах развития общественного сознания свое отличие от «дикарей» предки китайцев видели во внешних признаках: пище, одежде и т. д. У Конфуция как уникальные проявления «цивилизованной китайской природы» стали восприниматься внутренние духовные потенции, реализовавшиеся в личности цзюньцзы (君子) и пяти его обязательных качествах.

В конфуцианской модели земли только Чжунго (中国) есть Поднебесная, а земли «диких варваров» уже не являются частью Поднебесной. «Великое Небо источает свою благую силу только на те земли, которые оно покрывает. А на этих землях расположено только Срединное государство». С эпохи Чунцю земли варваров (春秋) воспринимаются как ориентированные по четырем основным сторонам света – И (夷), Ди (狄), Мань (蛮), Жун (戎). Узнать немного об этих народах можно из текста, дошедшего до нас в трактате «Лицзи»:

«Живущие на востоке называются 夷 (И); они не расчесывают волос и разрисовывают тело, некоторые из них не употребляют огня для приготовления пищи. Живущие на юге называются 蛮 (Мань); они делают надрезы на лбу и сидят скрестив ноги, некоторые из них не употребляют в пищу хлебных злаков.

Живущие на западе называются 戎 (Жун); они ходят с распущенными волосами и одеваются в шкуры, некоторые из них не употребляют в пищу хлебных злаков. Живущие на севере называются 狄 (Ди); они одеваются в перья, живут в землянках, некоторые из них не употребляют в пищу хлебных злаков» [Крюков, Софронов, Чебоксаров, с. 114].

Чуть позже появляется еще один собирательный образ «варваров», а именно кочевых племен севера, обозначаемый знаком Ху (胡). Изначально данным знаком обозначался только зарождающийся протомонгольский этнос Хунну, но позже Ху стало собирательным названием всех северных кочевых племен.

Мы сочли необходимым предварить свое исследование экскурсом в историю, для того, чтобы более четко представить, как сформировалось общее понятие «варваров» в китайской этнокультуре.

Обратимся непосредственно к семантике знака Ху «胡». Согласно Большому китайско-русскому словарю под ред. И. М. Ошанина (БКРС) знак 胡 обладает несколькими значениями:

I. (сущ. стар.) Северные иноплеменники (сюнну, монголы, тюрки); чужеземные (варварские) племена; чужестранный; варварский; *II. (прил./наречие)* Безрассудный, непродуманный; сумбурный, произвольный; безрассудно; *III. (служ. слово)* Вопросительное местоимение старого литературного языка: что?, какой?, как? *IV. (прил.)* Долгий; вечный; долговечный *V. (тк. в соч.)* Борода; усы.

Знак 胡 состоит из двух частей: 古 gǔ – древний, старый (фонетический маркер), и 肉 ròu – мясо (семантический маркер), в словаре «说文解字» одно из первых значений знака 胡 – «подгрудок (у быка)». Очевидно, что в этимологии знака, как и в первом значении, не прослеживается логической связи с его употреблением для обозначения «варварского». Семантика знака Ху (胡) прошла долгий путь развития. Чтобы проследить эволюцию значения на основании анализа словарных статей таких словарей как: «现代汉语词典», «汉

语大字典», «汉语大词典», «辞海», «辞源», «Большой китайско-русский словарь под редакцией И.М. Ошанина», «汉语成语词典», «中国大百科全书», нами было отобрано более 250 лексических единиц, содержащих знак Ху (胡).

С точки зрения словообразования всю лексику представилось целесообразным поделить на четыре группы. Первая группа представлена следующим списком: 胡+名词 (Ху + сущ.): 胡琴 *хуцинь, китайская скрипка*, 胡桃 *грецкий орех*, 胡椒 *перец чёрный*, 胡瓜 *огурец*, 胡豆 *горох; бобы*, 胡马 *монгольская лошадь, лошадь северных народов*, 胡风 *варварские обычаи; инородный, чужой*, 胡人 *северные инородцы*, 胡床 *складная кровать, верёвочная койка; гамак*, 胡饼 *лаваш, печёная лепёшка*

Вторая группа: 胡+动词 (Ху + гл.): 胡扯 *нести чепуху, болтать пустое*, 胡搅 *зря шуметь, попусту скандалить*; 胡吹 *хвастаться, бахвалиться*; 胡乱 *кое-как, наспех, как попало, наобум*, 胡闹 *скандалить; беспричинно шуметь, затевать ссору*, 胡说 *болтать вздор, городить чушь*; 胡诌 *нести всякую чушь, болтать что приходит в голову*, 胡侃 *болтать ерунду; пустословить*.

Третья группа: 三字格的词组 (лексические единицы состоящие из трех знаков): 胡支对 *как попало отвечать на вопросы*, 胡画拉、胡瓜答, 胡罗惹 *втягивать, впутывать, запутывать*, 胡打嚷 *кричать, орать; шуметь*; 胡言语 *общее название языков северных и северо-западных народов*, 胡弄局 *использовать мошеннические приемы что бы обманывать людей*, 胡厮哄 *болтать пустое, нести чушь*; 胡遮刺 *втягивать, впутывать, запутывать*, 胡铺搭 *болтать все что взбрдет на язык*.

Четвертая группа: 四字格的词组 (Четырехсложные идиоматические выражения со знаком Ху) 胡搅蛮缠 *зря кричать; скандалить*; 胡说乱道 *говорить ерунду, нести вздор*; 胡思乱想 *предаваться пустым мечтаниям, увлекаться бесплодными идеями*, 胡作非为 *самодурствовать, своевольничать; безобразничать*, 胡言汉语 *болтать глупости, сочинять небылицы*, 胡言乱语

говорить ерунду, нести вздор, нести чушь, 胡吃海喝 есть и пить вдоволь; кутить напропалую; 胡诌八扯 нести всякую чушь, болтать, что приходит в голову; 胡走油飞 бесцельно блуждать.

Обратимся подробнее к каждой группе лексики. Согласно словарю «西北民族词典» во время династии Западная Хань, знаком Ху преимущественно обозначалось племя Сюнну (Хунну), но позже значение знака постепенно расширилось, и им стали обозначаться и другие народности северного и западного регионов. Существует множество теорий, поясняющих выбор знака Ху (胡) для обозначения племени. По одной из них, племя Хунну на своем языке называло себя как ghua (n)(a), а в индийских источниках название племени звучало как Huna. Римляне называли этот народ как Hunni или Chuni. Можно предположить, что знак Ху (胡) был выбран для обозначения племени Хунну с точки зрения фонетической составляющей.

В китайской историографии Хунну появляются не ранее V века до н. э., когда их набеги на оседлое население Северного Китая побудили китайцев начать строительство отдельных укреплений, которые впоследствии были объединены в Великую китайскую стену. Угроза со стороны хунну усилилась в III в., когда кочевники образовали мощный племенной союз во главе с правителем-шаньюем. Хуннуская держава покрывала значительную часть Монголии и Южной Сибири, простираясь от Маньчжурии на востоке до Памира на западе. Строительство Великой китайской стены было призвано обезопасить северные пределы Китая от хунну, но задача эта не была решена полностью. Китайские правители пытались склонить кочевников к китайскому образу жизни богатыми дарами и дипломатией, многие китайские принцессы были отданы в брак хуннским вождям. Племя Хунну на данном историческом этапе стало неотъемлемой частью внешней политики ханьского государства, что повлияло на расширение культурного обмена между двумя народами, и, со временем, все больше и больше вещей созданных на севере, стали проникать в срединное

государство. Вследствие такого обмена, возник целый пласт лексики со знаком Ху (胡).

Большинство слов из первой группы образованы при помощи атрибутивной связи, по следующей схеме – «胡+名词» «Знак Ху + существительное». Ниже приведены несколько примеров: 胡笳: *Тростниковая флейта, музыкальный инструмент народов севера Китая.* 胡床: *Складной стул, кресло.* 胡马: *Монгольская лошадь, лошадь северных народов (также обр. в знач.: всадники северных народов, войско северных кочевников); 《胡马依北风》 - монгольская лошадь любит северный ветер (обр. в знач.: тосковать по родине, стремиться на родину)* 胡饼 *Лаваш, пресный белый хлеб в виде тонкой лепёшки из пшеничной муки, распространён преимущественно у народов Кавказа и Ближнего Востока.*

В данном списке семантика знака Ху (胡) в общем значении слов отражает ранние культурные контакты между китайцами и народами севера (преимущественно Хунну), либо же содержит сему «чужеземный; пришедший из-за границы» в словах более позднего происхождения.

Следует отметить, что в данную группу также вошли названия разного рода растений, насекомых и животных, семантика знака Ху (胡) в которых не прослеживается однозначно: 胡獾 *барсук*, 胡蜂 *оса*, 胡蟬 *цикада*, 胡芥 *горчица сарептская*, 胡楊 *тополь*, 胡瓜 *огурец*, 胡蝶 *мотылек*, 胡菜 *капуста полевая*, 胡螽 *муза*, 胡狼 *шакал*. Можно лишь предположить, что например, в слове 胡狼 – *шакал*, этот знак указывает на «чужеземное» происхождение данного животного, так как на территории современного Китая оно не обитает. В другом примере, 胡蒜 – *дикий чеснок*, анализируемый знак, возможно, означает «дикорастущий», так как данный вид растения распространён по всему миру.

Следующая группа слов со знаком 胡, образованных по схеме «胡+动词» предположительно, появилась намного позже первой. В книгах и словарях

династии Восточная Хань (东汉) очень редко встречаются слова, образованные по данной конструкции. В последующие династии, вплоть до Сун (宋代), в Китае происходит множество культурных событий. В первую очередь, это интенсивное проникновение буддизма, сопровождающееся заимствованиями практически во всех областях духовной культуры: живописи, архитектуре, музыке, литературе, астрономии, математике, медицине. Первые контакты китайцев с народами корейского полуострова приводят к заимствованию древними когуресцами китайской иероглифики и буддизма. Через Корейский полуостров иероглифика и буддизм проникают на Японские острова. За этот период изобретены бумага и компас, создан всеобъемлющий свод «Исторические записки» (史记). Именно в этот период времени начинается процесс ассимиляции северных племен.

В начале IV века Китай подвергается нашествию кочевников — сунну (гуннов), сяньбийцев, цянов, цзе и др. После появления кочевников, с одной стороны, происходит варваризация образа жизни оседлых китайцев — разгул жестокости, произвола, массовых убийств, нестабильности, казней и бесконечных переворотов. А с другой стороны, пришельцы-кочевники активно стремятся использовать китайский опыт управления и китайскую культуру для стабилизации и упрочения своей власти — мощь китайской конфуцианской цивилизации в конечном счёте гасит волны нашествий варварских племён, которые подвергаются китаизации. К концу VI века потомки кочевников практически полностью ассимилируются с китайцами.

Хотя процесс ассимиляции был запущен, осевшие кочевые народы не могли полностью отказаться от своих традиций и образа жизни, поэтому, перенимая культуру древних китайцев, они сохраняли свои культурные традиции. К примеру, северяне запахивали халат налево, чем вызывали недовольство и непонимание ханьцев, которые запахивали халат направо. В рационе кочевых племен присутствовали молочные продукты (простокваша, сыр, масло) у древних же китайцев эта пища вызывала не только отвращение, но и

физические муки. Северяне говорили на китайском, но с заметными особенностями родного языка. Все это приводило к непониманию и недовольству древних китайцев по отношению к поведению «варваров», которые стали перенимать китайскую культуру. Результатом послужило появление новой лексики. На этом этапе предыдущая словообразовательная конструкция «胡 + 名词» (чаще всего вещественное существительное) преобразовалось в конструкцию типа «胡 + 动词» Знак Ху + глагол, либо абстрактное существительное»: 胡语 – *общее название языков северных и северо-западных народов*; 胡闹 – *скандалить; беспричинно шуметь, безобразничать; затевать ссору*; 胡侃 – *болтать ерунду; пустословить*; 胡乱 – *кое-как, наспех, как попало, наобум*; 胡诌 – *нести всякую чушь, болтать что приходит в голову*; 胡扯 – *нести чепуху, болтать пустое*.

Большинство морфем в данной группе, за вычетом знака 胡 (Ху), обладают негативной коннотацией: 闹 nào: *有扰乱意义 шуметь, галдеть, орать; скандалить; браниться, ссориться; ругаться*; 侃 kǎn: *有不着边际胡拉乱扯义 болтать, судачить (侃个没完 болтать без конца)*; 乱 luàn: *指没有秩序, 没有条理, 也指任意、随便 беспорядочный, сумбурный; вульгарный; как попало, наобум; сумбурно; без разбора*; 诌 zhōu: *有编造言辞义 трепать языком; молоть; болтать [что попало]*; 扯 chě: *指漫无边际地闲谈 болтать, точить лясы*; и если знак 胡 сохраняет свое изначальное значение, то можно предположить следующее: 胡乱 = *像胡人一样地没有秩序, 没有条理* «Быть сумбурным и неорганизованным как северянин». 胡扯 = *像胡人一样地漫无边际地闲谈* «Бесконечно болтать, словно северянин» 胡诌 = *像胡人一样地编造言辞* «Рассказывать выдумки словно северянин».

В рамках данной словообразовательной конструкции знак Ху (胡), на наш взгляд, не несет негативной коннотации, а всего лишь указывает на культурные различия между «варварскими» народами и китайским этносом. Лексические

единицы, состоящие из трех знаков (三字格的词组), преимущественно появились в устном языке во времена династий Сун и Юань. Множество трехсложных слов со знаком Ху можно найти в словаре «宋元语言词典», а также в текстах традиционной юаньской драмы. Например, в классической пьесе юаньской эпохи, написанной Гуань Ханьцином (ок.1210 - ок.1300) — «Обида Доу Э» (竇娥冤) есть следующая фраза: «不是妾讼庭上胡支对, 大人也却教我平白里说什么». 胡支对 = 像胡人一样地回答 «Отвечать на вопросы словно северянин». Но в данном контексте смысл слова можно определить как «Беспорядочно отвечать на вопросы; отвечать не попадая». Ниже приведены еще несколько примеров: 胡厮哄 *болтать пустое, нести чушь; чушь, вздор, чепуха, брехня*; 胡遮刺 *втягивать, впутывать, запутывать*; 胡铺搭 *болтать все что взбредет на язык*.

К данной группе лексики отнесены слова, в которых знак Ху (胡) содержит значение «борода, растительность на лице», что также является признаком «варварства»: 马胡子 *разбойник, бандит*; 吹胡子 *гневиться, злиться*; 刮胡子 *брить бороду (усы)*.

В процессе анализа третьей группы было отмечено большое количество лексики, принадлежащей к северной группе диалектов китайского языка: 胡折腾 *создавать неприятности; мучить; докучать, мешать*; 胡搅和 *зря шуметь, попусту скандалить; производить беспорядок; мешать*; 胡日鬼 *накостить, безобразничать, хулиганить*; 胡咧咧 *болтать (вздор); говорить пустое*; 胡嘞嘞 *говорить; болтать*.

Существует гипотеза, что в словах: 胡咧咧, 胡嘞嘞, 胡咯咯, где 咧, 嘞, 咯 звучит как – lie, le, lo, зафиксировано подражание ретрофлексному дрожащему согласному звуку, присутствующему в языке северных кочевых племен. В китайской фонетической системе такой звук отсутствует, и китайцы не умеют произносить его правильно. Поэтому древние китайцы непонятную и

несвязную речь стали обозначать словами 胡咧咧, 胡嘞嘞, 胡咯咯, которые до сих пор довольно часто используются в диалектах.

В трехсложных лексических единицах можно проследить, что первоначальное значение знака Ху (*северные иноплеменники (сюнну, монголы, тюрки); чужеземные (варварские) племена; чужестранный; варварский*) практически уступило место значению «*безрассудный, непродуманный; сумбурный, произвольный*». Ранее было отмечено, что для конфуцианской философии того времени несоблюдение одного из основополагающих принципов, например ритуала (礼), рассматривалось как акт «некультурности» и «невежества». «Неправильное поведение варваров» могло стать причиной того, что в словообразовании нейтральное значение знака Ху (胡) – «северный; чужеземный» трансформировалось в негативно окрашенное – «сумбурно, как попало».

Начиная с этого исторического отрезка, знак Ху (胡) редко встречается при образовании новых слов со значением «чужестранный», но в своем измененном значении становится более обыденным и широко употребляется почти во всех северных диалектах.

Группа лексических единиц, состоящих из четырех знаков (四字格的词组) появляется в китайском языке уже после династии Сун (宋代). Пример первого использования знака Ху (胡) в рамках данной конструкции можно встретить в классическом китайском произведении «Путешествие на запад», например: «胡说乱道, 胡惊作怪» – *нести чушь и безобразничать*. Именно на этом этапе развития семантики знак начинает практически всегда нести негативную коннотацию: 胡言乱语 – *болтать пустое, нести чушь*, 胡思乱想 – *бросаться от одной мысли к другой, предаваться пустым мечтаньям*, 胡编乱造 – *выдумывать небылицы*, 胡穿乱戴 – *носить что попало, одеваться без вкуса*, 胡跳乱舞 – *неистово плясать, танцевать как попало*, 胡愁乱恨 – *злиться или впадать в грусть без причины*.

Единицы данной группы образованы по одной конструкции: 胡__乱__. В этой конструкции знак Ху (胡) становится синонимом знаку Луань (乱 – спутанный, запутанный; смешанный; беспорядочный, сумбурный; вульгарный), и используется для того, чтобы избежать повтора и украсить речь. Однако, среди идиоматических выражений со знаком Ху (胡) встречаются единицы, где его семантика все еще соответствует первичному значению «северный степной народ, чужестранный»: 胡越同舟 – Ху и Юэ в одной лодке. обр. в знач.: *забывать о распрях в минуту опасности, спланиваться перед лицом общей угрозы*; 胡马依风 – Монгольская лошадь любит северный ветер (обр. в знач.: *тосковать по родине*); 肝胆胡越 – быть совершенно различными (противоположными), как Ху и Юэ (Племена севера и юга).

Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. В нем воплощено своеобразие народа и национальное видение мира. Согласно концепции Э. Сепира – Б. Уорфа, структура языка и системная семантика его единиц коррелируют со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа. Анализируя изменения значения знака Ху, мы обратились к фактам культуры, психологии и мировидению китайского народа. Сквозь призму языка просматриваются особенности национального характера, стереотипы поведения, этические и моральные установки. Исследование лексики со знаком Ху (胡) продемонстрировало, что каждая из групп слов, содержащих данный знак, ассоциируется с определенным этапом становления и истории развития китайского этноса. Кроме того, каждая из групп – это новый виток эволюции семантики знака. Нами было отмечено, что в процессе исторического развития, в силу ряда причин значение знака Ху (胡) как словообразовательного элемента эволюционировало из относительно нейтрального «варвары севера; чужестранный» в несущее негативную коннотацию «сумбурно, хаотично, как попало».

Библиографический список

1. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. [Текст] / В.И. Постовалова. - М: Наука, 1988.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. [Текст] / Э. Сепир. - М., 1993. – 656 с.
3. Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. [Текст] / Л.С. Васильев. - М.: Восточная литература, 1998. – 319 с.
4. Васильев Л.С. Древний Китай [Текст] / Л.С. Васильев. - М: Восточная литература. Т.1. - 1995. -377 с.; Т.2. - 2000. -623 с.
5. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: Проблема этногенеза. [Текст] / М.В.Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. - М.: Наука, 1978. - 342 с.
6. Малявин В.В. Китайская цивилизация. [Текст] / В.В. Малявин. - М.: Изд-во Астрель; ООО Изд-во АСТ; ИПЦ "Дизайн. Информация. Картография", 2000. - 632 с.
7. БКРС – Большой китайско-русский словарь [Текст] / под ред. И. М. Ошанина, 4 т. – М. : Наука, 1983.

Сун Минь (Янтай)

ШАНДУНЬСКИЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА И ТЕХНОЛОГИЙ

Се Юймэй (Янтай)

ЯНТАЙСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

**СЛОЖНОСТИ И ИДЕИ О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Второй иностранный язык является обязательным предметом в колледжах и университетах, в которых к основным предметам относится иностранный язык. Существует большое количество проблем, касающихся преподавания русского языка как второго иностранного. В данной статье анализируется современное состояние и текущие проблемы. Также предлагается ряд способов преодоления данных сложностей в преподавании русского как второго иностранного в соответствии с требованиями многоязыкового сообщества 21 века.

Ключевые слова: *второй иностранный язык, способы преподавания, система управления*

Song Min (Yantai)

SHANDONG INSTITUTE OF BUSINESS AND TECHNOLOGY

Xie Yumei (Yantai)

YANTAI INDUSTRIAL AND TRADING TECHNICIAN INSTITUTE

PERPLEXITY AND THINKING ABOUT TEACHING RUSSIAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE OF HIGHER EDUCATION

The second foreign language is a compulsory course for foreign language majors in colleges and universities. In actual teaching, there exist many problems in teaching Russia as a second foreign language (RSFL). This paper presents the actual teaching situation and general problems. It also puts forward a series of countermeasures to foster RSFL to meet the requirements of the multi-lingual 21st century to foreign language talents.

***Key words:** the second foreign language; teaching modes; guidance system*

1.0 Introduction

The second foreign language is a compulsory course for foreign language majors in colleges and universities. In some universities, the second foreign language is Russia. In recent years, the Postgraduate Entrance Examination (PEE) is increasingly popular. For candidates of English majors, PEE is a necessity. Because of the limited Russian learning time, coupled with the troublesome language syntax, it is difficult to grasp Russia in a short period of time. So the poor (Russian) test scores become constraints for students to learn Russia. On the other hand, social environment and employment situation make the multilingual learning more and more prominent. As English has become a global language, to master one foreign language, especially English "monolingual" talent is no longer "the beloved" of talent market. The "complex language" talent with two or more foreign languages becomes the key target of the employer units. But in actual teaching, there exist many problems in teaching Russia as a second foreign language (RSFL), which are to be further explored and studied.

2.0 The status of Teaching Russia as a Second Foreign Language

2.1 No uniform standard, various curriculum positioning

Through analysis of the syllabus for English majors, it is evident the positioning of Russia as a second foreign language is diversified. In Department of Foreign Languages of East China Institute of Technology, Russian as a second foreign language is a compulsory public basic course for undergraduates. Most colleges and universities consider Russian as a compulsory specialized course for English majors, and some as a compulsory public course for English majors. There is one thing in common, that is, Russian is a required course for English majors in colleges and universities.

2.2. Variety of Teaching Objectives

Teaching Russian as a second foreign language is to cultivate basic reading, understanding and translation abilities. But colleges and universities throughout the country presents a diversified situation. In colleges and universities of foreign languages and comprehensive universities, RSFL develops into a minor major or an orientation. In Peking University, Capital Normal University, Shanghai International Studies University and Dalian University of Foreign Languages, they set up "English-Russian major" or "English-Russian orientation". Its objective is to cultivate students with a solid foundation of both English and Russian, a broad range of English and Russian culture and the proficiency in the use of English and Russian in foreign affairs, education, economy, trade, culture and other departments. But in most local universities, Russian teaching is in an awkward position in English major curriculum, and is ignored for most of the cases. The teaching objectives are quite different.

2.3. No unified standard of teaching plan

There is a huge difference of RSFL in total teaching hours, weekly hours, course semester and credits. Few universities open RSFL in the first year, usually in the second and third years. The length of time varies from a minimum of two semesters to three or four or five semesters. Total teaching hours range from 102, 136, 216, 244, 272 and 306 hours separately. Naturally, class hours are 2, 3, 4 and 6, and credits are 6, 8, 12 and 13. In general, teaching hours are not enough, but teaching tasks are relatively heavy.

2.4. Different Teaching requirements

There is no specified standard for pronunciation, vocabulary, grammar, reading, listening and speaking. The qualitative and quantitative grading standards of language basic skills and culture also present variety. Teaching content and teaching schedule are different. Course evaluation is simple and not conducive to improve the quality of teaching.

2.5 Obsolete teaching mode

In RSFL class, language-based traditional teaching methods are still popular, following the order of "grammar → vocabulary → dialogue → text → exercise". It emphasizes the completion of the teaching task, but rarely takes into account students' verbal ability. The medium of instruction is still "textbook + chalk + blackboard ". Multimedia and courseware are seldom used and audio-visual language input is ignored. This aging teaching method has formed a strong contrast with communicative task-based teaching. It fails to mobilize the enthusiasm of the students.

2.6 Boring textbooks

The textbooks are old-fashioned and out-of-date. The layout, color and illustration are dull and boring. The content is far behind the times. It is hard for students to learn about modern Russian life. They often feel baffled before the emerging new words, new meanings and new expressions.

2.7 Lack of learning motivation and learning environment

For most undergraduates, they do not like to learn Russian. One is because of the complexity of the Russian grammar itself. To master it, one needs to invest more time and energy. The second reason is due to the very limited teaching hours. Even if they spend more time, they won't reach the application level. The third is that learning Russian is not much useful in the future employment and job promotion. The fourth reason is that the learning environment is not ideal, such as the traditional teaching method and lack of new materials. Information resources are relatively limited, which greatly affect the students' enthusiasm and initiative to learn Russian. So most choose to give up Russian, satisfied in muddling through examinations.

For Russian majors, the Ministry of Education entrusts specialized committees to conduct macro guidance. They carry out research, consultation, evaluation, and etc. In addition, they regularly hold academic conferences. But there is no such similar institutions and organizations for RSFL.

3.0 Measures to strengthen RSFL

3.1 Raising awareness and strengthening RSFL

RSFL is an integral part of foreign language education, and it is a non-general foreign language. In August 1998, the Ministry of Education approved the implementation of the "Opinions on 21st Century Foreign Language undergraduate education reform", drafted by the College Foreign Language Teaching Committee. It says, "China's foreign language field faces an urgent task, that is, to make greater efforts to cultivate foreign language professionals, to protect non-universal foreign language, to broaden the knowledge of foreign language talents and to improve their abilities and qualities. ... We must make great endeavors to protect the non-universal language disciplines. It is necessary to take a series of effective measures, and to tilt towards the non-universal language in teacher training, professional and technical title appraisal, computing workload, and books and teaching equipments."

3.2 Implementing macro guidance mechanism

The Ministry of Education entrusts relevant authorities to regulate and manage RSFL. It can be considered to establish steering committees and research committees. They can organize and carry out the theory and practice research of second language teaching, and guide colleges and universities to construct teaching materials, to develop standardized curriculum or quality teaching standards, and to organize teaching seminars and information exchange.

3.3 Developing Curriculum Requirements

The syllabus or curriculum requirements are the basis to organize teaching, to construct teaching materials and to check and evaluate teaching quality. One way is to add clear RSFL description and specification to the current "English Majors syllabus"; the other way is to develop a separate RSFL curriculum requirements. No matter what way, they should specify courses, teaching requirements, teaching

principles and teaching methods and clarify objectives, teaching hours, testing and etc. Only with a unified standard, could universities choose their own second foreign language and scientifically establish their respective cultivating modes according to their respective teaching staff, student source, the local social and economic development and the employment market demand.

3.4 Acknowledging differences and guiding based on classification

Foreign language universities and comprehensive universities should develop RSFL into a minor major or an orientation, and cultivate high level talents with two or three foreign languages. Most of the local colleges and universities could lower their teaching goals, which aim to train students the most basic reading, understanding and translation capabilities.

3.5 Strengthening the construction of teaching materials

The Ministry of Education should entrust relevant institutions to organize experts and scholars to develop, plan and compile Russian teaching materials that meet the demands of RSFL features. New materials should possess the following basic characteristics: (1) The content and language can reflect the rapidly changing era. (2) The relationship between professional knowledge, language training and related discipline knowledge should be properly handled. (3) Teaching material not only focus on imparting knowledge, but to help students develop the ability of appreciation and criticism, the thinking ability and the innovation ability. (4) The teaching content should target at practicability and pertinence. (5) It is necessary to make full use of modern technology such as computer, multimedia and network.

3.6 Optimizing teaching modes and updating teaching methods

Teaching mode refers to certain stable structure of teaching and learning activities in a certain environment, under the guidance of a teaching theory. Teaching mode reform involves many aspects, such as educational philosophy, teaching objectives, teaching program, the role of teachers and students, teaching strategies and teaching evaluation. The focus of teaching Russian as a second foreign language should give priority to the all-round development in listening, speaking, reading and writing, and attach importance to practice and to students' communicative competence training.

According to the present situation of RSFL, it is meaningful to use combined teaching methods, for example, task-based language teaching and situational language teaching. The ultimate purpose is to initiate students' language potential and arouse their interest in Russian learning. To immerse students in real context and to mobilize students in active learning are quite effective in language teaching and learning. Teachers should make every means to alleviate the psychological pressure of students and inspire to turn into confident and competent language learners.

4.0 Conclusion

The second foreign language is a part of students' foreign language quality education. Teaching Russian as a second foreign language bears the function and role of college Russian teaching. It helps English majors expand their horizons, broaden their knowledge, and deepen their understanding of Russian language and culture. Learners can learn and absorb advanced Russia technologies and cultural essence. All colleges and universities and foreign language education institutions of higher learning should raise the awareness of the importance of the second foreign language course, shoulder the responsibility to improve and strengthen the guidance of teaching Russian as a second foreign language, and give more support to Russian teaching in teacher training, books and teaching materials, and teaching equipments.

List of References

1. English Majors Syllabus [M], the English Commission, Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2000.
2. College Russian Teaching Requirements [M], the Russian Commission, Beijing: Higher Education Press, 2009.
3. Li Li, Russian as a Foreign Language of English Majors in Gansu Province [J], Chinese Russian Teaching, 2011 (2), 85-87.
4. Xuexiu Jing, Wu Xiaoxia, Reform on College Russian Teaching Requirements [J], Chinese Russian Teaching, 2010 (3), 87-88.

Сун Мэн, Ван Лися, Го Цзыи (Хэбэй)

Хэбэйский университет, КНР

О РАЗНОВИДНОСТЯХ СИНОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение синонимов в моей стране имеет долгую историю. В разные периоды времени, различные ученые в отношении изучения синонимов внесли разный вклад. Данная работа включает в себя все самое лучшее из исследований прошлых лет, компонентный анализ теоретических знаний о синонимах, а также проводит анализ использования синонимов в конкретных формулировках.

Ключевые слова: компонентный анализ синонимов

**Sun Men, Van Lisya, Go Zyi (Hebei)
Hebei University, China**

ABOUT THE KINDS OF SYNONYMY IN MODERN CHINESE

Studying synonymy in China has a long history. In different periods of time researches contributed the results of their studies trying to solve the problems of synonymy. This article includes the review of these studies, componential analysis of theoretical materials about synonyms, and analysis of examples of using synonyms.

Key words: componential analysis of synonyms

**宋萌 王丽霞 郭子毅
河北大学，河北，中国**

现代汉语同义词类别研究

摘要: 同义词研究在我国具有很悠久的历史，在不同的时期，不同的学者对于同义词的研究做出过不同的贡献，本文将吸取前人研究精华的基础上，结合所学理论知识对同义词进行义素分析的作用，以及同义词在具体语言应用过程中的一些用法进行分析。

关键字: 同义词 义素 语用分析

同义词研究在我国具有很悠久的历史，古代学者为了理解古籍中词义的异同就进行过同义词分析。这就是我国现存最早的词典《尔雅》为代表，一“XXX，XX也”形式对词义共同内容进行概括，至今同义词仍在各类语文图书中广为运用。

同义词研究从20世纪40年以后逐渐受到重视，张世禄（1947）提出了“同义异词”的概念，并把它定义为：“同样的意义而用不同词语来表达”。陈望道《修辞学发凡》也有类似的描述，但是总的说来，当时的同义词研究主要是从修辞学角度进行的。真正的词汇学意义上的同义词研究是在建国后才开展的。并在同义词性质、判断标准、分类、同义词与词性的关系等方面取得了很大成绩。20世纪90年代以后，同义词的研究逐步深入，出现了在词汇、词义系统中分析同义词的研究。但是由于同义词研究是个复杂的工作，在研究过程中很难做到严格的形式化，在理论说明、具体变戏方面仍存在分歧，不尽完善。本文将吸取前人研究精华的基础上，结合语用学理论对同义词进行分析。

一、现代汉语同义词研究概述

在现代汉语书面和口语运用中存在着大量同义词，同义词研究从20世纪50年代开始快速发展，所研究的内容涉及同义词的定义、同义词的类型、同义词的性质和范围、同义词的产生等多个方面。

何谓同义词，这是同义词研究的起点问题，也是学界一直争论不休的一个问题。学者们先后提出“意义同、近”说，“概念同一”说，“对象同一”说等。针对这些说法，蒋绍愚在《古汉语词汇纲要》（北京大学出版社，1989年版）中指出，同义

词是在某一个或某几个义位上相同的词。而黄金贵《论同义词之“同”》（《浙江大学学报》2000年第4期）一文，认为古汉语同义词之同，只能指一义相同，而同义词的区别也应在相应的那个义项中去辨析。他只论词义，不论词，认为只要“一义相同”即可，摆脱了“义”到底为何义这一争论不休的表述。此说从研究的实践来讨论问题，并跳出一直困惑学界的同义词的对象到底为何物的思路，是难能可贵的。继而徐正考在《同义词界定与辨析中的几个误区》（《金景芳教授百年诞辰纪念文集》，吉林大学出版社，2002年版）一文中，进一步阐明了在同义词界定中应排除“概念”、“语音”、“构造材料”、“对象”等因素，给同义词作了如下界定：同一时代、同一语言（或方言）中具有一个或几个相同或相近义位而词性相同的实词叫同义词。

二、同义词判断的标准

对于同义词之“同”的理解，各家看法不一，所以确定的同义词往往不是一致的。但是从意义和形式上寻找同义词的共同性，高明凯（1955）提出有些词“在任何地方都可以替代，而保持其同一的意义”。孙常叙（1956）也曾做过这样的表述：“同义词释义写能够在同

一原句或意义相近的上下文里，可以彼此替代，表达同一对象，而感觉不到意义上的差别的”一组词。这是较早的一派，且称之为“替换法”。

当然随着研究的深入，一些学者逐渐认识到了这种“替换法”的不足，例如张志毅、符淮青、周祖谟等就认为：同义词在同一个句子里或者意义相近的句子里固然有时可以相互替换而感觉不到明显的差别，但是一般来说，这种可能性往往受到一定的限制。替换并不是同义词的本质特征，这种专门从替换的角度来判定同义词的方法是不科学的，只能说，替换法是一种可以做判定是否属于同义词的方法之一，但是替换是有条件的。

三、同义词的义素分析

1、义素是构成词义的最小意义单位，也就是词义的区别特征，也叫做词的语义成分。义素分析是由丹麦语言学家叶姆斯列夫在上世纪 40 年代首次提出的，上世纪 70 年代末才传入国内。它是随着语义学的兴起来越来越受到人们重视，义素分析把一体的词义分解成多个独立的单位，帮助我们更准确地掌握，解释、理解语义，也为同义词的研究开创了一个新的途径。

下面我们就运用义素分析来对几组同义词进行分析，

{进来}=[物体、朝向参照点、从外面、移动、到里面]

{进去}=[物体、背向参照点、从外面、移动、到里面]

{天凉}=[温度、比较低]

{天冷}=[温度、相当低]

{轻视}=[看不起、程度轻]

{蔑视}=[看不起、程度深]

从这两组同义词的义素分析上看，互为同义词的一组词在切分的义素上存在一定共同之处，总体来说是大同小异的。“小异”虽然很小，但是值得重视，恰当的使用，可以准确地反映事物之间的细微差别，表达人们对客观事物的种种感情态度，这种义素分析可以显示出词与词之间之间的共性特征，也可以显示同义词在意义轻重、范围大小、等方面存在的差异。

2、如果说对同义词的常规义素分析让我们看到了同义词的共性和个性，那么把义素分析做更加详细的划分，会出现什么情况。刘舒新（1982）也提出义素分析法来研究同义词，但是刘先生的“义素分析”不同于一般的义素分析，而是将义素分析进一步分类，提出：“义素分理性义素和感性义素两大类，理性义素又分主要和次要两种。两个词义，只要有一个主要的理性义素不一样，就说明在外延和内涵上都不一致，几个反应不同的对象。次要理性义素是意味的成分，只反映事物的一般特点，不造成外延的差异。感性义素就是表达色彩，与意义的内涵、外延无关”如：

义素			行为	行径	行动
理 性 的	主要的	1、人所发生的	+	+	+
		2、有动作性	±	±	+
		3、做出某种事情	+	+	-
		4、已表现出而为人知	+	+	±
		5、在进行中	-	-	±
	次要的				
感 性 的		1、贬的感情色彩	-	+	-
		2、上中性感情色彩	+	-	+

从这个列表中可以看到，“行为”“行径”在理性义素上是相同的，在感性义素上存在差异，所以他们可以算是同义词，而“行为”“行动”在理性义素上不相同，在感性意义上虽然相同，但是也不能算作同义词。

四、同义词的语用分析

根据 Grice 的会话含义，人们的语言交易总是相互合作，谈话双方都怀着一个共同的愿望：双方话语都能互相理解，共同配合。因此他们都遵守着某些合作原则，以求实现这个愿望。然而，谈话一方有时可能出于礼貌或语境变化的需要，说了一些违反合作原则的话。Grice 明确指出，反语、隐喻、夸张和弱言法，都是说话人违反绘画的质量标准所产生的结果，反语，顾名思义就是只说话人说的话在字面上与他所想要说的恰恰相反)。例如，明知一个人办了一件很糟糕的事，却说“你真是做了一件大好事”，“好”这里其实和“坏”是同义的；或者一个人明明很生气，却对别人说“我开心得很呢”，其实这里的“开心”跟“生气”又是同义词。再如，某人相亲，对对方的长相不敢恭维，别人问他怎么样的时候，他可能会回答：那长相一个字“帅”啊。这里并不是说真的很帅，在当时的语言环境里是指，觉得对方长相太不过关，很丑，这里的“帅”其实是“丑”的同义词。以上一些列的同义联系，使我们得以

理解反语的真正含义。由此可以看出同义词在一定的语言环境中是可以解释带有隐喻性质的词语的。

另外，同义词在一定情况下还可以解释带有歧义的词语。一个句子可以有两种或两种以上不同的理解，这种现象称为歧义。说到这里不得不提到近来逐渐引起人们关注的一种语用学理论，即关联理论，其观点之一就是推理是语言交际的核心。主张建立交际的推理模式，而不是仅靠符号规则，还要靠认知过程来弥合。比如：“别了，妈妈”这句话里“别了”这个词有“再见”的意思，也有“不要”的意思，假如会话双方都知道这句话出现在送别的上下文中，那么听着就可以推断出这里的“别了”意为再见而非不要。可见在语用推理前提下，同义联系能避免言语行为可能出现的奇异，使会话含义直观。再如：“呀！我眼花了”这里的话里“眼花”这个词可以是“眼睛看不清”的意思，也可以是“眼妆晕开了”的意思，如果这句话用与上下文意思同义的词来代替，就可以避免这句话引起的歧义。

五、结语

同义词是个研究历史比较长的课题，在不同的时期，不同的学者对于同义词的研究做出过不同的贡献，虽然对于同义词概念界定，划分类别方面很多说法还是莫衷一是，但是作为后来人在学习中应该能够做到扬长避短，并逐步重视起同义词语用方面的重要性，在以往研究的基础上在同义词应用，以及同义词在句子中的作用方面多做研究。

参考文献

1. 黄伯荣 廖旭东 《现代汉语》（增订第四版）高等教育出版社，2007.6.
2. 符淮青 同义词研究的几个问题，中国语文 2000 年第 3 期（总第 276 期）.
3. 黄金贵 论同义词之“同”，浙江大学学报（人文社会科学版），2000 年 8 月第 30 卷第 4 期.
4. 周玉琨 现代汉语同义词类型划分研究简述，通化师范学院学报 2003 年 1 月第 23 卷第一期.
5. 廖秋玲 同义词的语用研究，天水师范学院学报 2005 年 6 月第 25 卷第 3 期.
6. 王惠 现代汉语同义词研究述评，新加坡中文系 chsw@nus.edu.sg.
7. 刘舒新 《词汇学和词典学问题研究》，天津人民出版社 1984.
8. 张志毅 确定同义词的几个基本观点 1965.

Сунь Цы, Чжан Яцзюнь (Янтай)

ШАНДУНЬСКИЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА И ТЕХНОЛОГИЙ

МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Наряду со стремительным развитием экономики и культуры Китая, появляется большое количество новых слов. В данной статье, выполненной на базе преподавательского опыта, проводится предварительное исследование по принципам отбора лексики в процессе обучения китайскому языку как иностранному.

При обучении новой лексике анализируется принцип непосредственного наблюдения, а также коммуникативный принцип. Предлагаются методы обучения в целом, а также методы обучения китайскому языку как иностранному, и их применение в преподавании, ориентированном на студентов.

Ключевые слова: обучение китайскому языку как иностранному, принципы отбора лексики, методы преподавания

Sun Ci, Zhang Yajun (Yantai)

SHANDONG INSTITUTE OF BUSINESS AND TECHNOLOGY

WORD CHOICE PRINCIPLES AND TEACHING METHODS OF NEW WORDS IN TEACHING CHINESE AS A FOREIGN LANGUAGE

With the rapid development of China's economy and culture, large numbers of new words emerge. This paper, on the basis of teaching experience, conducts a preliminary study on word choice principles of teaching Chinese as a foreign language.

The principle of direct observation and the communicative principle are analyzed in teaching new words. It introduces the teaching principles and teaching methods in teaching Chinese as a foreign language, and analyzes how to implement the student-centered teaching.

Key words: teaching Chinese as a foreign language; word choice principles; teaching methods

1.0 Introduction

Language as a social phenomenon changes as society develops. Since the 1980s, as society enters a new period of rapid development, Chinese language is also in its active period. The most obvious language change is reflected in the increase and use of new words. The changes reflect the most obvious proliferation of new words and use. In this regard, the academic study of the new words is in full swing. Whether in

the ontology study, the social and cultural aspects, or the normative study and dictionary compilation research, all have achieved fruitful results. However, the practice and research of the new words in teaching Chinese as a foreign language (TCFL) has been in a weak state. This issue should be a cause for concern and thinking. More timely research should be conducted to promote the development of teaching Chinese as a foreign language. This paper does a preliminary research on the principle of word choice, teaching principles and teaching methods of teaching Chinese as a foreign language, hoping to provide necessary inspiration to the academic community.

2.0 Word choice principles in TCFL

Word choice principles are of great significance in selecting new words in TCFL. With the social development, the past decade has produced tens of thousands of new words. The current vocabulary curriculum fails to reflect quantitative or qualitative descriptions to new words and new meanings. Therefore, teaching new words should follow certain word-choosing principles, based on the characteristics of TCFL and students' peculiarities.

2.1 High frequency of usage

New vocabulary teaching should aim to make teaching more practical and more useful in society, and to solve cross-cultural communication problems. In this sense, it is essential to choose the widely and frequently used new words. At the end of a semester, we tested students for their new words. 90% of the students can accurately use "Cu Xiao", "Gao Ding", "AA Zhi", "Mai Dan", "Zai Ren", "Shi Shang" and other popular words. As to "Pao Ku", "Wan Jia", "Kai Pan", "Le Huo Zu", "Cuo Feng" and other new but not popular words, only 20% can understand their general meanings. As a result, we find that foreign students could memorize more of the practical new words than other new words.

2.2 Distinct era features

New words appear in a particular era. New words in TCFL should have distinct era characteristics and can reflect the tremendous changes in social life and people's concepts. For foreign students, these new words are the efficient way to understand

Chinese contemporary society. For instance, about politics, there are such words as "Hua Yu Quan", "Yu Shi Ju Jin", "Xi Wang Gong Cheng"... ; about economy, there are "Di Xin", "Pin Pai", "Chao Qian Xiao Fei"... ; about education, there are "Su Zhi Jiao Yu", "Ying Shi Jiao Yu", "Ke Jiao Xing Guo"... ; about communication technology, there are "Dian Zi Yan" and "Chu Mo Ping"... ; about society, there are "Luo Hun", "Wo Ju" and "Zhai Ji Song"... and so on.

2.3 Cultural features

To explore the characteristics of the new words and rules as well as its relationship with the social life can help foreign students comprehend the deep cultural implication of Chinese language and have a thorough understanding of China's social development and changes. Therefore, the teachers should focus on words with cultural meaning. For example, "Mi Ni", "Luo Hun", "Shan Hun" and etc. The two words "Mi Ni" have a profound connotation, which reflects the national culture psychology. "Luo Hun" and "Shan Hun" reflect certain China's marriage concept under the impact of the global economy.

3.0 Teaching methods of new words in TCFL

3.1 Teaching principles

New words teaching as a new type in TCFL is related with traditional vocabulary teaching, but it also has its own characteristics. While in teaching, teachers should take into account the ways to explain the meanings of the new words. The principle of direct observation and the communicative principle are the two most important principles in teaching new words.

3.1.1 Principle of direct observation

Teaching through direct observation can improve classroom efficiency and teaching effect. Foreign students are more likely to enrich their perceptual knowledge by looking at specific objects and listening to the teacher's vivid description. This method can improve the students' interest and enthusiasm in learning new words, reduce the difficulty of abstract language learning, and eventually achieve cognitive ability and understand and use the new words accurately. Most senior students are

familiar with the morphemes. But the new morpheme structures often give new connotations to the new words, and students are still accustomed to understanding the new words in accordance with the surface meaning of each morpheme, which result in understanding errors. Teaching through direct observation can effectively deepen the understanding of vocabulary meanings, thereby enhancing the effect of new words teaching.

3.1.2 The communicative principle

The ultimate goal of language acquisition is to communicate. Teachers in the teaching process need to organize "communication-oriented" teaching. Students should not only master the new words' pronunciation and meaning, but understand the language environment new words are used, so as to realize effective communication goals. Therefore, in order to accurately understand and use the new words, teachers should guide learners to use pragmatic strategies to eliminate ambiguity in communication and improve the ability of cross-cultural communication.

3.1.3 The principle of interest

Simple vocabulary teaching is more monotonous and boring compared with the discourse teaching. Therefore, it is constructive for the teacher to dig up the fun features of the new words. In content, teachers should focus on the historical and cultural backgrounds of the new words, and make classroom teaching more interesting through adding both the intellectual and cultural meanings of the new words. At the same time, teachers should adopt diversified teaching methods and words practice to arouse the interest of students. At the summary stage, prize quiz and word performance and other activities can be designed to consolidate learning outcomes.

3.2 Teaching methods

New words teaching should follow student-centered teaching mode. In the teaching process, three basic steps "guessing---explaining---practicing" are recommended.

3.2.1 Guessing

Teachers fully mobilize students' initiative to guess each new word before explanation. The first step is to organize students to analyze the morpheme formation of new words; and then use specific examples to inspire them to speculate the meanings of the new words based on their former knowledge of the morphemes. For example, while talking about "Wo Ju ", present a picture of the "snail". Let students observe the morphology of the snail. Teachers guide them to think about the relationship between "snail", "house" and "people". Practice proves that through guidance propel, students are be able to guess that "dwelling" is probably the meaning of the word and this word gives them a deep memory.

3.2.2 Explaining

(1) Situational explanation

While teaching new words, teachers can make use of physical objects, pictures or videos to explain the meaning. Take "Biao Che" as an example. The teacher can play a racing video to give students visual and auditory stimulations, and the shape, sound and meaning of the word are directly integrated to the specific image. If possible, it is suggested to select familiar examples in life and try to avoid new words in examples. For example, "Jiu Jie" has several meanings: ①depressed mood ②mental confusion ③contradictory psychology. Different situations can be set accordingly:

① Teacher: If you fail in a test, what do you feel?

Students: "Jiu Jie". (This is due to the depressed mood.)

② Teacher: If you phone your girlfriend several times, but no answer and no phoning back. What do you feel?

Students: "Jiu Jie". (This is due to the mental confusion.)

③ Teacher: Your best friend wants to borrow money from you. You are considering whether to lend it or not. What do you feel?

Students: "Jiu Jie". (This is due to the contradiction.)

(2) Classified explanation

According to the meaning and morphological features of the new words, classify them into different groups such as politics, economy, science and technology, daily life, education, culture and so on. In one lecture, the teacher could choose a few

closely related new words from one field. In this way, word teaching becomes more systematic and makes it easier for students to master the scope of the new words. Some morphemes have strong word-building abilities, such as “Zu” and “Bei”. New words emerge through combining “Zu” and other words, e. g. “Shang Ban Zu”, “Yi Zu”, “Yue Guang Zu”, “Ken Lao Zu”, and so on. For “Bei”, there are “Bei Dai Biao”, “Bei Zi Sha”, “Bei Juan Xian”, “Bei Juan Kuan”, and so on. For such new words, teachers should tell students to pay attention to the constituent features and facilitate students to master the usage and summarize the rules to deepen their understanding and memory.

3.2.3 Practising

Guessing words and explaining words are followed by practicing words. It is to improve students’ pragmatic competence and achieve good communicative effects. It could be done through topic discussion and blank filling.

(1) Topic of discussion

The ultimate goal of learning new words is to expand vocabulary, improve pragmatic competence and reach communicative effects. Topic discussion is a good way to achieve this. For example, while teaching "Yue Guang Zu", "Zhai Nan" and "Zhai Nv", students could be divided into small groups for discussion.

Teachers design the topics:

- ① Do you like the lifestyle of “Yue Guang Zu”? Why?
- ② Among your friends, are there "Zhai Nan" or "Zhai Nv"? How do they live a life?

(2) Blank filling

Blank filling is an essential part of words practice. It can improve the accuracy of the new words. Materials chosen should focus on the richness of the plot and sense of the times.

4.0 Conclusion

In teaching Chinese as a foreign language, new words teaching relatively lags far behind in vocabulary teaching. The new words have not been introduced into the teaching process systematically, resulting in the disconnectedness of Chinese

classroom teaching and daily application. Therefore, new words selection becomes a necessity. The chosen new words should be of high frequency and close-to-life. The teaching methods should follow certain principles and should be verified to achieve the purpose of communication.

List of References

1. Cui Yonghua, Yang Jizhou. Chinese Classroom Teaching Techniques [M] Beijing: Language and Culture University Press, 2002.
2. Meng Guo. The Role and Status of Principle of Interest in TCFL [J]. Languages Teaching and Research, 2005 (6).
3. Yang Xu Ming, Yang Wenquan. On contemporary Chinese New Words [J] Chinese Learning, 2009 (2): 55.
4. Liu Sijia. Analysis of new words and teaching Chinese as a foreign language [J]. Modern Languages, 2009 (2).

Д.А. Суровень (Екатеринбург)

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»

РОЛЬ ПОТОМКОВ ДОМА ПРАВИТЕЛЕЙ ПЭКЧЕ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯМАТО

В статье анализируются материалы японских источников о переселении в Японию в конце IV века н.э. члена рода правителей Пэкче по имени Чинсон-ван – отпрыска государей Кын-чхого-вана и Кын-гусу-вана, генеалогия потомков Чинсон-вана, их роль в распространении письменности и письменной культуры, а также навыков криптографии и шифровального дела. Потомки Чинсон-вана стали предками нескольких родов писцов Ямато VI в., войдя в состав слоя японской служилой знати того времени. Наиболее известным потомком Чинсон-вана являлся Ван Синни, прославившийся в 572 году расшифровкой когурёского письма с тайнописью.

Ключевые слова: древняя Япония, Ямато, Кын-чхого-ван, Кын-гусу-ван, Чинсон-ван, Пэкче, письменность, письменная культура, криптография, шифровальное дело, писцы, Ван Синни.

D. A. Surowen (Yekaterinburg)
URAL STATE LAW UNIVERSITY

ROLE OF DESCENDANTS OF THE PEKCHE RULERS HOUSE IN DISTRIBUTION OF WRITTEN CULTURE IN YAMATO

In this article, materials of Japanese sources about migration to Japan at the end of the IV century A.D. of the member of Paekche rulers family under the name Chinson-wang – the offspring of sovereigns Keun-chogo-wang and Keun-gusu-wang, genealogy of descendants of Chinson-wang, their role in distribution of writing and written culture, and also skills of cryptography and cryptographic business are analyzed. Chinson-wang's descendants became ancestors of several copyists' families of Yamato in the VI century, having been a part of the Japanese nobility of that time. The most famous descendant of Chinson-wang was Wan Shinni who became famous in 572 for interpretation of the Koguryo letter with cryptography.

***Key words:** ancient Japan, Yamato, Keun-chogo-wang, Keun-gusu-wang, Chinson-wang, Paekche, writing, written culture, cryptography, cryptographic business, copyists, Wan Shinni.*

Роль китайско-корейских переселенцев *ая* и *хата* в распространении письменности и письменной культуры в древней Японии периода Ямато – известна [см. подробнее: Суровень, 2005; Суровень, 2011а; Суровень, 2011б]. Однако меньше известен вклад в распространение письменности и письменной культуры в Ямато потомков правителей Пэкче – государей Кын-чхого-вана и Кын-гусу-вана. Поэтому существует необходимость собрать и проанализировать материалы японских источников по данной проблеме.

Из «Сёку-нихонги» известно, что одним из членов рода правителей Пэкче –

Чинсон-ван [Мещеряков, 2005, с. 14] прибыл в Японию по просьбе государя Ёдзина в период царствования в Пэкче *вана* Кын-гусу (375-384), приблизительно в начале 80-х годов IV века [см.: Суровень, 2011в; Суровень, 2007]. В «Сёкунихонги» сообщается: «...Иё-мори Цу-но мурадзи [по имени] Мамити... Мамити и иже с ним по главной линии родословной происходил от правителя государства Пэкче (яп. Кудара) [Кын]-гусу-вана [375-384]. [Кын]-гусу-ван является правителем в 16-м поколении²² от возникновения государства Пэкче...²³ [Тогда наступило время царствования] государя [по имени] Кын-чхого-ван [346-375]. Вдали [от Японии], думая о нравственном воздействии (мудреца, императора) (яп. *сэйка*, кит. *шэнь-хуа*)²⁴, [Кын-чхого-ван] впервые послал посла с визитом (яп. *хэй*, кит. *пінь*)²⁵ в уважаемую страну [Ямато]. Это было в годы регентства государыни Дзингъ²⁶ (в 364-367 гг. испр. хрон.²⁷ – *СД*). После этого [будущий] государь Ёдзин, [который впоследствии стал] управлять территорией [страны] из двора Тоё-акира в Карусима, приказал далёкому предку рода Камицукэно [по имени] Арэда-вакэ отправиться послом в Пэкче, [чтобы] разыскать и пригласить (на службу)²⁸ [в Ямато какого-нибудь] жившего [в Пэкче] знатока (яп. *сйки*, кит. *ши*)²⁹. Государь [этой] страны [Кын]-гусу-ван [375-384] имел честь получить от [японского] посла указ [государя Ёдзина]. [Он] выбрал [человека из своего] кровного рода (яп. *сёдзоку*, кит. *цзун-цзу*) [и] отправил своего внука Чинсон-вана³⁰ (другое имя Чичонъ-ван)³¹, [который], последовав за [японским] послом,

²² Если считать вторым правителем старшего сына Чумона (Тонмёна) – Пирю, который был старшим братом основателя династии Пэкче – Ончжо-вана [см.: Ким Бусик, 1995, с. 133-134]. В действительности Кын-гусу-ван был 14-м правителем Пэкче (с учётом Сабан-вана, правившего только в 234 году), если считать от Ончжо-вана, который был сыном Чхумо (Чумона, Тонмён-вана). – См.: [Ким Бусик, 1995, с. 152, 146, 133].

²³ 「(790) 延暦九年、七月、十七日、(乙丑朔): 秋、七月、辛巳。《乙丑朔十七》。...伊豫守 津連 眞道 等 ... 『眞道等 本系 出^レ自 百濟國 貴須王。 貴須王者 百濟始興 第十六世王 也...』。」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

²⁴ яп. *сэйка*, кит. *шэнь-хуа* – перевоспитание [личным примером], нравственное воздействие (*мудреца*, *императора*) [БКРС, т. II, с. 151].

²⁵ 聘 яп. *хэй*, кит. *пінь* – *гл.* ...4)... посылать посла с визитом (*в другое царство, княжество*)... [БКРС, т. III, с. 491].

²⁶ 「降^レ及 近肖古王。 遥慕^レ聖化。 始聘^レ貴國。 是則 神功皇后攝政之年 也。」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

²⁷ Подробнее см.: [Суровень, 1998].

²⁸ 聘 яп. *хэйсуру*, кит. *пінь* – *гл.* 1) приглашать (*напр. на службу*)... [БКРС, т. III, с. 491].

²⁹ 識 яп. *сйки*, кит. *ши*, *шй* – *гл.* 1) знать, быть знатоком в (*чём-л.*), хорошо разбираться в (*чём-л.*), быть осведомлённым о (*чём-л.*)... *суц.* ...4)* знающий (компетентный) человек, эрудит, мудрец... [БКРС, т. IV, с. 210].

³⁰ 辰孫王 кор. *Чинсон-ван / Синсон-ван*.

прибыл ко двору. Государь [Ямато] (*сумэра-микото*) обрадовался и тогда особо дал [Чинсон-вану] высочайшее всемилостивейшее повеление (яп. *тёмэй*, кит. *чўнмйн*), чтобы [Чинсон-ван] стал учителем наследного принца. В это [время] впервые были переданы [в Японию] книги (яп. *сёсэки*)³², в больших [размерах началось] разъяснение (яп. *сэн*, кит. *чянь*) манер образованных людей (яп. *дзюфу* – досл. “конфуцианских нравов”)³³, увлечение (яп. *кё*, кит. *сйн*)³⁴ обучением письму (яп. *бункё*, кит. *вэньцзяо*)³⁵. И в самом деле было [так] в то время”...»³⁶ (Сёку-нихонги, 9-й г. Энряку (790 г.), 7-й мес., 17-й день). Данный факт подтверждается и сведениями «Синсэн-сёдзи-року», где сообщается, что Чичонь-ван был сыном будущего правителя Пэкче – Чинса-вана³⁷ (Синсэн-сёдзи-року, св. 28-й, [1034] Окахара-но мурадзи), который (после кратковременного царствования своего старшего брата Чхимню) правил в 385–391 гг. (Самгук-саги, летописи Пэкче, кн. 25-я, Чинса) [Ким Бусик, с. 154]. Чичонь-ван (яп. Тисё-но кими) стал предком японского клана Окахара-но мурадзи (др.-яп. Вокапара-но мурази)³⁸ (Синсэн-сёдзи-року, св. 28-й, [1034] Окахара-но мурадзи). Многие потомки Чичонь-вана, выполнявшие функции писцов–летописцев (*фубито*), упоминаются в «Нихон-сёки», «Сёку-нихонги» и «Синсэн-сёдзи-року».

В «Сёку-нихонги» о потомках Чичонь-вана сказано: «[При] государе Нинтоку (ок. 418–425/427 гг. [испр. хрон.]³⁹ – С.Д.), управлявшего территорией [государства]

³¹ 智宗王 кор. Чичонь-ван.

³² 書籍 яп. *сёсэки* – книга; книги, литература [ЯРС, с. 526].

³³ 儒風 яп. *дзюфу* – досл. “конфуцианские нравы”; 儒風 кит. *жэ-фэн* – нравы учёных, манеры образованных людей [БКРС, т. III, с. 229].

³⁴ 興 яп. *кё*, кит. *сйн* – *суц.* 1) вдохновение, пыл, энтузиазм, воодушевление... порыв; страсть... интерес, охота, желание, вкус, увлечение... [БКРС, т. IV, с. 652].

³⁵ 文教 яп. *бункё*, кит. *вэньцзяо* – ...2) письменное обучение; обучение письму [БКРС, т. IV, с. 62].

³⁶ 「其後 輕嶋豊明朝御宇 應神天皇。命^レ上毛野氏^ノ遠祖 荒田別。使^レ於 百濟 搜聘 有^レ識者。國主 貴須王 恭奉^レ使旨。擇採^レ宗族。遣^レ其孫 辰孫王 (一名 智宗王) 隨^レ使 入朝。天皇 嘉焉。特加^レ寵命。以爲^レ皇太子之師矣。於是。始傳^レ書籍。大闡^レ儒風。文教之興。誠在^レ於此。」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

³⁷ 「百濟國^ノ辰斯^ノ王子 知宗」 [ССР 1, с. 327]; 「百濟國^ノ辰斯王^ノ子、知宗」 [ССР 2].

³⁸ 「(1034) 河内國、諸蕃、百濟。岡原連、出自^レ百濟國^ノ辰斯^ノ王子 知宗也。」 [ССР 1, с. 327]; 「岡原連 (をかはらのむらじ)。百濟國^ノ辰斯王^ノ子、知宗より出づ。」 [ССР 2].

³⁹ Подробнее см.: [Суровень, 2007].

из двора Такацу в Нанива, старший сын Чинсон-вана [по имени] Тайарō-кими (кор. Тхэнанъ-ван) стал ближним слугой [государя]. Сыном Тайарō-кими [был] Гайё-кими (вар.: Иё-кō, кор. Хэянъ-ван). Сыном Гайё-кими [был] Готэй-кими (вар.: Умадзё-кō, кор. О-чонъ-ван). [От] Готэй-кими родилось три сына. Старшего сына [звали] Миса. Среднего сына – Синни (вар.: Синдзи, кор. Чинъи). Младшего сына – Маро.⁴⁰ От этих [братьев] тогда, выделившись, впервые появились три рода. Все [три], в связи с этим, были родами, [члены которых] были назначены на должности (высочайшим повелением). А именно, это были [кланы] **Кадзураи** (др.-яп. Катувари; другое чтение Фудзии)⁴¹, **Фунэ** (др.-яп. Пунэ)⁴², **Цу-но мурадзи** (др.-яп. Ту-но мурази⁴³)⁴⁴ (Сёку-нихонги, св. 40-й, Энряку, 9-й год, 7-й месяц, 17-й день). В «Синсэн-сёдзи-року» отец братьев Миса, Тини (Синни, Синъи) и Маро назван именем Сио-но кими (др.-яп. Сипо-но кими) (Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й, Фудзии-но сукунэ, Мияхара-но сукунэ, Цу-но сукунэ). Следовательно, Готэй-кими имел второе имя – Сио-но кими.

Миса-но кими стал предком клана писцов **Кадзураи** (Фудзии). «[Род] Кадзураи-но сукунэ... Являются потомками Миса-но кими – сына Сио-но кими (др.-яп. Сипо-но кими)⁴⁵ (Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й, Фудзии-но сукунэ). Ямао Юкихиса предположил, что сыном Миса был Сираи-но *фубито* Ицу⁴⁶, т.к. в «Нихон-сёки» сообщается, что писец (*фубито*) по имени Ицу, предок рода **Сираи-но фубито** – писцов из местности Сираи (др.-яп. Сирави-но пубито Иту⁴⁷), приходился «племянником Ван Синъи»⁴⁸, младшего брата Миса.

⁴⁰ 味沙 (味散) кор. и яп. Миса; 辰爾 кор. Чинъи, яп. Синъи, Синни; 麻呂 кор. и яп. Маро. – См.: [Ямао, 1983, с. 330].

⁴¹ 葛井 яп. Кадзураи, др.-яп. Катувари; другое чтение Фудзии, др.-яп. Пудиви [Ямао, 1983, с. 330].

⁴² 船 яп. Фунэ, др.-яп. Пунэ [Ямао, 1983, с. 330].

⁴³ 津 яп. Цу, др.-яп. Ту [Ямао, 1983, с. 330].

⁴⁴ 「難波高津朝御宇、仁徳天皇。以辰孫王、長子 太阿郎王 爲^レ近侍。太阿郎王、子 亥陽君。亥陽君、子 午定君。午定君 生^レ三男。長子 味沙。仲子 辰尔。季子 麻呂。從此 而 別始 爲^レ三姓。各因 所職 以命氏 焉。葛井・船・津連等 即是也。」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

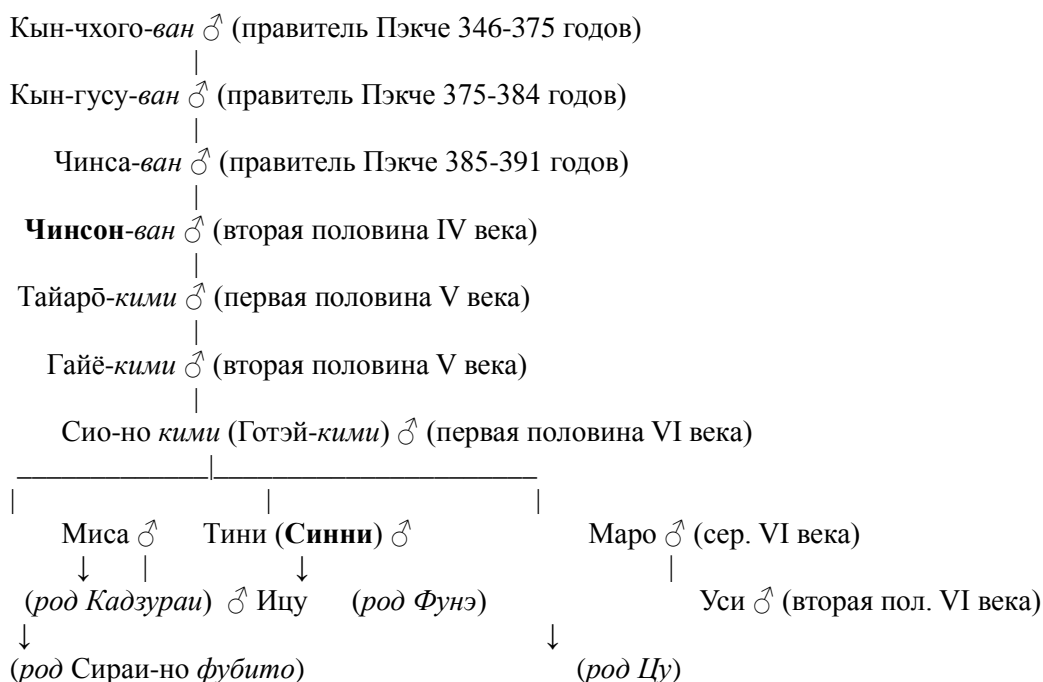
⁴⁵ 「(858) 右京、諸蕃、百濟。葛井宿禰。... 塩君、男、味散君之後也。」 [ССР 1, с. 298]; 「葛井宿禰 (ふぢのすくね)。... 塩 君 の男、味 散 君 の後 なり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й // Цит. по: [ССР 2].

⁴⁶ [Там же].

⁴⁷ 胆津 др.-яп. Иту, совр.-яп. Ицу. [Ямао, 1983, с. 331].

⁴⁸ 「(膽津者、王辰爾之甥也。)」 [Нихон-сёки, 1957, с. 96; ср.: Нихон-сёки, 1997, с. 66-67; Ямао, 1983, с. 331].

О людях клана писцов **Цу**⁴⁹ известно, что они происходили от младшего брата Синни – Маро-но *кими*. Род Цу первоначально носил наследственное звание (*кабанэ*) Цу-но *фубито* (др.-яп. Ту-но *пубито*), затем он стал называться Цу-но *мурадзи* [Мещеряков, 2005, с. 14]. «Сёку-нихонги» уточняет: люди клана Цу-но *мурадзи* (др.-яп. Ту-но *мурази*)⁵⁰, первоначально носивших наследственное звание Цу-но *фубито* – были потомками Маро [Мещеряков, 2005, с. 14]. «Синсэн-сёдзи-року» добавляет, что Маро-но *кими* стал также предком рода Цу-но *сукунэ*⁵¹ (Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й, Цу-но *сукунэ*). Исходя из всего вышесказанного и из расположения материала в «Синсэн-сёдзи-року» (св. 24), Ямао Юкихиса пришёл к выводу, что у Маро был сын – Цу-но *фубито* Уси [Ямао, 1983, с. 331], который (по сообщению «Синсэн-сёдзи-року») приходился внуком Сио-но *кими* [он же Готэй-*кими*]. Потомками Уси также стали люди рода Накакина-но *сукунэ*⁵² (Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й, Накакина-но *сукунэ*).

Таким образом, в середине VI века возникли три рода писцов – потомков

⁴⁹ 津 яп. *Цу*, др.-яп. *Ту* [Ямао, 1983, с. 330].

⁵⁰ 「…津連等即是也。」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

⁵¹ 「(860) 右京、諸蕃、百濟。津宿禰。…塩君男 麻侶君之後也。」 [ССР 1, с. 298]; 「津宿禰 (つのすくね)。まろのきみ…麻侶君の後なり。」 [ССР 2].

⁵² 「(861) 右京、諸蕃、百濟。中科宿禰。…塩君、孫、宇志之後也」 [ССР, с. 298]; 「中科宿禰 (なかしなのうしすくね)。…塩君の孫、宇志の後なり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й // Цит. по: [ССР 2].

Чинсон-вана (внука правителя Пэкче – Кын-гусу-вана, 375-384). Предки этих родов действительно славились своей учёностью [см.: Мещеряков, 2005, с. 14].

В 553 году (14-й год пр. Киммэя) Ван Синни начал выполнять их функции «учётчика кораблей» [Нихон-сёки, 1997, с. 314, п. 113; Ямао, 1983, с. 330; The Cambridge... p. 311]. В 4-й день 7-го месяца 553 года «получив повеление государя, Сога-но *оооми* Инамэ-но *сукунэ* отправил Вана Синни считать (др.-яп. *казоэру*, совр.-яп. *кадзоэру*, кит. *шү*)⁵³ [и] вести записи (яп. *рокүсуру*, кит. *лү*)⁵⁴ налога с кораблей (др.-яп. *пунэ-но митуги*, яп. *фунэ-но мицуги*).⁵⁵ Он был назначен начальником по кораблям (др.-яп. *пунэ-но тукаса*, совр.-яп. *фунэ-но цукаса*), и поэтому ему было пожаловано *кабанэ*, [и он] стал Пунэ-но *пубито* (совр.-яп. Фунэ-но *фубито* – досл. “[род] писцов [налогов с] кораблей”). Он – предок нынешних Пунэ-но *мурази* (совр.-яп. Фунэ-но *мурадзи*)». ⁵⁶ Таким образом, Синни выступил основателем рода писцов Фунэ-но *фубито*.⁵⁷ В 24-м свитке «Синсэн-сёдзи-року» сообщается, что предком рода Фунэ-но *мурадзи* был Тини-но *кими* (кор. Чин-кун).⁵⁸ Под Тини-но *кими*, видимо, подразумевается Синни (Синъи; кор. Чинъи). Здесь же говорится, что предок рода Мияхара-но *сукунэ* (др.-яп. Мияпара-но *сукунэ*) – Тини-но *кими* (Синни) был потомком в 3-м поколении (т.е. правнуком) человека по имени Тайарб-*кими*⁵⁹ и (вторым) сыном Сию-но *кими*⁶⁰ (Синсэн-сёдзи-року, св. 24-й, Фунэ-но *мурадзи*, Мияхара-но *сукунэ*). Из «Сёку-нихонги» известно, что Синни (Синъи) [он же Тини-но *кими*] приходился

⁵³ 數 др.-яп. *казоэру*, яп. *кадзоэру*, кит. *шү* – гл. 1) считать; подсчитывать... 2) ...исчислять... 3) считать, оценивать... [БКРС, т. III, с. 1095].

⁵⁴ 録 яп. *рокүсуру*, кит. *лү* – гл. 1) делать записи, отметки, записывать... 4) ведать, управлять; *суц.* 1) записи, заметка, отметка; список, опись... [БКРС, т. III, с. 819].

⁵⁵ 船賦 др.-яп. *пунэ-но митуги*, яп. *фунэ-но мицуги* – налог с кораблей, корабельный налог [Нихон-сёки, 1957, с. 79]; где 賦 яп. *мицуги*, кит. *фү* – *суц.* 1)... налоги; обложения... [БКРС, т. IV, с. 206].

⁵⁶ 「蘇我大臣稻目宿禰奉^レ勅遣^レ王辰爾數録船賦。即以王辰爾爲^レ船長。因賜^レ姓爲^レ船史。今船連之先也。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 79; Нихон-сёки, 1997, с. 55; см.: The Cambridge... p. 311].

⁵⁷ 船史 др.-яп. *Пунэ-но пубито*, яп. *Фунэ-но фубито* – досл. “писцы рода Фунэ” [Ямао, 1983, с. 330].

⁵⁸ 「大阿郎王^ノ三世孫、智仁君...」 [ССР 1, с. 299]; 「大阿郎王の三世孫、智仁君...」 [ССР 2]; 「(975) 撰津国、諸蕃、百濟。船連...大阿良王之後也」 [ССР 1, с. 318].

⁵⁹ 「大阿郎王^ノ三世孫、智仁君...」 [ССР 1, с. 299]; 「大阿郎王の三世孫、智仁君...」 [ССР 2]; 「(975) 撰津国、諸蕃、百濟。船連...大阿良王之後也」 [ССР 1, с. 318].

⁶⁰ 「(859) 右京、諸蕃、百濟。宮原宿禰...塩君男、智仁君之後也。」 [ССР 1, с. 298]; 「宮原宿禰 (みやはらのすくね)。...塩君の男、智仁君の後なり。」 [ССР 2].

средним (вторым) сыном Готэй-*кими* (вар.: *Ума*-но Садамэ-но *кими*, кор. Очонь-*кун*)⁶¹ [Ямао Юкихиса читает его имя как *Уси*⁶²-но Садамэ-но *кими*, кор. Учон-*кун*⁶³].

С государственным хозяйством Ямато был связан племянник Вана Синни – Ицу (др.-яп. Иту). В 1-й день 1-го месяца 30-го года пр. Киммэя (569 г.) государь провозгласил указ: «Границы [статуса] “полевых корпораций” (яп. *табэ*) – они идут испокон веков.⁶⁴ [Ныне] множество тех (яп. *моно*, кит. *чжэ*), [кому] годов многочисленных⁶⁵ десять с лишком [лет], [но они] пропущены в реестрах (яп. *дацусэки*, кит. *тб-цзэ*)⁶⁶, [в результате чего] избавлены от исполнения заданий (яп. *мэнка*, кит. *мьянькэ*⁶⁷).⁶⁸ Поэтому послали Иту [совр.-яп. Ицу] (Иту – это племянник Ван Синни) проверить и утвердить (яп. *кэнтэй*, кит. *цзяньдйн*)⁶⁹ реестры (яп. *сэки*, кит. *цзэ*) трудообязанных (яп. *ёборо*) “полевых корпораций” (яп. *табэ*) [мьякэ] Сирави» (совр.-яп. Сираи). В 4-м месяце 569 года «Иту проинспектировал (яп. *кэньэцу*, кит. *цзяньюэ*)⁷⁰ трудообязанных (яп. *ёборо*) [из] “полевых корпораций” [мьякэ] Сирави. Следуя указу [государя] привёл в порядок (яп. *садамэру*, кит. *дйн*)⁷¹ реестры. В результате были созданы “полевые дворы” (яп. *та-ко*).⁷² Государь похвалил Иту [за] заслуги в наведении порядка в

⁶¹ 「午定君 生^レ...仲子 辰尔。」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

⁶² 牛 (字志) яп. *Уси* [Ямао, 1983, с. 330, 331].

⁶³ 牛定君 кор. Учон-*кун*, яп. *Уси*-но Садамэ-но *кими* [Ямао, 1983, с. 330].

⁶⁴ 「量置 田部 其 來尚矣。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 96]; где 尚 кит. *шан* – ...*прил./ наречие* ...2) древний, давний; в древности; давно уже; издревле; с незапамятных времён; 由來尚矣 – «[так ведётся] испокон веков» [БКРС, т. III, с. 256]; 量 кит. *лян* – *сущ.* 1) мера... количество, величина... 2) границы, рамки; ограничение... 3) вместимость... способности, деловые качества... [БКРС, т. II, с. 209].

⁶⁵ 甫 кит. *фү* – ...*прил.* * большой; многочисленный... [БКРС, т. III, с. 218]. Но: 年甫 кит. *нянь-фү* – *см.* 年初 кит. *нянь-чү* – начало года; в начале года [БКРС, т. II, с. 891].

⁶⁶ 脫籍 яп. *дацусэки*, кит. *тб-цзэ* – ...2) отказаться от гражданства (*от места прописки*) [БКРС, т. IV, с. 450]; где 籍 кит. *цзэ* – 1) дощечки для письма; записи; опись, каталог; книги... 2) список, реестр (*особенно: кадастровый, фискальный*); 3) место приписки, принадлежность, происхождение... [БКРС, т. II, с. 560].

⁶⁷ 免課 яп. *мэнка*, кит. *мьянькэ* – освободить от занятий (уроков) [БКРС, т. IV, с. 512].

⁶⁸ 「年甫 十餘 脫籍 免課者 衆。」 [Нихон-сёки, 1957, с. 96].

⁶⁹ 檢定 яп. *кэнтэй*, кит. *цзяньдйн* – проверить и утвердить; санкционировать; определить, установить, решить (*после просмотра*)... [БКРС, т. IV, с. 616].

⁷⁰ 檢閱 яп. *кэньэцу*, кит. *цзяньюэ* – 1) осматривать; делать смотр; инспектировать; цензуровать; надзирать... [БКРС, т. IV, с. 615].

⁷¹ 定 яп. *садамэру*, кит. *дйн* – *гл.* Б. 1) приводить в порядок... устанавливать, утверждать; приводить в совершенство... 3) вырабатывать... [БКРС, т. III, с. 952].

⁷² 「膽津 檢閱^レ白猪 田部 丁者。依詔 定^レ籍。果成^レ田戸。」 [Нихон-сёки, 1957, с.96]. Ср.: [Нихон-сёки, 1997, с. 96].

реестрах, пожаловал [ему] *кабанэ*, [поэтому Иту] стал Сирави-но *пубито* (совр.-яп. Сираи-но *фубито*). [И] сразу же назначил “управителем полей” (др.-яп. *та-тукапи*), сделав помощником Митуко» [Нихон-сёки, 1957, с. 96; ср.: Нихон-сёки, 1997, с. 66-67].

Уже в правление государя Нунакура-но Путотамасики (Бидацу, 572-585), в 9-й день 10-го месяца 574 года, Сога-но Умако *опооми* был послан в область Киби для того, чтобы увеличить площадь *миякэ* Сирави и количество приданных земледельцев *та-бэ*. Он передал реестр (яп. *сэки*, кит. *цзэ*) земледельцев *та-бэ* “управителю полей” теперь уже Сирави-но *обито* Иту (совр.-яп. Сираи-но *обито* Ицу – досл. “глава [корпорации] Сираи [по имени] Ицу”) – племяннику Вана Синни [Нихон-сёки, 1957, с. 103; Нихон-сёки, 1997, с. 71].

Из людей этих трёх кланов писцов особенно прославился Ван Синни. Час его славы наступил в царствование того же Нунакура-но Путотамасики (Бидацу, 572-585), когда Ван Синни расшифровал тайнопись когурёского письма [см. подробнее: Суровень, 2013]. В 15-й день 1-го месяца 572 г. письмо дошло до государя Ямато – Путотамасики (Бидацу). Письмо пытались прочесть три дня. «Государь [Путотамасики – С.Д.] получил послание Когурё и передал его министрам. Собрал всех писцов и велел им прочесть послание и истолковать его [кит. *дўцзэ́*, яп. *доккай*⁷³ – С.Д.]. В течение трёх дней писцы не могли прочесть его. Только Ван Синни, предок Пунэ-но *пубито* [совр.-яп. Фуна-но *фубито* – С.Д.], смог как следует прочесть и растолковать его...» [Нихон-сёки, 1997, с. 69]. «[Ван] Синни подержал перья над паром варящегося риса и приложил к перьям кусок шёлка, так что все иероглифы отпечатались на нём. Все придворные были поражены» [Нихон-сёки, 1997, с. 70; см.: Воробьев, 1980, с. 224]. «Поэтому государь и министры [в тексте: др.-яп. *опо-оми* – С.Д.] совместно нахваливали его, говоря: “Хорошо служишь, Синни! Ты умён, Синни! Если бы ты не любил учиться, то не смог бы прочесть и истолковать послание. С этих пор будешь находиться во дворце”. После этого государь рёк писцам востока и

⁷³ 讀解 кит. *дўцзэ́* – разъяснять прочитанное, толковать мысль автора [БКРС, т. IV, с. 688]; 讀解 яп. *доккай* – чтение и понимание [текста] [ЯРС, с. 73].

запада [людям двух корпораций писцов – Ямато-но *фумибито* и Кавати-но *фумибито* – СД]: “Зачем вы учились? Хотя вас много, вы не можете сравниться с Синни”...» (Нихон-сёки, св. 20-й, Бидацу, 1-й год пр., 4-й месяц, 3-й день) [Нихон-сёки, 1957, с. 102; Нихон-сёки, 1997, с. 70]. Однако Вана Синни следовало хвалить не за «любовь к учёбе» (как это сказано в «Нихон-сёки»), а за знание криптографии и шпионских навыков. В результате, Ван Синни был оставлен при дворе государя служить ближним слугой (др.-яп. *опомати-кими*⁷⁴, совр.-яп. *дзисин*; кит. *шй-чэнь*⁷⁵).

Об этих же событиях рассказывается в «Сёку-нихонги» (св. 40-й, *Энряку*, 9-й год [790 г.], 7-й месяц). Однако исследователи обратили внимание на то, что составители «Сёку-нихонги» вместо термина “*доккай*” (кит. *дўцзэ*’ – “разъяснять прочитанное, толковать мысль автора”, “чтение и понимание [текста]”), использованного в «Нихон-сёки», употребили бином “*кайдоку*” (кит. *цзёдў*’ – “расшифровывать; дешифровка”)⁷⁶ – прямо указав, чем именно занимался Ван Синни. «По достижении царствования государя Бидацу-*тэннō*, управлявшего из двора в Осада, государство Когурё прислало посла поднести доклад (яп. *хэ*, кит. *бйо*), [написанного тайнописью на] вороньих перьях. Министры [и] все писцы (*фубито*) не смогли прочитать [его]. И тогда Синни вышел вперёд [и] взял этот доклад. [Он] смог прочитать [тайнопись], мастерски сняв копию (яп. *уцусу*) [т.е., как сказано в “Нихон-сёки”, подержал перья над паром варящегося риса и приложил к перьям кусок шёлка, так что все иероглифы отпечатались на нём – СД]. [И] точно (яп. *кувасику*) доложил (яп. *сōсуру*) [государю] текст доклада. Государь похвалил [Синни] за ревностные занятия (любовь к учёбе); серьёзное участие [Синни в расшифровке тайнописи] с восторгом расхваливал...».⁷⁷ Причём в речи государя Бидацу прямо сказано, что Ван Синни был силён в шифровальном деле (криптографии), незнание чего ставилось в вину другим

⁷⁴ [Нихон-сёки, 1957, с. 102].

⁷⁵ 侍臣 др.-яп. *опомати-кими*, яп. *дзисин*, кит. *шй-чэнь* – ближний чиновник, придворный [БКРС, т. III, с. 44].

⁷⁶ [Нихон-сёки, 1957, с. 102, прим.].

⁷⁷ 「逮于他田朝御宇敏達天皇御世、高麗國遣使上鳥羽之表。群臣諸史莫之能讀。而辰尔進、取其表。能讀巧寫。詳奏表文。天皇嘉其篤學。深加賞歎。」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

писцам. «[Государь] провозгласил указ, говоря: “(Старательно) служишь! Прекрасно! Если бы ты не любил учёбу, кто бы смог расшифровать (кит. *цзёду́*, яп. *кайдоку-суру*)⁷⁸ [текст письма из Когурё]. С этих пор будешь ‘ближним слугой’ (др.-яп. *оомати-кими*) в [государевом] дворце”. И затем [государь Бидацу] возгласил всем писцам востока (Ямато-но *фумибито*) и запада (Кавати-но *фумибито*), говоря: “Вас хотя и много, [но вы] не [можете] равняться с Синни”. Такой [рассказ о Синни] одновременно существует и в государственной истории (*коку-си*), и в родословии (яп. *катё*)⁷⁹ [рода потомков Синни], [всё] подробно занесено [в истории и родословной] про эти дела!»⁸⁰ (Сёку-нихонги, св. 40-й, *Энряку*, 9-й год, 7-й месяц).

Таким образом, потомки государей Пэкче – Кын-чхого-вана и Кын-гусу-вана стали предками родов писцов Кадзураи, Фунэ, Цу и Сираи, сыграв важную роль в распространении письменности и письменной культуры (и даже криптографии и шифровального дела) в Японии конца IV – VI веков.

Библиографический список

1. БКРС – Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. Т. I–IV.
2. Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. М.: Наука, 1980. – 344 с.
3. Ким Бусик. Самгук саги. М.: Вост. лит., 1995. Т. II. – 405, VIII, 344, VII с.
4. Мещеряков А.Н. Хроника “Сёку нихонги”. Свиток I // Политическая культура древней Японии / Под ред. А.Н. Мещерякова. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. С. 7-18.
5. Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, Т. II. – 437 с.
6. Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. II. – 432 с.
7. СН 1 – Сёку-нихонги, св. 21-й – 40-й 続日本紀、第廿一・卅卷(из серии Син-нихон бунгаку тайкэй 新日本文学大系) // “Сёхо риккокуси” 『増補 六国史』(в 12-ти томах, общество

⁷⁸ 解讀 кит. *цзёду́* – расшифровывать; дешифровка [БКРС, т. II, с. 873]; 解讀 яп. *кайдоку* – расшифровка; яп. *кайдоку-суру* – дешифровать, расшифровать [ЯРС, с. 210].

⁷⁹ 「國史家牒」; где 家牒 яп. *катё*, кит. *цзэ́ дэ* – родословная, генеалогия [БКРС, т. III, с. 842]; 牒 яп. *тё*, кит. *дэ* – *суц.* 1)* табличка для письма; письмо; сообщение... 2) официальный документ, бумага, грамота; 3) запись... 4) список, перечень, реестр... [БКРС, т. III, с. 706].

⁸⁰ 「詔曰: 『勤乎! 懿哉! 汝若不愛學、誰能解讀。宜從今始近侍殿中』。既而又詔東西諸史曰: 『汝等雖衆。不及辰尔』。斯並國史家牒。詳載其事矣。」 [СН 1, с. 4496; СН 2].

Асахи-симбун-ся 全十二卷、朝日新聞社) / Под ред. Саэки Ариёси 佐伯 有義. Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1940. Т. IV. С. 4001-4515.

8. СН 2 – Сёку-нихонги, св. 40-й 続日本紀、第卅卷 [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://kodaishi-db.hp.infoseek.co.jp/tool.html> // <http://kodaishi-db.hp.infoseek.co.jp/shokki.lzh> (дата обращения 20.09.2014).

9. ССР 1 – Синсэн-сёдзи-року, в 3-х частях 新撰姓氏録 – из кн.: Саэки Арикиё 佐伯 有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкю. Хомбун-хэн 『新撰姓氏録の研究 本文篇』. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. С. 149-350.

10. ССР 2 – Синсэн-сёдзи-року, св. 1-й – 30-й 新撰姓氏録。全三十卷 – в кн.: 佐伯有清 『新撰姓氏録の研究 本文篇』 (Саэки Арикиё. Исследование “Синсэн-сёдзи-року”. Основной текст. Токио: Ёсикава кобункан, 1962) // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (дата обращения 12.07.2005).

11. Суровень, 2011а – Суровень Д.А. Влияние китайско-корейских переселенцев *аябито* на государственность и культуру Ямато V в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2011. Т. 90, № 2. С. 20-35.

12. Суровень, 2011б – Суровень Д.А. Китайско-корейские переселенцы *аябито* в Японии начала V века // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 1 (87). С. 169-194;

13. Суровень Д.А. Когурёское “письмо на вороньих перьях” и японо-корейские отношения 70-х – первой половины 80-х годов VI века // Уральское востоковедение. Международный альманах. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2013. С. 15-31.

14. Суровень, 2011в – Суровень Д.А. О распространении навыков письма при дворе Ямато во второй половине IV века // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы. Материалы II международной заочной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.В. Гурьян, О.А. Трофименко. – Уссурийск: Изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2011. С. 176-188.

15. Суровень Д.А. Период регентства *Окинага-тараси-химэ* (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск: Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1998. Вып. 6. С. 174-180.

16. Суровень Д.А. Политическая борьба в государстве Ямато и его внешнеполитические связи в 10-е – 20-е годы V века // Уральское востоковедение. Международный альманах. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2007. Вып. 2. С. 4-24.

17. *Суровень Д.А.* Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение: Международный альманах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 8-45.
18. *Ямао Юкихиса* 山尾 幸久. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1983. – 486, 15 с.
19. ЯРС – Японско-русский словарь. М.: Русск. яз., 1984. – 696 с.
20. The Cambridge history of Japan: Ancient Japan. Cambridge–New York: Cambridge University Press, 1993. Vol. I. – 602 p.

Табада Л.Ч. (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

СРАВНЕНИЕ КУЛЬТУР НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ – ЯПОНИЯ И ФИЛИППИНЫ

В настоящей статье проводится сравнительный анализ японских и филиппинских пословиц, и рассматриваются сходства и различия таких культурных аспектов, как отношения между родителями и детьми, а также сыновний долг.

Ключевые слова: сравнительно-культурный анализ, Япония, Филиппины, отношения между родителями и детьми, сыновний долг.

Tabada L. (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

COMPARISON OF CULTURES ON THE MATERIAL OF PROVERBS – JAPAN AND PHILIPPINES

The article presents a comparative analysis of Japanese and Filipino proverbs considering similarities and differences of such cultural aspects as the parents-children relationships and the filial duty.

Keywords: comparative cultural analysis, Japan, Philippines, parents-children relationships, filial duty.

ことわざによる比較文化 <日本とフィリピン>

本稿では、日本とフィリピンのことわざの比較分析を行い、両国における親子関係ならびに親孝行という文化的側面の類似点・相違点を考察する。

キーワード：比較文化、日本、フィリピン、親子関係、親孝行。

ことわざには、古くからの民衆の知恵を表現した言葉のわざである、または良い人生を送るための短い有効な教訓であるなどと、様々な意味付けがなされてきた。言葉の機能としても、人を批評し、会話を面白くし、相手の心に対する慰めや励ましの言葉となるなど、多様である。時と場合によっては相手を笑わせ、また逆に傷つけることにもなるというように、その意味は幅広い。また、ことわざには現代社会が反映されているほか、ことわざによって、文化や思想など理解でき、ことわざに触れて人生をどう言う風に歩むべきか、人としての生き方を学ぶこともでき、とても面白く思われる。また、外山滋比古[外山, 2002, p. 345]によると、「ことわざは庶民の生活経験の結晶である。本に書いてある知識とは類を異にする。伝説的知恵であり、前近代的ある。学校教育が問題にしないのは当然で、ことわざが教科書にのることもない。社会へ出て生活の複雑さにおどろいて、はじめてことわざの知恵に目をひらかれる」。

ことわざには色々なことが表現されているが、本稿では人間関係について、具体的に言えば、子供の教育、そして親孝行という課題に限ることとし、日本とフィリピンのことわざを通してそれぞれの国の文化や思想を比較させて行きたいと思う。

フィリピン共和国は 7,000 余の島から成り、そのうち約 100 の島に人が住んでいる。農業国で、自然条件に恵まれ、動植物や魚介類は種類も量も豊富である。大島国である上に、歴史的条件も加わって、他言語国家を形成し、言語間の差異も大きい。オーストロネシア語族の属する言語であり、母語として多数の話者を持つ言語はタガログ語 (Tagalog)、セブアノ語 (Cebuano)、イロカノ語 (Ilocano)、ヒリガイノン語 (Hiligaynon)、ビコル語 (Bicol)、サマル・レイテ語 (Samar-Leyte)、カパンパンガン語 (Kapampangan)、パンガシナン語 (Pangasinan) で、その話者の総数はフィリピン総人口の約 90% を占める。

1 親子関係

ことわざを通して考えると、フィリピンでは美德と教訓よりもまず両親に対する尊敬が重視されていることがわかる。フィリピンの社会では、家族が一つの基本的単位であり、社会に大きな影響を及ぼしている。そのため、結婚と家族生活の理想を表すことわざがたくさんある。しかし、この本稿では家族に関することわざ全てを扱うことはせずに、親子の問題にしばることとした。その中で、まず、子供の教育に関することわざを取り上げる。

親は子供に行儀を教え込まざるを得ない。なぜかという、まず、第一に、人の両親ほど好適な教育者はいないからである。子供に対して最も深い愛情を抱いているのが両親であるし、親としての責任もある。第二には、子供の教育は若木を好みの形に仕立てるように早ければ早いほどいい。子供が最初に接する人間が親であり、教育も初めが肝心だと考えられるからである。

フィリピンには次のようにリズムカルなことわざがたくさんある。

(1) Ang kahuy na liko't baluktot, hutukin hanggang malambot.

Kung lumaki at tumayog, mahirap na ang paghutok. (Tagalog, #1384)

湾曲した木は若いうちに伸ばさないと、成木になったら難しい。

要するに、子供は小さい時に厳しくしつける方が良く、時期を逃せば効果がなくなるということである。

フィリピンの場合は子供のお尻を軽くたたくことは、躰けるための一つの方法である。例えば、

(2) Anak na di paluin, ina ang paluluhain. (Tagalog, #186)

子供をたたかないと、将来母が泣くことになる。

(3) Anak na palayawin, ina ang patatangisin. (Tagalog, #190)

子供を甘やかすと、将来母が泣くことになる。

小さい子供には、理屈を言って聞かせてもわからない。良くないことをした時に、子供に体で覚えさせるため、軽くたたく。そうしなかったら、子供には善悪がわからないと思われる。悪善がわからないまま育つと、将来母が泣くことになる。(3)のことわざは(2)のことわざとは逆に、子供を甘やかすと、将来母の重荷になることを述べている。次のことわざは、子供が悪いことをした時には子供を泣かせても厳しく叱らなければならないということ述べている。

(4) Anak na pinaluluha, kayamanan sa pagtanda. (Tagalog, #185)

子供を泣かせれば、その子は将来親の宝となる。

以上のことわざをよく見ると、(4)では「親の宝」なのだ。(2)と(3)の場合は、母だけの重荷になると言われることに気づく。子供を躾けるのはもともと母親の責任なのだと一般的には考えられているようである。それから、子供が立派な人間に育たなかった場合は、母親が責められることも多い。

更に、フィリピンでは子供の躾を真剣にやっており、マナー、行儀が良ければ、財産がなくても十分だと思われている。貧しい人は、子に良い教育さえ遣らせば、それこそ財産である。次のようなことわざがある。

(5) Di man magmana ng ari, magmamana ng ugali. (Tagalog, #1457)

行儀を子供に遣らせば富は要らない。

それから、次のことわざは、子供を甘やかすへの戒めである。

(6) Ang anak ay malunod man, di sagipin ng magulang.

Takot na baka masaktan. (Tagalog, #192)

甘い親は我が子が溺れても、怪我させるのを恐れて、救わない。

子供が悪いことをした時に、注意することで子供に嫌われ家を飛び出されてしまうことを恐れた親が子供を叱ることが出来ないという意味のことわざで、叱らないで甘やかす親のことを言っている。

日本の場合は、次のようなことわざがある。

(7) 矯めるなら若木のうち

枝振りの曲がっている木を直そうと思えば、柔らかい若木のうちにやらなければ、うまくいかないという意味である。例えば、人間も、悪い癖や習慣を直して正しく形成させようとするなら、柔軟性のある幼少時が良い。なぜかという、成長してからでは、遅いのである。つまり、子供の教育は小さい時ほど厳格にしなくてはならない。そして、成長してからは、自主性に任せるようにする方が良い。

歴史的にみると、昔の日本では、小児死亡率が高くて死ぬ幼子が多いためか、次のことわざがある。

(8) 七歳までは神のうち

このことわざは古くからの民間信仰に根ざしていた。もともと人間は生まれてからの数年間はまだ人間の子ではなく、神の域にあると考えられていたため子供を厳しく躾けなかった。

それから、子供はどうやって育つのか。

(9) 子供は親の背中をみて育つ

このことわざに表されているように、子供を悪から守るだけという消極的教育では不十分である。子供は小さい時には、親のすることを真似するから、子供に説教するより、言行一致で親自身が手本となり、実行した方が良い。

また、これに関しては次のようなことわざがある。

(10) 子供は大人の鏡

子供は大人の姿や生き方を反映するから、特に親が子供を鏡として生きてゆかなければいけない。子供は日々の生活の中で親や大人の真似をし、大人に影響されながら成長してゆくものである。姿と顔の形だけでなく、性格と気質も親に似ることがあるから、親は子を育てる時、環境も影響を与えるのだから、時には子供は親の考え方の相似形となっても不思議ではない。更に、大人は子供の手本にならなくてははいけない。日本では特に、子は親を見本として成長すべきものだと考えられているので、「親に似ぬ子は鬼子」、「親に似ない子は芋の子」のように親に似ないような子は人間の子ではないとさえ決めつけている。

そして、子供がもっと大きくなったら、このようなことわざがある。

(11) 可愛い子には旅（させよ）

「旅は憂いもの辛いもの」というように、昔の旅は苦しいものであったことから、このように言われる。子を愛するなら、手元に置いて甘やかさず、世の中の辛さを経験させるのが良いという意味なのである。つまり、愛する子は厳しく育てよと言っている。ところが、昔は大変な苦勞を伴うものであった旅も、現代では楽しいものになった。このことわざにも卒業旅行に親がお金を出しているというような誤った解釈が生まれている。

上記に述べられたように、親に育てられた子供が親に似ることになるのも当然である。このようなことわざは、日比ともに非常に多い。

日本のことわざでは、とても有名なのは次のものである。

(12) 「蛙の子は蛙」

オタマジャクシには尾があり、一見親と違う、魚のようであり、似ても似つかない。しかし、成長するにつれて尾が取れ、結果的に親と似た蛙になる。初めは親に似ていないもの

がそのうちには似るようになるという意味が裏に隠されている。ということは、子はいつの間にか親に似るのである。また、子は親の進んだ道を歩ということのたとえもある。全く正反対の意味のことわざはないようである。これと似ていることわざが「瓜の蔓に茄子はならぬ」、それから「鳶の子鷹にならず」であり、血筋は争えず、非凡な子は平凡な親からは産まれないと考えられている。上に書いてある日本のことわざに対して、意味が似ているフィリピンのことわざは下記のようなものである。

(13) Kung ano ang puno, siya ang bunga. (Tagalog, #1380)

この木にして、この実あり。

(14) Ang santol ay di mamumunga ng bayabas. (Tagalog, #1381)

サントル木はバヤバスの実をつけない。

(15) Con an puno bayabas, dili magbunga sing capayas. (ilongo, #1382)

バヤバス木ならば、パパイヤの実をつけない。

(16) Kon ano an ama, iyo man ang aki. (Bicol, #416)

この父にして、この子あり。

しかし、平凡な両親から優れた子供が生まれることもあるようで、そういう場合は次のことわざで表現されている。

(17) 「鳶が鷹を生む」

鳶と鷹は同じ仲間であらうが姿も形も似ているが本質的には違う。その鳶が鋭い強さを持った鷹を生む、というのは、時として平凡な親が、親には全く似ていない非凡な才能を持った子供を生むこともあるというたとえである。

また、竹の子の生長が早いところから、親より優れていることを竹の子に例える。

(18) 「竹の子親勝り」 (筍親勝り)

現代の子供達は、たいてい親より大きくなるので、まさにこの通りであろう。親子は似ているというのが正反対になることもあり、それを「親の黒きは子が白し」とか「烏の白糞」という。

2 親孝行

フィリピンでは子供は親を尊敬するように育てる。このことを強調することわざは次のようなものがある。

(19) Aula in tuhan, apa in ina' an ama'. (Tausug, #560)

神様は全ての上に、その次に両親。

このことわざでは、神様に次に重要なものが両親だとされている。

それから、親を最も大事な宝物として大切にしなければならないということは次のことわざに表されている。

(20) Da amam ken ina, isudat' capatgan a gameng ti rabaw ti daga. (Ilocano, #418)

父母は地上で最も尊い宝石である。

そして、特に年を取って来ている親に対しては、こういうことわざがある。

(21) Da amam ken inam, pag-ibusan ida ti anus ken pigsam. (Ilocano, #419)

あなたの父母にあなたの全ての忍耐と力を捧げなさい。

ということは、色々な苦勞してくれた親にたいする私達の無条件の我慢や思いやりを尽くすという親孝行が大切だということある。

次に、親孝行に関する日本のことわざを見ることにしたい。

(22) 石に布団は着せられぬ

このことわざでは「石」は墓石のことである。つまり、石には「冷たさ」と「死者」、布団には「温かさ」と「いたわり」が込められている。親がしんでから孝行出来ないということである。孝行しようとしても遅いことのたとえである。だから、親孝行は親が活着ているうちにしなければならない。

(23) 親孝行と火の用心は灰にならぬ前

要するに、父母が活着ているうちに親孝行しなければ、意味がないし、火の用心も火を出してしまってからでは無駄だということである。

孝行があれば、もちろん不孝もある。子供が親より先に死ぬ場合がある。親より先に死ぬ子が不孝だと思われている。

(24) 親に先立つは不孝

なぜかという、子が先に死んだら親に悲しい思いをさせ、悲しませるから不孝である。

では、日本では親子に関係についてはどのように考えられているのか。

(25) 親は無くとも子は育つ

親をなくした子でも、どうにか成長して行くようにそれほど先を心配する必要はないという意味である。親だけでなく、社会や他人も子供の成長に影響するのである。

また、フィリピンでもよく言われている一つのことわざに、次のようなものがある。

(26) 子を持って知る親の恩

自分が親になってみて、初めて育ててくれた親のありがたさが分かるという意味である。フィリピンでは、子が悪いことばかりして、親に口答えし、よく親と喧嘩している子についてそのようにいわれている。そして、自分が親になり、自分の親がしてくれたことがだんだんわかってきて、子供の時親に心配させたことなどを後悔するよとよく言われている。また、親に対してしたことは自分が親になった時に、二倍になって返ってくると言われている。

でも、なぜ子供は勝手気ままに降り舞うのか。ぱっと浮かぶのは次のことわざである。

(27) 親の心子知らず

親は子に対して、親の気持ちなんかわかってくれない、子供は皆勝手であると考えがちである。親と子の間柄では、相手の気持ちを推し量ることは簡単ではなく、誤解、意見の相違などがよくある。親というものは、自分は何事も子供のためと考えていると思いがちである。しかし、子を思う親の深い気持ちを知らぬ子供が好きなことを勝手にしたり、逆に親を恨んだりする。親も人間だから傷つくこともあると子供はほとんど思わない。

そして、またよく知っているはずの親が、子供の考えや気持ちを分かっていないということもある。このことは次のことわざに表されている。

(28) 子の心親知らず

つまり、親はこの本当の心を知ることが出来ない。いつまでも幼い子供だと思っている親にはどんどん成長していく子の気持ちは理解出来ないということしばしばある。

終わりに

親孝行、子供の教育、それから社会の中での人間関係についてのことわざはまだまだたくさんある。本稿を書いた時点で気づいた問題点がいくつかある。まず、比較した両国は島国で様々な地域にそれぞれのことわざもある。ことわざは庶民の知恵であるから、生活によって出てくることわざが違う。また、表現は違っていてもフィリピンと日本に共通の

価値観を表すことわざも多い。更に、ことわざの意味の面で、時代と場合によって変化するものがある。例えば、”A rolling stone gathers no moss.”（転石苔を生せず）というイギリスで生まれたことわざはアメリカに渡って意味が逆転した。イギリスでは苔（moss）とは、金のことであり、住まいや職業を転々とするような人間に金は貯まらない、の意味で使われた。アメリカではこのことわざを逆にとっているようで、優秀な人間なら需要があるわけであり、席の暖まる暇もなく動き回る。苔のような汚いものが付着する暇もなく、いつもこういう人はピカピカ輝いている。つまり、イギリスでは否定的に解されるローリング・ストーンのことわざが、アメリカでは素晴らしい人間を指すようになった。これによって、ことわざの意味が絶対不動のものでないことがわかる。最後に、矛盾していることわざもある。「鳶の子鷹にならず」という日本のことわざがありながら、「鳶が鷹を生む」のことわざもある。

参考文献

1. 奥津、文夫. 日英ことわざの比較文化 [文章] / 奥津文夫. - 東京：大修館書店. - 2000.
2. 外山、滋比古. 外山滋比古著作集 1 修辭的殘像 [文章] / 外山滋比古. - 東京：みすず書房. - 2002.
3. 時田、昌瑞. 岩波ことわざ辞典 [文章] / 時田昌瑞. - 東京：岩波書店. - 2003.
4. 森、隆夫. ことわざ教育学 [文章] / 森隆夫、小宮山潔子. - 東京：チャイルド本社. - 1984.
5. 世界ことわざ辞典 [文章] / 柴田、谷川、矢川編. - 東京：大修館書店. - 1995.
6. Eugenio, Damiana L. Philippine Proverb Lore [Text] (Philippine Studies Series 15) / Damiana L. Eugenio // Philippine Social Sciences and Humanities Review 31 (3-4). - Quezon City: Philippine Folklore Society. - 1966.
7. Okada, Rokuo. Japanese Proverbs [Text] / Rokuo Okada. - Tokyo: Japan Travel Bureau. - 1963.

Н.Ю. Тразанова (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт

К ВОПРОСУ О КОДОВОЙ ПРИРОДЕ ЗАГАДКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКИХ ЗАГАДОК)

Данная статья посвящена проблеме установления кодовой природы загадки в целом, и японской загадки, в частности. В связи с этим затрагивается вопрос об определении загадки и отграничении её как предмета исследования на основе реконструкции так называемого генетического кода загадки. Далее предлагается к рассмотрению ряд японских загадок типа なぞ遊び nazo asobi в ипостаси кода японской лингвокультуры.

Ключевые слова: загадка, код, шифр, なぞ遊び nazo asobi «игра в загадывание».

N.Yu. Trazanova (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

THE PROBLEM OF A CODE NATURE OF A RIDDLE (ON THE MATERIAL OF JAPANESE RIDDLES)

The article is devoted to the problem of a riddle phenomenon as a code both as a whole and Japanese riddle in particular. In connection with this the definition of a riddle is formed on the basis of reconstruction of so called genetic code of a riddle. Further a number of Japanese riddles なぞ遊び nazo asobi are considered as a code of Japanese language and culture.

Key words: riddle, code, cipher, なぞ遊び nazo asobi.

Загадка принадлежит к энигматике, сфере загадочных вопросов и задач, включающих в себя множество жанров от священных до профанных (ведийские гимны, состязания в остроумии, философские диспуты, развлекательные вопросы на сообразительность).

Учитывая такое многообразие, дать определение данному языковому и культурному феномену – невероятно сложная задача. Дело в том, что словарные и авторские определения отсылают, как правило, лишь к одному из граней данного предмета. С одной стороны, на первый план выдвигается фольклорная природа загадки, и тогда она дополняет ряд текстов, относящихся к малым жанрам народно-поэтического творчества (пословицам, поговоркам,

приметам и т.д.) [БЭС, 2000]. С другой стороны, подчёркивается её стилистическая функция, метафоричность, иносказательность [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1984]. В любом определении упоминается также сам ритуал разгадывания, целью которого является проверка сообразительности отгадывающего.

В одном из наиболее исчерпывающих исследований, посвящённых проблеме отграничения загадки как предмета изучения, предлагается идея реконструкции генетического кода народной загадки [Сендерович, 2008, с.10].

Рассмотрим основные положения данного исследования для того, чтобы разобраться в феномене загадки. Формально загадка представляет собой двойственную сущность – «бином, из фигурального описания некоторого предмета и простой краткой разгадки» [Сендерович, 2008, с.190]. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что сам текст загадки – иносказание – не является чётким и понятным описанием предмета. Вместе с тем, зачастую загадка подразумевает ряд разгадок. Таким образом, загадка и разгадка соотносятся, образуя между собой так называемое «смысловое зияние», то есть нечто неизведенное, скрытое, ускользающее от рационального [Там же, с.190].

Основные признаки народной загадки [Там же, с.16]:

1. компактность (состоит из 1-2 фраз);
2. имеет природу не столько трудного вопроса, сколько иносказания, то есть, «говорит на тёмном языке и предлагает неясные образы»;
3. решение загадки не зависит от наличия специальных знаний, и даже от рационального знания в целом;
4. существует в окружении родственных текстов.

Кроме того, любая загадка есть иносказание или тайная речь, которая в древности обладала эвфимистической функцией сокрытия истинных названий табуированных предметов и явлений.

Загадка имеет кодовую природу, и, более того, природу шифра, недоступного для непосвящённых, требующего разгадывания не с помощью рациональных

знаний, но жизненной мудрости, интуитивной, накопленной поколениями. Сам ритуал загадывания-разгадывания подразумевает обретение жизненно необходимых знаний.

Предметом нашего исследования являются японские загадки, которые представляются важным фрагментом кода японской лингвокультуры.

Японские загадки многолики и разнообразны. Изучению японских загадок посвящено ряд работ японских и отечественных лингвистов (Поливанов, 1918; Судзуки Тодзо, 1981; Мазурик, 1984).

В работе В.П. Мазурика представлено достаточно подробное описание разновидностей японских загадок, среди которых можно выделить [Мазурик, 1984, с.61-79]:

1) литературные загадки, которые появляются в эпоху Хэйан (VIII – XII вв.), оформляются в рамках жанров классической поэзии танка, рэнга и хайкай, а также связаны с использованием литературных текстов в качестве ключей;

2) типичные народные загадки (впервые зафиксированы в сборнике эпохи Муромати «Собрание эксимператора Гонара-ин»);

3) песня-загадка (*なぞ歌 надзо ута*);

4) устная игра в загадывание (*なぞ遊び надзо асоби*);

5) пословицы-загадки, возникающие на основе явления паремиологической трансформации благодаря многофункциональной природе пословиц;

6) загадка-каламбур (*無理もんど мури мондо* букв. «вопросы и ответы без резона»), которые, вероятно, берут начало от буддийских схоластических диспутов *мондо*, в которых отвечающий пользуется тем же условным языком, что и спрашивающий);

7) формы, близкие к загадкам (*なぞの周辺 надзо но сяхэн*), включающие в себя головоломки *考え物 кангаэмоно*, иносказания из народной и классической лирики *大和言葉 ямато котоба*, некоторые разновидности скороговорок и т.д.

В данном исследовании предлагается краткий обзор загадок типа *なぞ遊び надзо асоби*, которые, видимо, являются одним из наиболее распространённых видов загадок в настоящее время.

Рассмотрим разновидности и особенности загадок, ориентированных на детскую аудиторию – 子供向け *кодомо мукэ* – которые также сопровождаются пояснением *やさしい* *ясасий* «простой, лёгкий». Существует несколько разновидностей японских загадок такого типа. В первую очередь, излюбленным способом создания загадок является игра с омонимией:

9つの色で彩られた食事とは何? *Коконоцу но иро дэ иродорарэта сёкудзи това нани?* «Какое блюдо раскрашено в девять цветов?»

答え: 給食 *Котаэ: кю: сёку* «Ответ: школьный обед».

В тексте приведённой выше загадки даны ключевые слова, фонетически совпадающие с ответом.

Другим примером использования явления омонимии может послужить сопоставление намёка на ответ, зашифрованного в тексте загадки с самим ответом.

歯を治すのが得意な動物って何? *Ха о наосу но га токуйна до: буцутте нани?* «Какое животное прекрасно лечит зубы?»

答え: しか *Котаэ: сика* «Ответ: олень».

Разгадка в данном случае легко находится, если вспомнить, как называется доктор, который лечит зубы – 歯科 *сика* «стоматолог» и затем сопоставить с омонимичным названием животного – 鹿 *сика* «олень».

Любопытным примером игры слов может считаться загадка «слово в слове», когда загаданному слову омонимичным является слог или часть целого слова, представленного в тексте загадки.

携帯電話の中にいる生き物は何? *Кэйтайдэнва но нака ни иру икимоно ва нани?* «Какое существо находится внутри мобильного телефона?»

答え: 鯛 *Котаэ: тай* «Ответ: окунь».

В данном примере разгадку следует искать в середине самого составного слова 携帯電話 *кэйтайдэнва* «мобильный телефон». Правильным ответом будет слог 「たい」 *тай*, созвучный названию рыбы – 「鯛」 *тай* «морской карась».

Довольно популярны загадки, в которых следует искать разгадку в омонимии со словами, заимствованными из английского языка.

いつも走っているような花って何? *Ицумо хаситтэируё: на ханаттэ нани?*
«Какой цветок всегда как будто бежит?»

答え: ラン *Котэ: ран* «Ответ: орхидея».

Для ряда загадок ответом будет зашифрованный в тексте иероглиф.

いつもすこしだけ笑っている店って何の店? *Ицумо сукоси дакэ вараттэиру мисэттэнан но мисэ?* «Что за магазин всегда слегка улыбается?»

答え: 薬屋 *Котэ: кусурия* «Ответ: аптека».

Дело в том, что первый знак иероглифического сочетания 「薬」 *кусури* «лекарство» состоит из двух элементов: «трава» и «весёлый», причём второй элемент также является самостоятельным иероглифом с аналогичным значением – «весёлый». В этом кроется ответ к загадке.

Загадки, адресованные взрослым – 大人向け *отона мукэ* – отличаются более высоким уровнем сложности, и отмечены пометкой 難問 *нанмон* «сложное задание».

Обычно тексты загадок выглядят как парадоксальные сообщения, в которых сопоставляется несопоставимое с точки зрения реальной действительности. Порой данное соотношение доходит до абсурда. Но вопрошаемый, знакомый с принципами отгадывания японских загадок, может догадаться, что разгадку следует искать в игре слов, омонимии, фонетическом сходстве.

Рассмотрим конкретный пример парадоксальной загадки.

消防署で「好きな太陽系惑星は?」というアンケートをとると、いつもトップになるのは次の内のどの惑星? *Сё: бо: сё дэ* «*Сукина тайё: вакусэй ва?*» *то иу анкэ: то о тору то, ицумо топпу ни нару но ва цуги но ути то доно вакусэй?* «В подразделении пожарной охраны проводился опрос: «Какая ваша любимая планета в солнечной системе?» Необходимо выяснить, какая из перечисленных ниже планет всегда пользуется наибольшей популярностью».

- 1) 水星 *суйсэй* «Меркурий»
- 2) 木星 *мокусэй* «Юпитер»
- 3) 地球 *тикю:* «Земля»
- 4) 火星 *касэй* «Марс»

答え : 地球 *Котаэ: тикю:* Ответ: «Земля».

В данном задании предлагаются варианты ответов, что значительно ограничивает круг потенциальных разгадок. Обратить внимание следует на звуковую оболочку слов, среди которых лишь один вариант 地球 *тикю:* «Земля» имеет нечто общее с управлением пожарной охраны в Японии, а именно, фонетически почти совпадает с номером телефона 119 いちいちきゅう *ити ити кю:* «один-один-девять».

Следующий довольно популярный тип загадок *отона мукэ* представлен как загадывание некоторого шифра, который требуется разгадать. Для этого необходимо обнаружить принцип, на базе которого создан шифр.

下は暗号ですが最後の一文字が足りません。あと一つ足りない文字は？ *Сита но анго: дэсуга сайго но хито модзи га аримасэн. Ато хитоцу таринай модзи ва?* «В нижеследующем шифре недостаёт последнего символа. Что это за знак?»

「どんきくもいすかつげち」 *до-н-ки-ку-мо-и-су-ка-цу-гэ-ти*

答え : に *Котаэ: ни* Ответ: «ни».

Найти разгадку достаточно легко, если прочесть шифр с конца. Обнаруживается, что это перечисление первых знаков названий дней недели, и недостаёт только одного знака 「に」 *ни* «ни» для того, чтобы перечень стал полным: 「日月火水木土」 *нити-гэцу-ка-суй-моку-до* «Воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота».

Встречаются подобные загадки-шифры, в которых следует разгадать шифр на основе предложенной последовательности букв, которые расположены по определённому принципу.

下のアルファベットはあるものの配列を表しています。それは何でしょう？ *Сита но аруфабэтто ва ару моно но хайрэцу о араваситэимасу* «Буквы отражают определённый порядок следования неких предметов. Что это за последовательность?»

M → T → S → H

答え : 年号 *Котаэ: нэнго:* «Ответ: период правления императора».

В загадке зашифрованы названия периодов правления императоров с указанием первой буквы на латинице: М は明治 «М – период Мэйдзи», Т は大正 «Т – период Тайсё: », S は昭和 «S – период Сё: ва», Н は平成 «Н – период Хэйсэй».

Довольно любопытная форма загадки представлена в виде вопроса: 私はだれでしょう Ватаси ва дарэ дэсё: «Кто я?» Далее следует ряд подсказок для угадывающего, среди которых на первом месте стоит наиболее обобщающая подсказка, затем предлагаются высказывания, дающие более детальное описание предмета.

9月のもの *Кугацу но моно* «То, что бывает в сентябре».

1) ボクは有名で、よくテレビやラジオに出るよ *Боку ва ю: мэй дэ, ёку тэрэби я радзио ни дэру ё.* «Я знаменит, и часто появляюсь на экранах телевизоров и по радио».

2) でもボクが近くやってくると、みんなが家に隠れてしまうんだ。 *Дэмо боку га тикаку яттэкуру то, минна га ути ни какурэтэ симаунда* «Однако когда я приближаюсь, все прячутся по домам».

3) すごい速さで移動したり、たくさん雨を降らせたりできるよ。 *Сугой хаяса дэ идо: ситару, такусан амэ о фурасэтару дэкиру ё.* «Я перемещаюсь с огромной быстротой, иногда приношу с собой дождь».

答え: たいふう *Тайфу:* «Тайфун».

Возможны и другие варианты для той же самой загадки, поскольку первая подсказка открывает широкий диапазон возможностей для угадывающего. В результате, на основе одной подсказки может образоваться целая серия загадок.

9月のもの *Кугацу но моно* «То, что бывает в сентябре».

1) わたしは、秋になると木からお店に運ばれます。 *Ватаси ва, аки ни нару то ки кара омисэ ни хакобарэмасу* «С наступлением осени меня снимают с дерева и привозят в магазин».

2) りんごに似ていますが、赤くはありません。 *Ринго ни нитэимасуга, акаку ва аримасэн* «Я похожа на яблоко, но не бываю красной».

3) 甘くてとてもとてもジューシーです。 *Амакутэ тотэмо тотэмо дзю: си* «Я сладкая и очень-очень сочная».

答え : なし *Котэ: Наси* «Ответ: Груша».

Представленный в данном исследовании материал позволяет сделать следующие выводы. Загадка является одним из древнейших кодов лингвокультуры, будучи притом шифром вдвойне, поскольку включает в себя как аспект иносказания, «тайной речи», так и аспект специфического мировосприятия народа.

Японская загадка многолика и многофункциональна, и каждая ипостась её требует пристального изучения. Рассмотренная в данном фрагменте исследования разновидность загадки - *назо遊び надзо асоби* относится к категории словесных развлечений *言葉遊び котоба асоби*.

Приведённые в статье типы *назо遊び надзо асоби* не исчерпывают всего многообразия загадок, но вместе с тем дают возможность установить некоторые характерные черты, свойственные именно японским загадкам. Прежде всего, подавляющее большинство загадок построено на явлении омонимии. Текст загадок представляет собой парадоксальное высказывание, либо оформляется как шифр, требующий разгадки.

Кроме того, популярны загадки, в которых для нахождения разгадки следует либо воспользоваться английским алфавитом, либо словами, заимствованными из английского языка. Данный факт свидетельствует о том, что английский язык в настоящее время довольно распространён в японской лингвокультуре.

Ряд японских загадок содержит реалии и тонкости японской лингвокультуры (например, загадка о периодах правления японских императоров, о тайфунах в сентябре, или номере телефона пожарного управления, служащем подсказкой к ответу), которые для человека непосвящённого обернутся непостижимой «китайской» или, в нашем случае, «японской грамотой».

В заключении следует также отметить, что часто в подсказках к ответу или самих ответах на загадку указывается, что «японцы сталкиваются с этим явлением каждый день», «если японец, то...». Данный факт говорит о том, что

загадки с такими пометками доступны для понимания либо самим японцам либо человеку, который специализируется в изучении японского языка и культуры и способен заметить тонкие оттенки и нюансы японской культуры, языка и мышления.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. - <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/130142>. (дата обращения: 30.07.2014).
2. Козьмин, А.В. О книге «Загадки народов Востока» [Текст] / А.В. Козьмин // Журинский, А.Н. Загадки народов Востока: Систематизированное собрание // А.Н. Журинский, сост. А.В. Козьмин. – М.: ОГИ, 2007. – С.15-19.
3. Мазурик, В.П. Японская загадка: общее и специфическое [Текст] / В.П. Мазурик // Паремнологические исследования: сборник статей. – М.: Наука, 1984. – С.61-79.
4. Поливанов, Е.Д. Формальные типы японских загадок [Текст] / Е.Д. Поливанов // Сб. Музея антропологии и этнографии. — Пг., 1918. — В.1 (Ко дню 80-летия акад. В. В. Радлова). — Т. V. — С. 371—374.
5. Сендерович, С.Я. Морфология загадки [Текст] / С.Я. Сендерович. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 208 с.
6. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] / – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1894. т. XII, с. 115-116. - http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/41427. (дата обращения: 30.07.2014).
7. なぞなぞ *Надзонадзо* «Загадки» - [Электронный ресурс] / – <http://www.nazo2.net> - (дата обращения: 28.07.2014).

А.П. Хадеева (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт

КИТАЙСКАЯ РИТУАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Целью статьи является рассмотрение ритуальных символов как совокупности форм и способов закрепления ценностных смыслов, представленных в виде разноуровневых аксиологем. В связи с этим производится систематизация и классификация языковых ритуальных символов на основании существующей классификации аксиологем на материале аутентичных текстов культурологического характера.

Ключевые слова: *ритуал, китайская ритуальная символика, аксиологема*

A.P. Khadeeva (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

AXIOLOGICAL ASPECT OF CHINESE RITUAL SYMBOLISM

The article deals with ritual symbols as a cluster of forms and methods to provide cultural values, represented as a system of multilevel axiologems. In this connection language symbolic structures are systematized and classified using an existing axiologems classification on the basis of authentic materials of culturological nature.

Key words: *ritual, Chinese ritual symbolism, axiologems*

Занимаясь изучением языкового материала, исследователь неизбежно выходит на глубинный уровень, который отражает ценностное измерение человеческого бытия. Так и современная лингвистика стоит перед вопросом осмысления культуuroобразующих ценностей, лежащих в основе национальной языковой картины мира. Данная работа представляет собой исследование фрагмента национальной языковой картины мира, и именно китайской ритуальной символики в аксиологическом аспекте.

Изучение феномена ритуала и ритуальной символики имеет богатую историю в трудах таких ученых, как Дж. Фрезер, В. Тэрнер, Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, А. Ван Геннеп, Б. Малиновский, Мирча Элиаде, В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, Ю. М. Лотман, Е. А. Торчинов, А. К. Байбурин, К. Леви-Стросс, В.Я. Пропп, З.С. Агранович и т.д. Разработкой теоретической базы и

методологии в сфере аксиологии занимались М.С. Каган, В.В. Ильин, А.А. Ивин, в области лингвоаксиологии - Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, Н.М. Казыдуб, Е.Ф. Серебренникова, Л.К. Байрамова. Вместе с тем, ритуальная символика как совокупность разноуровневых аксиологем не была предметом отдельного исследования. В этой связи исследовательский интерес представляет рассмотрение ритуальных символов в аксиологическом аспекте на материале китайской лингвокультуры.

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшей разработки методологических основ систематизации и характеристики аксиологических систем с учетом многообразия национальных культур. Цель работы заключается в рассмотрении языковых символических структур китайских традиционных ритуалов как совокупности форм и способов закрепления ценностных смыслов на базе классификации аксиологем, предложенной Н.Н. Казыдуб в статье «Аксиологические системы в языке и речи», для чего должны быть решены следующие задачи:

- *рассмотреть и дать определение ключевым терминам исследования, таким как: ритуал, ритуальная символика, аксиологема*
- *выделить и описать ритуальную символику традиционных китайских ритуалов рождения, свадьбы и похорон*
- *проанализировать и провести систематизацию ритуальной символики в соответствии с предложенной классификацией аксиологем*

В рамках данного исследования, ритуал понимается как религиозный ритуал, элемент мифо-ритуальной системы раннего общества, встроенный в парадигму «общество - ритуал – миф – язык», представляющий собой первичную семиотическую систему, на основе которой развились мифологические представления и язык. Такая трактовка понятия представлена в работах Топорова В.Н., Вяч.Вс.Иванова, Агранович З.С. Ю.М. Лотман рассматривал ритуал как древний способ хранения информации в бесписьменном обществе. Подобный тип общества наделен особым видом памяти, нацеленной на сохранение и передачу информации об изначальном порядке и правилах

посредством исполнения постоянной ритуальной практики [Лотман, 1987, с. 3-11]. Е.А. Торчинов определяет ритуал как «совокупность определенных актов, имеющих сакральный смысл и направленных или на воспроизведение того или иного глубинного переживания, или на его символическую репрезентацию» [Торчинов, 2005, с. 238-240] Вслед за предложенными трактовками, определим ритуал, прежде всего, как **практическую деятельность символического характера**, по сути, представляющей коммуникативный акт, основная задача которого состоит в установлении контакта и взаимодействия с высшими силами невидимого мира.

Если ритуал представить как структуру, то каждый ее элемент будет являться символом; В.Тэрнер дает следующее определение: ритуальный символ - это «мельчайшая единица ритуала, сохраняющая специфические особенности ритуального поведения...элементарная единица специфической структуры в ритуальном контексте»[Тэрнер, 1983, с. 32-34] Топоров В.Н. выделяет следующие ритуальные символы: предметы, действия, графические образы, которые имеют языковую форму. Ритуальные предметы – это атрибуты, используемые для проведения ритуалов. Действия – виды деятельности, проводимые в процессе ритуала. Графические образы – это изображения существ, наделенных магическими свойствами. [Топоров, 1995, с.125-126] Представляется возможным также отнести к ритуальным символам элементы, отражающие пространственно-временные значения ритуала, время и место проведения ритуального действия, также имеющие символическое значение.

Одним из ключевых терминов исследования является понятие аксиологемы. Проследим существующие в лингвоаксиологии трактовки термина. Серебренникова Е.Ф. пишет: «термином аксиологема можно назвать любое языковое выражение оценки в данном дискурсивном мире. Это, прежде всего, явные оценочные суждения, устойчивые сочетания, средства выражения эмфазы, номинативные средства квалификации...» [Серебренникова, 2008, с. 25]

Н. Ю. Тразанова предложила следующее определение аксиологемы: «единица лингвоаксиологического анализа, отсылающая к ценностно-

регулятивным аспектам констант понятийного поля коллективного этносознания и конституируемая устойчивым знаковым образованием, элементарным (слово, графический символ, пиктограмма, материальный символ), либо составным (устойчивым сочетанием, фразеологизмом, явным оценочным суждением в виде нормы-регламентации и нормы-ориентации, пословицей, текстом)» [Тразанова, 2012, с. 10] Н.Н. Казыдуб понимает аксиологемы как языковые репрезентанты аксиологических смыслов и формирует классификацию аксиологем исходя из способа их объективации. Исследователь выделяет пять видов аксиологем: *Аксиологема-слово*, например: достоинство, истина, патриотизм; *Аксиологема-словосочетание*, например: commitment to progress, material wealth; *Аксиологема-формульное высказывание*, например: Change is inevitable and desirable. Equality and egalitarianism are social ideals; *Аксиологема-паремия*: Бедность не порок; Семь раз отмерь, один раз отрежь; *Аксиологема-антропоним*, соединяющая прецедентное имя с определённым набором ценностных смыслов: John Wayne - rugged individualism, competition, self-help, directness. Martin Luther King — action, optimism, future orientation, non-violence, self-help. [Казыдуб, 2009, с. 134].

Используя аутентичные тексты по культурологии Китая, описывающие ритуалы рождения, свадьбы и похорон, такие как 中国风俗之谜 (2002); 中国古代礼俗 (1997); 中华文化词典(2001); 中国风大水词典(1994) было выделено 112 символов, из которых 34 относятся к ритуалам рождения, 37 к свадебным ритуалам, 24 к похоронным ритуалам. В отдельную группу выделены 17 символов, образованных с помощью механизма омофонии. Взяв за основу вышеуказанную аксиологическую классификацию, была проведена систематизация полученных в ходе исследования языковых ритуальных символов, в результате чего было сформировано четыре класса аксиологем: аксиологемы слова и словосочетания, аксиологемы-антропонимы, аксиологемы-фразеологизмы, аксиологемы паремии. Аксиологемы слова и

словосочетания в свою очередь состоят из номинативных единиц со значением «рождение», «свадьба», «похороны», названий ритуальных артефактов, названий обрядов, а также выделяется особый вид аксиологем, в основе образования которых лежит механизм омофонии.

Аксиологемы слова и словосочетания

номинативные единицы со значением «рождение», «свадьба», «похороны»:

Номинативные единицы со значением «рождение»: 诞生, 降生, 落生, 生, 娩出, 落地, 出世, 娘胎, 落草, 世, 产生, 优生, 出生, 双产, 孕别, 息, 生诞, 胎. *Номинативные единицы со значением «свадьба» «сочетаться браком»:* 喜事, 亲事, 大喜, 佳期, 双喜, 潘杨之好, 秦晋之好, 朱陈之约, 终身大事, 取礼, 合欢, 吉, 婚事, 婚会, 婚庆, 文明结婚, 百年好事, 红事, 结婚仪式, 花烛, 结婚, 成婚, 婚配, 完婚, 成亲, 安家, 成家 и др. (в общей сложности выделяется около 50 единиц). *Номинативные единицы со значением «похороны»:* 埋葬, 安葬, 葬礼, 葬事, 送葬, 丧, 丧事, 丧葬, 出丧, 死丧, 殓殓, 送殓, 殓葬, 出殓, 白事, 后事, 百年后事, 素事

названия ритуальных артефактов:

артефакты ритуалов рождения: Туфли с изображением головы тигра (虎头鞋), «Оберег ста семей» (百家锁), Тигровая шапка (虎头帽), печать (印), *артефакты свадебных ритуалов:* шпилька с головой феникса (凤钗), деньги архата (罗汉钱), «Фонарь долгого света», «фонарь долгого счастья» или «фонарь долгой судьбы» (长明灯, 长喜灯, 长命灯); *артефакты похоронных ритуалов:* «дофу долголетия» (长寿豆腐), «бобы долголетия» (长寿豆) – традиционные поминальные блюда, бумажные деньги (钱纸) как атрибут похоронного обряда, белая траурная одежда (素衣)

наименования ритуалов:

Названия обрядов, связанных с рождением: «Обряд рождения» (诞生礼); «Обряды у колыбели» (摇篮边的礼仪), «Обряд омовения» (洗礼), «Обряд полного месяца» (满月礼) «Обряд ста дней» и др.

Названия свадебных обрядов: традиционные свадебные обряды представлены фиксированной последовательностью ритуалов известных как «три письма 三书» и «6 обрядов 六礼». Три письма отправляются в период сватовства и включают в себя 聘书, 礼书, 迎亲书; 6 ритуалов 六礼 состоят из 纳采, 问名, 纳吉, 纳征, 请期, 亲迎.

Названия похоронных ритуалов: «Проводы в последний путь» (送终); «Воскресение умершего» (招魂); «Извещение о кончине» (报丧, 讣告); «Малое обряжение покойника» (小殓, 初殓); «Большое обряжение покойника» (大殓); «Охранение тела» (守灵); «Проводы в последний путь» (送葬, 送殡); «Поминки» (吃白喜酒); Траур (做七).

Аксиологемы, в основе образования которых лежит механизм омофонии

Свежие овощи (生菜) – подарки, которые преподносятся богине Гуань Инь. 生菜 произносится, как «шэн цай» и почти омофонично «шэн цзай» (生仔), что означает «родить ребенка». Чеснок (葱) – символ ума. Во время обряда омовения бабка-повитуха бьет легонько ребенка пучком лука, для того, чтоб он был умным. Связано это с тем, что знак «葱» является омофоном «聪»(умный). Имбирь (姜). Является омофоном знака «强», который означает «могущественный, сильный». Так же использовался при обряде омовения, младенца натирали имбирем для придания ему силы.

Аксиологемы-антропонимы

Данный тип аксиологем соединяет прецендентное имя с определенным набором ценностных смыслов. Прецендентное имя - индивидуальные имя, которое связано с широко известными текстами, с ситуациями, которые известны большинству представителей данной нации. [Митрошенков, 2002, с.52] В нашей работе прецендентное имя- это название какого-либо божества,

которому китайцы поклоняются для определенных целей, связанных с исследуемыми обрядами: Божество Гуань Инь(观音), полное китайское имя которой Гуань Шиинь (观世音), что означает «Созерцающая плачи Вселенной» - имя богини милосердия Китая; подательница детей, родовспоможительница, покровительница женской половины дома; Бессмертная фея Яшмовой красоты (碧霞元君), другое имя которой матушка- покровительница с горы Тайшань (泰山娘娘), защитница женщин и детей, матушка-покровительница; Владыка ада Янло-ван (阎罗王) - в китайской народной мифологии владыка загробного мира.

Аксиологемы-фразеологизмы

К данному типу аксиологем относятся фразеологизмы китайского языка. В широком смысле фразеологизмы – это готовые выражения. Они являются лексически неделимыми, характеризуются широким многообразием форм. В форме фразеологизмов могут выражаться благопожелания, которые являются одной из составляющих ритуала, слова соболезнования, а так же название каких-либо явлений, действий, связанных с ритуалами.

Аксиологемы-фразеологизмы, связанные с рождением детей:

熊梦呈祥 Сон про медведя – доброе знамение; 天赐麒麟 ниспосланный небом Ци линь(о ребенке); 啼试英声 «плакать счастливыми звуками»(о ребенке); 弄璋之喜 радость по случаю рождения сына; 弄瓦之喜 радость по случаю рождения дочери; 德门生辉 дом засиял(ребенок родился);

Аксиологемы-фразеологизмы, связанные со свадьбой:

花好月圆 цветы прекрасны и луна полна (пожелание счастливой жизни); 永浴爱河 вечно купаться в реке любви; 螽斯衍庆 пожелание иметь много детей и внуков (как кузнечиков); 举案齐眉 «поднять нос к бровям»(любить и уважать друг друга); 凤凰于飞 самцу и самке феникса вместе лететь(счастливые супруги); 花开并蒂 два лотоса на одном стебле расцвели;

Аксиологемы-фразеологизмы, связанные с похоронами:

驾鹤西去 « улететь на Запад» (в значении умереть); 天妒英才 «небо ревновало гения» (о человеке, который умер); 香消玉损 «аромат исчез, яшма разбилась» (о смерти); 车过腹疼 повозка уехала, а душа болит(человека похоронили и душа болит от этого); 寝苫枕草 спать на циновке, положив голову под солому (в трауре).

Аксиологемы-паремии

Паремия – устойчивая фразеологическая единица, представляющая собой целостное предложение дидактического содержания. К данному типу аксиологем мы относим народные изречения – пословицы и поговорки, которые в китайском языке определяются как яньюй(谚), суюй(俗语). Пословицы и поговорки имеют огромную ценность для каждого этноса, именно в них заключается житейская мудрость, которая накоплена веками. Пословицы впитали в себя все тонкости оценочного отношения к действительности, ее восприятия.

Аксиологемы - паремии, связанные с рождением:

婴儿是屋子里的明灯(Младенец – путеводная звезда в доме); 父母是孩子的镜子(Родители – отражение ребенка); 有其父, 必有其子(Каков отец, таков и сын); 孩子再丑, 也是自己的 (Ребенок не красив, но все-таки родной);

Аксиологемы - паремии, связанные со свадьбой:

Свадебные паремии делятся на паремии-предписания и паремии-умозаключения. Паремии-предписания: 男大当婚, 女大当嫁 (Мужчина вырастет - необходимо жениться, девушка вырастет – необходимо выйти замуж); 男怕人错行, 女怕嫁错郎 (Мужчина должен волноваться, что неправильно выберет профессию, а девушка должна волноваться, что неправильно выберет мужа). Паремии – умозаключения, в которых благодаря многовековому опыту содержатся житейские мудрости в виде констатации фактов: 婚成不媒无下地雨下不云无上 (Без свахи не бывает свадьбы, без туч

не бывает дождя); 千里姻缘一线牵 *Даже за тысячу миль судьба приведет милого, словно за нитку* (два человека, которым суждено быть вместе, никогда не разлучатся); 好马儿不用鞭挞, 好情人不需媒婆 *(Хорошей лошади не нужно седло, влюбленным не нужна сваха)*

Аксиологемы - паремии, связанные похоронными обрядами:

死逼上梁山 *(Смерть загоняет в безвыходное положение)*; 欲求阴地好, 先须心地好 *(Желаешь, чтоб на кладбище было хорошо, сначала должна быть душа хорошей)*; 虎死留皮, 人死留名 *(Тигр после смерти оставляет шкуру, а человек имя)*. В связи с тем, что тема смерти вызывает страх, не входит в сферу человеческой силы, люди придумали систему отличительных признаков, которое предвещают какие-либо явления [31]: 雨打棺材盖, 子孙没有被褥盖 *(дождь стучит по крышке гроба, детям и внукам не будет одеял накрыться)* дождь во время захоронения – плохое предвестие;

雨打墓, 辈辈富 *(дождь на могилу – богатства поколениям)*. Если после захоронения пошел дождь – хорошее предвестие; 脸发黑, 不过半月 - *лицом почернел, не протянет и полмесяца*.

Итак, в ходе проведенного анализа и систематизации форм языковой репрезентации ритуальных символов китайской культуры, выявлено около 160 аксиологем-слов, 16 аксиологем-антропонимов, 63 аксиологемы-фразеологизма и 43 аксиологемы-паремии. Полученная классификация разноуровневых аксиологем, транслирующих глубинные непреходящие ценности китайского культуры формирует аксиологическое измерение традиционного китайского ритуала.

Библиографический список

1. Казыдуб, Н. Н. Аксиологические системы в языке и речи [Текст] / Н.Н. Казыдуб // Вестник ИГЛУ (серия филология). – 2009. - №2. – С.132-137.

2. Китайский словарь фразеологизмов [Электронный ресурс].1. – Режим доступа URL: <http://chengyu.itlearner.com/chaxun.php?q1=%C9%A8&q2=&q3=&q4=> (дата обращения: 06.10.2014)
3. Лотман, 1987 – Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур. (Электронное издание.) <http://www.countries.ru/library/texts/lotman.htm> (10.11.2013).
4. Митрошенков О. А. Философия: Учебник. / Под ред. проф. О.А. Митрошенкова // М.: Гардарики, 2002. 655 с
5. Серебренникова, Е. Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. Руководитель проекта доктор филол. наук, проф. Е.Ф. Серебренникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 529 с.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное [Текст] / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс, 1995. – 624.
7. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е.А. Торчинов . – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 480 с.
8. Тразанова Н. Ю. Параметризация паремиологии как аксиологического кода лингвокультуры [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Ю. Тразанова ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2012. – 256 с.
9. Тэрнер В. Символ и ритуал [Текст] / В. Тэрнер // Сост. В. А. Бейлис и автор предисл. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 280 с.
10. 中国古代礼俗 – 北京: 商务印书馆, 1997. – 206.
11. 中国民间信仰风俗词典 – 北京: 中国文联出版公司, 1997. – 855.

Е.А. Хамаева (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт

К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО АНТРОПОНИМА

В статье рассматривается явление сложной семиотической сущности китайских антропонимов, анализ семантики, фонетики и графики которых предполагает обращение к

теории мифа. Современные китайские личные имена, таким образом, представляется возможным признать знаками, способными породить многочисленные мифы на семантическом, фонетическом и грамматологическом уровнях.

Ключевые слова: антропоним; мифология имени; ономастическая система

E. A. Khamaeva (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

MITHOLOGICAL NATURE OF MODERN CHINESE ANTHROPONYM

The article reviews the problem of complex semiotic nature of Chinese personal names. In the analysis of their semantics, phonetics and graphics is involved the theory of myth. It is possible to recognize Chinese personal name as the signs, which have the ability to generate many myths on the semantic, phonetic and literately levels.

Key words: anthroponym; Mythology of name; onomastic system

Миф, по словам А. Ф. Лосева, не есть объективное бытие, а бытие непременно личностное, преломленное сквозь личность субъекта, обращенное к конкретной личности [Лосев, 1991, с. 98]. Миф – это своеобразная вторичная семиотическая система, которая присваивает, превращает знаки объективной действительности (в том числе языковые знаки, как знаки первичной семиотической системы), в знаки и предметы личностного бытия.

Любое имя собственное – вторичный языковой знак, т.к. создается (или выбирается) определенной личностью на основе уже существующего языкового знака, например, имени нарицательного. Следовательно, любое имя собственное мифологично по своей природе.

История культуры, по замечанию Е. М. Мелетинского, ее эволюция в целом шла в направлении постепенной «демифологизации», стремлении к достижению объективного знания (ее вершинами можно считать просвещение

18 в. и позитивизм 19 в.) [Мелетинский, 1976, с. 24], что отразилось и на отношении к феномену личного имени. Тем не менее, в анализе современных китайских антропонимов, представляется возможным утверждать, что они являются абсолютно мифологичными.

Китайский антропоним, в котором формальная оболочка представлена фонетической и идеографической стороной, будет образовывать отправную точку мифа сразу в трех направлениях: семантическом, грамматологическом и фонетическом, что и обуславливает его сложность и синкретичность.

Как известно, «в мифе имеются две семиологические системы, одна из которых встроена в другую; во-первых, языковая система, язык», которую Р. Барт называет его «языком-объектом, поскольку он поступает в распоряжение мифа, который строит на его основе свою собственную систему; во-вторых, это сам миф, его можно называть метаязыком, потому что это второй язык, на котором говорят о первом». Следовательно, «материальные носители мифического сообщения, какими бы различными они ни были сами по себе, как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания, все они представляют собой лишь исходный материал для построения мифа; их единство заключается в том, что все они наделяются статусом языковых средств» [Барт, 1994, с. 77].

В китайской культуре отсутствует устойчивый список имен, а в образовании антропонимов участвуют различные языковые средства. Личное имя представляет собой своеобразный неологизм, полноценный языковой знак, который обладает сигнификативной семантикой, наряду с денотативной и коннотативной. Если сигнификат такого антропонима совпадает с сигнификатом соответствующего апеллятива, то в процессе своего функционирования он невольно мотивирует образование мифов, т.е. личностных интерпретаций языковых знаков, входящих в состав личного имени. И, чем проще семантика языкового знака, входящего в состав имени, тем более мифологично это имя, шире круг порождаемых им мифов.

Антропоним Пан Шилу (庞诗璐) состоит из фамилии Пан и имени Шилу, в котором Ши (诗) значит «стих, стихотворение», Лу (璐) «лучший (белый) нефрит». Связь между элементами имени сочинительная, т.е. имя можно перевести как «стихи и нефрит». Впрочем, интерпретация может быть и более широкой: «стихи прекрасные, как нефрит» и т.п.

По замечанию носителя антропонима, имя Шилу (诗璐) также обладает дополнительным смыслом. В частности, оно является омонимом слов «учитель» (ши (教) 师) и «дорога» (лу 路), что обусловлено тем, что его мама работает учителем, а папа ремонтирует дороги.

Интересным также является китайский антропоним Чжан Сыци (张思奇). Элемент Сы значит «мышление, мысли», элемент «ци» значит «необычный, удивительный». В результате имя Сыци можно перевести как «мыслить удивительно» или «мысли удивительные». Однако наряду с этим, данное имя является отсылкой к именам 马克思 (К. Маркс) и 伊里奇 (В. Ильич Ленин).

Субъективные, многочисленные, привязанные к личности имядателя интерпретации конкретного имени образуются «по единому содержательному параметру - личности операнта-носителя коллективного опыта» [Маковский, 1996, с. 73].

Китайская культура – это, прежде всего, «письменная культура», или «культура, выраженная в письменном знаке» [Торчинов, 2007, с. 32]. В связи с такими особенностями иероглифического письма, как дискретность (членимость, выделяемость) и иерархичность, когда более простые единицы являются составляющими более сложных через набор правил, возникают условия для образования мифа и по грамматологической линии.

В китайском антропониме особый смысл приобретает не только каждая логограмма – самостоятельная значимая единица китайской письменности, но и морфограммы [Готлиб, 2007, с. 24]., а также структура знака и т.д.

Женское имя Хуан Жуй (黄蕊), состоящее из фамилии Хуан (黄) и имени Жуй (蕊), имеет значение «тычинки и пестики (цветка); бутоны; плод

(растения)». Присутствие данного слова в женском имени вполне оправдано, характерно для китайской культуры именования, т.к. оно, с одной стороны, может считаться своеобразным пожеланием «быть красивой, как цветок» (как сказано в анкете носителя данного имени). Вместе с тем, вогнутая, чашеобразная форма цветка – символ пассивности и женственности, его трехчастное устройство обозначает космическую гармонию [邓智海, 2004, 页 18].

Однако особый интерес вызывает грамматологический аспект данного имени. Логограмма Жуй (蕊) включает в свой состав не только смыслообразующую морфограмму «трава (艹)», но и три знака «сердце (心)». По словам носителя, три знака «сердце» символизируют три «сердца» самых близких людей: отца, матери и ребенка (носителя имени). В данном имени заложено скрытое пожелание того, чтобы «три сердца (папы, мамы и ребенка)» всегда были вместе, рядом, как это изображает знак Жуй (蕊).

Исходя из вышесказанного, следует, что грамматологическая оболочка китайского антропонима несет не меньше смысловой нагрузки, чем его содержательная сторона. Мифологическое мышление способно рассматривать любой письменный знак (самостоятельный – логограмму и несамостоятельный – морфограмму) как самостоятельную единицу, которая способна участвовать в семиозисе и, соответственно, оказывать на носителя этого знака определенное влияние.

Китайский антропоним способен образовывать миф и по фонетической линии. В изолирующих языках за одним и тем же звуковым отрезком закрепляется несколько разных значений. Ограниченное количество слогов (около 400), различающихся лишь тональным рисунком, заставляет язык использовать одни и те же слоги в качестве звуковых оболочек разных морфем и простых слов, что приводит к значительной омонимии [Солнцев, 1995, с. 147].

Данная особенность языка в сочетании с мифологической верой китайцев в магию имени, открывает широкие возможности для фонетико-семантических вариаций со словом. Как известно, слова, обладающие одинаковым звучанием,

в мифологическом мире считаются «родственными», коррелятивно связанными между собой по принципу симпатии, который иногда принимает форму «подобное влечется к подобному».

Антропоним Лю И (刘一) состоит из фамилии Лю и имени И. Имя представляет собой числительное «один; первый (一)». Таким образом, первичное значение данного имени будет «первый». Числительное «один» в китайской культуре обладает широким кругом ассоциаций, коннотативных значений. Например, единица может указывать на: единичность (吴一鹏 - досл. «одна птица Пэн»); полноту, совершенство, целостность, полный объем (鱼一川 «река, полная рыб»); единство, единообразие (万众一 - досл. «единство всех людей»); начало, начальный этап чего-либо (王一鸣 - досл. «начало славы»); единодушие, сосредоточенность (杨思一 «единство мысли»); и т.д.

Вместе с тем, имя Лю И является омонимом таких сочетаний, как «六艺» (лю и) 1) шесть главных искусств (этикет, музыка, стрельба из лука, управление лошадьми, каллиграфия, математика) 2) конфуцианское «Шестикнижие» (см. 六经). Соответственно, дополнительным значением данного имени является пожелание овладеть шестью главными искусствами древнего Китая, т.е. вырасти образованным, ученым человеком (который способен прочесть конфуцианские каноны (Шестикнижие), как образец высшей степени образованности в Китае).

Имя Лю И (刘一) также является омонимом сочетания 留意 (лю и) «обратить внимание». Таким образом, человеку по имени Лю И (刘一) желают в жизни быть внимательной, уметь обращать внимание на те явления, которые люди обычно упускают из виду.

Данный факт, по всей видимости, подтверждает слова Ю. М. Лотмана о том, что «мифология реализуется в омонимии» [Лотман, 1992, с. 73].

В сравнении с личными именами других ономастических систем мифологического типа, в которых образование мифа происходит лишь по

линии семантики, либо фонетики, китайские антропонимы имеют более сложную природу, они обладают способностью порождать миф идеографический. Данный факт, представляется, дает основания считать современные китайские антропонимы абсолютно мифологичными.

Библиографический список

1. Барт, Р. Миф сегодня. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. - М.: Прогресс, Универс, 1994. - С. 72-130.
2. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности [Текст] / О. М. Готлиб. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 284 с.
3. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
4. Лотман, Ю. М. Избранные статьи [Текст]: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. - Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – 480 с.
5. Маковский, М. М. Язык. Миф. Культура: Символы жизни и жизнь символов [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Институт русского языка им. В. Виноградова, 1996-а. – 329 с.
6. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 399 с.
7. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков [Текст] / В. М. Солнцев. – М.: «Восточная литература» РАН, 1995. – 352 с.
8. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е. А. Торчинов. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007. – 329 с.
9. 邓智海.取个好名伴你好运[本文]邓智海.-北京:中国档案出版社, 2004. – 363 页.

А.А. Харитошкина (Екатеринбург)

искусствовед

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

Цель работы дать инструменты преодоления наиболее очевидных факторов (ограниченной возможности глубокого практического освоения и своеобразного медитативного психологического воздействия на зрителя), затрудняющих аналитическую работу в искусствоведческом исследовании китайской традиционной живописи.

В работе рассматриваются основы китайской национальной живописи: то, что впитывается при освоении простейшей практики и в дальнейшем подразумевается, как должное; то, на чём основываются зрительское восприятие и анализ; то, в чём кроется отличие китайской и западной живописных систем; многое уже хорошо нам известное, но не до конца осознанное. Приводится анализ особенностей таких выразительных средств как линия, цвет и свет, и затрагиваются проблемы физиологических аспектов, влияющих на живопись.

Ключевые слова: *китайская традиционная живопись, выразительные средства, кисть, линия, цвет, свет*

A. Kharitoshkina (Yekaterinburg)

FINE ART EXPERT

THE PECULARITIES OF EXPRESSIVE MEANS OF CHINESE TRADITIONAL ART OF PAINTING

The purpose of this article is to provide some methods of overcoming the evident factors (for example, limited capacity of deep practical experience and meditative psychological effect on the audience), which hamper the progress of analytical research in the sphere of Chinese traditional fine art.

The author gives the review of basic aspects of Chinese traditional fine art, its distinctions from the Western fine art. The analysis of the peculiarities of such expressive means as line, color and light is carried out.

Key words: *Chinese traditional art of painting, expressive means, paintbrush, line, color, light*

Одно из первых наставлений, начинающим заниматься китайской живописью или каллиграфией, – как правильно держать кисть. В связи со строением китайской каллиграфической кисти, ее выразительные способности максимально проявляются в положении под углом 90° относительно плоскости листа. Независимо, горизонтально лист расположен или вертикально. Не важно «как взять в руку кисть», важно «в каком положении кисть удерживать». Положение каллиграфической кисти относительно листа порождает всё разнообразие способов её удержания, управления ею, а так же весь спектр

мазков. Круговые и каплевидные, продольные по ворсу кисти и поперечные (боковые) мазки, разнообразные повороты, осуществляются при помощи изменения направления движения кисти, но без изменения положения кисти (место соединения ворса и ручки) относительно плоскости листа.

Правильное положение кисти естественно повлияет на положение руки, положение же руки отразится на положении всего корпуса живописца (процесс обоюдный, таким образом, правильное положение корпуса обусловит правильное положение кисти). Правила положения корпуса живописца совпадают с основными правилами положения тела в китайских традиционных боевых искусствах. Для данного положения тела важно поддержание особого состояния расслабления. Расслабление дает нужную степень проводимости как из глубины тела во внешний мир, так и из окружающей среды до самой глубины тела.

Из верного положения покоя начинает рождаться движение. Импульс, рождающий движение – дыхание. Кисть движется за счёт движения, рождённого дыханием, а расслабленное состояние позволяет наиболее тонко передать движения дыхательного ритма. Как ян символизирует вдох, а инь – выдох, так и живописные мазки в зависимости от того наносятся они на вдохе или выдохе, становятся иньскими или янскими. Направление же движения задаётся усилием сознания.

Нужную степень проводимости сознания художника через его тело, через кисть на бумагу, так же даёт состояние расслабления. Сознание в данном случае одновременно и источник создаваемых образов и средство их воплощения на бумаге. С этим тесно связано качество не только каллиграфической кисти, но и китайской слабопроклеенной бумаги. Задача и той, и другой быть максимально восприимчивой ко всем тончайшим нюансам усилия, производимого дыханием и сознанием. Дыхание и сознание – не мышечные усилия, поэтому, если основываться на привычных сегодня нам движениях и состояниях психики, достижение высокой техники в китайской традиционной манере живописи невозможно.

Помимо расслабленности тела важна и целостность. Эти два качества тесно связаны. Их несоблюдение повлечёт прекращение правильного течения ци в организме, затруднит прохождение импульсов дыхания и сознания, что, в свою очередь, сразу приведет к разрыву в произведении, отразится на изображаемом. Если нет нужной целостной расслабленности, движения становятся рваными, натруженными – неподвластными художнику, что немедленно нивелирует тоновые градации живописи, исчезает её выразительность, а также уничтожается целостность произведения.

В китайской живописной традиции сознание непрерывно должно быть сконцентрировано в теле художника, постоянно целостно охватывая его Вселенную (а также кисть, бумагу и т.д.). Истинный мастер, владея, прежде всего, своим сознанием, комплексно овладевает любыми живописными инструментами (в т.ч. собственным телом), посредством которых воплощает на полотне внутреннее состояние, мировоззрение и т.д.

Для китайской живописи (и в этом абсолютная разница с европейской) не столь значимо ЧТО изображено, сколько КАК это изображено – возможность при взгляде на картину ощутить, проследить сам процесс появления образа. Увидев ритмы кисти, можно ощутить движения художника, через движения же постичь то состояние, переживание, которое он передал в своей работе. Это и определяет медитативное состояние (профессионально-осознанное или интуитивное) при созерцании произведений китайской живописи.

Китайские исследователи и художники отмечают, что китайская живопись и, более того, культура в целом, принципиально... «линейна». Они же указывают «линейность», как качественное отличие китайской культуры от западной. В китайском языке используется понятие «сяньтяо», переводимое термином «линия». Перевод этот вошёл и в искусствоведческие труды, породив, по мнению автора, огромную неточность.

Китайские сравнительные исследования так описывают различие линии в китайской и западной живописи: «Линия в китайской и западной живописи имеет великое значение, но в китайской традиционной живописи её место

много важнее, её видоизменения разработаны гораздо богаче. Обычно, если говорить о западной линии, при создании изображения главным образом уделяется внимание передаче ощущений природы, объёма, пространства, в основном линия применяется для изображения контура объекта и построения композиции, поэтому и заявлено, что линия принадлежит объекту, независимость линии сравнительно слаба. Линия же в китайской живописи давно вышла за рамки изображения формы объектов, стала средством выражения эмоций автора, искусством выражения человеческой природы, и включает в себя способности писания формы, писания сердца, писания мысли и писания духа» [唐建, 2008, с.71-72].

В символично-философском аспекте для китайской культуры характерно единство человека и природы, а в живописи отсутствует линия, как граница предмета и пространства.

В европейской традиции «линия» - это граница, граница предмета и окружающего пространства, граница между предметами. Китайское же понятие – это, скорее, протяжённость. Протяжённость во всех направлениях: длину, ширину, глубину, высоту; протяжённость во времени. Техническая составляющая, которая выражает протяжённость – движение кисти. Непрерывное и неповторяющееся. Движение, оставляющее след на бумаге, то тонкий, как волос, то широкий, словно река, то прозрачный, то насыщенный, то сухой, то влажный. И всё это – «сяньтяо». Всё это для китайского сознания суть одно – то, что у нас ограничено гораздо более узкими понятиями «линия» и «пятно». Таким образом, среди изобразительных средств китайской традиционной живописи невозможно вычленить элементов, базовых для европейской живописи, «линии» и «пятна». Более того, в китайской живописи некорректно выделять даже «мазок», как изобразительную единицу. Применять данную терминологию мы вынуждены, но важно помнить, что в рамках описания и анализа китайской традиционной живописи, эти понятия будут обозначать стадии единого процесса, а не изобразительные приёмы. При изучении китайского живописного произведения, важны не наборы отдельных

изобразительных приёмов, их конфигурации, но моменты перехода одного в другое, целостное течение.

Источник «китайской линии» начинается до листа бумаги, её окончность лежит за пределами листа, она стремится уйти вглубь, увлекая за собой плоскость листа, она стремится вырваться ввысь, и лист поддерживает её. Она всё время в движении, изменении, жизни. Она символическое обозначение сущности жизни, её непрерывности, текучести, бесконечности преобразований. Китайский художник изображает не предмет, а именно эту структуру бытия. И для этого он должен повторить её движения, скорость, траекторию. Значит, должен писать так же непрерывно. Вы видите пустоты, отрывы кисти, перескоки... Однако это не показатель «прерывания» движения кисти. Наоборот, если от одного «зримого» мазка до другого, нельзя представить логичную, оправданную траекторию движения (движение продолжается, только нет соприкосновения кисти с плоскостью листа) - это не просто недостаток, это свидетельство неумения.

Как непрерывно дыхание, так непрерывно и движение кисти; и лишь часть его проявлена на полотне.

В китайской традиционной живописи наивысшая эстетическая ценность всегда отводилась монохромной живописи тушью. Ещё знаменитый Ван Вэй в эпоху Тан утверждал: «Среди всех видов живописи, наивысший – водой и тушью» [姚舜熙, 2007, с.323].

И в этом так же проявляется один из основополагающих принципов китайской культуры – взаимодействия инь и ян. Символ этого взаимодействия чёрно-белый. Взаимодействие и взаимосвязь (взаимоотношения) этих двух цветов полностью исчерпывают структуру и суть функционирования мира. Для обобщённой характеристики китайскую концепцию мироздания можно обрисовать и следующим образом. Хаос раскололся на инь и ян; инь и ян составили триграммы, которым соответствуют шесть стихий (их символы основные цвета, вещества и т.д.); из них уже состоит всё прочее в мире. Цветовое разнообразие в структуре мироздания не входит в число первичных,

наиглавнейших явлений, следовательно, и в художественной эстетике нечто последующее, не отражающее собой глубинную реальность, а, значит, не несущее самостоятельной художественной ценности, нечто для «обывательского вкуса».

В живописи это выражено концепцией: «Движущаяся тушь несёт в себе все пять цветов» (юнь мо усэ цзюй) [姚舜熙, 2007, с.323]. Иными словами, тушь, вода, кисть и приёмы её ведения, воспринимающая это бумага, всё в комплексе даёт бесконечное многообразие переходов и богатство преобразований: белого листа в чёрный след туши, мягкого размыва прозрачного пятна в насыщенную сухую тончайшую линию. Владение тушью в китайской живописи достигло такого уровня, что применительно к ней смело можно вести разговор о колористике.

Здесь следует сделать ударение на значимости именно монохромности, а не чёрно-белого цвета. Не в одной лишь живописи, но и в фарфоре выше ценится монохромное изображение (рисунок нанесённый кобальтом, изысканнее многоцветного). Существует даже пример, когда благодаря цвету была подчеркнута художественная значимость и суть монохромности в китайской живописи и культуре: бамбук, написанный красной, а не чёрной тушью. Не важен цвет, важны его переходы и ничего «лишнего».

Таким образом, тональная живопись, не просто доминирующий уникальный способ выразительности, но, прежде всего, эстетический эталон.

Однако неверно полагать, что цвет не занимал в китайской живописи значительного места и не удаивался самостоятельной роли. Прежде всего, нельзя забывать о школе придворной живописи и народном искусстве. На их основе и под воздействием глобализации, в китайской традиционной живописи появляются «эксперименты» с цветом.

Современные мастера чаще, многограннее и порой искуснее применяют цвет, но это следствие личных художественных достижений, а не формирование тенденции в развитии китайской живописи. В большинстве произведений, даже искусное цветовое решение по-прежнему подчинено тоновым законам работы с

тушью. На сегодняшний день монохромность остаётся одним из атрибутов традиционной китайской живописи «высокого уровня».

Категория «свет», также как линия и цвет, в китайском искусстве имеет своеобразную, отличную от европейской, трактовку.

Китайская традиционная живопись тушью и кистью передаёт атмосферу, состояние, движение, пространство, фактуру. Однако, при всём богатстве способов изображения окружающего мира, в китайской живописи нет изображения света. Нет существующего в западной живописи изображения света самого по себе, как главного персонажа, как вещественной, опредмеченной массы, нет и определённого источника света, как нет точечной перспективы. В картинах есть только освещение, связанное с уникально точной передачей ощущений окружающей среды и состояний предмета в ней. В китайской традиционной живописи можно встретить плоды на жарком летнем солнце, хотя нет ни солнца, ни лучей, ни даже игры бликов на стеблях и листьях. Исключительно ощущение атмосферы, но не визуализация всех элементов этой атмосферы. Можно встретить и изображения источников света - солнечные диски, лампы, но и они, как избранная автором часть мира, вещи для передачи целостного бытия. Вводя их в полотно, автор не уделяет внимания особенностям освещения от этих источников, игре света, падению светотени.

Выразительность кисти и туши не может включить в себя разработку света. Создание пространства тональными градациями, где ближний план и доминирующие элементы будут изображены более густой, насыщенной тушью, а дальние - прозрачны и размыты, исключает возможность создания тени - тёмной, а освещённого участка - светлым как привычно европейскому глазу.

Живопись тушью должна быть крайне избирательна в выборе предмета изображения, чтобы избежать эффекта беспорядочности, неразборчивости. Совмещение изображений фактур вещественного мира и света во всех его проявлениях невозможно, поскольку это приведёт к смешению и столкновению элементов, требующих принципиально разных способов изображения. Поэтому

в китайской традиционной живописи свет не может быть изображён непосредственно, а только передан опосредованно – домысливаться в межпредметном пространстве.

Таким образом, в китайской живописи тушью нет света как самостоятельного героя, но очень значима передача атмосферы, состояния окружающего мира, включающего в себя все проявления, в том числе освещение.

Библиографический список

1. Харитошкина А. «О физиологической основе художественной выразительности китайской национальной живописи»// Китай: история и современность. Научно-практическая конференция. - Екатеринбург, 2010.
2. Цзян (Харитошкина) А.А. Понятие линии в китайской традиционной живописи // Китай: история и современность: материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011
3. Цзян (Харитошкина) А.А. Чёрно-белое мышление (цвет в китайской традиционной живописи) // Китай: история и современность: материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011
4. 中国画的精神家园/ 唐建著. –北京: 中国政法大学出版社, 2008.
5. 中古花鸟画学概论/ 姚舜熙编著. –北京: 高等教育出版社, 2007.

Л.М. Хахураева (Иркутск)

**ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет
экономики и права»**

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КИТАЙЦЕВ В СТРУКТУРЕ ИЕРОГЛИФОВ

Статья посвящена анализу китайских иероглифических знаков, смысловое содержание которых тесно взаимосвязано с социальными и философскими аспектами традиционной китайской культуры. В работе рассматриваются этимологические особенности иероглифов в рамках даосских и конфуцианских концепций.

Ключевые слова: Дао, Дэ, конфуцианство, традиционная культура, гуманность.

TRADITIONAL IDEAS OF CHINESE IN THE HIEROGLYPH STRUCTURE

In this article the Chinese hieroglyphic signs are analyzed. Their semantic content is closely linked with the social and philosophical aspects of traditional Chinese culture. The text considers characters' etymological features within the Taoist and Confucian concepts.

Keywords: *Dao, De, Confucianism, traditional culture, humanity.*

Китайская культура привлекает своим богатством, разнообразием и содержательностью. Жителям Китая удалось не только сохранить свою самобытность и традиционные ценности, но и заложить их в основу государственности, как фундамент своего развития.

Одна из лучших достояний Китая – иероглифическая письменность. Китайцы гордятся ею, так как в структуре знаков сохранилась бесценная информация из далекого прошлого. Сегодня мало кто из народов может похвастаться богатым культурным наследием. Как правило, материальные и духовные ценности в переходные исторические периоды истребляются властью: своей или пришлой.

Иероглифический знак – уникальная возможность прочесть послания предков об их представлениях и идеях, сравнив которые с нашей действительностью, можно сделать соответствующие выводы. По сути, каждый иероглиф – это как книга о каких-либо явлениях, принципах или предметах. Подобная информация несет огромную пользу: она в очередной раз доказывает, что общечеловеческие ценности и потребности в своей основе незыблемы, природа вещей и межличностных отношений не изменяются. Люди меняют лишь отношение к ним, и как показывает история, в худшую сторону, что и вызывает социальный кризис.

Современные геополитические изменения приводят к широкому распространению китайского языка по всему миру. Если до недавнего времени иероглифическая письменность Китая была практически недоступной для

посторонних, то сейчас этот язык, благодаря государственной политике КНР, вводится во всех странах. Таким образом, получена возможность не только познакомиться с новой уникальной культурой, но и воспользоваться ее практической ценностью – обратиться к мировоззрению людей древности.

Так, согласно представлениям древних жителей бассейна рек Хуанхэ и Янцзы, миром и человеческой судьбой правит Дао 道. Дао – это первоначало всего сущего, его основа и это место, куда все сущее по завершению возвращается [Ян Кунжу, 2005, с. 27]. Это и закон движения Вселенной, и сама Вселенная в одном понимании. Дао абсолютно неподвластно человеческой воле. Дао нельзя ни с чем сравнить. Его нельзя никак назвать [Дао и даосизм в Китае, 1982].

Иероглиф 道(dào) представляет собой сочетание двух смысловых ключей «идти вперед» 亠(zǒu zhī páng) и «макушка» 首(shǒu). Макушка, или точнее, голова человека символизирует Разум, который в данном случае находится в постоянном движении вперед. Движение идет по кругу циклически: весна-лето-осень-зима-и снова весна; рождение-смерть-рождение; счастье-страдание-счастье; богатство-бедность-богатство и т.д. Подобная теория наиболее близка к буддийскому учению о цепи перерождений по кармическому принципу. Но если в буддизме человек усилием воли может с помощью благих дел повлиять на свое будущее перерождение, в даосизме человек абсолютно безволен что-либо поменять в своей судьбе и в мире. Но зато человек способен постичь Дао, что приводит его к осознанию абсолютной бессмысленности и необоснованности его действий и безграничных желаний. Единственный смысл жизни – жить согласно законам Дао, поближе к природе и исходя только из жизненно важных естественных потребностей. Недаром существует изречение даоса: «Ради блага Поднебесной не пожертвовал бы даже одним волоском со своей голени» [Фэн Ю-лань, 1998, с. 83].

Единственным источником, указывающим на существование Дао, является древняя книга «Дао Дэ цзин» (Трактат о Дао и Дэ), написанная

полумифическим легендарным основателем даосизма, старцем Лаоцзы. Дэ, оно же «путь Дао» 德 (dé) понимается как настройка сознания и сердца на один лад с Дао, чтобы жить, не препятствуя ему, а плыть по течению с Его законами. А Законы Дао имеют только нравственную добрую природу.

Именно Дэ сформировало общечеловеческие ценности не совершать насилие, не красть, не лгать, не прелюбодействовать, - все то, что заложено в основу мировых религий. И именно недеяние (но не бездействие), а вовсе не благородные поступки и героические подвиги, являются залогом всемирного счастья [Лукьянов А., 2001, с. 132]. Действительно, если исключить из жизни человечества убийства, коррупцию, корысть, извращения и т.д., потребность бороться со злом и несправедливостью просто отпадает.

В «Дао Дэ цзин» одно из изречений гласит: 道生一，一生二，二生三，三生万物 (dào shēng yī, yī shēng èr, èr shēng sān, sān shēng wǎnwù) – «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три» [Лаоцзы, 2003, с. 42]. Это принцип, по которому возникает придуманный нами, в своей основе ложный, человеческий мир, полный иллюзий. Так, например, с описания причин страданий начинается и буддийский канон «Дхаммапада», в котором говорится, что в основе всех человеческих бед лежат привязанность к миру и ложные желания этим миром обладать. Но если к Нирване (абсолютному спокойствию в результате просветления) в буддизме можно прийти, отказавшись от привязанностей и заблуждений, то в даосизме ни отказаться, ни принять что-либо невозможно, единственный выход – это смирение с действительностью и не-мыслие.

Дао рождает одно – означает, что в основе мира заложена его всеобщность и неделимость. Все в природе тесно взаимосвязано – уничтожение одного звена непременно приведет к гибели другого. Недаром в Китае слово Я 我 (и как следствие, его производное - «Мое»), по мнению ученых, возникло сравнительно позже других знаков. До определенного времени китайцы говорили о себе в третьем лице. Удивительно, что структура знака «Я»

скопирована с формы военного оружия, что говорит об агрессивной природе слова [Соколов В., 2009, с. 20].

Одно рождает два. Ложное осознание «Я» как о чем-то отдельном и независимом, породило Два – противоположности. Китайские Инь и Ян – две основные силы природы: Ночь-День, Земля-Небо, Женщина-Мужчина. Если Инь характерна незыблемость, постоянство, спокойствие, то Ян – это движение. Все формы Инь, как и всё принадлежащее Ян близки по своей природе. Так древний знак «женщина» 女 nǚ иероглифически изображает девушку на коленях в ритуальном поклоне. Это не попытка поработить женщину, а лишь символический показатель ее природы. Также как Земля находится ниже Неба и поддерживает его, питает и порождает, таково и предназначение Женщины – подпирать мужчину «снизу», занимаясь своими обязанностями питать и порождать [Китайские иероглифы, 2008, с. 682].

Два рождает три. От союза Неба и Земли, Мужчины и Женщины возникает третья сила – все живое, которое в своем взаимодействии рождает десять тысяч вещей – все предметы, явления, идеи, – то есть все то, из чего состоит наш мир. Этот «мир» постоянно расширяется, так как человеческий разум порождает каждую секунду новые и новые идеи, которые материализуются в предметы, вызывающие все больше желаний, эмоционального и физического напряжения, и как результат психологическую усталость и болезни. Все войны и страдания человека основаны на идеях, возникших в нашей голове, но не существующих в действительности. Ведь на самом деле мир в своей основе един и делить людям нечего. К тому же миром правит Дао, а значит, все действия человека абсолютно бессмысленны.

Недаром в Китае самым мудрым человеком считается новорожденный ребенок 子 zǐ, с чистым, еще незагрязненным ложными теориями и представлениями, сознанием. Его, недаром, изобразили с большой головой, что символизирует его Абсолютный ум. Поэтому этим же знаком определили и Учителей. Так сам основатель даосизма именован Лаоцзы 老子 Lǎozǐ, что

можно буквально перевести как Старый ребенок, и именно этот момент характеризует его как настоящего Мудреца и Учителя.

Дважды 子 zǐ встречается и в имени Конфуция 孔子 Kǒngzǐ – самого влиятельного идеологического и духовного учителя Китая. Народ Китая превратил его учение в своего рода религию, а статус Кун-цзы не уступает статусу Христа в европейском мире. Главной заслугой Конфуция была в том, что он проделал огромную работу по восстановлению традиционных знаний и учений предков. Задача заключалась в редактировании и сохранении древних письменных канонов, написанных предками, а также передаче полученных знаний ученикам. Главное условие Конфуция - **не выдумывать**: «Я не создаю, а лишь передаю» [Конфуций, 2004, с.46]. Следуя учению древних предков, Мудрец учит своих последователей следующим нравственным законам: любить людей 仁 rén, заботиться о родителях 孝 xiào, следовать ритуалу 禮 lǐ, совершенствоваться 文 wén, и реализовывать все это в жизнь не по собственному или чужому принуждению, а только руководствуясь внутренним моральным долгом 義 yì. Так знак «человеколюбие» 仁 rén, указывающий на присутствие рядом с человеком второго человека, искореняет эгоизм и концентрацию на себе самом. Человек должен не сколько уважать, а сколько искренне любить других людей, от всего сердца. Иероглиф «сыновняя почтительность» 孝 xiào, состоящий из смысловых ключей «старый» 耂 и «ребенок» 子, напоминает людям о жизненном долге беречь и любить своих родителей, помнить умерших предков, а также уважать и помогать всем старым людям вне дома. «Ритуал» 禮 lǐ – это искусство и умение переносить традиционные обряды поклонения предкам на социальную сферу, способствуя этим гармонии в обществе и в государстве в целом. Учить древние заповеди все свободное от служения родителям и обществу время завещает ключ «культура» 文 wén. Эта пиктограмма, изначально представлявшая собой татуированный узор на груди человека, по сути символизирует не внешнюю, а внутреннюю красоту человека, его образованность, интеллигентность, культуру. И добиться

такой красоты, согласно Конфуцию, можно лишь подражая мудрым и следуя традициям. И следующая, очень важная, мотивирующая на все вышеуказанные нравственные положения, категория - «долг» 义 yì (義). Древняя идеограмма означала «жертвоприношение», а именно, возвращение долга Небу и духам предков. Только постоянная благодарность и ответное благо – главная мотивация жизни человека, а не иллюзорные материальные ценности и безосновательные идеи.

Таковы традиционные ценности предков китайской нации, и они жизненно необходимы всегда, в любом поколении. Такие нравственно-духовные заповеди есть у каждого народа, общечеловеческие ценности у всех одинаковы. Однако необходимо не только изучать сохранившиеся в Китае традиционные представления, но и одновременно, следуя примеру Конфуция, нужно восстанавливать свою историю, знания своих предков ради разумного и гармоничного развития потомков.

Библиографический список

1. Дао и даосизм в Китае / Под ред. Л. С. Васильева, Е. Б. Поршневой. – М.: Наука, 1982. – 287 с.
2. Даосизм: поиск бессмертия и свободы: Фрагм. из сб. древнекит. даосских текстов / Вступ. ст., пер., коммент. Е. А. Торчинова // Реверс: филос.-религиоз. и лит. альманах. – СПб., 1992. – Вып. 1. – С. 225.
3. Китайские иероглифы в картинках / Под ред. Гу Цзянь Пин. – Шанхай: Дунфан, 2008. – 1283 с.
4. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения / Конфуций. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. – 958 с.
5. Лао Цзы. Дао-Дэ Цзин / Лао Цзы; пер. с кит., вступ. ст., коммент. В. В. Малявина. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 559 с.
6. Лукьянов, А. Е. Совершенная мудрость и ранняя философия древних китайцев / А. Е. Лукьянов // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – №4. – С. 135-149.
7. Соколов, В. Тайны китайских иероглифов / В. Соколов. – Минск: Харвест, 2009. – 240 с.
8. Торчинов, Е. А. Философия буддизма Махаяны / Е. А. Торчинов. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2002. – 315 с.

9. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / Фэн Ю-лань; Пер. Р. В. Котенко; науч. ред. Е. А. Торчинов. – СПб.: Евразия, 1998. – С. 83.

10. То же. – СПб.: Евразия, 2000. – 373 с.

Ян Кун Жу. Философия жизни / Ян Кун Жу. – Пекин, 2005. – С. 27.

О.А. Хо (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет

Евразийский лингвистический институт

«ВИНО» 酒 КАК РИТУАЛ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Целью статьи является рассмотрение «вина» 酒 в качестве компонента различных ритуалов китайской культуры. В связи с этим выделяются основные виды ритуалов, а также рассматривается роль вина в системе ритуалов китайской культурной традиции.

Ключевые слова: вино; ритуал; культура Китая.

О. А. Kho (Irkutsk)

MOSKOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

«WINE» 酒 AS RITUAL OF CHINESE CULTURE

The purpose of this article is to consider the 'wine' 酒 as part of rituals of Chinese culture. In this connection, highlights the main types of rituals, discusses the role of wine in the rituals of the Chinese cultural tradition.

Keywords: wine; ritual; Chinese Culture.

Культурам Юго-Восточной Азии вообще и китайской культуре в частности не свойственно противопоставление неба и земли, они существуют в параллельном измерении, постоянно взаимодействуя между собой. Это взаимодействие не тождественно явлению ангелов в христианстве или исламе, поскольку не является чудом, нарушающим установленный порядок вещей.

Напротив, в китайской культуре явление духов, их непосредственное вмешательство в жизнь людей – это естественный и закономерный процесс. Соблюдение ритуала, как в христианстве, так и в исламе, и в индуизме необходимо в первую очередь для человека, для его спасения, для очищения его души. В китайской культуре (как и в других культурах Юго-Восточной Азии) соблюдение ритуала необходимо для поддержания мира и общества в том состоянии, в котором он пребывает и ныне.

Конфуций возмущался изменением формы чаши для вина как отступлением от формы ритуала, что, в свою очередь, несло угрозу упорядоченному миру: «Теперь чаши для вина стали иными. Разве это чаши для вина? Разве это чаши для вина?» [Переломов, 1998, с. 56]. Речь в данном отрывке идет о точном соблюдении всей обрядовой стороны ритуалов. А.А. Маслов полагает, что «на самом деле он страшно боится – боится утратить связь с Небом, с духами и перестать идентифицировать себя в сакральном пространстве. Это безумный страх, близкий к неврозу, вот именно поэтому, как представляется, Конфуций и «не садился на циновку, которая лежала не по ритуалу» (X, 12), и бранился, недовольный даже мелочью, нарушающей ритуальное единство с духами: «Этот кубок для вина не похож на обычный винный кубок. Так разве это кубок?! Разве это кубок?! (VI, 25)» [Маслов]. Таким образом, вино рассматривается как естественная часть человеческого бытия. Подобное отношение к ритуалу прослеживается также и в китайских утопиях. Так, в известной утопии великого китайского поэта Тао Юань-мина «Персиковый источник» сокрытое в горах счастливое поселение совершенных людей живет следующим образом:

Форму жертвенной чаши сохраняют они старинной,

И на людях одежды далеки от новых покровов [Тао Юань-мин].

Рассуждая о роли ритуала в китайской культуре и об использовании в этих ритуалах алкогольных напитков, следует разделить ритуалы на следующие категории: ритуалы социальные, направленные на поддержание общественного строя, социально-бытовые и бытовые, направленные на благополучие (или

развлечение) конкретных людей. Все они обладают религиозным компонентом. Ритуалов, лишенных социального либо бытового компонента, в китайской культуре не существует.

Социальные ритуалы обычно направлены на поддержание существующего социального строя и миропорядка в целом. Участники ритуала «ощущают себя членами группы, имеющими взаимные моральные обязанности» [Хамрина, 2011, с. 60]. Социальный ритуал – необходимое условие воспроизведения культуры, так или иначе, он присутствует в каждой цивилизационной модели, но только в культурах Юго-Восточной Азии он регламентирован несколько жестко. Ритуал в Китае – это не «не писанные нормы», они прописаны и общеизвестны, а сохранение формы ритуала – залог благополучия мира.

Среди связанных с вином социальных ритуалов Китая можно выделить собственно социальные, иерархические и игровые, в ряде случаев эти ритуалы выступали в качестве взаимодополняющих. Наличие или отсутствие, а также строгость соблюдения иерархии зависела от порядка (序). Примером подобного синтеза развлечения и иерархии является порядок «сюй», согласно которому проходило застолье. Данный порядок включал понятия 天 (небо) и 地 (земля), 鬼 (духи предков) и 神 (божества), присутствовало разделение на 长 (старших) и 幼 (младших), 尊 (имеющих высокое положение) и 卑 (имеющих низкое, скромное положение) [刘文娟, 2010, с. 872].

Примером собственно социального ритуала является ритуал «инь цянь лэй цзю» (饮前酌酒). Его целью является установление связи с духами предков, продолжение этой связи, а, следовательно, и воспроизводство традиции. Формально ритуал «инь цянь лэй цзю» требовал выплеснуть вино из чаши на землю, прежде чем приступить к трапезе. Бокал следовало торжественно поднять и, прочитав мысленно соответствующую молитву, выплеснуть три капли и вылить еще немного вина в форме полукруга таким образом, чтобы получился иероглиф сердце (心 – синь). Это означало, что подношение сделано искренне, от всей души.

К иерархическому ритуалу можно отнести поднесение штрафной чарки (迟到罚酒 – чши дао фа цзю). Штрафная чаша подносилась опоздавшему гостю или гостю, пришедшему без приглашения. Целью этого ритуала было искупление неуважения, проявленного к хозяину дома и к другим гостям. В литературном памятнике «Хань ши вай чжуань» (韩诗外传) (династия Западная Хань 206 до н.э. – 8 н.э.) есть запись о том, что один из пяти князей-гегемонов по имени Ци Хуан времен Чуньцю (770–476 гг. до н.э.) во время пиршества объявил своим министрам: «后者罚饮一经程» (хоу чжэ фа инь и цзин чэн) – опоздавший выпивает штрафную чарку [刘文娟, 2010, с. 872].

Ярким примером игрового ритуала являлось использование счетной бирки выпитых чаш «цзю чоу» (酒筹). Такую бирку изготавливали из дерева, бамбука или кости с нанесением гравировки и использовали в процессе традиционных застольных игр (酒令 – «винный приказ»). Использование «цзю чоу» также позволяло считать количество пущенных по кругу чаш, когда застольный ритуал предполагал, что участники пьют из общей чаши, а не из индивидуальных кубков.

Игры «винного приказа» исключительно важны для культуры вина в Китае. 酒令 («цзю лин») – это традиционное застольное развлечение, литературная игра, придуманная в древнем Китае, где употребление вина в умеренном количестве стимулировало процесс художественного творчества. Во время «винного приказа» цитировались знаменитые стихотворные шедевры, выдержки из древних канонов, сюжеты из знаменитых драм и др. «Приказ» тем самым выполнял функцию культурного времяпрепровождения, это своего рода искусство винопития. Такой вид развлечения могли позволить себе представители высших сословий. Недостаточно образованный человек, играя в «винный приказ», мог стать объектом насмешек [Войтишек, 2012, с. 140]. Социальная функция подобного ритуала очевидна – это воспроизводство знаковых явлений культуры, ее величайших достижений.

Другим важным комплексом социально-бытовых ритуалов является годовой цикл. Основными праздниками годового цикла являются: 立春 (ли чунь) – начало весны; 除夕节 (чу си цзе) – канун Нового года; 春节 (чунь цзе) – праздник весны; 元宵节 (юань сяо цзе) – праздник фонарей и многие другие. Эти праздники предполагали ритуальное употребление вина с различными практическими целями. Помимо традиционных жертвенных возлияний для некоторых праздников существовало специальное вино. Так, в праздник 立春 (ли чунь) было принято в кругу семьи пить настойку из кипарисовой хвои, чтобы отогнать злых духов. Первым чашу подносили самому молодому мужчине в семье. Специальное вино было и для праздника 春节 (чунь цзе) – 年酒 (нянь цзю). Во время праздника 中秋节 (чжун чу зце – середина осени), люди дарят друг другу 月饼 (юе бин – лунные пряники круглой формы со сладкой начинкой, символизирующие круг семьи), близкие собираются вместе за столом и пьют 团圆酒 (туань юань цзю). Отмечаемый в полнолуние, 中秋节 предполагает созерцание луны, что в совокупности с употреблением вина приводит к эстетическому наслаждению. [李争平, 2010, с. 112]. Это праздник иначе называли 赏月节 – праздник любования луной, а также 饮酒节 – праздник вина, или 吟诗节 – праздник сочинения стихов. Своеобразная винная традиция связана с 端午 (дуань у) – праздником драконьих лодок. Этот праздник традиционно связывают с поминовением поэта Цюй Юаня. В этот день китайцы пьют вино, чтобы почтить память погибшего поэта. Выпив вина, обычно произносят его выдающееся стихотворение «离骚» («Ли сао», букв. испытывать скорбь), в котором выражается дух патриотизма. С вином в этот праздник был связан еще один обычай – отгонять от себя болезни. В древности говорили: «饮了雄黄酒, 百病都远走» (инь лэ сюн хуанц зю, бай бин доу юань цзоу) – букв. выпив вино с добавлением реалъгара, уйдут сотни болезней» [李争平, 2010, с. 115].

Таким образом, винные ритуалы в системе социальных ритуалов Китая распространены довольно широко, их традиционность обусловлена, в первую очередь, архаическими культами предков. Социально-бытовые ритуалы календарного цикла носят аксиологический характер, участвуя в процессе воспроизведения и утверждения, традиционных для китайского общества, ценностей. Вино является неотъемлемой частью ритуалов поклонения предкам, сельскохозяйственных праздников и семейных торжеств. При этом существуют специфические виды вина, четко соотносимые с тем или иным поводом для торжества. Но вино в рамках этих праздников не является самоцелью, алкоголь употребляется не только ради развлечения и увеселения, он – часть ритуала. Испытываемое эстетическое удовольствие возникает не вследствие употребления алкоголя, оно соотносится с сакральным наполнением конкретного праздника или нормативного повода.

Социальные и социально-бытовые ритуалы распространялись на общество в целом, в то время как бытовые ритуалы были гораздо более индивидуальными, направленными на конкретных людей и конкретные ситуации. Следует отметить, что бытовые ритуалы нередко имели также и социальную коннотацию, однако их социальная функция была довольно узкой. К примеру, ритуалы жизненного цикла, которые направлены на социализацию конкретного человека, то есть имеют общественное значение, но являются, прежде всего, семейными, индивидуальными. То же можно сказать и о ритуалах гостеприимства, которые с древнейших времен включали в себя поднесение гостю чаши с вином (в некоторых случаях – штрафной чаши). Вот как об этом обычае пишет Тао Юань-мин: «и тогда они пригласили его в дом, принесли вина, зарезали курицу, приготовили угощение» [Тао Юань-мин].

Гораздо более значимыми были ритуалы жизненного цикла и сельскохозяйственных работ: от них зависело выживание общины и размеренное течение будней. Подобные ритуалы уходят своими корнями в древнейшие архаические культы; духи, в первую очередь это духи предков, сопровождают человека на всем его жизненном пути – от рождения до смерти.

Подавляющее большинство ритуалов связано с возлиянием вина. Так, существовали различные ритуалы при рождении детей. В некоторых районах Китая, в основном на востоке провинции Чжэцзян, в год рождения ребенка зарывали в землю несколько кувшинов домашнего вина и хранили его до момента вступления ребенка в брак [李争平, 2010, с. 120]. Если в семье рождалась девочка, то такое вино называлось 女儿酒 (ньюэр цю), а если мальчик, то вино имело название 壮元红 (чжуан юань хун). Когда же новорожденному исполнялся один месяц, праздновали 满月酒 (мань юе цю), когда исполнялось сто дней, праздновали 百日酒 или 百岁酒 (бай жи цю), а когда исполнялся один год – 周岁酒 (чжоу суй цю). Знак цю (酒) здесь означает, то, что для торжества устраивалось застолье, во время которого гости и родственники пили вино.

Следующим знаковым праздником, непременно требовавшим обильных возлияний, был обряд инициации 成年礼 (чэн нянь ли), знаменовавший собой период перехода от детства к зрелости: ребенок становился полноправным членом общества. «В древнем Китае юношу, достигшего совершеннолетия, называли «гуань» (冠 – букв. надевать головной убор), а девушку – «шантоу» (上头 – букв. закалывать волосы шпилькой). Так, в «Книге этикетов» эпохи Чжоу (周礼) говорится, что процесс инициации молодого человека включал в себя гадание на бамбуковых бирках, надевание головного убора и праздничной одежды, испитие молодого вина, получение нового имени и признание старшим поколением. Как только молодой человек выпивал вино, символизирующее вступление во взрослую жизнь, родные и друзья тоже присоединялись к застолью [李争平, 2010, с. 122]. После обряда происходила смена обращения к человеку, достигшего определенного возраста.

Алкогольные ритуалы являются необходимой составляющей свадебных празднеств. Винный ритуал, связанный с этим событием, называется «хэсицзю» (喝喜酒 – букв. пить вино по поводу радостного события). Недаром говорят:

«无酒难解姻缘» (у цзю нань цзе инь юань), что значит «без вина не скрепить брачные узы» [Там же, с. 122]. Традиционные приношения пищи и вина, которые являлись частью жертвоприношения, призваны были установить союз с новыми духовными покровителями.

Во время же похоронного обряда «байши» (白事) родственники умершего совершали обильные возлияния жертвенного вина во время погребения, а затем и на могилу умершего. Вино служило одновременно знаком почтения души умершего, уважения к его переходу в новое состояние, и скорбь родственников. Еще одной важной частью траурного обряда был ритуал «сяолян» (小敛). Умершего, уже облаченного в погребальное одеяние, оставляют не погребенным в течение нескольких дней, около него расставляют жертвенные предметы: курительные свечи, которые должны непрерывно гореть, пищу и вино. Этот ритуал представлял собой пир, который покойный устраивал в мире духов, к которым отныне присоединился. После похорон, когда в могилу усопшего клали кувшины с вином, устраивалось застолье для живых (宴白客), где умершего уже почитали в числе духов предков – его переход считался свершившимся.

Таким образом, семейные бытовые ритуалы направлены на единение с духами предков, обеспечение непрерывности традиции и возобновление покровительства. Ритуалы жизненного цикла призваны сохранять единение живых и мертвых, предков и потомков, воплощая, в конечном счете, непрерывность прошлого и будущего.

Подобные бытовые ритуалы являются необходимым условием формирования национальной идентичности. Благодаря личной вовлеченности субъекта в социокультурную традицию происходит принятие им ценностей общества как его собственных, индивидуальных. Как и в социальных ритуалах, вино здесь – важный атрибут, а не самоцель. Алкоголь подносится духам, гостям, родственникам, собственно субъектам ритуала, употребление вина в подобном контексте становится формой таинства.

Таким образом, несмотря на большое количество винных ритуалов собственно употребление алкоголя культурной ценности не имеет, это составная часть многочисленных обрядов. Вино – часть ритуала, воплощающего архетипическую основу культурного кода, процесс употребления вина регламентирован достаточно строго. Факты рождения и смерти, торжества по случаю инициации, бракосочетания и др. требуют своих ритуалов и полагающихся к случаю вин точно так же, как и сельскохозяйственные или иные календарные праздники. Являясь частью обряда, вино не подменяет собой семантическую наполненность торжества, поскольку должно быть выпито строго по регламенту.

Библиографический список

1. Войтишек, Е.Э. Традиционный праздник каллиграфии и литературы 曲水流觞 «пир у изогнутой воды» в Китае как элемент культуры «винных приказов» [Текст] / Е.Э. Войтишек // Проблемы литератур Дальнего Востока: мат-лы междунар. конф. к 120-летию Го Мо-жо. В 3 т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. Т. 2. – С. 467–476.
2. Маслов, А.А. Я ничего не скрываю от вас [Электронный ресурс] – http://fictionbook.ru/author/konfuciyi/sujdeniya_i_besedy/read_online.html?page=1 (23.09. 2014).
3. Переломов, Л.С. Конфуций: «Лунь Юй» [Текст] / Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь Юя» с коммент. Чжу Си. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 588 с.
4. Тао Юань-мин. За вином [Электронный ресурс] – <http://www.garden.hobby.ru/v4/china/tao06.html> (02.06. 2014).
5. Хамрина, Ю.А. Воспроизводство социального посредством ритуала [Текст] / Ю.А. Хамрина // Вестник Томского гос. ун-та. – 2011. – № 353. – С. 59–62.
6. 刘文娟. 中华酒典 [文本] / 刘文娟. – 北京: 中国书店, 2010 版年. – 1187 页.
7. 李争平. 中国酒 [文本] / 李争平. – 北京: 五洲传播出版社, 2010 版年. – 115 页.

Цуй Хунхай (Янтай)

Шаньдунский институт бизнеса и технологий

ПОДХОД, ОРИЕНТИРОВАННЫЙ НА РЕШЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ, НА ЗАНЯТИЯХ РАЗГОВОРНОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье представлен подход обучения китайскому разговорному языку как иностранному, основанный на решении практических задач. Данный подход подразумевает «обучение на практике» и «обучение путём применения». Задания, которые предоставляются студентам, направлены на развитие всех видов аудиторной работы. Посредством имитации речевого поведения в аутентичных ситуациях на трёх этапах «предварительном, самом задании, завершающем», достигается цель развития коммуникативных способностей у студентов в реальной жизненной ситуации. С помощью данного подхода сокращается диапазон между разговорным языком, применяемом на занятиях и в реальной жизни, что значительно повышает уровень эффективности коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: обучение языку, направленное на решение практических задач, задание, изучение китайского языка как иностранного, коммуникативная компетенция

Cui Honghai (Yantai)

SHANDONG INSTITUTE OF BUSINESS AND TECHNOLOGY

TASK-BASED APPROACH IN CHINESE ORAL CLASS

This paper introduces Task-based language teaching approach in teaching oral Chinese as a foreign language. This approach emphasizes “learning by doing” and “learning by using”. Tasks are provided to the students to carry out all kinds of classroom activities. Through imitating authentic situations according to the three steps of “pre-task, task and post-task”, the goal of cultivating students' oral communicative ability in the real linguistic environment is achieved. The task-based approach shortens the distance of spoken language classroom and real life, thus greatly improves the efficiency of language communicative competence.

Key words : task-based language teaching; task; Teaching Chinese as a foreign Language; communicative ability

1.0 Introduction

Task-based approach is a language teaching method starting from the 1980s that emphasizes learning by doing. It is a way of classroom teaching of applying language concepts into practice, and a new pattern of the communicative teaching. This methodology is increasingly appreciated in the field of language teaching, and it has been widely used in second language teaching in the United States, Malaysia and other countries. From this respect, it is not a new model. But to teaching Chinese as a second language, it is a new pattern.

In Chinese classroom teaching, in order to increase students' participation, teachers design near-to-life tasks with moderate difficulty. Students accomplish the tasks through finding information, exchanging information and submitting the conclusion. The purpose of teaching is to enable students to eliminate tension and negative emotions in the process of completing the tasks, and actively participate in the classroom activities to improve the oral comprehensive ability. This article is to analyze the main task-based language teaching pedagogy through an oral classes ("travel plans").

2.0 Classroom Teaching Process of Task-based Language Teaching Method

Stage one: pre-task

Pre-task will let students understand the task and mobilize their enthusiasm. It mainly includes:

(1) Introduction of topic. To introduce students to the topic of the task and its objectives based on the content of the teaching material. For example, in the demonstration, the teacher guides students into tourism discussion with four cities of Shanghai, Xi'an, Harbin and Sanya. First, students are asked to talk about their travel experience of the designated places; then they are allowed to talk other travel experiences freely. From absolute control to proper expansion, the teacher should gradually lead students to the topic to be discussed.

(2) Activation of language. The teacher activates the language through introducing students to the words and phrases to be used. The main methods include materials, pictures, language scene, question and answer, and structure.

(3) Language preparation activities. The teacher guides students to focus on learning the useful words and expressions to be used in the task, or prepare for the content. For example, the teacher asks a few simple questions on the topic, or let students ask and answer themselves. However, exercise time should not be too long.

(4) Planning task implementation. Students plan on how to implement the task, such as deciding the steps, division of roles, language forms and so on.

In actual teaching, pre-task should be short but essential.

Stage two: the task (task chain activities or task-cycle)

This link is a central part of the task-based language teaching. The key is how to center on the text subject to conduct text study and task practice. The three steps are as follows: Task ----students perform a task; Planning---- students prepare to report to the class how the task is completed; Reporting----students report the task completion.

Task includes two parts. The first part is to present the task. Students are given from the very beginning a clear direction of the task, and they are drive to learn the language and conduct skill training under the pressure of the task. The second part is to learn new knowledge. The new knowledge is necessary to complete the task, which is the media and approach to achieve the transformation of language knowledge to language skills. Specific operation has the following four parts:

(1) Learn the text. To learn the text can be designed into a task. After activating the language, it is followed by organizing the discussion of the text. Let students help themselves to find their own language form. They can learn actively with questions and with a purpose. The text is no longer a carrier of new words and grammar, but a reference model to complete the task. The teacher makes necessary explanations only when students ask understanding questions rather than make too much interpretation and practice. One demonstration could be: The teacher dictates the text, then let students raise some general questions about time, place, characters and main plot.

(2) Complete the task. Teacher lets students complete the task in accordance with the requirements in small groups, e. g. , the teacher asks the students to discuss a travel plan in pairs. The teacher should observe the progress to ensure that all students complete the task according to the requirements and encourage students to

communicate in the target language. The role or task of the teacher is to assist students to solve the problems they raised.

(3) Prepare a task report. The team members prepare the report. Students can seek help from the teacher, and the teacher can provide students with appropriate language support.

(4) Report task results. Report briefly to the whole class. The report should include their process and their uniform result of trip arrangements.

Stage three: post-task

This phase is to consolidate the new knowledge and apply it into practice. Learners will go through a process from meaning to form. The following activities can be designed as follows:

(1) Analysis of language forms through recording

After the task is completed, the teacher can guide students to focus on learning some language forms. The teacher should explain key sentences (functional sentences), illustrating the semantic and structure and the use function of the sentence. This is to correct the wrong-used language forms and emphasize the ones that should have been used but not. After proper analysis, students conduct language practice activities independently.

(2) Practice language difficulties under the guidance of teachers.

This phase is student-centered. In class, the teacher defines the situation, and initiates the students to practise the functional sentences. The best ways to present the situation include: (a) authentic situation or pictures. For example, the teacher presents two dresses of different colors, styles and prices or two pictures of the Great Wall and the Summer Palace for students to practice "Hai Shi". (b) language description of the situation. Teacher describes the situation with language and requires students to make an inquiry of opinion practising "Qu Na Er Hao" and "Yao Wo Shuo" patterns. (c) half-sentence situation. While practising "Zai Shuo", the teacher speaks the former half of the sentence "Wo Men Bie Qu Na Jia Fan Guan Le", and prompts students to express the idea of why not going, using the model "Zai Shuo" in the latter half of the sentence.

As can be seen from the above operating framework, the task-based teaching arranges the language in the end. The task is the center of this framework, and it requires students' ability to express in spoken language. This framework aims to create a substantive verbal learning environment to improve students' language perception in order to achieve oral fluency and accuracy. Students in this framework begins with a complete experience of language and ends with natural features of language.

3.0. Revelation from the implementation of task-based approach in oral Chinese teaching

Task-based approach in oral Chinese teaching can eliminate the disadvantages of the traditional model and improve the quality of teaching. Task-based approach is a process of "doing before speaking", from the pre-task, task-cycle to language focus. Language points elaborately designed by the teacher are cleverly hidden in the task. In teaching, teachers should select, adapt and create different tasks. Teachers lead into the topic, define clear requirements and provide useful words and phrases so as to help students clear oral communication barriers and successfully complete the task. In task execution, students naturally produce the impulse to use the language point to achieve the purpose of acquisition. In the the task assessment, the teacher and students interact and consolidate language output through induction and analysis. In this way, students have more opportunities to participate in Chinese class activities, to learn and to express emotional needs, and the teacher from the "learning" perspective could design tasks more carefully, reflecting a new concept of language learning and teaching.

Task-based language teaching emphasizes students' participation in the learning process and the meaning of language. Students involve themselves in authentic situation. During the task stage, students practise in small groups and then make a report to the class. This requirement very naturally lets them notice the accuracy of their expression and cognitively summarize the rule of language. Task-based approach enables students to construct their own language system, give full play to the cognitive initiative and improve their comprehensive language ability. It can

really take into account the fluency and accuracy of spoken language. It makes up for the disadvantages of communicative approach, taking into account the balance of meaning and form. It is a teaching mode inclusive of the communicative approach rather than replacing it.

The most-mentioned drawback of traditional oral class is the disconnection of classroom teaching and real life. However, these two are closely linked in task-based approach. The task exposes students to a range of linguistic phenomena and environment, providing students with more opportunities for practice and language application. Through completion of a task chain in the classroom, students can consciously apply newly acquired language and previously learned language to the new task. In class, students are the subject of information processing. They take the initiative to construct meaning. It is in this process that all kinds of connection between the old and the new language material in the minds of students is established and a complex language structure network is formed. Meanwhile, the network is combined with the true language needs of the students. Thus, when some expression appears in the real communication, the nodes in the network will be activated. Task drives students to learn, requires learners to put language knowledge into direct communication words and knowledge transf. In the process of completing the task, students acquire language naturally, which enhances the students' self-confidence and a sense of accomplishment and their interest in Chinese. orms into a living language. Task evokes students' vitality and potential of learning Chinese.

In short, task-based language teaching simulates real communicative activities. It has a clear communicative purpose and specific context. In class, using the target language to do one thing promotes students' understanding of language, operation, application and interaction among students. In this approach, the specific task is the motivation to learn, and the process to complete the task is its learning process. The achievement of study is reflected through the task results rather than tests and scores. The task-based approach shortens the distance of spoken language classroom and real life, thus greatly improves the efficiency of language communicative competence.

4.0 The limitations of task-based language teaching

The advantages of task-based language teaching method are worthwhile to teaching Chinese as a foreign language, but there are some limitations to be improved.

First of all, the teaching content is lack of system. In view of the reality of teaching Chinese as a foreign language, there are few mature textbooks compiled with the task-based teaching theory. How to design tasks in the Chinese class and whether the difficulty of the task is appropriate or not also require further study. Second, the language form is difficult to control and there lacks systematic language structure. Third, since teaching extends to extracurricular activities, the task of design is an exhausting job. The teachers' actual work time, effort and responsibility are expanded. Therefore, task-based Chinese language teaching poses challenges to the teacher's ability and enthusiasm. Teachers should have a comprehensive grasp of teaching aims, key teaching content and difficulty. Teachers should also start flexible teaching activities according to the varieties of the students so as to ensure the order and effectiveness of Chinese language teaching.

4.0 Conclusion

For Chinese language teachers, task-based language teaching is not just a teaching mode and a teaching method, but also a teaching consciousness, teaching concept and teaching strategy. Once the task is considered as teaching awareness, the entire curriculum design, the class arrangement, the teaching link as well as the teaching behavior can all be incorporated into the activities of the language task. All the classroom teaching could use classroom tasks to enrich and expand the language practice activities to promote the transformation and generation of the Chinese language skills. As to the oral teaching, the teacher can try on adapt the original textbook exercises to certain tasks, and a lecture be designed as a complete task chain.

Task-based language teaching is a dynamic second language teaching method. It has the advantage of "learning by doing and learning by using". The whole classroom atmosphere is lively, fully embodying the communicative function. However, task-based language teaching model is not perfect. It also has some limitations. It is recommended that language teachers should have an overall grasp of the language. In

class, it is necessary to combine this model with other teaching methods. For different language points, suitable teaching methods should be selected accordingly. The so-called "no fixed teaching method" is the highest state of language teaching.

List of References

1. Wei Yonghong. 2004 . Task-based Foreign Language Teaching [D]. Shanghai: East China Normal University Press.
2. Ellis.R. 2003 . Task - based Language Learning and Teaching[M].Oxford: Oxford University Press.
3. Nunan.D. 2004 . Task - Based Language Teaching [M].Cambridge: Cambridge University Press.
4. Skehan . P . 1998 . A Cognitive Approach to Language Learning[M].Oxford: Oxford University Press.
5. Willis.J. 1996 . A Framework for Task – based Learning[M].London: Longman.

Чжу Сяоцзин (Янтай)

**Институт иностранных языков Шаньдунского
торгово-экономического института**

ОБЪЕКТНО-ФАЗОВЫЕ МАРКЕРЫ И ИХ ИДЕНТИФИЦИРУЕМОСТЬ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья рассматривает взаимодействие объектно-фазовых маркеров китайского путунхуа с информационной структурой. Несмотря на то, что по этой теме уже были проведены многочисленные исследования, осталось много вопросов, которые требуют разъяснения, особенно в отношении некоторых лингвистических феноменов, которые не соответствуют эффективности, жизненности и достоверности. Посредством анализа исследовательским центром китайского языка Пекинского университета текстовых фрагментов лингвистического корпуса современного китайского языка, в данной статье утверждается, что объектно-фазовые маркеры в китайском языке имеют одну важную функцию, а именно: демонстрируют маркеры и их идентифицируемость.

Ключевые слова: объектно-фазовые маркеры, китайский путунхуа, идентифицируемость, тема, информационная структура.

Zhu Xiaojing (Yantai)

SHANDONG INSTITUTE OF BUSINESS AND TECHNOLOGY

OBJECT-PHASE MARKERS AND THEIR IDENTIFIABILITY IN CHINESE

This article is devoted to reviewing the interaction between object-phase markers of Chinese Putonghua and information structure. In spite of having a large number of studies devoted to this problem, there are still open questions referring to some linguistic phenomena which don't correspond with principles of efficiency, viability, authenticity. The main goal of this article is to demonstrate the results of analysis performed by the scientific Centre of Chinese Studies of Beijing University.

Key words: *object-phase markers, Putonghua (Standard Chinese), identifiability, topic, information structure*

朱晓静 (烟台)

山东工商学院外国语学院

汉语中的受词异相标记与所指的可辨识度

摘要: 本文探讨中国普通话中受词异相标记与信息结构的相互作用。尽管对这一主题已经进行了大量的研究工作，还有很多问题有待解释，特别是关于一些不适合根据影响度、生命性和确定性进行解释的语言现象。通过对北京大学中国语言学研究中心的现代汉语语料库（CCL）的文字片段的分析，本文认为，除了先前发现的限制条件，受词异相标记在汉语语篇中有另一重要功能，即：表明受标记的所指的高识别性。

关键词: 受词异相标记，中国普通话，可辨识度，主题，信息结构

1. 引言

本文主要探讨汉语普通话中的受词异相标记。受词异相标记是很常见的跨语言现象。在许多语言中，一些直接受词是有标记的，而另一些则没有。受词异相标记的存在通常归因于直接受词所指的生命性和/或确定性。直接受词的生命性或确定性越强，就越可能被标记(艾森，2003)。

在汉语普通话中，尽管受词异相标记已经从共时和历时角度被广泛研究，但仍有许多语言现象需要人们做出解释，特别是其与信息结构的交互作用问题。汉语是主谓宾（SVO）结

构。当直接受词具有生命力或确定性时，就会出现受词异相标记；而且它会使直接受词移到谓词前面。具有高等级生命力或确定性的直接受词通常总是被介词“把”所标记（或介词“将”，主要用于书面语），如例（1）。而对于生命力或确定性较低的直接受词，异相标记是随意的，如例（2）。而且，如果直接受词被标记，它通常移到谓词之前。

（1）敌人当场把他杀了。

（2）我打碎了一个玻璃杯。

各种研究表明，受词异相标记的句子表达处理意义，即：直接受词所指的实体受主语的影响，而且受事情的有界性影响。处理分析是在及物性理论框架下提出的，其中“把”被认为是高传递性的标志。然而，也有一些例句中传递性在标记的使用上没有发挥任何作用，如例（3），其中的谓词是心理动词：

（3）我把他的电话号码忘记了。

其他现有的研究，主要是在优选论的框架下，认为具有生命力的直接受词标记“把”是区分主语和直接受体时所产生的；而具有确定性的受体的标记具有随意性，通常是因为这些直接受体在谓词前具有不标记性。判别功能是产生受词异相标记的因素之一，当然我们具有不符合这种解释的例子。例如，祈使结构中的“把”标记，在这个结构中，歧义消除不是那么重要，因为祈使结构从形式和语气上都可以辨别，如否定句中常用“别”开头。

（4）别把他饿死。

此外，不同的研究也表明受词异相标记与信息结构相关。例如，Tsaο (1987)认为介词“把”所标记的直接受体是次要主题的实例。最近，刘 (2007)已经证明，受词异相标记的变化主要是由“把”所标记的名词短语的信息状态产生的。在她看来，受词异相标记在以下两种情况下会出现：表达旧信息的名词短语；带来新信息的名词短语。刘的方法提出了一些理论问题，因为同样的标记表明不同的新旧信息是极不可能的。

本文将进一步探讨受词异相标记在汉语普通话中的语用功能，并试图证明受词异相标记在普通话中还有一个重要的功能：除了时态约束，“把”标记表明所指在语篇中的可辨识性。

文献综述表明，听众/读者易于辨认有标记的直接受体，因为无论是从文本语境，或是从不同现有的框架（例如，话语）看，它们是可访问的（在识别程度上）。

2. 受词异相标记与可辨识性

2.1 汉语中的受词异相标记

如前所述，中国普通话中的受词异相标记是由生命性和确定性两个维度决定的，此外，其它的语义和句法条件必须得到满足，以用于受词异相标记发生而不导致不合语法。

第一个必需的条件是决定“把”名词短语的动词所表示的事件的有界性。刘（1997）认为，只有当所述句表示的事件是有界的时，“把”标记才被使用。例句（5）的不合语法性表明了这一点，其中的动词表示的事件尚未完成：

（5）*我在把我的作业写。

如前所述，关于生命性参数，当直接受体是人或有生命的物体，受词异相标记是必须的，如例（6）；而如果直接受体的生命性层级较低时，标记是随意的，如例（7）和（8）。

（6）他*（把）老师推倒了。

（7）他（把）苹果吃了。

（8）我（把）那个球放进篮子里了。

然而，一些无生命的直接受体如果它们是不确定的，或至少是非特定的，需要被强制性地标记。如例（9）和（10）：

（9）他*（把）一个苹果吃了。

（10）他*（把）一盆脏衣服洗了。

确定性与生命性共同决定了直接受体的标记。“把”标记通常用于确定的名词短语中，如在（7）和（8）。然而，Yang and van Bergen（2007）观察到，确定性在汉语受词异相标记中与在其他受词异相标记系统中起不同的作用。实际上，当直接受体是明确的或特定的时，其标记是随意的，如在例（7）和（8）中；而当直接受体是不确定的时，其标记是必须的，如例（9）和（10）。

在Yang and van Bergen（2007）看来，如果我们考虑到谓前位置需要其受体是确定的，这种看似反常的行为很容易解释，因此，如果这个位置上的直接受体已经是确定的，标记是随意的。与此相反，如果在谓前位置出现不确定的直接受体，这将会与句法位置出现不匹配，这就要求其受体即名词短语是确定的。换句话说，汉语中确定的直接受体是随意标记的，相反，不确定的直接受体则必须被标记。

然而，这种解释没有考虑到有些情况下，具有相同语义特征（即明确的或特定的）的直接受体可以被标记也可不被标记。这些情况可以从直接受体在语篇中的语用地位，特别是可辨识性方面进行解释。

2.2 汉语的可辨别性

Lambrecht（1994）指出，所有的语篇所指可以归为可辨别或无法辨别两类。话语中可辨识性被定义为“说话人对某个话语所指是否已经存储在听者的脑海的判断”。因此，当说话

人和听者都了解所指的含义时，所指是可识别的；而只有说话人知道所指内容时，所指是无法识别的。

说话人可以通过不同方式来判断所指对听者是否是可辨别的。首先，所指可以是“固有”识别，因为所指对象只有一个。这种情况包括如月亮，女王，爸爸等专有名词和总称名词。所指可以通过指示或照应被听者辨别。在指示语参照的情况下，所指的识别性是指它在空间或时间上接近语境，或者在语篇中非常显著。照应所指是可识别的，因为它之前在语篇中被提及到。通常情况下，一个所指被引入话语时，它与代词或明确的名词短语照应。最后，可辨识性可以通过另一个实体间接实现。当一个实体引入话语，一个可识别的对象框激活了。例如，如果战争被引入话语，那么说话者可以提及武器、敌人等为识别对象。同样，不可分离的实体，如身体部位，通常为可辨别的，因为他们通常与之前提到的所指密切相关。

Lambrecht (1994) 认为应该使可辨别性的语用/认知范畴区别于确定性的语法/正规范畴。确定性表明所指在语境中的可辨别性，而使用不确定的表达表明了所指的不可辨别性。事实上，这两个范畴之间的映射是相当不完善的。在“我在找一本书”中，“一本书”可以解释为特定的或非特定的，取决于说话人是否在找某一本书。这模糊可以通过照应所指得到解决：如果这本书是特定的，必须使用明确的照应表达，就像“我找到了这本书”。如果这本书没有具体所指，其照应语必然是一个不定代词或名词，如，“我发现一本书”。

目前的讨论表明了可辨别性的认知范畴与确定性的相关性，而且他们之间不是一对一的关系。此外，确定性的语法编码（通过语音、形态或词汇）显示了语言之间的可变性。在有些语言中确定性的语法化没有得到充分发挥。确定性的形式范畴与可识别的认知范畴之间的区别是包括中国普通话在内的语言的根本，其中，可辨别性和确定性之间的相互作用是一个非常复杂的问题。尽管汉语中没有定冠词，普通话采用其他的策略来传达确定的/不确定和可识别/不可识别的区别。可以采用三种语言工具来表示其可识别/不可识别性，即：词汇，形态和位置。

至于词汇策略，可辨别性是通过指示代词、所有格和量词表示的。指示代词“这，这些”和“那，那些”是用于指示可识别所指的主要手段，与英语或意大利语中的定冠词作用类似。然而，指示代词仍具有较强的指示特征，不允许将它们视为定冠词（陈，2004）。很有趣的是，“一+量词”具有确定性所指的特殊用途，为此，由“一+量词”引导的名词在可辨别性方面被视为中性的。所有的所有格和量词，如“都；所有；一切”引导的名词，在我们的研究中被认为是确定的。至于形态学手段，确定性可通过叠音或名词实现。

此外，有些情况下，名词在可辨别性方面是中性的，如由基数词或量词如“几”修饰的名词。陈认为这些名词被解释为可识别或无法识别的是由他们在句中的位置决定的。事实上，人们已经认识到句子的位置强烈影响到名词的确定性。例如，在SVO语言中，谓前位置偏好确定性的表达式；与此相反，谓后位置一般由不定表达式占据。这种模式也适用于中国普通话。陈提出，确定性在汉语中有两个位置：定性位置和不定性位置。后者通常由谓后名词占据，前者则主要是用作主语的确定性名词及被“把”所标记的直接受体。名词出现在具体位置有很大的限制性。例如，词汇或形态明确的名词不允许出现在谓后位置。下文将重点讨论可辨性的语用地位与“把”标记密切相关：这种假设很好的解释了标记的可选性。

3. 数据分析参数

根据Lambrecht和Chafe的做法，所有数据中的直接受体根据他们的可辨别性地位进行区分。主要根据下列参数进行归类：

- (1) 固有识别；
- (2) 指示或照应识别；
- (3) 框架识别；
- (4) 不可识别

正如引言所述，本研究是基于对中文文本片段的201个“把”结构进行研究，样本来自北京大学中国语言学研究中心的现代汉语语料库（CCL）。CCL是一个免费的语料库，含有约4.77亿字；所有的文本片段都标示源文本；文本类型包括口语、文本、喜剧、小说等。

CCL语料库中出现了374.807处“把”，为建立本研究的语料库，本文随机从七种类型的文本中选择一个样本，语料库的组成列于表1中。

表1:数据库结构

文本类型	“把”出现次数
口语	40
自传	25
实用文本	10
电视和电影	41
报刊	10
译著	39
文学作品	36
总计	201

表1中，不同类型的文本出现的次数相当不平衡。例如，“口语”文本有40个样本，但“实用文本”和“报刊”只有十个。这样做的原因在于我们需要分析的数据的种类：评估所指是否被激活，需要足够长的文本片段；但是，该文本片段并非具有相同的长度。因此，有“足够语境”，以确定是否所指先前已激活的文本片段被选入本论文的数据库。诚然，一小部分很短的片段（2-3句）也存在于数据库中；这是因为他们是部分对话的文本，其中代词和指示代词的用法，使“把”标志所指明确被激活。此外，尽管不是所有类型有代表，各种类型均有相当数量的文本，以获得最大可能的各种文本。

4. “把”受体的可辨别性与无标记的谓后受体

如前所述，本文分析了201个“把”结构样本，并且根据它们的可辨别性地位进行归类。有些所指并不能根据这些参数进行辨别，因此，我们把其中几例归类为不清楚。下文将举例说明。

固有识别所指：

(11) 他想把朱德赶出部队。

在例(11)中，专有名词朱德只能识别一个人。专有名词，如人称代词，本质上是明确的，因为他们指代一个实体（通常为有生命的，但并非总是如此），不需要描述。因此，说话人和听话人都清楚专有名词指代的所指，从而被“把”标记。

指示和照应识别性：

(12a) 妈妈把脚给崴了。

(12b) 回民死了就是二十八尺白布带走了，哎，到了坑里头，把这白布打开。

在(12a)中，“脚”是一个不可分割的实体，并因此被视为照应识别。在(12b)中，白布在第一句中作为新的所指所引入，在文本片段的第二部分，它被可识别标记指示代词“这个”所指，并被“把”所标记，由此，可以推断出白布是照应识别所指。

框架建立可识别：

(13) 我不是你妻子，我已经把离婚协议书寄过去了。

“把”标记的“离婚协议”是由框架“婚姻状况”引起的，因为对话的话题是很明显离婚夫妻之间的关系。

本文使用费舍尔的检验和卡方以统计可识别性与谓后谓前把结构受体之间的相关性，并发现了一个非常显著的统计学相关性（即， $\chi^2 [1] = 92.18$ ， $N = 401$ ， $p \text{值} = < 0.0001$ ）。

普通话中的可辨别性与把标记表现出强烈的，但不是绝对的，可识别性。即严格来说，可辨别受体的不同标记是不规则的。汉语中的直接受体标记受其他因素和条件的影响，如：

事件的有界性，所指的生命性等。这些因素揭示了一些不可辨别的把标记受体的不可识别性。

存在大量的可识别谓后受体有如下原因。首先，由于谓后搭配是无标记的选项，在该结构可以发现可识别的和不可识别的受体；标记识别性促使标记结构，即“把”标记产生；在讨论粤语的定语从句前置时，Matthews and Yeung (2001) 表明，当一个定语从句修饰一个句子的主要动词的宾语，受体的主题化是很常见的处理原因，但“规范”主谓宾的句子仍不失为完美的语法处理的原因。

5. 结论

在对汉语直接受体标记研究的文献中，有几个因素解释了普通话中“把”结构的出现的约束条件，但至今没有提出令人满意的解释。本论文提出了以下假设：通过分析可识别性和把标记所指的激活状态来解释普通话的受词异相标记。所指是可识别的时候，受词异相标记是预期的；从激活状态看，新的受体不太可能是直接受体。我们分析了语料库的现代汉语文本片段，发现201个把标记受体中，只有15个是不可识别的（不到总数的7.5%），并且是新的所指。因此，可识别所指和把标记之间有较强的相关性；新所指的不同标记，尽管不是不可能的，显得十分罕见。为了验证我们的假设，本文也搜索了符合把标记的谓词中的谓后无标记受体，希望能有更多的无法识别的受体。实际上我们所发现的是，39%的谓后受体是可识别的，47.76%的无法识别，从而显示出与可识别的状态不明确的相关性；然而，我们得到的相关值是显著的，因此我们假设是站得住脚的。

还有待调查的是直接受体的可识别/激活状态与结构出现的其他制约因素之间的关系，如动词短语所描述的事件（有界和无界），生命性等。例如，我们说受体在触发把结构方面可能起到一定的作用，尽管目前还不清楚单个标记如何标示新旧信息。此外，可能存在其他的文献未列出的直接受体标记“触发器”，这可能有助于解释，我们在语料中发现的几个把标记所指。

此外，由于本文建立并分析了包含直接受体标记的文本的语料库，没有详细考虑可选性的问题，也就是说，本文没有讨论的但未使用“把”的受体的可接受性。基于其他标准，Li and Thompson (1981) 提出了把标记的一个连续的从“不可能”到“强制性”的范围，即，确定性和所谓的受体的“处理”。上文提到，新所指的把标记不是没有可能，而是可能性不大；因此，我们可以假设，对于可识别的直接受体，其受标记的可能性更高，从而解释了所指的把标记根据其激活状态的偏态分布。此外，根据LaPol1a的汉语词序的规则，动词之前的成分通常是主题或是非重点的，而那些动词后的成分通常是重点的或至少是非主题的。这一基本原则解释了很多情况下非主题或重点的可识别直接受体尽管满足把标记的其他

条件，出现在谓后位置，并没有被标记。总之，在普通话在，可辨识性是受词异相标记的触发器，在语法和语用层面与其他限制条件相互作用。

参考书目

1. Liu Feng-Hsi. An aspectual analysis of ba [J]. Journal of East Asian Linguistics. 1997, 51–99.
2. Lambrecht, Knud. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representation of discourse referents[J]. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
3. Li, Charles & Sandra Thompson. Mandarin Chinese: A functional reference grammar[M]. Berkeley, CA: University of California Press, 1981.
4. Matthews, Stephen & Louisa Y. Y. Yeung. Processing motivations for topicalization in Cantonese[J]. In Kaoru Horie & Shigeru Sato (eds.), Cognitive-functional linguistics in an East Asian context, Tokyo: Kurosio Publishers, 2001, 81–102.
5. Yang, Ning & Geertje van Bergen. Scrambled objects and case marking in Mandarin Chinese[J]. Lingua, 2007, 1617–1635.

Чой Чанг Хо (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРЕЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ «ГОЛОВА»

Целью настоящей статьи является демонстрация ключевых сходств и различий корейских и русских фразеологизмов с компонентом-соматизмом «голова», обусловленных расхождениями в исторических, культурных характеристиках корейской и русской лингвокультур.

Ключевые слова: *фразеологизмы, лингвокультура.*

**COMPARATIVE ANALYSIS OF KOREAN AND RUSSIAN IDIOMS
WITH COMPONENT-SOMATISM “HEAD”**

The purpose of the article is demonstrating of main similarities and differences of Korean and Russian idioms with component-somatism “HEAD”, caused by differences in historical and cultural aspects of Korean and Russian linguocultures.

Key words: idioms, linguoculture.

최창호(이르쿠츠크)

모스크바 국립언어대학교 유라시아 언어대학 동양어학과

한·러 신체 관련 관용어 비교 연구

- '머리'를 중심으로 -

1. 서론

일상생활에서 사용되는 언어 중에 외국인뿐만 아니라 그 나라 사람들조차 논리적으로 설명하기 어려운 표현들이 많다. 그 대표적인 것이 바로 관용어다. 관용어는 한 민족의 생활양식이나 역사와 정서 등을 잘 반영한다는 점에서 흥미와 관심의 대상이 아닐 수 없다.

한국어는 알타이어족에 속하고 러시아어는 인도-유럽어족에 속한다. 이와 같이 두 언어는 친족어가 아니기 때문에 언어의 구조가 다르다. 하지만 모든 나라의 관용어 속에는 그 언어를 사용하는 사람들의 사고방식이나 가치관 그리고 역사와 문화를 반영한다는 점에서 공통점이 없을 수 없다.

따라서 본 연구는 한국어와 러시아어 관용표현 중에서 ‘머리’와 관련된 신체 관용어를 비교 분석하고 두 언어 간의 공통점과 차이점을 고찰하는 데 그 목적이 있다.

2. 관용어의 정의

넓은 의미로는 일상생활에서 습관적으로 사용하는 말을 가리키지만, 보통 두 개 이상의 단어로 이루어져 있으면서 그 단어들의 의미만으로는 전체의 의미를 알 수 없는 특수한 의미를 나타내는 어구이다. 예를 들면 ‘머리에 피도 안 마르다(букв. перевод: в ГОЛОВЕ даже кровь не высохла)’는 ‘아직 어른이 되려면 멀었다(букв. перевод: ещё не стал взрослым)’ 또는 ‘나이가 어리다(букв. перевод: ещё молодой)’를 의미한다. 이와 같은 한·러 양국의 관용어는 그 수를 헤아릴 수 없을 만큼 많기 때문에 한국어와 러시아어의 모든 관용어를 다루는 것은 현실적으로 불가능하다. 따라서 실생활에서 가장 친숙하게 사용되는 신체 관련 관용표현 중에서 ‘머리’에 관한 관용어에 한정하여 논의하고자 한다.

3. 관용어에서 머리의 의미

머리의 사전적 의미로는 눈, 코, 입 따위가 있는 사람이나 동물의 목 위 부분, 생각하고 판단하는 능력, 단체의 우두머리, 앞뒤가 있는 사물의 앞부분, 일의 시작이나 처음을 뜻한다. 그리고 관용어에서 머리는 사고, 판단, 기억, 분석 등의 ‘지적 의미’와 기쁨, 근심, 걱정, 감동, 분노, 괴로움, 슬픔 등의 ‘정서적 의미’가 있다.

4. 관용어의 단어구성과 의미

1) 동형동의 관용어

한국어	러시아어
머리가 무겁다.	тяжёлая голова
머리가 아프다.	голова болит
머리 위에 올라앉다.	сесть на голову

한국어의 ‘머리가 무겁다’는 ‘무슨 일이 잘 풀리지 않아서 많은 생각을 하게 되다’라는 의미로 러시아어의 ‘тяжёлая голова’와 일치되는 표현이다. 또한 한국어의 ‘머리가 아프다’는 ‘육체적 아픔과 근심, 걱정으로 인한 정신적 아픔’을 의미하는 것으로서 러시아어의 ‘голова болит’과 일치한다. 그리고 한국어의 ‘머리 위에 올라앉다’와 러시아어의 ‘сесть на голову’는 ‘상대방의 생각이나 행동을 꿰뚫어 보다’ 또는 ‘잘난 체하며 남을 업신여기다’라는 의미를 내포하고 있다.

2) 이형동의 관용어

한국어	러시아어
머리가 좋다.	ясная голова
머리가 나쁘다.	дурья голова
머리를 쓰다.	думать головой

‘처한 상황에 맞게 행동할 수 있는 능력’이라는 의미로 한국어로는 ‘머리가 좋다(букв. перевод: «хорошая голова»)’라고 표현 하지만 러시아어로는 ‘머리가 맑다(букв. перевод: «ясная голова»)’라고 한다. 그리고 반대말로 한국어로는 ‘머리가 나쁘다(букв. перевод: «плохая голова»)’라고 표현 하지만 러시아어로는 ‘바보 같은 머리(букв. перевод: «дурья голова»)’라고 한다. 또한 어떤 일에 대하여 ‘이모저모 깊게 생각하거나 아이디어를 찾아내다’라는 의미로 한국어로는 ‘머리를 쓰다(букв. перевод: «использовать голову»)’라고 표현 하지만 러시아어로는 ‘머리로 생각하다(букв. перевод: «думать головой»)’라고 한다.

3) 한국 고유의 관용어

한국어	해석
머리(를) 식히다.	흥분되거나 긴장된 마음을 가라앉히다.
머리(를) 싸매다.	있는 힘을 다하여 노력하다.
머리가 (잘) 돌아가다.	임기응변으로 생각이 잘 떠오르거나 미치다.
머리가 젖다.	어떤 사상이나 인습 따위에 물들다.
머리에 피도 안 마르다.	아직 어른이 되려면 멀었다. 또는 나이가 어리다.

‘머리를 식히다(букв. перевод: «охлаждать голову»)’라는 관용표현은 정신적 노동을 많이 하지 않았던 과거와 달리 직업이 다양해지고 정신적 업무와 스트레스가 늘어나는 현대인들이 자주 사용하는 관용어이다. 그리고 ‘머리에 피도 안 마르다(букв.

перевод: «в голове даже кровь не высохла»)»라는 표현은 어린 아이의 버릇없는 행동을 낮잡아 이르는 말이다.

4) 러시아 고유의 관용어

러시아어	해석
одна голова хороша, а две лучше	두 사람이 함께 일할 때 더 좋은 결과를 얻을 수 있다.
дурная голова ногам покоя не дает	순간의 판단이 흐리면 고생을 자초한다.
хлеб всему голова	러시아인의 주식은 빵이다. 그래서 없어서는 안 될 중요한 식료품이다.
потерять голову	당황해서 어쩔 줄 모른다.
муж голова, а жена шея	아내는 남편을 마음대로 한다.

러시아어의 ‘한 머리도 좋지만 두 머리가 더 낫다(букв. перевод: «одна голова хорошо, а две лучше»)»는 말은 한국어의 ‘머리를 모으다(букв. перевод: «собирать головы»)»라는 말과 비슷하다. 즉, ‘어떤 일을 혼자 하지 말고 다른 사람과 함께 하면 더 좋은 결과를 얻을 수 있다’라는 의미이다. 그리고 러시아어의 ‘머리가 나쁘면 발이 쉴 틈이 없다(букв. перевод: «дурная голова ногам покоя не дает»)»는 말은 한국어의 ‘머리가 나쁘면 손발이 고생한다(букв. перевод: «если у человека плохо с головой, то страдают и ноги, и руки»)»라는 말과 비슷하다.

5. 결론

한국어와 러시아어의 신체 관련 관용어 중에서 '머리'에 관한 관용어를 단어구성과 의미론적 측면에서 비교해 보았다. 즉, 한국어와 러시아어에서 머리는 주로 사고력, 판단력, 의식, 어리석음, 총명, 사람의 수, 기억, 괴로움, 분노, 놀람, 기쁨, 흥분 등을 의미하는 것으로 나타났다. 이렇듯 한국어와 러시아어의 관용어는 비슷한 측면이 많으며 앞으로도 관용어 비교 연구를 통해 한국어와 러시아어를 배우는 많은 학습자들이 한·러 관용어를 쉽게 이해하고 제대로 구사할 수 있도록 연구 범위를 좀 더 넓혀 나가야 하겠다.

Библиографический список

1. Телия, В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка 4-е издание [Текст] / В.Н. Телия. – М.: 2010.

2. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Д.Н. Ушков. – М.: 2009.
3. 국립국어연구원 표준국어대사전 [본문] / 두산동아, 1999.
4. 고려대학교 러시아 문화 연구소 러시아어-한국어 사전 [본문] / 일념, 2012.
5. 강덕수(교수) GEM 한노사전[본문] / 진명출판사, 2000.
6. 박영준 관용어 사전 [본문] / 태학사, 2005.
7. 고정욱(작가) 우리말 사전 [본문] / 자유로운상상, 2007.

И.В. Шалина (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

ЯПОНСКАЯ МОДЕЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Являясь высокоразвитой технологичной страной с продвинутым уровнем бизнеса, Япония продолжает нас удивлять. Невероятная конкурентоспособность нашего восточного соседа обусловлена необычными ценностями и правилами японских фирм – корпоративной культурой Японии, то есть, господствующими в японских организациях ценностными представлениями, нормами и образцами поведения, определяющими смысл и модель деятельности сотрудников, вне зависимости от их положения и обязанностей. Целью статьи мы определяем проведение краткого анализа явления корпоративной культуры Японии.

***Ключевые слова:** корпоративная культура; коллективизм; модель управления.*

I.V. Shalina (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

JAPANESE MODEL OF CORPORATE CULTURE

Being a highly developed country with an advanced level of technology business, Japan continues to surprise us. We can feel an incredible competitiveness of our eastern neighbour due to unusual values and rules of Japanese firms - corporate culture of Japan. That is the dominant in Japanese organizations value perceptions, norms and patterns of behaviour that determine the

meaning and model of staff, regardless of their status and responsibilities. The aim of this paper is to define a brief analysis of the phenomenon of corporate culture in Japan.

Key words: *corporate culture; collectivism; the management model.*

После окончания второй мировой войны экономическое состояние Японии находилось в достаточно плачевном состоянии. Размеры инфляции ужасали: к 1952 году она составила 1500% от довоенного уровня. Нужно было предпринимать меры. Япония находилась на грани хаоса, и в 1946 году была принята программа «обратный курс», включавшая в себя комплекс мероприятий по восстановлению экономики, в рамках которой были проведены радикальные бюджетные реформы: реформы налоговой системы, земельная реформа и реорганизация крупнейших холдингов. Так же был упорядочен процесс труда: введено новое трудовое законодательство, согласно которому устанавливался 8-часовой рабочий день, плата за сверхурочную работу, введено страхование сотрудников фирм, а также оплачиваемые отпуска, часовой перерыв, и т. д. [1, с. 275].

Многочисленные реформы позволили стране «встать на ноги», темпы роста японской экономики начали превышать темпы роста экономики США. Этот период в истории Японии известен как «Японское экономическое чудо». Одним из факторов, оказавшим положительное влияние на развитие страны, является наличие японских предприятий и фирм, которые строили и поднимали экономику. Безусловно, большое влияние здесь оказывали США, начался период активной «американизации».

Вскоре внимание было обращено на американский менеджмент, и уже в 50-х годах по образцу американских организаций, в Японии появились отделы, подразделения и сектора, предназначенные для регулирования отношений в фирме, сбора и анализа управленческой информации. Так же японские предприниматели обратили внимание на американские методы управления человеческими ресурсами, в особенности, на вопросы урегулирования трудовых конфликтов. Японские корпорации начали активно внедрять «беседы с персоналом», «системы оценки персонала» и др. [Там же, с. 280].

Хотя Япония и переняла некоторые модели управления за рубежом, сейчас они не похожи на оригинальные, а «переделаны» японцами в соответствии с культурой и менталитетом Японии. Именно поэтому мы можем говорить об оригинальной японской модели корпоративной культуры, которая имеет ряд особенностей. Например, японский специалист по менеджменту Хидэки Ёсихара выделяет восемь характерных признаков японской системы управления:

1. Гарантия занятости и создание обстановки доверительности;
2. гласность и ценность организации;
3. управление, основанное на информации;
4. управление, ориентированное на качество;
5. постоянное присутствие менеджера на работе;
6. поддержка чистоты и порядка;
7. концепция непрерывного обучения и самосовершенствования;
8. Ответственность и своевременность принятия решений [4, с. 16].

Понятие «корпоративная культура» получило широкое распространение в Америке в 70-80-х годах. Толчком к этому послужила работа Клифорда Гертца 1973 года под названием «The Interpretation of Cultures» (Интерпретация культур), которая заложила основы теории организационной культуры. На русский язык понятие «corporate culture» было дословно переведено как «корпоративная культура» или «организационная культура». На японский — 企業文化 *кигё: бунка* или 組織文化 *сосики бунка*.

Нужно отметить, что под влиянием Америки на этот термин обратила внимание общественность. Что касается Японии, то и до проникновения туда термина «corporate culture», существовали свои исконно японские понятия, заключающие в себе несколько иные, более традиционные, но все же очень схожие концепции, которые так же использовались в мире бизнеса [8].

Ученые сходились во мнении, что организационная культура являлась силой, которая объединяет сотрудников, и настаивали на необходимости ее использования в управлении. Тогда термин «корпоративная культура» прочно

закрепился в теоретических трудах относительно организации и устройства бизнеса.

В 90-х годах интерес к понятию корпоративной культуры возрастает: с одной стороны этому способствовал экономический спад в США, а с другой стороны процветающая экономика Японии, заставившая весь мир обратить на себя внимание. В поисках ответа на вопрос о невероятной конкурентоспособности Японии, исследователи сталкиваются с необычными ценностями и правилами японских фирм – корпоративной культурой Японии. Другими словами, с господствующими в японских организациях ценностными представлениями, нормами и образцами поведения, определяющими смысл и модель деятельности сотрудников, вне зависимости от их положения и обязанностей [3]. В каждой фирме существует своя система ценностей и приоритетов. Например, одна фирма может ставить своей главной целью получение прибыли, другая большее внимание уделять инновационным технологиям, третья же работать на снижение расходов. Та организационная модель, благодаря которой в фирме успешно достигается поставленная цель, и будет являться корпоративной культурой данной фирмы. Так же интерес к концепту «корпоративная культура» поддерживается благодаря стремлению объяснить различную эффективность фирм [2, с. 76].

Таким образом, можно заключить что понятие «корпоративной культуры» обрело прочные позиции, начиная с 80-90-х годов XX века, и уже не подвергалось сомнению. Частое упоминание термина в статьях и научных трудах, а так же внедрение в практику служит тому подтверждением.

Под корпоративной моделью чаще всего понимается модель или, другими словами, образец поведения внутри организации. Здесь условно можно выделить несколько компонентов:

1. принятая система лидерства;
2. стили разрешения конфликтов;
3. действующая система коммуникации;

4. положение индивида в организации;
5. принятая символика: лозунги, организационные табу, ритуалы и т. д. [3].

Компания иногда рассматривается как единый механизм, сотрудники которой – неотъемлемые его части. Если все «части» работают слаженно и имеют одну общую цель – компания, вероятно, будет успешно процветать, если нет, то достигать положительных результатов будет нелегко. Перед организаторами стоит нелегкая задача – мотивирование персонала и упорядочивание идей и мыслей сотрудников в одном направлении. Кроме того, развитие компании напрямую зависит от раскрытия потенциала сотрудников. Все вышеперечисленное укладывается в понятие «корпоративная культура», при наличии которой формируются ценности, мышление сотрудников, а так же среда для их комфортного существования. [6].

Японские компании занимают особое место в мире бизнеса, во многом, благодаря отличительной корпоративной культуре.

Главной характеристикой отношений в японской организации является коллективизм. Японский менеджмент основан на коллективизме и использует морально-психологические рычаги воздействия на личность. Прежде всего, это чувство долга перед коллективом, что в японском менталитете почти тождественно чувству стыда. Учитывая то, что налоговая система работает на усреднение доходов и материального состояния населения, в обществе минимально расслоение по благосостоянию, и это дает возможность использовать чувство коллективизма максимально эффективно [5]. Для японских корпораций характерно коллективное принятие решений и коллективная ответственность за их неисполнение. Указание начальника или высшего по положению является законом, а продвижение по службе происходит медленно и без узкой специализации [7].

В виду того, что главным образом во внимание принимается не отдельный сотрудник, а группа, персональное развитие сотрудников рассматривается в долгосрочной перспективе: молодые сотрудники не обязательно должны

показать существенные результаты работы в короткие сроки. На воспитание кадров уходит время и ресурсы, но даже в случае неудачи сотрудника ему, вероятнее всего, не будут предъявлены серьезные штрафные санкции, поскольку здесь вступает в силу групповая ответственность. Считается, что если в 20-30 лет человек не идеально справляется со своей работой, то к 40 годам у него есть все шансы стать ценным сотрудником.

Доброжелательное отношение к сотрудникам – еще одна отличительная особенность японских фирм. В то время как на западе распространено мнение о том, что «выживает сильнейший», в японских компаниях считают, что если сотрудник в достаточной мере старается проявить себя на благо компании, он достигнет соответствующего положения в фирме. Кроме того, даже в крайних случаях, когда сотрудник не справляется со своей работой, ему дают шанс и распределяют в отделы, где его способностей будет достаточно.

Можно заключить, что рядовой сотрудник в японской организации не имеет особого статуса или веса в принятии решений. Он вынужден спрашивать разрешения у вышестоящего, и не имеет права принимать решения самостоятельно.

Японские компании имеют строгую иерархическую организацию, где грань между начальником и подчиненным отчетливо видна и понятна всем. Таким образом, можно выделить следующие виды коммуникаций внутри организации: горизонтальные (横並び *ёконараби*) и вертикальные (縦割り *татэвари*) [10].

Вертикальные коммуникации – это общение между начальником и подчиненным. При таком виде коммуникации информация об изменениях, заданиях, правилах, инструкциях и т. п. передается от руководителя к подчиненному и обратно: от подчиненного к руководителю.

Горизонтальные коммуникации – это когда вся оперативная информация, управляющая и регулирующая производительный процесс, движется навстречу, не проходя через высшее звено управления. Горизонтальные коммуникации играют важную роль, поскольку помогают устанавливать равноправные отношения между подразделениями компании, что делает процесс более

быстрым и слаженным, что позволяет согласовывать информацию и принятие решений.

Следующим неотъемлемым компонентом корпоративной культуры является внешний вид сотрудника, которому уделяется большое внимание. Более того, в современных общественных условиях, где все еще силен дух коллективизма, каждый сотрудник обязан следить за собой, чтобы не создать проблемы своим коллегам. Недопустимо, чтобы сотрудник фирмы выражал свою индивидуальность посредством необычной одежды, прически, макияжа и т. п., поскольку в таком случае, он может поставить в неудобное положение коллег или партнёров.

Необходимо также отметить восприятие времени японцами как очередной момент в понимании корпоративной культуры. Различные подходы к объяснению и восприятию времени часто приводят к недопониманию, конфликтам, проблемам в общении. Время является главным организатором человеческой деятельности, деловых отношений, а в Японии отношение ко времени имеет свои особенности [9]. Достаточно только посмотреть на строгое расписание поездов, которые приходят без опозданий, в то время как во многих других странах опадание, например, в одну минуту вовсе не является опозданием.

В партнерских отношениях соблюдение времени также является весьма важным пунктом, однако, это не означает, что приходить нужно строго в указанное время: хорошим тоном считается прийти раньше примерно на 10 минут. В то же время, прийти, например, на 30 минут раньше считается плохим тоном, поскольку в этом случае можно нарушить планы партнера. В ситуациях, когда опоздание неизбежно, необходимо сообщить об этом партнеру как можно скорее [11].

Япония – это высокоразвитая технологичная страна с продвинутым уровнем бизнеса, в которой, согласно данным Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, действует более 4 миллионов компаний различного масштаба и задействовано более 40 миллионов человек [12]. Многие из этих

компаний имеют международные связи и иностранных партнеров, а так же принимают на работу специалистов из других стран, и Россия не является здесь исключением. Нанимаясь на работу за границу или в иностранную компанию, человеку необходимо быть осведомленным о культурных особенностях ведения бизнеса, поведения в коллективе и т.д., другими словами, важно иметь базовые знания касательно корпоративной культуры другой страны.

Библиографический список

1. Беляев, А. А., Коротков, Э. М. Антикризисное управление: учебник [Текст]/ А. А. Алпатов, Э. М. Коротков. – М.: Изд-во «Юнити-Дана», 2009. – 311 с.
2. Королев, В. М. Психология управления: Учебное пособие [Текст]/ В. М. Королев. – М.: Изд-во «Дашков и К», 2011. – 188 с.
3. Корпоративная культура [Электронный ресурс]/ Википедия — свободная энциклопедия/ [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Корпоративная культура](http://ru.wikipedia.org/wiki/Корпоративная_культура) (17 мая 2014)
4. Персикова, Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебное пособие [Текст]/ Т. Н. Персикова. – М.: Изд-во «Логос», 2011. – 223 с.
5. Подлесных, В. И. Менеджмент [Электронный ресурс]/ Особенности и основные черты японской системы менеджмента – http://de.ifmo.ru/bk_netra/page.php?dir=1&tutindex=3&index=12&layer=2 (17 мая 2014)
6. Пушных, В. А. Межкультурный менеджмент [Текст]/ В. А. Пушных. – Томск. 2011. – 180 с.
7. Шамхалов, Ф. И. Философия бизнеса [Текст]/ Ф. И. Шамхалов. – М.: Изд-во «Экономика», 2010. – 381 с.
8. 企業文化 / Corporate Culture [電子リソース]/ http://shift-inc.co.jp/gtl/corporate_culture/ (17 мая 2014)
9. なぜ優秀な会社は企業文化を大切にするのか [電子リソース]/ <http://www.president.co.jp/pre/backnumber/2008/20080331/4338/4346/> (17 мая 2014)
10. 横並び・縦割り [電子リソース]/ <http://kotobank.jp/word/> (17 мая 2014)
11. 安田賀計, ビジネスマナーの基本と常識 [テキスト]/. – 東京, PHP 研究所 2008. – 223 p.
事業所・企業統計調査総務省, 2006 [電子リソース]/ <http://www.chusho.meti.go.jp/koukai/chousa/chushoKigyouZentai9wari.pdf> (18 мая 2014).

М.Ю. Шалунова (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЯ «АЙ»

Целью данной статьи является анализ специфики использования общеупотребительного междометья «Ай».

Ключевые слова: междометие, апеллятивные междометия, экспрессивные междометия, стратегия, тактика.

M.Yu. Shalunova (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

THE SPECIFIC OF USING OF THE INTERJECTION UTTERANCE «Ай»

The aim of the given article is to analyze specific of using of the commonly encountered interjection utterance «Ай».

Key words: interjection, appellative interjections, emotional interjections, strategy, tactic.

러시아어 감탄사 «Ай»의 특징

본 기사는 일상생활에서 자주 사용되는 러시아어 감탄사 «Ай»의 특징을 분석하고 이해하는 데 그 목적이 있다.

핵심어: 감탄사, 의지 감탄사, 감정 감탄사, 언어 전략, 언어 전술.

감탄사는 '독립어의 대표적 품사'라 할 수 있다. 즉, 다른 어떤 성분과 통사적 관계를 맺지 않고 독립적으로 사용된다. 일반적으로 감탄사는 문장의 앞머리에 놓이며 뒤에 쉼표 또는 느낌표를 찍는다. 때로는 문장의 중간 혹은 뒤에 독립적으로 자유롭게 쓰이기도 한다.

많은 언어학자들은 여러 품사들 중에서 이해하기 어려운 품사가 바로 감탄사라고 입을 모아 말한다.

또한 어떤 언어학자들(엠. 플레르, 카. 아크사커브, 배. 훔볼트 등)은 감탄사는 구체적인 의미가 없는 본능적으로 나오는 소리라고 생각한다.

이 학자들은 언어의 기능을 말할 때 여러 가지 기능 '즉기술적 기능(descriptive function), 표출적 기능(expressive function), 행동 유발적 기능(conative function)을' 얘기한다[오승신, 2005, 156]. 이 학자들에 의하면 감탄사는 앞서 언급했듯이 어휘적 혹은 문법적 개념을 갖는 단어가 아니기 때문에 '외부 세계를 기술하는 기술적(descriptive) 정보를 나타내는 데에 역할을 하지 않고, 대신 감탄사는 표출적 기능, 행동 유발적 기능을 담당하는 단어들이 대부분을 차지한다'[오승신, 2005, 156].

그러나 인식언어학과 실용언어학을 연구하는 학자들은 감탄사를 긍정적인 시각으로 바라본다. 그들은 모든 품사는 다양한 기능을 하며 감탄사도 다른 품사들처럼 특별한 기능을 한다고 생각한다.

감탄사의 사전적 의미로는 «놀람, 느낌, 부름이나 대답을 나타내는 낱말»이라는 뜻을 담고 있다. 화자는 감탄사를 사용해서 자기 느낌을 표현할 뿐만 아니라 기분에 따라 여러 가지 언어의 전략과 전술을 수행한다.

감탄사는 다음과 같이 감정 감탄사와 의지 감탄사로 분류 할 수 있다.

첫째, 화자가 상대방을 의식하지 않고 본능적인 감정을 나타내는 감탄사를 감정 감탄사라고 한다. «Ай, ой, эх, фу, черт» 등 이러한 감정 감탄사를 통해 놀람이나 기쁨, 슬픔 등의 감정을 표현할 수 있다.

둘째, 화자의 의지나 요구를 나타내는 감탄사를 의지 감탄사라고 한다. «Тс, ш-ш-ш, цыц» 등이 의지 감탄사인데 화자는 이러한 의지 감탄사를 사용함으로써 상대방에게 어떤 행동을 요구할 수 있다.

다음 대화문은 러시아어 감탄사 «Ай»에 관한 내용이다. 일상생활에서 널리 쓰이는 감정 감탄사 중 하나인 «Ай»는 불만(노함), 걱정, 불쾌감, 고통, 공포, 경악, 감탄, 비난, 조소, 초조, 경멸, 경고 등 여러 가지 감정 표현의 의미를 가지고 있다.

다음 대화문을 통해서 «Ай»의 다양한 의미를 알아 볼 수 있다.

(1) 가: *Что ж теперь делать-то?*

나: *На дело надо идти, Доцент.*

다: *Ай-ай-ай.*

나: *Заткнись (Джентльмены удачи, 1971).*

범죄자들이 범죄를 저지르려고 한다. <다>화자는 감탄사 «*Ай-ай-ай*»를 사용하면서 친구들을 질책한다. <나>화자는 <다>화자의 감정 표현에 불만을 표출하고 있다.

(3) 가: *Ай-ай-ай.*

나: *Чей-то ты вздыхаешь?*

가: *Шакал я паршивый. Все ворую и ворую (Джентльмены удачи, 1971).*

<가>화자는 자신의 삶을 한탄하면서 «*Ай-ай-ай*»라고 말한다. 감탄사 «*Ай-ай-ай*»를 들은 <나>화자는 <가>화자가 너무 걱정을 많이 하고 있다는 것을 느끼게 된다. 그래서 <나>화자는 <가>화자의 걱정거리에 대해 들어주고 함께 고민해 주려고 한다. 이와 같이 감탄사 «*Ай-ай-ай*»는 다른 사람의 주의를 끌 수도 있다.

(4) 가: *Да ничего я не выбирал, мам! Это не мой выбор.*

나: *Я знаю. Говорят, с этим рождаются.*

가: *Ай!*

나: *Да не обращай ты внимания (Воронины, 66 серия).*

<가>화자는 혼자 살고 있는 남자인데 그의 어머니는 그가 여자와 살고 싶지 않다고 생각한다. 그래서 <가>화자는 그렇지 않다는 의미로 «*Ай*»라고 말한다. 즉, <가>화자는 감탄사 «*Ай*»를 사용하여 이 담화가 불쾌하다는 것을 표현하고 있다. 그래서 <다>화자인 <가>화자의 남동생은 형이 화가 났다는 것을 알고 형을 달래보려고 노력한다.

(5) *«Я вот считаю, что в два года ребенку спокойно можно донести, что мама сердита, просто поменяв интонацию. Вот Аришке годик, и я не ее мама, но она меня прекрасно понимает! Если она лезет к розетке, а я говорю: «Ариша, ай!» строго испуганным голосом, то она сразу понимает, что туда лезть не стоит...» (Форум родителей, 2009).*

화자는 감정을 표현할 뿐만 아니라 위험을 예방하기 위해 감탄사 «*Ай*»를 사용한다. 그래서 러시아 부모님들은 아이들 사고 예방을 위해 이러한 감탄사를 자주 사용한다.

감탄사 «*Ай*»는 러시아어에 없어서는 안 될 중요한 감탄사다. 이러한 감탄사는 화자의 불만, 걱정, 불쾌감, 경고 등 다양한 의미를 가지고 있다. 따라서 이러한 감탄사를 통해 자신의 감정을 효과적으로 표현하고 전달할 수 있어야 하겠다.

참고 문헌

1. http://www.korean.go.kr/nkview/nklife/2005_2/2005_0212.pdf
2. Данелия Г., Джентльмены удачи, [Мультимедиа]/ Г. Данелия. – М.: Мосфильм, 1971.
3. Воронины [Видеозапись] / реж. А. Жигалкин; в ролях Г. Дронов, Е. Волкова, С. Дужников [и др.]; ГудСториМедиа, Леан – М.: СТС, 2009.
4. Данелия Г., Джентльмены удачи, [Мультимедиа]/ Г. Данелия. – М.: Мосфильм, 1971.
5. Воронины [Видеозапись] / реж. А. Жигалкин; в ролях Г. Дронов, Е. Волкова, С. Дужников [и др.]; ГудСториМедиа, Леан – М.: СТС, 2009.
6. *Форум родителей*, Шлепали ли Вы своего ребенка за провинность? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kid.ru/forum/txt/index.php/t34740-200.html> (дата обращения 11.12.2011).

Шаравьёва И.В. (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт, филиал МГЛУ в г. Иркутске

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ «МОНАДНОСТИ» КАК СПОСОБ РАССМОТРЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ У ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ

В статье рассматривается вопрос о существовании в мировоззрении древних китайцев некоторых исходных знаний, первоначал, пронизывающих все аспекты окружающего мира. Одним из основных категорий китайской философии является представление об энергии «ци», представленной в виде «инь»- «ян», «у син» и приводящей в движение всю Вселенную, «раскрывающуюся изнутри». В связи с этим делается вывод о том, что все семиотические процессы, происходящие в языке, отражают семиотические процессы во Вселенной.

***Ключевые слова:** первоначала, «ци», 5 элементов (у син) «великий предел», китайская письменность*

**PHILOSOPHICAL ORIGINS OF “MONAD AND MODUS APPROACH” AS
A WAY OF VIEWING THE UNIVERSE BY EARLY CHINESE**

The article is about existence of primary knowledge that runs through all aspects of surrounding Shworld in the ancient Chinese' view of the Universe. One of the basic categories of Chinese philosophy is the idea of Chi energy represented as "Yin - Yang" principles, and "Wu Xing" actuating the whole Universe "unfolding from within". In this connection all semiotic processes that occur in language reflect semiotic processes in the Universe.

***Key words:** primary knowledge, “Chi”, "Wu Xing", Chinese Universe, Chinese writing, semiotic process.*

Идея существования исходных неделимых сущностей не нова и формирует все мировидение древних китайцев. Для китайцев вселенная представлялась огромным «живым» механизмом, каждый элемент которого воспринимался как естественная данность и пронизывал все аспекты бытия.

Одним из основных понятий древнекитайской философии является понятие Дао – пути. Феноменология Дао - корреляция одного полюса отрицательной энергии инь и положительной Ян, порождающие пять стихий, или первоэлементов (у син): воду – большой, зрелый инь, огонь – большой, зрелый ян, дерево – меньший зарождающийся ян, металл – меньший, зарождающийся инь, землю – гармонию, равенство, баланс инь-ян [Ермаков, 2003, с. 109]. Таким образом, фазы процесса перехода из одного полюса ци в другой маркируются первоэлементами. [Торчинов, 2007, с. 41]. Именно из этих элементов, в свою очередь, состоит весь материальный мир, все «десять тысяч вещей» (вань у).

Данные 5 элементов (у син) не просто соседствуют друг с другом, а находятся в элементах взаимопорождения и взаимоуничтожения. Они

представляют собой пять фаз, отражающих процесс перехода отрицательного в положительное и наоборот. Определенный порядок перечисления первоэлементов (дерево, огонь, земля, металл и вода) называется порядком взаимопорождения. Существует также и порядок взаимопреодоления. Существует также и порядок взаимопреодоления: дерево преодолевается металлом, металл преодолевается огнем, огонь преодолевается водой, вода преодолевается землей, земля преодолевается деревом и т.д. Это так называемый круг вещей, или проявление энергии ци, развертывающей себя в каждом из этих первоэлементов.

Это так называемый круг вещей, или проявление энергии ци, развертывающей себя в каждом из этих первоэлементов.

Китайская мысль устанавливает ряды соответствий между первоэлементами как определенными состояниями ци и различными явлениями, как бы воплощающими в себе эти состояния [Торчинов, 2007, с. 42], в связи с чем каждому первоэлементу соответствуют определенные явления окружающего мира, такие, например, как различные цвета, времена года, органы человеческого тела, стороны света, чувства людей, как положительные, так и отрицательные.

Вследствие этого, первоэлементы связаны со многими вещами вокруг и заряжены энергией инь или ян, и их гармоничное соположение формирует соответствующую действительность. Таким образом, основу космогонической структуры китайского мира составляет постулат о том, что «все сущее есть лишь пять первоэлементов, пять первоэлементов есть лишь два модуса – инь и Ян, два модуса есть лишь единый Великий предел» [Там же, с. 42].

Феноменология сверхъестественного и реального выявляет некий натурализм древних китайцев, их прагматическое стремление к рассмотрению мира, который является неразделимым. Китайская мифологическая традиция – классическая модель о происхождении космоса и вселенной, отражающая традиционный взгляд древних китайцев на вопросы возникновения мира. Если в западном мировосприятии демиург вселенной часто представлен богом, то

«китайская космогония следует антропоморфной модели: бесконечное многообразие окружающего мира рождается не от бога, а от смертного гиганта, или Первочеловека» [Ермаков, 2003, с.33].

Тот факт, что даже в мифологических представлениях древних китайцев вселенная не создается единым Богом, а разворачивается изнутри, как бы раскрывая себя полностью соответствует традиционному мирозерцанию китайцев, согласно которой вселенная представляет собой исключительно поток метаморфоз, переходящих одна в другую» [Торчинов, 2007, с. 31].

В китайской философии именно перемены составляют суть бытия как проявляющегося в постоянном изменении «великого предела», или 太极 (taiji) . Наиболее полно «великий предел» представлен в рамках концепции даосизма. Здесь именно он является высшей формой проявления жизни, это – начало всех начал, как земные, так и небесные энергетические потоки. Внутренняя форма этого базового понятия китайской философии (дословно переводится как «слишком»+ «граница, полюс, предел») говорит о том, что это не только точка достижения чего-либо, но и выход за границы, что позволяет перевести 太极 (taiji) как сверх-предел, то, что находится за ним.

На другой стороне «Великого предела» находится 无极 (wuji), или не-предел, наличие отсутствия, пустота, в которой все уже существует, и, по мнению китайского философа Чэн И «в пустоте и покое образы уже завершены и избыточны, словно чаща лесная. Они подобны деревьям в тысячу саженей: от корня до верхушки – одно тянущееся целое» [Малявин, 2001, с. 192]. Однако противопоставленность данных понятий не является дуальным проявлением двух разных сущностей, так как происходит плавный переход от одного к другому, разворачивание не-предела во времени и пространстве, постепенно раскрывающее себя в «великом пределе».

Этот путь от отсутствия к пределу является путем великого Дао, где «наличие и отсутствие переплетаются и соединяются. Скрытое и явное поддерживают друг друга, если исходить из его начала, то все мириады

наличия в качестве своего изначального корня имеют дыхание. Если довести его до конца, то все мириады сущностей изменяют только свою форму. Отсюда известно, что для мириад сущностей единая основа — это форма и дыхание. Для формы и дыхания единая основа — это дух. Основа духа — это предельная пустота. Основа Пути — это предельное отсутствие. Перемены находятся внутри. Великий предел приходит в движение, порождая Ян. Движение достигает своего предела и возникает покой. Покой рождает Инь. Один Инь и один Ян – это два типа сознания» [АНТОЛОГИЯ ДАОССКОЙ ФИЛОСОФИИ].

Любые события, происходящие как в окружающем мире, так и в теле человека, являются показателем течения ци во вселенной. Ци, или первозданный хаос (хуньдунь), или изначальный дух (юань шэнь), как таковой не имеющий своей полярности, проявляется, в свою очередь, в мужской, чистой, сильной, активной энергии **ян** и женской, темной, слабой, пассивной энергии **инь**. Нарушение гармоничного сосуществования одной из них является причиной сбоя в развитии определенных процессов в универсуме. Ван Чун, китайский философ-материалист, рассуждая о ци, приходит к выводу о том, что ци, сгущаясь, становится веществом, а истощаясь, духом, подобно тому, как лед при нагревании превращается в воду, а вода – в пар. Таким образом, между духом и веществом, материей и сознанием, нет и не может быть непреодолимой грани, это не более, чем разные состояния, модусы единой субстанции. Все, что есть в мире, – это ци и кроме ци и его состояний ничего нет [Торчинов, 2007, с. 33].

Для энергии ци не существует временных ограничений: она в наличии в прошлом, настоящем и будущем. Прежде, чем произошло образование «десяти тысяч вещей», еще до того, как Небо и Земля разделились и пустота сама по себе предшествовала проявленному миру, были сформированы различные проявления Дао пути. В даосистской традиции такое бытие получило название «прежде небесного (сянтянь)» и «после небесного» бытия. Считалось, что ««прежде небесные превращения» исчезают прежде, чем обретут видимый

образ, они, как говорили в Китае, «не оставляют следов»» [Малявин, 2001, с. 183].

Исходя из устойчивого убеждения китайцев о единой энергии, пронизывающей всю вселенную, можно предположить, что знаки китайской письменности являются лишь проявлением формирующей их энергии «ци». Идея о том, что Вселенная не создается кем-то, а раскрывается, разворачивает себя изнутри, возможно, отражает эволюцию идеографических знаков, где минимальные значимые компоненты обладают бесконечным потенциалом формирования новых знаков, образуя, таким образом, все поле китайской письменности.

Данное предположение согласуется с современной теорией квантовой физики о том, что Вселенная представляет собой голограмму, где каждый элемент, каждое изображение несет информацию об общей картине Бытия, содержит в себе целое. В таком случае, можно предположить, что исходные иероглифические знаки содержат в себе весь потенциал китайской письменности, которая «раскрывается» из первоначальных элементов. Таким образом, все семиотические процессы, заключенные в письменности, отражают семиотические процессы, происходящие во вселенной.

Несомненно, макрокосмическая модель восприятия Вселенной древних китайцев является критерием рассмотрения «десяти тысячи вещей» бытия. Существующие в мировоззрении древних китайцев первоначальные субстанции (некие философские монады) характеризуют каждый элемент Вселенной, представленный в «ци», принимающей различные формы. Китайская письменность также является одним из ее проявлений.

Библиографический список

1. Антология даосской философии [Текст] / Сост. В.В. Малявин, Б.Б. Виноградский. – М.: Комаров и К., 1994. – 446 с.
2. Ермаков, М.Е. Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики [Текст] / М.Е. Ермаков. – СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2003. – 208 с.

3. Таблот, М. Голографическая Вселенная: Новая теория реальности [Текст] / М. Таблот. – Перев. с англ. – М.: ООО Издательство «София», 2009. – 416 с.
4. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е. А. Торчинов. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007. – 329 с.
5. Малявин, В.В. Китайская цивилизация [Текст] / В.В. Малявин. – М.: 2001. – 632 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ НАЧИНАЮЩИХ ВОСТОКОВЕДОВ
(студенческие работы)

А.И. Иванова (Омск)

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЭНЬЮЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
甚容 «减去十岁»

В данной статье описаны структурные особенности китайских идиом (чэньюев) в произведении Шэнь Жун «Минус 10 лет» (甚容 «减去十岁»), также отобранные в ходе исследования фразеологические единицы были классифицированы на две группы: чэньюи параллельной конструкции и чэньюи непараллельной конструкции (классификация В.И. Горелова и В.Ф. Щичко). Актуальность данного исследования обусловлена недостатками существующих подходов к определению фразеологических единиц китайского языка, в частности идиом чэньюй (成语), оперирование которыми позволяет достичь высокого уровня владения идиоматичной речью, а актуальность данного исследования также обусловлена тем, что данная тема на примере произведения 甚容 «减去十岁» ранее никем не рассматривалась.

Ключевые слова: *Китайский язык; филология; лингвистика; фразеология; современная китайская литература; идиомы; чэньюи.*

A.I. Ivanova (Omsk)

OMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF CHENGYU (CHINESE
PHRASEOLOGICAL UNITS) IN THE NOVEL “MINUS 10 YEARS” by
SHEN RONG

The article describes the structural characteristics of Chinese phraseological units in the novel “Minus 10 years”, written by Shen Rong (甚容 «减去十岁»), the phraseological units, which were selected during the research, were classified into two groups: the chengyu of the parallel structure

and the chengyu of the nonparallel structure (V.I. Gorelov and V.F. Schichko's classification). This problem is important today because there is the deficiency of the present approaches to explaining what Chinese phraseological units (chengyu) are, usage of which permits to reach a higher level of idiomatic language, the research is also valuable because this theme hasn't been developed earlier, especially by the example of the Shen Rong's novel "Minus 10 years (甚容《减去十岁》).

Key words: Chinese language; philology; linguistics; phraseology; Chinese modern literature; idiomatic expressions; chengyu.

Формирование фразеологии китайского языка как самостоятельной научной дисциплины ещё не завершено. Востоковеды, синологи и лингвисты до сих пор не пришли к единой точки зрения относительно семантики используемых терминов в китайском языке, поскольку лишь сравнительно недавно фразеологические единицы китайского языка стали объектом изучения.

Фразеологизмы китайского языка имеют ярко выраженную национальную самобытность. В их основе лежат факты, явления, события, относящиеся, как правило, к истории, культуре, быту, традициям и обычаям китайцев. Незнание тех или иных реалий приводит к неправильному пониманию целостного переносно-образного значения выражения, нарушает процесс коммуникации [Комиссаров, 1990, с. 256].

В китайской речи достаточно распространены знаменитые высказывания из классических книг «китайской образованности». Целый ряд этих книг содержит историю, древнейшую поэзию, философию и законодательство. Примерно со II века до н.э. классические китайские книги стали основными инструментами в воспитании образованной китайской интеллигенции. Монологи из классических китайских романов, созданные в произведениях образы и недоговорки, - все это по-прежнему используется в речи китайского народа. Так, в наше время знание классических китайских романов входит в обязательную программу всех курсов изучения китайского языка.

Роман Шэнь Жун «Минус десять лет» - это роман, часть которого создана и опубликована в невероятном количестве экземпляров за границей, это образец вымышленного китайского романа. Произведение таит в себе своего рода абсурд, который в обществе принято считать «идеалом». В романе

высмеиваются стереотипы поведения, придуманные нами же в повседневной жизни, старшее поколение осуждает жизненный путь интеллигенции, сопротивление правилам светского общества и взглядам, отклоняющимся от нормы, в глубине души порождает бунт [4].

Шэнь Жун - китайская писательница родом из провинции Сычуань, Вушань, родившаяся в Ханькоу, Хубэй. В 1951 году начала трудовую жизнь в Чунцине — сначала в книжном магазине для рабочих, затем в отделе писем одной из газет. В 1954 году поступила в Пекинский институт русского языка и по окончании его работала переводчицей с русского языка, музыкальным редактором, учителем средней школы. В ходе Культурной революции была в 1969 году отправлена на «перевоспитание» крестьянским трудом в провинцию Шэньси — этот опыт лёг в основу её первых литературных произведений. В 1975 году вышел первый роман Шэнь Жун «Вечно молодые», в 1979 году — повесть «Вечная весна» и рассказы. Повести «Средний возраст» и «Деревенская тайна», переведенные на русский язык, в Китае были отмечены премиями [Miller, 2001, с. 296-297].

«減去十岁» («Минус десять лет») - это произведение современной китайской литературы, собравшее в себе невероятное количество многообразных стилистических явлений, которые придали роману яркость и возвышенность речи, усилили эмоциональное воздействие и привлекли внимание читателя к написанному. В анализируемом произведении автор Шэнь Жун использует разнообразные китайские идиомы - чэньюи.

На примере данного романа нами были выявлены чэньюи параллельной и непараллельной конструкции (в соответствии с классификацией В.И. Горелова и В.Ф. Щичко).

此起彼伏, 真才实学, 油盐酱醋 данные чэньюи представляют собой четырехсловную структуру и относятся к чэньюям параллельной конструкции.

Рассмотрим чэньюй 此起彼伏. Можно выделить 此 - местоимение в противопоставлении 彼, определённое указательное местоимение

древнекитайского языка и книжного стиля «ЭТОТ», «ЭТА», «ЭТО», «ЭТИ» (указывает на предмет, близкий или менее удалённый в пространстве), 起 – глагол «подниматься», «взмывать», «взлетать», «выситься», «вздвигаться» и 伏 – глагол «залечь», «притаиться», «спрятаться»; «склоняться», «наклоняться», «пригибаться».

В данном отрывке произведения Шэнь Жун «Минус десять лет» чэньюй 此起彼伏 встречается в следующем предложении: 流行歌曲，此起彼伏 – Романсы играли, один за другим. Также данный чэньюй можно перевести иначе: этот встаёт, тот падает (вразнобой, неслаженно), то затухая, то вспыхивая вновь; волна за волной, следовать одно за другим и т.д.

Чэньюй 真才实学 по морфемам можно разложить на 真才 – настоящий талант, высокие способности и 实学 – настоящая учёность, подлинная образованность. В рамках следующего предложения этот чэньюй можно перевести как «истинный талант и настоящая эрудиция»:

我要读书，我要上学，要有真才实学 – Мне нужно заниматься, мне нужно поступить в школу, нужно обладать истинным талантом и настоящей эрудицией.

Чэньюй 当务之急，十之八九，众矢之的 представляют собой четырехморфемные фразеологические образования и относятся к чэньюям непараллельной конструкции.

Чэньюй второй группы (непараллельной конструкции) в отличие от чэньюев первой группы допускают использование служебных слов. Нередко в их составе встречаются союзы, предлоги, отрицательные частицы.

Чэньюй 当务之急 состоит из 当 – служебного глагола «быть», «являться»; «состоять (кем-либо)»; «служить в качестве (кого-л.)»; 务 – существительного «дело»; «обязанность», «долг», «задача»; «срочное», «необходимое»; 之 – служебного слова и 急 прилагательного «быстрый», «стремительный»; «скорый», «торопливый»; «внезапный». В анализируемом произведении чэньюй

当务之急 употребляется со следующим примерным значением: актуальнейшая (первоочередная) задача, дело первостепенной важности, самая актуальная проблема, неотложная задача дня и т.п.

Идиома 十之八九 принадлежит к группе чэньюев с непараллельной конструкцией, потому что в своем составе имеет служебное слово: 十 числительное «десять»; 之 - служебное слово; 八九 - «восемь-девять из десяти» (в значении: почти наверняка). В предложении 上了中学, 坐在教室里如坐飞机, 老师教的十之八九不明白, 晕晕乎乎, 糊里糊涂照样毕了业 - Начав учебу в средней школе, в аудитории сидишь, словно в самолете, вероятно, учитель, который преподает, не понимает, голова кружится, все заканчивается по-прежнему непонятно. Чэньюй 十之八九 имеет следующее значение: по всей вероятности, по всей видимости, скорей всего; в большинстве случаев.

Чэньюй 众矢之的 также относится к группе чэньюей непараллельной конструкции. В структуре данной идиомы можно выделить три знаменательных морфемы и одну служебную:

众 - существительное «толпа», «масса»; «народ»; «мир», «общество», «множество»; 矢 - существительное «стрела», 之 - служебное слово.

的 - «цель», «мишень» (для стрельбы из лука); «яблочко» (мишени).

Целиком идиома 众矢之的 имеет значение «мишени, находящейся под обстрелом» (о предмете всеобщего осуждения и порицания) или объекта всеобщих нападков, объекта общей ненависти.

Фразеология является одним из самых важных средств речевого воздействия на человека, которое придает языку не только определенную выразительность и образность, но и способствует пониманию глубокого скрытого смысла изречений. Особенность фразеологических единиц в китайском языке – это их грамматическая структура, которая позволяет высказыванию быть не только лаконичным и точным, но также ярким и образным.

Фразеологический фонд является сокровищницей китайского языка, драгоценные камни которой постоянно пополняются за счёт живой речи и устного народного творчества. Одним из источников обогащения национальной

фразеологии является язык писателя. Развитие китайской национальной фразеологии идет сложными путями. Оно стимулируется не только созданием новых художественных ценностей, но одновременно и всё более глубоким и современным осмыслением классического наследия, поныне сохраняющего своё действенное значение, являющеюся составной частью духовной и речевой культуры народа Поднебесной.

Библиографический список

1. Shen Rong // Who's Who in contemporary women's writing / Ed. by Jane Eldridge Miller — Routledge, 2001. — 385 с.
2. Ветров П.П. Проблемы синтаксиса и стилистики фразеологических единиц в свете экспериментальных данных: (на материале современного китайского языка): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: специальность 10.02.19 <Теория яз.> / Ветров Павел Павлович; [Ин-т языкознания РАН]. - Москва: 2007. - 385 с.
3. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка : учебник. – М. : АСТ; Восток – Запад, 2007. - 509 с.
4. Китайская поисковая система Baidu URL: <http://zhidao.baidu.com/question/209351911.html> (дата обращения: 18.04.2013).
5. Китайская поисковая система 百度 URL: <http://baike.baidu.com/view/206572.html> (дата обращения: 18.04.2013)
6. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Изд-во «Высшая школа», 1990. - 624 с.

Ю.С. Мыщик (Омск)

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОДКИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ К УМК ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ

В средней общеобразовательной школе аудирование до сих пор рассматривают как побочный продукт говорения, соответственно на уроках ему не отводят достаточно времени. Учитывая разнообразные трудности обучения аудированию и сложность данного процесса, очевидно, что для успешного обучения необходима методическая система.

Проанализировав учебники для начинающих изучать китайский язык, мы пришли к выводу о необходимости разработки дополнительных учебных пособий по аудированию к учебно-методическим комплектам.

***Ключевые слова:** китайский язык; методика преподавания; фонетика; аудирование; учебно – методический комплект; фонетические ошибки; учебные пособия; коммуникативная направленность*

Yu.S. Mytsyk (Omsk)

OMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

THE NECESSITY OF ADDITIONAL TRAINING AIDS FOR CHINESE LANGUAGE METHODOLOGICAL SETS IN TEACHING LISTENING

In secondary school listening is considered to be by-product of speaking, that means it is not usually paid enough time during lesson. Considering various difficulties in listening and the complexity of the very process, the need of methodical system is obviously required for successful learning. Having analyzed the Chinese textbooks for beginners, we came to the conclusion that it is needed to elaborate listening additional training aids for Educational methodical sets.

***Keywords:** Chinese; methodology; phonetics; listening; educational - methodical set; phonetic mistakes; curricular material; communicative orientation*

Приоритетным направлением методики преподавания китайского языка остается обучение аудированию, так как без него невозможно речевое общение. Данный вид речевой деятельности является обратной связью говорения, позволяет осуществлять самоконтроль за речью и понять, насколько верно реализуются речевые намерения. Так же представляет собой отдельный вид коммуникативной деятельности со своим мотивом, отражающим потребности человека или характер его деятельности.

Аудирование составляет основу общения, с него начинается овладение устной коммуникацией. Владение данным видом речевой деятельности позволяет человеку понять сообщение и адекватно отреагировать на сказанное, помогает корректно донести свою точку зрения оппоненту, что и является основой устной речи.

Данный вид речевой деятельности эффективен и как цель, и как средство обучения иностранному языку так как облегчает овладение говорением, чтением и письмом. Также через аудирование проходит лексико-грамматическое усвоение состава языка.

Статистические данные, приведенные З.А. Кочкиной, показывают, что 70% бодрствования человек проводит в речевом общении. Из этих 70% на аудирование приходится 45% времени, на письмо приходится 9% времени, на говорение -30% , на чтение - 16%. Следовательно, не вызывает сомнения, что овладеть иностранным языком невозможно без умения слушать и понимать речь [Кочкина З.А., 1963, с. 162].

При обучении фонетике китайского языка один из сложнейших вопросов - овладение тоном. Фонетическая составляющая – самая важная, но в то же время и самая сложная, так как сам по себе язык, его структура, – это, прежде всего, фонетика. Неправильное произношение влечёт за собой как грамматические ошибки, так и лексические [Сюй С.,2011, с. 142].

Огромное влияние на изучение языка оказывает фонетическая база, поэтому учащимся необходимо при помощи упражнений развивать фонетический слух, ритмику, дифференциацию тонов для преодоления фонетических трудностей.

Сейчас в школах из-за недостаточной технической оснащённости, на уроке ученики пропускают задания на аудирование. Как домашнее задание аудирование задают редко, делая акцент на чтение, лексику или грамматику. Пренебрежение данным видом речевой деятельности ведет к нарушению всех принципов коммуникативной направленности обучения. Отсутствует речемыслительная активность учащихся, нет наличия ситуативности и функциональности выполняемых заданий, школьники выполняют задания на автоматизированных навыках и умениях, не требующие никакой мыслительной деятельности, а так же постоянно ожидают перевода на родной язык [А. Д. Климентенко, А. А. Миролубов, 1981, с. 241]. Так же в процессе аудирования не происходит узнавание лексико-грамматического материала, что ведет к не сформированности навыка и влечет за собой трудности понимания.

Одна из ключевых трудностей аудирования- понять грамматическое оформления речи. У каждой грамматической структуры есть своя мелодика, свои ударные и безударные слова. Чтобы избежать этих трудностей, нужна специальная языковая подготовка.

Следующая трудность понимания речи на слух – произношение. Из психологии известно, что человек может услышать не всё, что звучит, а только то, что он способен произнести. Поэтому необходимо с особой тщательностью выполнять все упражнения, в которых отрабатывается произношение звучащих текстов. Это подготовит учащихся к более лёгкому пониманию речи.

Умение понимать речь на слух, или аудировать, ценно не только как компонент общения, но и как средство обучения. Как показывают исследования, оно может использоваться с целью совершенствования произношения, развития речевых умений, обучения выразительному чтению, формированию прочных грамматических и лексически навыков.

Основным способом преодоления трудностей, является систематичное выполнение тренировочных упражнений на развитие всех компонентов аудирования. Проведем анализ учебных пособий на предмет использования заданий по аудированию.

В состав УМК обычно входит CD диск с аудиозаписью, задание же представлено в учебнике. В программе по китайскому языку для средней общеобразовательной школы рекомендуется учебник общего курса «Китайский язык. Новый старт» издательство Пекинского университета. В данном учебно-методическом комплекте аудирование присутствует как цель и как средство обучения, включены частично аутентичные тексты, диалоги и задания на контроль общего понимания речевых сообщений. Однако, общее количество упражнений не велико, отсутствуют задания на снятие фонетических трудностей.

Проанализировав УМК Соктовой О.Ц. можно сделать вывод о том, что автор данного учебного пособия акцентирует внимание на преодолении именно фонетических трудностей. В учебнике представлены упражнения на

фонетический слух, ритмику, дифференциацию тонов. Аудирование используют только как средство обучения.

Таким образом, в большинстве учебных пособий аудированию отводится от 3-5 заданий, связанных либо с общим пониманием текста, ответами на вопросы или с фонетическими трудностями. Комплексно данное умение не развивают. К тому же, представленного объема не достаточно для владения аудированием как видом речевой деятельности, соответственно развивать умение учащихся говорить на иностранном языке и обеспечивать успешный процесс коммуникации представляется весьма трудным.

В связи с языковыми особенностями необходимо также отметить отставание методики преподавания китайского языка. Фундаментальные работы и исследования в этой области науки исчисляются единицами, что связано с определенным разрывом между преподавателями-практиками и учеными-китаеведами. В результате наблюдается отставание передовых методов практического обучения языку от стремительного развития методики обучения иностранным языкам как науки.

Учебные пособия в полной мере не соблюдают принцип коммуникативного метода, не соответствуют эффективизации и интенсификации процесса обучения иностранному языку, поэтому необходимо к учебным пособиям разрабатывать дополнительные комплексы.

Дополнительные пособия позволят придать системный характер обучению. Большое количество разнообразных упражнений повысит интерес учащихся, позволит им осознать цель своей учебной деятельности по совершенствованию навыков восприятия и понимания аутентичной иноязычной речи на слух и наметить пути осуществления этой цели.

Пособие должно включать в себя использование аудирования как средства для развития фонетических, лексико-грамматических, речевых навыков. Для развития фонетических навыков должны быть представлены такие упражнения как: дифференциация тонов в словах, развитие интонационного слуха, кратковременной памяти, фонетического слуха, навыка соотнесения

фонетической оболочки слова и его значения. Данные упражнения помогут посредством аудирования комплексно развивать лексико-грамматические навыки, формировать умение догадываться о значении новых слов, а также умения понимать смысл фразы и текста в целом, несмотря на наличие в нем незнакомых элементов, так же умение самостоятельно выводить правило употребления грамматических структур. Так же аудирование должно быть представлено как цель обучения. Учебное пособие должно иметь хорошо распланированную систему упражнений, включать задания сопряженные с учебником и в достаточном количестве, чтобы аудированию уделялось время не только на каждом занятии, но и для самостоятельной подготовки дома.

Библиографический список

1. Кочкина З.А. Понимание звучащей речи (обзор американских работ) // Вопросы психологии. – 1963. – №3. – С. 161 – 167.
2. Климентенко А. Д. ,Миролюбова А.А. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Педагогика.-1981.- 456 с.
3. Сюй С. Проблемы преподавания фонетики китайского языка русским студентам [Текст] / С. Сюй // Молодой ученый. – 2011. – №12. Т.2. – С. 141-144.
4. Соктоева О.Ц. Учебник китайского языка для 6 класса школ с углубленным изучением китайского языка. – Чита: Изд.-во ЗабГПУ, 2005. – 283 с.

Ю.С. Мыщик, А.И. Иванова (Омск)

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРАКТИВНО- МУЛЬТИМЕДИЙНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ К УЧЕБНИКУ 汉语新起点 НА УРОКАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье обосновывается необходимость создания интерактивно-мультимедийного сопровождения к учебнику 汉语新起点. Актуальность нашей работы обусловлена тем, что методика преподавания китайского языка мало исследована, наблюдается недостаток научной базы в данной области, кроме того, действующие

учебные пособия по китайскому языку не оснащены мультимедийным сопровождением, поэтому образовательный процесс не выходит за рамки традиционного урока. Создание мультимедийного сопровождения для учебных пособий по китайскому языку позволит поднять методику преподавания в общеобразовательных школах на новый уровень.

***Ключевые слова:** Китайский язык; методика преподавания иностранного языка; мультимедийное сопровождение уроков; медиапедагогика; интерактивные методы обучения; инновационные технологии в образовании; современные технологии преподавания; педагогическое образование.*

Yu.S. Mytsik, A.I. Ivanova (Omsk)

OMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

THE ADVANTAGES OF USING INTERACTIVE MULTIMEDIA SUPPLEMENT TO CHINESE COURSE BOOK “汉语新起点”

As the title implies the article describes the necessity of developing interactive multimedia supplement to the coursebook “汉语新起点.” This problem is important today because Chinese language teaching methods are not well elaborated, there is also the deficiency of the science-based groundwork in this area of scientific exploration, furthermore, some Chinese practicable teaching aids are not provided with interactive multimedia supplement, therefore, educational process does not exceed the limits of a traditional lesson. The development of interactive multimedia supplement to Chinese teaching aids will make it possible to improve Chinese language teaching methods in educational institutions.

***Key words:** Chinese language; foreign language teaching methods; multimedia approach; media pedagogy; innovative techniques in education; modern education techniques; pedagogical education.*

Процесс информатизации образования предполагает широкое использование мультимедийных технологий обучения. В соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов в учреждениях общего и профессионального образования необходимо создавать все необходимые для их реализации условия, в том числе современную информационно-образовательную среду. Проблема создания современной информационной образовательной среды становится еще более актуальной в

условиях перехода общеобразовательных учреждений Российской Федерации на Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования [Матрос, 2004, с. 241].

Сегодня необходимы новые подходы к организации учебного процесса, опирающиеся на прогрессивные информационные технологии. Именно поэтому внедрение мультимедийных технологий в структуру современного урока является одним из приоритетных направлений.

В методике преподавания китайскому языку использование мультимедийных технологий является малоизученным и сравнительно новым. Отставание методики преподавания китайского языка наблюдается в связи с языковыми особенностями. Исследования и другие фундаментальные работы в этой области науки исчисляются единицами, что связано с определенным разрывом между преподавателями-практиками и учеными-китаеведами. В результате наблюдается отставание от стремительного развития методики обучения иностранным языкам как науки и от передовых методов практического обучения языку. Увеличивающийся в настоящее время в России интерес к китайскому языку и культуре, стимулирует преподавателей к изучению методики его преподавания как иностранного языка.

На сегодняшний день в школах используются учебные пособия как отечественных, так и зарубежных издательств, CD, DVD и мультимедиа материалы. Отечественные программы, не имеют никакой серьезной методической базы, никоим образом не привязаны к действующим учебникам китайского языка. Кроме того, в таких комплексах только формально присутствуют все необходимые компоненты – и учебный материал, и набор тестов, и мультимедийные иллюстрации. Поэтому если все эти компоненты не связаны воедино методикой, реализующей тот или иной алгоритм обучения, то главной цели – максимального усвоения пройденного материала и достоверного контроля знаний – достичь невозможно.

Учебник китайского языка для детей издательства Пекинского университета 汉语新起点 широко используется не только учителями российских

общеобразовательных школ, но и педагогами дополнительных образовательных учреждений, именно поэтому с учётом внедрения современных информационных технологий в сферу образования данное УМК нуждается в интерактивно-мультимедийном сопровождении [Селевко, 1998, с. 123–124].

Использование интерактивно-мультимедийного сопровождения учебника 汉语新起点 на уроках китайского языка позволит установить интегративные связи между учителем и учениками, включить компьютер в учебный процесс, сочетать традиционные и инновационные технологии обучения, создать информационную педагогическую среду, способствующую интенсификации образовательного процесса.

При использовании интерактивно-мультимедийного комплекса на уроках китайского языка, который подразумевает под собой интеграцию самых разнообразных объектов: видеоролики (фрагменты кино, анимационные объекты, 3D мультимедиа), фото ряды (с автопрокруткой), иллюстративные подборки (рисунки и стоп кадры) с возможностью их «оживления», слайды и слайд шоу, интерактивные карты и схемы. Так же обучающимся предоставляется возможность диалога с виртуальной средой обучения: ответ на вопрос и реакция на его правильность, приглашение к действию и принятию решения (всевозможные тренажеры и управление симуляторами), управление экранным учебным исполнителем.

В соответствии со структурой учебника каждый из двадцати уроков включает в себя следующие разделы: лексика, грамматика, фразеология, чтение и лингвострановедение.

Введение лексического материала происходит путем презентации анимационных иероглифических карточек, для обеспечения беспереводного понимания речевых единиц (рисунки, анимации поясняющие значение) и презентация иероглифического материала (эволюция написания иероглифа, его декомпозиция, порядок черт, произношение).

Грамматический материал вводится в занимательной форме с использованием обобщенно-графической наглядности: посредством грамматических моделей, таблиц и схем, которые сопровождаются тематической анимацией.

В рамках раздела фразеологии учащиеся будут ознакомлены с историей возникновения фразеологизмов при помощи тематической 3D анимации и предтекстовой работы с лексическим материалом.

Раздел занимательного чтения включает в себя чтение скороговорок, песен и мифов. Предъявление лексического материала по данным блокам осуществляется беспереводным способом. Подача материала сопровождается аудио- и видеоматериалом.

Презентация лексического материал из раздела «Песни» осуществляется беспереводным способом с использованием бегущей строки со словами песни, которая будет сопровождаться анимационными объектами. Проверка осуществляется посредством воспроизведения учащимися песни без помощи бегущей строки с текстом песни.

Контроль уровня сформированности лексических, грамматических, фонетических навыков осуществляется при помощи следующих типов заданий:

А. Задание множественного выбора (Multiple Choice) – нахождение конкретной лексической единицы по заданным параметрам поиска (сопровождение анимацией и соответствующим звуковым материалом (对/不对 - верно/неверно));

В. Соотношения стандартной и упрощенной форм иероглифа;

С. Заполнение пропусков в тексте;

Д. Соотношение звуковой и графической оболочек иероглифа;

Е. Распределение группы слов по грамматическим категориям;

Ф. Подбор к лексическим единицам их синонимов/антонимов;

Г. Заполнение лексической таблицы;

Н. Кроссворды и игры.

Используемые на уроке программы и технические средства, способствуют совершенствованию традиционных методов обучения, а также привносят свою специфику. Появляется больше возможностей для индивидуальной работы с учащимися, изменяется роль учителя.

В педагогической науке и практике недооценивают образовательный, дидактический и воспитательный потенциал современных мультимедиа. Это связано с низкой компетентностью преподавателей в этой сфере, сложностью и недостаточной разработанностью многих понятий, недостаточной технической оснащённостью образовательных учреждений.

Практика показывает, что, благодаря мультимедийному сопровождению занятий, учитель экономит до 30% учебного времени, нежели при работе у классной доски [1, 2011, с. 59]. Экономя время, учитель может разнообразить виды учебной деятельности, увеличить плотность урока, обогатить его новым содержанием, повышать мотивацию к учению за счет привлекательности компьютера и интерактивной доски, также совершенствовать методы контроля посредством мультимедийных приложений, развивать наглядно-образного мышления, моторных и вербальных коммуникативных навыков учащихся [Цветкова, 2013, с. 294].

Библиографический список

1. Новые информационные технологии в образовании: материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 1-4 марта 2011. В 2 ч. // ФГАОУ ВПО "Рос. гос. проф.-пед. ун-т". - Екатеринбург, 2011. - Ч. 1. 318 с. - Ч. 2. 290 с.
2. Матрос Д.Ш. Информатизация общего среднего образования. - М.: Педагогическое общество России, 2004. – 384 с.
3. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.
4. Цветкова М.С. ЦОР к УМК как средство расширения его образовательных возможностей. Сборник трудов XVI конференции-выставки «Информационные технологии в образовании». Часть IV. – М.: «БИТпро», 2006.
5. Цветкова М. С. Информационная активность педагогов [Электронный ресурс]: методическое пособие / М. С. Цветкова. — 2-е изд. (эл.). — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. — 352 с.

Хойлова У.А. (Иркутск)

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»

Евразийский лингвистический институт

**ПОНЯТИЕ «СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БУРЯТ И ЯПОНЦЕВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)**

Данная работа посвящена рассмотрению проблемы «семейные ценности» в языковой картине мира бурят и японцев на материале пословиц и поговорок. В связи с этим были изучены понятия, позволившие произвести отбор необходимых языковых единиц, выявлены особенности лингвокультур каждой из рассматриваемых наций, универсальное и специфическое в языковых картинах мира бурят и японцев на основе лингвокультурологического сравнения.

***Ключевые слова:** семейные ценности; языковая картина мира; лингвокультура; пословицы и поговорки.*

U.A. Khoilova (Irkutsk)

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

EURASIAN LINGUISTIC INSTITUTE

**THE CONCEPT OF «FAMILY VALUES» IN LANGUAGE
OF BURYAT AND JAPANESE (ON THE MATERIAL
OF PROVERBS AND SAYINGS)**

This article reviews the role of «family values» in linguistic worldviews of Buryat and Japanese based on materials of proverbs and sayings. According to it there were viewed concepts which let select required linguistic units, were evolved peculiarities of linguistic cultures of each researched nations, universal and specific features of linguistic worldviews of Buryat and Japanese on the base of lingvocultural comparison.

***Key words:** family values; linguistic worldview; linguistic culture; proverbs and sayings.*

Данное исследование посвящено рассмотрению проблемы «семейные ценности» в языковой картине мира бурят и японцев на материале пословиц и

поговорок. В качестве материала для исследования пословицы и поговорки были выбраны не случайно: они являются единицами языка, формирующими языковую картину мира, одним из наилучших способов отражения действительности, культуры, в частности, мышления и духа народа.

Таким образом, актуальность исследования заключается в том, что именно пословицы и поговорки как знаки языка и культуры обладают высоким потенциалом при сопоставлении языковых картин мира бурят и японцев, в особенности фрагментов, касающихся «семейных ценностей».

Говорят, что понять японскую культуру довольно сложно, что обусловлено множеством факторов, как например, неясность этногенеза японской нации, уникальность ее культуры и другие. Это натолкнуло рассмотреть один из ее аспектов, а именно языковую картину мира на примере понятия «семейные ценности», в сравнении с языковой картиной мира другой нации из азиатской семьи – бурят, что и составило новизну данного исследования.

Таким образом, была определена гипотеза исследования, которая состоит в том, что при сопоставлении языковых картин мира бурят и японцев можно выявить, во-первых, общие культурные черты между рассматриваемыми нациями, являющимися представителями азиатской группы или семьи, во-вторых, установить этноспецифическое в существующих представлениях о семейных ценностях.

Объектом исследования в данной работе является отражение в языке и культуре представлений о понятии «семейные ценности» в языковой картине мира бурят и японцев.

Предметом исследования являются пословицы и поговорки на данную тему.

Целью работы является раскрытие понятия «семейные ценности» в языковой картине мира бурят и японцев.

В соответствии с целями работы были определены следующие задачи:

1. дать определение понятию «семейные ценности»;
2. ознакомиться с понятием «языковая картина мира», указать характерные черты данного понятия;

3. выявить роль пословиц и поговорок как достоверного источника и носителя лингвокультурологической информации;
4. проанализировать пословицы и поговорки бурят и японцев, отражающих семейные ценности в рассматриваемых культурах наций;
5. на основе анализа выявить универсальное и этноспецифическое в семейных ценностях бурят и японцев.

Весь мир человека представляет собой мир ценностей. Ценностью считаются те общие представления, разделяемые большей частью общества, относительно того, что желательно, правильно и полезно.

Во все времена особое место в системе ценностей человека занимали и занимают семейные ценности, поскольку семья является духовно-нравственной субстанцией, первичным и основополагающим условием для становления и социализации личности. «Это та элементарная единица, которая позволяет обществу сохранять свои традиции и культурно-нравственные устои» [Система ценностей современного общества: Сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции, 2012, с. 183]. Справедливо здесь так же отметить, что история и культура любой нации, народности начинается с малой ячейки социума, а именно, – семьи. Семейные ценности представляют собой то, ради чего семья существует. На сегодняшний день к числу базисных семейных ценностей следует отнести продолжение рода, наличие детей, их воспитание. Советский педагог и писатель Антон Семенович Макаренко писал: «Воспитывая детей, нынешние родители воспитывают будущую историю нашей страны, а значит – и историю мира», что таким образом подтверждает все вышеозначенное [Там же, с. 183].

Подобно всем значимым фрагментам мира, семейные ценности находят отражение и в языковой картине мира. У каждого народа формируется своя картина мира. Данное понятие определяется как «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ его концептуализации» [Иллюстров, 1903, с. 7]. То есть, представление и знания о

мире реализуются посредством единиц языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре – в форме фразеологизмов, метафор, паремий, мифов и других. Понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. В данном случае следует отметить, что картина мира не есть простой набор представлений или изображений предметов, свойств, процессов и так далее, поскольку включает в себя не только отраженные предметы, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта представляет собой такую же реальность, как и сами объекты. Таким образом, языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка как субъективных, так и объективных представлений, и знаний народа о мире и действительности на определенном этапе развития народа.

Каждый народ, воспринимает окружающую действительность согласно особенностям культуры, и это выражается в пословицах и поговорках. Это «жемчужины народного творчества», составляющие органическую часть духовной культуры: в которых отразился опыт прошлых лет и заключается то, что зовется правдой или истиной [Мокиенко, 2007, с. 3]. Однако при этом не стоит забывать, что поскольку пословицы и поговорки – иначе паремии – формируют языковую картину мира, то данное утверждение так же указывает на долю субъективности народных изречений. То есть паремии отражают отношение к рассматриваемым объектам тех людей, кем они высказывались когда-то. Но, тем не менее, эти смысловые изречения хранят в себе бесценный опыт прошлых лет, что в первую очередь касается сферы бытия человека в социуме и житейского опыта. Как и любые другие элементы, имеющие отношение к сферам быта и житейского опыта, семейные ценности находят отражение в народных мудрых изречениях. «Вместе с тем, пословица не представляет случайно высказанного мнения или острой фразы по поводу текущих событий, потому что не всякая мысль могла остановить на себе внимание народа, как достойная существования и предания; такая мысль

забывалась вместе с прошедшим днем, не оставив по себе никакого следа» [Ермаков, 1894, с. 5].

Согласно Н.И. Васиной, «кто хочет ближе узнать Японию и ее народ, тот не может пройти мимо его пословиц и поговорок. Значительная часть их постоянно находится в обиходе, ими широко пользуются и в обыденном разговоре, и в публичных выступлениях, в прессе, литературе» [Васина, 2006, с. 9]. То же самое можно сказать о бурятских пословицах и поговорках.

В результате изучения языкового материала были выделены подгруппы пословиц и поговорок, отражающих «семейные ценности», по следующим категориям, что определило необходимость последующего сравнения культур представленных наций. Это отношение к детям, которая делится на такие пункты как наличие детей и воспитание детей, отношение к родителям и старшему поколению, отношение между мужчиной и женщиной. Также было выявлено, что, несмотря на принадлежность к разным культурам, буряты и японцы все же обнаруживают определенные сходства в отношении некоторых культурных аспектов: в рамках данной работы – сходства в плане семейных ценностей. Однако также имеются и различия, что позволяет сохранить доказанное и утвердившееся в научном мире утверждение об уникальности каждой культуры. Таким образом, мы видим следующие сходства в семейных ценностях бурят и японцев:

- наличие детей: для обеих наций ребенок – краеугольный камень семьи. Смысл жизни и счастье заключаются в продолжении рода, духовного существования. Об этом свидетельствуют, к примеру такие изречения, как: *Түрэхэн үрэдһөө һайхан юумэ түби дэлхэйдэ байхагүй* «Нет на свете милее родных детей», *Үритэ хүн өөдэлхэ, үндэхэтэ модон намаалха* «Имеющий детей поднимется, дерево с корнями листвой покроется», *子に過ぎたる宝なし* *Ko ni sugitaru takara nasi* «Нет сокровища большего, чем дети», *千の倉より子は宝* *Сэн-но кура ёри ко ва такара* «Из всех сокровищ, дети – самое главное сокровище»;

- воспитание детей: придается огромное значение. Прививаются мудрые заветы отцов, строгие этические нормы и нравственные принципы, основанные на традиционном семейном укладе. Об этом свидетельствуют следующие изречения: *Эрхэлһэн хүүгэд эмээлэй бүүргэ эмдэжэ наадаха* «Балованные дети играют, ломая луки седла». Здесь все внимание акцентируется на важности и необходимости воспитания детей. Поэтому недаром приводится в пример атрибут, имеющий отношение к лошадям, поскольку для бурят, как и «для всех кочевников Азии конь пользовался большой любовью, к нему относились как к близкому другу, называя *эрдэни* «драгоценность». Поскольку лошади занимали важное место в жизни бурят, а седло являлось таким образом одним из самых необходимых и ценных приспособлений в хозяйстве, то для бурят считалось неприемлемым со стороны детей проявлять неуважение и пренебрежение к труду отца и матери и религиозным принципам. Воспитание детей, как и все прочие жизненные аспекты, опирается на принцип *Хүндэ хэлүүлэнгүй, нохойдо хусуулангүй байха* «Жить, чтобы худое о тебе не говорили, и собаки не кусали». *この親にしてこの子あり Коно оя ни ситэ коно ко ари* «Каковы родители, таковы и дети» лаконична, без метафор и образов, но неоднозначна. Эквивалентом в русском языке служит пословица «яблоко от яблони не далеко падает». Если понимать буквально, то смысл сводится к наследственности на биологическом уровне. Однако не следует забывать, что мы имеем дело с пословицей, а заключает она в себе поучительно-наставительный характер. Смысл пословицы в том, что родители должны являться примером для подражания своим детям, то есть какие родители сейчас, такими дети должны быть в будущем. Родители передают своим детям опыт и знания, помогают развить в себе личность, обрести свое место в этом мире, достичь таких же успехов, что достигли они сами, и даже больших. Конечно, на первый взгляд план выражения самой пословицы все же отсылает на тот план содержания, что схожесть родителей и детей определяется на генетическом уровне, однако следующие выражения опровергают подобное предположение: 鳶が鷹を生む

Тоби га така о уму «И у плохих родителей могут быть хорошие дети» (буквально «И коршун родит сокола»).

- отношение к родителям, старшему поколению: отождествление отца и матери с Небом и Землей, как высшей нравственной субстанции в рамках семьи, основу чему заложили религиозные воззрения и бурят, и японцев – шаманизм и синтоизм. Дети воспитываются в уважении к старшим, в первую очередь к родителям. Об этом говорят такие изречения, как *Алтан дэлхэй дээрэ аба, эжыһээ найхан юумэ үгы* «На всем белом свете нет лучше и милей отца и матери», *鳩に三枝の礼あり Хато-ни санси-но рэи ари* «И голубь садится на три ветки ниже родителей», *Хүн ахатай, дэгэл захатай* «У людей [должны быть] старшие, [как] у шубы – ворот».

Различия были выявлены в отношениях между мужчиной и женщиной. У бурят мужчина и женщина рассматриваются как взаимодополняющее единое целое, а посему они равны. У японцев наоборот: женщина рассматривалась как существо нижестоящее по отношению к мужчине, что определило зависимое положение японских женщин вплоть до настоящего времени. К примеру: *Эрэ хүнэй харгые эхэнэр хүн шэмэглэжэ шадаха* «Дорогу мужчины украшает женщина», *Эхэнэргүй эрэ – эжэлгүй морин, һамгагүй эрэ – һахалгүй тэхэ* «Мужчина без женщины – конь без пары (одинокий), муж без жены – козел без бороды», *牝鷄晨す Хинкэи асу* «Курица возвещает зарю» (буквально «Куриное завтра»), иронически о главной роли женщины в семье), *袖の干ぬのは女の身 Содэ-но хируну-но ва онна-но ми* «У женщин глаза на мокром месте» (буквально «Непросыхающий рукав – такова женщина»).

Таким образом, было выделено универсальное в семейных ценностях и языковой картине мира бурят и японцев. Специфическое заключается в плане выражения рассматриваемых изречений. То есть в сравнении на уровне окружающего мира, оценки и отношения к рассматриваемым объектам.

Практическая ценность исследования заключается в том, что она дала начало дальнейшему исследованию в области сопоставительной культурологии.

Библиографический список

22. Бабуева, В. Д. Материальная и духовная культура бурят [Текст] : учеб. пособие / В. Д. Бабуева. – Улан-Удэ, 2004. – 228 с.
23. Васина, Н. И. Так говорят японцы. Крылатые фразы на японском и русском языках [Текст] : учеб. пособие / Н. И. Васина. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 175 с.
24. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
25. Пословицы русского народа, Ермаков Н.Я. [Электронный ресурс] / E-library KnigaFund.ru. – <http://www.knigafund.ru/books/50712/read#page5> (дата обращения 2 октября 2014).
26. Сборник российских пословиц и поговорок, Иллюстров И.И. [Электронный ресурс] / E-library KnigaFund.ru. – <http://www.knigafund.ru/books/8954/read#page7> (дата обращения 2 октября 2014).
27. Система ценностей современного общества: Сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции [Текст] / Под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. – 359 с.
28. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц [Текст] / В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов и др.; под ред. В. М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 381, [3] с.
29. ことわざ辞典 [電子リソース] – <http://www.proverb.jp> (2014年5月8日).

Сведения об авторах

Адилханян Нина Леоновна – старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске); тел.: (3952)200-386; e-mail: ninel_ad@mail.ru

Ананьев Владимир Валерьевич - старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске); тел.: (3952)200-386; e-mail: v_ananiev@hotmail.com

Багинская Марина Владимировна - старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), магистрант; тел.: (3952)200-386; e-mail: mvbaginskaya@list.ru

Байрамова Светлана Игоревна - зав.кафедрой восточных языков, Международный институт экономики и лингвистики Иркутского государственного университета, аспирантка Бурятского государственного университета; e-mail: confucius@id.isu.ru

Окладникова Светлана Валерьевна - старший преподаватель кафедры восточных языков, Международный институт экономики и лингвистики Иркутского государственного университета; e-mail: confucius@id.isu.ru

Боброва Юлия Олеговна - преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), магистрант; e-mail: Liabobrova89@mail.ru

Бородич Владимир Федорович - Институт Дальнего Востока РАН, сектор исследования КПК и политической системы Китая, заведующий; e-mail: borodich@rambler.ru

Ван Ланьцзюй - доцент кафедры восточных языков ФГБОУ ВПО «МГЛУ ЕАЛИ»; тел.: (3952)200-386; e-mail: 1158857109@qq.com

Ван Лися - преподаватель Хэбэйского университет, КНР; e-mail: 16104309@qq.com

Войтишек Елена Эдмундовна – заведующая кафедрой востоковедения ГФ НГУ, научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований НИЧ НГУ; Новосибирский государственный университет; тел: (383)363-42-37, e-mail: orient@lab.nsu.ru

Ковалёва Ксения Владиславовна – студентка 5-го курса отделения востоковедения Новосибирского государственного университета; тел: (383)363-42-37, e-mail: orient@lab.nsu.ru

Воронина Ольга Юрьевна - старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске); тел.: (3952)200-386; e-mail: olizhe-07@mail.ru

Воропаев Николай Николаевич - Институт языкознания РАН, научный сотрудник; e-mail: tianyu@mail.ru, voropaev@vokitai.ru

Го Фулян – профессор Хэбэйского университета, КНР; e-mail: 16104309@qq.com

Готлиб Олег Маркович – к.фил.н., профессор кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: gotlib@islu.irk.ru

Го Цзыи - преподаватель Хэбэйского университет, КНР; e-mail: 16104309@qq.com

Кремнёв Евгений Владимирович - к.соц.н., заведующий кафедрой восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске); тел.: (3952)200-386; e-mail: kremnyov2005@mail.ru

Шишмарева Татьяна Евгеньевна - к.фил.н., доцент кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске); тел.: (3952)200-386; e-mail: taniyashi72@yandex.ru

Дацышен Владимир Григорьевич – к.и.н., профессор, заведующий кафедрой общей истории; Гуманитарный институт Сибирского федерального университета; e-mail: dazishen@mail.ru

Дегтярева Анна Владимировна – аспирантка Учебно-научного центра лингвистической типологии Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: mikonito@yandex.ru

Цзяо Юнцин – Lecturer of Shandong Institute of Business and Technology; e-mail: хуржуq@126.com

Ерофеева Ольга Николаевна - преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), магистрант; тел.: (3952)200-386; e-mail: superstishion@mail.ru

Иванова Алёна Игоревна - студентка Омского государственного педагогического университета; e-mail: nana_iva_2013@mail.ru

Кардаш Каринэ Александровна - ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», аспирант; e-mail: karikardash@mail.ru

Ли Екатерина Вадимовна – доцент кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: trzh@yandex.ru

Лян Чжэ – Российский университет дружбы народов, аспирант; e-mail: liangzhe@mail.ru

Мыщик Юлия Сергеевна – студентка Омского государственного педагогического университета; e-mail: julia-kitten5@mail.ru

Пруцких Татьяна Анатольевна – к.фил.н., доцент, декан русско-китайского факультета, Байкальский государственный университет экономики и права; e-mail: pruta@mail.ru

Смирнов Максим Георгиевич - заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии, ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»; e-mail: smirnov771977@mail.ru

Смирнова Наталья Юрьевна - аспирант кафедры философии, ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»; e-mail: nsm_linia@mail.ru

Смолова Дарья Михайловна - старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: dasmina_16@mail.ru

Стефановская Светлана Владимировна - доцент кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: stefanovskaia_sv@mail.ru

Сун Мин – преподаватель Шандуньского института бизнеса и технологий; e-mail: jennysongmin@hotmail.com

Се Юймин – Янтайский технический институт промышленности и торговли; e-mail: ya_jun2002@hotmail.com

Сун Мэн - Хэбэйский университет, КНР; e-mail: 16104309@qq.com

Сунь Цы – преподаватель Шандуньского института бизнеса и технологий; e-mail: lorisun_82@126.com

Чжан Янцзюнь - доцент Шандуньского института бизнеса и технологий; e-mail: ya_jun2002@hotmail.com

Чжан Мэн - преподаватель Хэбэйского университета, КНР; e-mail: 16104309@qq.com

Суровень Дмитрий Александрович - доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета; тел.: (343) 245-35-98; e-mail: Yamato.ur@mail.ru

Табада Люсиллин Чу - старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: lucillyne@gmail.com

Тразанова Наталья Юрьевна – к.фил.н., доцент кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: nataha82@mail.ru

Хадеева Анна Павловна - старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: unexpected2004@mail.ru

Хамаева Елена Алексеевна - к.фил.н., доцент кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: lena_hamaeva@yahoo.com

Харитошкина Анастасия Александровна - искусствовед, г. Екатеринбург; e-mail: nastiuha-chen@mail.ru

Хахураева Лейла Мамедовна – к.фил.н., доцент, Байкальский государственный университет экономики и права

Хо Ольга Александровна - старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: khoolga@gmail.com

Хойлова Ульяна Александровна – студентка Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске); e-mail: ulyana_khoilova@mail.ru

Цуй Хунхай – доцент Шандуньского института бизнеса и технологий, Китай; e-mail: cuihh@hotmail.com

Чжу Сяоцзин - преподаватель Шандуньского института бизнеса и технологий Китай; e-mail: xiaojing kay@sina.com

Чой Чанг Хо - старший преподаватель кафедры восточных языков, магистрант кафедры русского языка как иностранного Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: chchoi79@mail.ru

Шалина Ирина Викторовна – к.и.н., доцент кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: i_v_s2000@mail.ru

Шалунова Мария Юрьевна - старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), тел.: (3952)200-386; e-mail: shalunova@mail.ru

Шаравьёва Ирина Викторовна - старший преподаватель кафедры восточных языков Евразийского лингвистического института (филиал Московского государственного лингвистического университета в Иркутске), магистрант; тел.: (3952)200-386; e-mail: nevergiveup81@mail.ru

Содержание

Н.Л. Адилханян (Иркутск) ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ АНТРОПОМОРФНЫХ ДУХОВ ТРАКТАТА «ШАНЬ ХАЙ ЦЗИН» (НА ПРИМЕРЕ СИ ВАН МУ (西王母) И ХОУ И (后羿).....	3
N.L. Adilkhanian (Irkutsk) EXPERIENCE IN IDENTIFYING ARCHETYPAL SIGNS OF THE «SHAN HAI JING» ANTHROPOMORPHIC SPIRITS (FOR EXAMPLE XI WANG MU (西王母) AND HOU YI (后羿).....	3
В.В. Ананьев (Иркутск) ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН «ЦВЕТУЩАЯ САКУРА» КАК ЭЛЕМЕНТ ВТОРИЧНОЙ МОДЕЛИРУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ.....	10
V.V. Anan'ev (Irkutsk) THE PRECEDENTIAL PHENOMENON "CHERRY BLOSSOMS" AS AN ELEMENT OF A SECONDARY MODELLING SYSTEM.....	10
М.В. Багинская (Иркутск) ТРАДИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ КОРЕЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ.....	19
M.V. Baginskaya (Irkutsk) TRADITIONAL CONSTRUCTING MODELS OF KOREAN ANTHROPONYMS.....	20
С.И. Байрамова, С.В. Окладникова (Иркутск) КОНЦЕПЦИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ ПРОГРАММЫ-ТРЕНАЖЕРА ПО ФОРМИРОВАНИЮ СЛУХОПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ И ЭТАПЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ.....	25
S.I. Bairamova, S.V. Okladnikova (Irkutsk) CONCEPT OF MULTIMEDIA PROGRAMS TO BUILD CHINESE PRONUNCIATION SKILLS FOR RUSSIAN STUDENTS AND STAGES OF ITS IMPLEMENTATION.....	25
Ю. О. Боброва (Иркутск) ОПЫТ СЕМАНТИКО-ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ ЗНАКОВ-ЗООНИМОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	33
Yu. O. Bobrova (Irkutsk) EXPERIENCE OF SEMANTIC AND GRAMMATOLOGICAL ANALYSIS OF THE SOME CHINESE CHARACTER-ZOONYMS.....	33
В.Ф. Бородич (Москва) О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КИТАЕ.....	42
V.F. Borodich (Moscow) ON THE METHODOLOGICAL BASIS FOR EXPLORATION OF THE HUMAN RIGHTS IN CHINA.....	43
Ван Ланьцзюй (Иркутск) ЧУВСТВЕННОСТЬ, МЕЛОДИЧНОСТЬ И ЭНЕРГИЯ (ЦИ) – ТРИ КИТА КИТАЙСКОГО ДЕКЛАМИРОВАНИЯ.....	47
Van Landzyui (Irkutsk) SENSATIONISM, MELODIOUSNESS AND ENERGY (CHI) AS THREE PILLARS OF DECLAMATION IN CHINESE.....	48
Ван Лися, Сун Мэн, Чжан Мэн (Хэбэй) ФОРМЫ ЭВФЕМИЗМОВ ИНТЕРНЕТА И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ.....	54
Van Lisyа, Sun Men, Zhan Men (Hebei) THE FORMS OF EUPHEMISMS IN THE INTERNET AND THEIR EVOLUTION.....	55

Войтишек Е. Э., Ковалева К. В. (Новосибирск) «ВИННЫЕ ПРИКАЗЫ» 酒令 ЦЗЮЛИН КАК ЧАСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ.....	60
Voityshek Ye.A., Kovalyova K.V. (Novosibirsk) 酒令 JIULIN AS A PART OF TRADITIONAL CHINESE CULTURE	60
О.Ю. Воронина (Иркутск) К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ В РУСЛЕ МЛАДОГРАММАТИЧЕСКО ТРАДИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ХУАН ДЯНЬЧЭНА)	67
O.Yu. Voronina (Irkutsk) ON THE WAY OF ANALYZING THE HISTORY OF LANGUAGE WITH IDEOGRAPHIC WRITING SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE NEOGRAMMARIAN TRADITION (BASED ON THE WORK OF HUANG DIANCHENG).....	67
Н.Н. Воропаев (Москва) О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК	73
N. N. Voropaev (Moscow) CONCERNING THE NEED FOR DEVELOPMENT OF SPECIAL LINGUOCULTUROLOGICAL DICTIONARIES FOR LEARNERS OF CHINESE LANGUAGE.....	74
Го Фулян (Хэбэй) РАЗВИТИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ИДИОМ В НОВОМ КИТАЕ	84
Go Fulyan (Hebei) DEVELOPMENT OF IDIOMS IN MODERN CHINA.....	85
О.М. Готлиб, Е.В.Кремнёв, Т.Е. Шишмарева (Иркутск) ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРУДЫ ПО ГРАММАТОЛОГИИ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ. (РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	92
O.M. Gotlib, E.V. Kremnyov, T.E. Shishmaryova (Irkutsk) RUSSIAN WORKS IN THE GRAMMATOLOGY OF CHINESE WRITING SYSTEM FROM THE SECOND HALF OF THE 19 th CENTURY TO THE FIRST HALF OF 20 th CENTURY (RESEARCH RESULTS).....	92
В.Г. Дацышен (Красноярск) ЛИКБЕЗ ДЛЯ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ НА «НОВОМ КИТАЙСКОМ АЛФАВИТЕ» В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	96
V.G. Datsyshen (Krasnoyarsk) EXPERIENCE OF ELIMINATION OF ILLITERACY FOR CHINESE MIGRANTS IN EASTERN SIBERIA	97
А.В. Дегтярева (Москва) О ЗНАЧЕНИИ ЯПОНСКОЙ ФОРМЫ НА -TARI.....	113
A. V. Degtyareva (Moscow) ABOUT THE MEANING OF THE JAPANESE «TARI FORM»	113
Цзяо Юнцин (Янтай) ИССЛЕДОВАНИЕ УРОКА В КИТАЕ ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ, ПОДХОДЫ	122
Jiao Yongqin (Yantai) LESSON STUDY IN CHINA: CHALLENGES, SOLUTIONS AND IMPLICATIONS	122
О.Н. Ерофеева (Иркутск) ОБ ЭВОЛЮЦИИ КЛАССИФИКАТОРОВ В КЛАССИЧЕСКОМ ДРЕВНЕМ КИТАЙСКОМ И СРЕДНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	127

O.N. Yerofeeva (Irkutsk)	
ABOUT THE CLASSIFIERS EVOLUTION IN THE CLASSICAL ANCIENT CHINESE AND THE MIDDLE CHINESE GRAMMAR LANGUAGE	128
К.А. Кардаш (Красноярск)	
АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	133
К.А. Kardash (Krasnoyarsk)	
THE ANALYSIS OF THE SEMANTIC SITUATION IN THE TRANSLATION OF THE LITERARY TEXT	133
Е.В. Ли (Иркутск)	
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ ПАК КЫН ХЕ	143
E.V. Li (Irkutsk)	
VERBALIZATION OF SELF-PRESENTATION STRATEGY IN PARK GEUN-HYE'S PRE-ELECTION DISCOURSE	143
Лян Чжэ (Москва)	
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ОБЩИН В СИНЬЦЗЯНЕ	153
Liang Zhe (Moscow)	
THE CURRENT STATE OF THE ORTHODOX COMMUNITIES IN XINJIANG	154
Т.А. Пруцких (г. Иркутск)	
ФОНОСЕМАНТИКА СЧЕТНЫХ СЛОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ОБОЗНАЧЕНИИ ОКРУГЛЫХ ПРЕДМЕТОВ	159
T.A. Prutskikh (Irkutsk)	
PHONOSEMANTICS OF CHINESE MEASURE WORDS IN DESIGNATION OF ROUND OBJECTS	159
Смирнов М.Г. (Челябинск)	
ЭЛЕМЕНТЫ НАТУРАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ СОЦИУМЕ	165
M.G. Smirnov (Chelyabinsk)	
THE ELEMENTS OF VALUES NATURALIZATION IN MODERN JAPANESE SOCIETY	166
Смирнова Н.Ю. (г. Челябинск)	
К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ГРУППОВОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	173
N. Yu. Smirnova (Chelyabinsk)	
THE ISSUE OF GROUP CONSCIOUSNESS TRANSFORMATION IN MODERN JAPANESE SOCIETY	174
Д.М. Смолова (Иркутск)	
ПОВТОР В ГРАММАТОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	181
D.M. Smolova (Irkutsk)	
GRAMMATOLOGICAL AND SEMANTIC ASPECT OF THE REPETITION	182
С.В. Стефановская (Иркутск)	
ЗНАК ХУ «胡» В СЕМАНТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ	191
S.V. Stefanovskaya (Irkutsk)	
THE CHARACTER HU “胡” IN SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL ASPECTS	191

Сун Минь (Янтай)	
СЛОЖНОСТИ И ИДЕИ О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	204
Song Min (Yantai)	
PERPLEXITY AND THINKING ABOUT TEACHING RUSSIAN AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE OF HIGHER EDUCATION.....	205
Сун Мэн, Ван Лися, Го Цзыи (Хэбэй)	
О РАЗНОВИДНОСТЯХ СИНОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ ...	211
Sun Men, Van Lisyа, Go Zyі (Hebei)	
ABOUT THE KINDS OF SYNONYMU IN MODERN CHINESE	211
Сунь Цы, Чжан Яцзюн (Янтай)	
МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	216
Sun Ci, Zhang Yajun (Yantai)	
WORD CHOICE PRINCIPLES AND TEACHING METHODS OF NEW WORDS IN TEACHING CHINESE AS A FOREIGN LANGUAGE	216
Д.А. Суровень (Екатеринбург)	
РОЛЬ ПОТОМКОВ ДОМА ПРАВИТЕЛЕЙ ПЭКЧЕ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯМАТО.....	222
D. A. Surowen (Yekaterinburg)	
ROLE OF DESCENDANTS OF THE PEKCHE RULERS HOUSE IN DISTRIBUTION OF WRITTEN CULTURE IN YAMATO.....	223
Табада Л.Ч. (Иркутск)	
СРАВНЕНИЕ КУЛЬТУР НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ – ЯПОНИЯ И ФИЛИППИНЫ	234
Tabada L. (Irkutsk)	
COMPARISON OF CULTURES ON THE MATERIAL OF PROVERBS – JAPAN AND PHILIPPINES	234
Н.Ю. Тразанова (Иркутск)	
К ВОПРОСУ О КОДОВОЙ ПРИРОДЕ ЗАГАДКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКИХ ЗАГАДОК).....	243
N.Yu. Trazanova (Irkutsk)	
THE PROBLEM OF A CODE NATURE OF A RIDDLE (ON THE MATERIAL OF JAPANESE RIDDLES)	243
А.П. Хадеева (Иркутск)	
КИТАЙСКАЯ РИТУАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	251
A.P. Khadeeva (Irkutsk)	
AXIOLOGICAL ASPECT OF CHINESE RITUAL SYMBOLISM.....	252
Е.А. Хамаева (Иркутск)	
К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО АНТРОПОНИМА	261
E. A. Khamaeva (Irkutsk)	
MITHOLOGICAL NATURE OF MODERN CHINESE ANTHROPONYM	262
А.А. Харитошкина (Екатеринбург)	
ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ	267
A. Kharitoshkina (Yekaterinburg)	
THE PECULARITIES OF EXPRESSIVE MEANS OF CHINESE TRADITIONAL ART OF PAINTING.....	268

Л.М. Хахураева (Иркутск)	
ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КИТАЙЦЕВ В СТРУКТУРЕ ИЕРОГЛИФОВ	275
L.M. Khakhuraeva (Irkutsk)	
TRADITIONAL IDEAS OF CHINESE IN THE HIEROGLYPH STRUCTURE	276
О.А. Хо (Иркутск)	
«ВИНО» 酒 КАК РИТУАЛ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ	282
О. А. Kho (Irkutsk)	
«WINE» 酒 AS RITUAL OF CHINESE CULTURE	282
Цуй Хунхай (Янтай)	
ПОДХОД, ОРИЕНТИРОВАННЫЙ НА РЕШЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ, НА ЗАНЯТИЯХ РАЗГОВОРНОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	291
Cui Honghai (Yantai)	
TASK-BASED APPROACH IN CHINESE ORAL CLASS	291
Чжу Сяоцзин (Янтай)	
ОБЪЕКТНО-ФАЗОВЫЕ МАРКЕРЫ И ИХ ИДЕНТИФИЦИРУЕМОСТЬ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	298
Zhu Xiaojing (Yantai)	
ОБЪЕКТ-PHASE MARKERS AND THEIR IDENTIFIABILITY IN CHINESE.....	299
Чой Чанг Хо (Иркутск)	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРЕЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ «ГОЛОВА».....	306
Choi Chang Ho (Irkutsk)	
COMPARATIVE ANALYSIS OF KOREAN AND RUSSIAN IDIOMS WITH COMPONENT-SOMATISM “HEAD”	307
И.В. Шалина (Иркутск)	
ЯПОНСКАЯ МОДЕЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ	311
I.V. Shalina (Irkutsk)	
JAPANESE MODEL OF CORPORATE CULTURE.....	311
М.Ю. Шалунова (Иркутск)	
СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЯ «АЙ»	319
M.Yu. Shalunova (Irkutsk)	
THE SPECIFIC OF USING OF THE INTERJECTION UTTERANCE «Ай».....	319
Шаравьёва И.В. (Иркутск)	
ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ «МОНАДНОСТИ» КАК СПОСОБ РАССМОТРЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ У ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ	322
Sharav'yova I.V. (Irkutsk)	
PHILOSOPHICAL ORIGINS OF “MONAD AND MODUS APPROACH” AS A WAY OF VIEWING THE UNIVERSE BY EARLY CHINESE	323
ИССЛЕДОВАНИЯ НАЧИНАЮЩИХ ВОСТОКОВЕДОВ	
(студенческие работы)	
А.И. Иванова (Омск)	
СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЭНЬЮЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ 甚容 «减去十岁».....	329
A.I. Ivanova (Omsk)	
STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF CHENGYU (CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS) IN THE NOVEL “MINUS 10 YEARS” by SHEN RONG	329

Ю.С. Мыщик (Омск)	
НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОДКИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ К УМК ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ	334
Yu.S. Mytsyk (Omsk)	
THE NECESSITY OF ADDITIONAL TRAINING AIDS FOR CHINESE LANGUAGE METHODOLOGICAL SETS IN TEACHING LISTENING	335
Ю.С. Мыщик, А.И. Иванова (Омск)	
ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРАКТИВНО-МУЛЬТИМЕДИЙНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ К УЧЕБНИКУ 汉语新起点 НА УРОКАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	339
Yu.S. Mytsik, A.I. Ivanova (Omsk)	
THE ADVANTAGES OF USING INTERACTIVE MULTIMEDIA SUPPLEMENT TO CHINESE COURSE BOOK “汉语新起点”	340
Хойлова У.А. (Иркутск)	
ПОНЯТИЕ «СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БУРЯТ И ЯПОНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)	345
U.A. Khoilova (Irkutsk)	
THE CONCEPT OF «FAMILY VALUES» IN LANGUAGE OF BURYAT AND JAPANESE (ON THE MATERIAL OF PROVERBS AND SAYINGS).....	345

Научное издание

КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКИ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

**Материалы международной
научно-практической конференции**

(16-17 октября 2014 г.)

ISBN 978-5-88267-405-1

Подписано в печать 25.02.2015. Формат 60х90 1/16.

Печать трафаретная. Уч.-изд. 22,75 л.

Поз. плана 7. Тираж 100 экз. Заказ

Московский государственный лингвистический университет

Евразийский лингвистический институт

664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8

Изготовлено в ООО «Репроцентр А 1»

г. Иркутск, ул. Ал. Невского, 99/2

тел. 540-940